

19293

Дружеству любителей истории
на добрую память
от автора

ВИЗАНТІЙСКІЯ СКАЗАНІЯ.

ЧАСТЬ I.

РАЗСКАЗЫ О МУЧЕНИКАХЪ.

П. БЕЗОБРАЗОВА.

Юрьевъ.

Типографія-К. Маттисена.

1917.

Отд. отгискъ ивъ журнала „Византійское Обзорѣніе“, т. I и II (1915 и 1916).

2661

1992

Оглавление.

	Стр.
Глава I. Цель и источники	4
Глава II. Древнейшие мученики	15
Глава III. Подлинные мученики	61
Глава VI. Мученик Аполлония	83
Глава V. Протоколы	107
Глава VI. Эволюция и классификация	142
Глава VII. Сказочные мотивы	206
Глава VIII. Романы	236
Глава IX. Идеалы и действительность	285

Опечатки.

Стр.	Стр.	Напечатано :	Должно быть :
1	22	до сихъ	до сихъ поръ
5	1	Ахиллея	Ахиллеса
16	прим. 1	предположилъ	предложилъ
20	27	постъ	пачинался постъ
27	13	для	дня
47	прим. 1	обычай	обычаѣ
47	прим. 1	сѣдять	сѣдать
71	прим. 2	<i>βολωνειου</i>	<i>βαλωνειου</i>
72	36	и	не
75	прим. 1)		2)
75	прим. 2)		1)
99	19	пзбранное	паданное
105	1	повѣствуютъ	повѣствуютъ
118	27	дѣло	дѣла
120	2	по	на
121	8	Случилось	Случилось
123	20	вемю	вемю
123	21	до сихъ	до сихъ поръ
123	33	напрягъ	напряган
124	16	страдагу	страдагу
124	19	говорить	говорить
128	24	внутренняя	внутренняя
133	2	права	правда
135	8	не существующей	еще не существовавшей
146	11	не установлено	не установлена
155	19	тюрьмѣ	тюрьму
168	32	богобоязвеннаго	богобоязвеннаго
171	21	къ человѣку	человѣка
188	33	кладугъ	кладутъ
193	22	никогда	тогда
193	23	не	уже
194	22	ови	оцѣ
197	30	остатки	остатки
198	прим. 2	Поликапра	Поликариа
206	3	Мамы	Маманта
211	34	Тобй	Тобой
220	18	еиміанъ	еиміамъ
225	24	и не	и оцѣ не
230	2	выказываются	оказываются
233	28	отправлась	отправилась
234	11	пвоблгчить	пвоблгчить
234	14	появилась	появилась
234	16	разбѣжались	разбѣжились
234	21	проконсулъ не существующей	не существующій проконсулъ
238	3	злототканная	златотканная
242	29	паралитичную	паралитичную
251	2	прочествуетъ	пророчествуетъ
252	28	нѣкоторые	нѣкоторые
259	38	получилъ	получилъ
264	5	удовольствіемъ	удовольствіемъ
268	2	любви	любви
307	2	проконсулы никогда не существовавшей	не существовавшіе проконсулы
307	3	Европы	Европы и равше чѣмъ она вовникла
308	20	любовь	любовь
312	35	остатки	остатки
318	прим. 1	по	не

Византійскія сказанія.

Рассказы о подвигахъ, совершенныхъ мучениками, и житія святыхъ составляли любимое чтеніе византійскаго общества. Безграмотный народъ питался преимущественно сказками, люди образованные наслаждались риторическими словоизвитіями и назидательными сочиненіями съ описаніемъ всякихъ ужасовъ и невѣроятныхъ происшествій. Значительная часть маленькой библиотеки помѣщика XI вѣка Воилы состояла изъ сборниковъ житій святыхъ. Мѣсто современной беллетристики занимали сказанія о временахъ давно прошедшихъ, когда наравнѣ съ богатыремъ Дигенисомъ герои боролись со злодѣями, съ язычниками, съ поклонниками бѣсовъ, съ римскими императорами.

Въ изящную литературу того времени входили два рода, отличавшіеся другъ отъ друга самими византійцами и ими почти никогда не смѣшивавшіеся: мартиріи и житія. И хронологически и психологически мартирій предшествуетъ житію. Сначала рассказъ о подвигѣ лица, боровшагося за вѣру противъ безбожниковъ, потомъ біографія совершеннаго человѣка, который ведетъ богоугодную жизнь по правиламъ, установленнымъ церковью. Въ первомъ случаѣ идеальный моментъ, во второмъ идеальная жизнь.

Въ мартиріяхъ и житіяхъ видятъ до сихъ историческіе памятники, ими пользуются наравнѣ съ лѣтописями, надписями и официальными документами. Такой взглядъ имѣетъ вѣковую традицію. Въ концѣ 17-го вѣка трудолюбивый бенедиктинецъ Рюинарь, принадлежавшій къ конгрегаци св. Мавра, собралъ рассказы о древнѣйшихъ мученикахъ и назвалъ ихъ „подлин-

ными актами“, которые должны занимать первое мѣсто послѣ Свящ. Писанія. По мнѣнію Рюинара подлинныя акты мучениковъ основаны на судебныхъ протоколахъ, которые христіане добывали за деньги у римскихъ стенографовъ. Кромѣ того, нѣкоторые христіане во время допроса мучениковъ смѣшивались съ толпой язычниковъ и записывали вопросы судьи и отвѣты подсудимыхъ. Наконецъ мученики сами вели свои дневники¹⁾. Слова Рюинара повторяются въ теченіе 225 лѣтъ и его послѣдователями, болландистами, и протестантскими богословами. Ученые все еще дѣляютъ рассказы о мученикахъ на подлинныя и неподлинныя, на документальныя и недостоверныя²⁾.

Не мѣшаетъ пересмотрѣть этотъ вопросъ, хотя для окончательнаго его рѣшенія необходимо овладѣть всѣмъ относящимся сюда матеріаломъ, а сдѣлать это очень трудно. Греческія мартиріи печатаются уже около 250 лѣтъ, но до сихъ поръ мы имѣемъ критическія изданія только отдѣльныхъ мученичествъ, нѣтъ собранія этихъ въ высшей степени важныхъ и интересныхъ памятниковъ. Ихъ приходится разыскивать по фоліантамъ болландистовъ (*Acta Sanctorum* 66 т.), по ихъ повременному изданію (*Analecta Bollandiana* 34 т.), по разнымъ книгамъ и журналамъ, изъ которыхъ нѣкоторыхъ не имѣется даже въ столичныхъ книгохранилищахъ, не говоря уже о провинціальныхъ городахъ. Объять и обслѣдовать весь этотъ обширный матеріалъ нелегко. Специальныхъ подготовительныхъ работъ все еще очень мало. Ученые занимались главнымъ образомъ древнѣйшими мученичествами и только въ видѣ исключенія другими. Поэтому необходимо ограничивать свой трудъ, и я останавливаюсь на эпохѣ дометафрастовой и подвергаю разсмотрѣнію только мартиріи и житія, изданныя отдѣльно, совершенно устраняя агиографическія

1) *Acta primorum martyrum sincera et selecta opera et studio Domni Theoderici Ruinart presbyteri et monachi Benedictini e congregatione s. Mauri. Parisiis 1689.* Въ предисловіи авторъ говоритъ: *post sacras scripturas nihil nobis sanctius atque antiquius esse debet quam primigena et genuina martyrum acta, quae veneranda nobis antiquitas hactenus illibata servavit.*

2) Въ 1907 г. Эргардъ въ своей рѣчи говоритъ тоже о подлинныхъ (*die echten, d. h. historischen Quellenwert besitzenden Martyrien*) и не подлинныхъ мартиріяхъ (*die unechten Märtyrerlegenden*). *A. Ehrhard. Die griechischen Martyrien. Strassburg 1907. (Schriften der wissenschaftl. Gesellschaft in Strassburg, Hf. 4).*

сборники (минеи и синаксаріи), хотя нѣкоторыя мученичества извлечены изъ рукописныхъ минологіевъ.

Очень важно прослѣдить эволюцію мартирія. Задача эта, оставшаяся до сихъ поръ въ тѣни, имѣетъ значеніе не только для эпохи гоненій, которая пишется исключительно по рассказамъ о мученикахъ, но и для византійской исторіи вообще. Романы въ Византіи почти не сочиняли. За то постепенно къ разсказу о мученичествѣ приплетали столько сказочныхъ и романическихъ подробностей, что онъ превращался въ интересную выдумку, плѣняющую воображеніе. Всѣмъ, читавшимъ агіографическіе памятники, извѣстно, что среди нихъ имѣется не мало „благочестивыхъ романовъ“, какъ выражаются католическіе аббаты. вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ ученые изслѣдователи утверждаютъ, что до насъ дошли подлинныя мартирія съ выписками изъ судебныхъ протоколовъ. Какимъ же образомъ изъ документа могъ вырасти романъ?

Обслѣдованіе развитія, которому подвергались и мартирія и житія, дастъ отвѣтъ и на другой вопросъ: слѣдуетъ ли видѣть въ агіографіи историческій источникъ или ей надо отвести мѣсто въ иной литературной области? Для рѣшенія такой задачи не достаточно подвергнуть критикѣ отдѣльныя мартирія и отдѣльныя житія. Необходимо дойти до первоначальнаго корня византійской литературы, до античныхъ основъ. Тогда прослѣдимъ мы въ важной области одинъ изъ трехъ потоковъ, создавшихъ византійскую культуру, теченіе эллинское, а кромѣ того найдемъ и слѣды двухъ другихъ вліяній, римскаго и восточнаго.

Изнученіе агіографическихъ памятниковъ дастъ и частный отвѣтъ на самый общій вопросъ, котораго не долженъ обходить византизмъ. По какому направленію двигалась византійская исторія? Развивалось ли византійское общество въ сторону прогресса, или наоборотъ шло назадъ?

Разказы о мученикахъ.

ГЛАВА I.

Цѣль и источники.

Въ большинствѣ случаевъ мученичества представляютъ разказы, въ которыхъ цѣль прямо не указана. Изъ тѣхъ семи мучиріевъ, которые считаются древнѣйшими и современными описаннымъ имъ событіямъ, только два снабжены предисловіями.

Въ предисловіи къ мучирію Поликарпа говорится, что всѣ мученичества происходятъ по волѣ Божіей и что Поликарпъ претерпѣлъ страданія, дабы и мы сдѣлались, какъ онъ, подражателями (*μιμηται*) Господа¹⁾. Въ разказѣ о Перпетуѣ назидательная цѣль выражена еще яснѣе. „Если древніе примѣры вѣры, свидѣтельствующіе о славѣ Божіей и доставляющіе людямъ назиданіе, написаны съ тою цѣлью, чтобы при чтеніи ихъ и Богъ прославлялся и человекъ укрѣплялся въ вѣрѣ, почему бы не записывать новыя примѣры, приносящія ту же пользу? Въ послѣдніе дни, говоритъ Господь, излю отъ Духа Моего на всякую плоть и будутъ пророчествовать сыны ваши, и дочери ваши, и юноши ваши будутъ видѣть видѣнія, и старцы ваши сновидѣніями вразумляемы будутъ (Дѣян. Апост. II, 17). Мы же, которые приняли, уразумѣли и почитаемъ пророчества и новыя видѣнія, и всѣ силы Духа Святого, дарованныя церкви, воспоминаемъ и въ назиданіе вводимъ, дабы всѣ имѣли общеніе со святыми мучениками“. Въ заключеніи этого повѣствованія сказано слѣдующее: „О мужественнѣйшіе и блаженнѣйшіе мученики и избранные воины, призванные для прославленія Господа Иисуса Христа, какъ возвеличить и ублажать намъ васъ, мужественнѣйшіе воины? Не менѣе чѣмъ древнія писанія слѣдуетъ для назиданія церкви (*εις οικοδομήν ἐκκλησίας*) читать о подвигахъ блаженныхъ мучениковъ²⁾. Слѣдовательно, разказъ о мученичествѣ назидательное чтеніе, которое наравнѣ съ Свящ. Писаніемъ можетъ быть пронаведено и дома и въ церкви. Мучиріи Нирея

1) O. Gebhardt. Acta martyrum selecta p. 1. I Коринт. XI, 1. Будьте подражателями мнѣ, какъ я Христу.

2) Ibid. p. 61—63, 94—95.

и Ахиллея разсказывается, также для назиданія людей, желающих угодить Богу (*πρὸς οἰκονομίην τῶν ἀπευδόντων ἀρέσαι Θεῷ*)¹⁾.

Неоднократно повторяется, что разсказъ о мученичествѣ долженъ служить примѣромъ для подражанія. Въ предисловіи къ мартирію Піонія читаемъ слѣдующее: Апостоль въѣщевааетъ принимать участіе въ воспоминаніяхъ о святыхъ (*ταῖς μνείαις τῶν ἁγίων κοινωμεῖν*)²⁾ зная, что вспоминать о совершенномъ въ вѣрѣ отъ всего сердца укрѣпляетъ желающихъ подражать подвигамъ³⁾. Въ предисловіи къ мученичеству шестидесяти трехъ, пострадавшихъ въ Иерусалимѣ при Львѣ Исаврѣ, говорится: „Житія блаженныхъ мужей, аскетическіе труды и мученическіе подвиги, предлагаемые къ слушанію боголюбивымъ ушамъ, согрѣваютъ соревнованіемъ къ подобному при подобныхъ обстоятельствахъ и дѣлаются какъ бы путеводною рукою имѣющимъ душу благородную, мужественную и не утрачиваемую трудностями пути. Ибо ничто не можетъ такъ окрылить душу, убѣдить ее пойти посреди затрудненій и выказать непоколебимую твердость въ опасностяхъ, какъ существованіе многихъ предшественниковъ и подражаніе примѣрамъ, чтобы не оказаться въ чемъ-нибудь ниже ихъ твердости и устойчивости⁴⁾. Въ мартиріи Никиты говорится: Хорошо справлять память святыхъ мучениковъ и описывать ихъ дѣянія, дабы прославились восхваляемые и слушающіе ихъ соревновали имъ въ добродѣтели⁵⁾. Авторъ мученичества Прокопія находитъ, что полезное зрѣлище представляютъ нападенія діаволовъ на рабовъ Христа и то обстоятельство, что сила, которую придаетъ мученикамъ Единородный Сынъ Божій, оказывается выше діавольской и побѣда остается на сторонѣ Бога⁶⁾.

Въ предисловіи къ житію и мученичеству Галактіона и Эпистими авторъ говоритъ: Возлюбленные братья, выслушайте разсказъ, который полезенъ душамъ вашимъ и особенно спасителенъ (*ὀπάρχει μαν ὀφέλιμος*) для того, кто дѣлается не только слуша-

1) H. Achelis. Acta Nerei et Achillei (Texte u. Untersuchungen zur Gesch. d. altchristlichen Literatur von O. Gebhardt und A. Harnack. Bd. XI, 2).

2) Въ Посл. къ Римл. XII, 13, въ нуждахъ святыхъ принимайте участіе.

3) Gebhardt, p. 96.

4) Прав. Палест. Сборникъ, вып. 57, стр. 153.

5) Analecta Bolland. XXXI, 209.

6) H. Delehaye. Les légendes grecques des Saints militaires p. 214.

телемъ, но и исполнителемъ, какъ говоритъ апостоль Павель: не слушатели закона праведны предъ Господомъ, но исполнители закона оправданы будутъ (Римл. II, 13). Увѣщаваю васъ, возлюбленные братья, запечатлѣйте въ душахъ вашихъ мученичество, которое я вамъ расскажу, и соревнуя съ нимъ поспѣшите стать исполнителями, а не только слушателями¹⁾. Приступая къ разсказу о мученичествѣ Зинова, авторъ говоритъ: „Слѣдуетъ распространять среди слушателей сообщенія о борьбѣ мучениковъ для познанія истины и для изобличенія тиранновъ. Итакъ, попытаемся изобразить труды блаженнѣйшаго Зинова, боговдохновенный его нравъ и терпѣнне его во время пытокъ, чтобы еще болѣе прославился Богъ, дарующій слабости человѣческой такую выдержку и побѣду“²⁾. Въ позднемъ мартиріи Зиновиды указана специальная цѣль, доказать, что нѣтъ никакого препятствія къ соблюденію цѣломудрія, т. е. къ слѣдованію по пути аскетизма. Въ повѣствованіи о подвигахъ Сиры, пострадавшей въ 28-й годъ царствованія Хосроя, которое не могло быть написано раньше конца 6-го вѣка, мы читаемъ: Многія начала спасенія были заранѣе заложены для рода человѣческаго и помѣщены въ божественныхъ писаніяхъ для нашего воспитанія, и божественными словами въ нихъ провозглашенными мы обучаемся добродѣтели, и дѣлами въ нихъ явно выраженными мы руководимся къ благу. Но человѣколюбиво и многообразно побуждая насъ къ совершенному благодѣанію, Богу угодно въ настоящее время воспламенить наше усердіе не только на основаніи написанной исторіи, но и на основаніи видѣнныхъ нами дѣяній, дабы древнимъ подвигамъ вѣрили чрезъ новыя и новыя подвиги украшались чрезъ древніе³⁾. Авторъ, повѣствующій о мученичествѣ Фоки, говоритъ, что онъ пишетъ съ тою цѣлью, чтобы подражая его борьбѣ мы соревновали ему⁴⁾. Въ предисловіи къ разсказу о мученичествѣ Евстаѳія говорится слѣдующее: сама природа предоставляетъ людямъ знаніе для проявленія добродѣтели, обучая дѣлать ближнему то, что онъ самъ желалъ бы

1) Acta Sanctorum. Novembr. III, 35. II Тимое. III, 16. Всякое писаніе богодухновенное и полезно для наученія, для обличенія, для исправленія, для наставленія въ праведности.

2) Act. Sanct. Junii V, 406.

3) Acta Sanct. Mai IV, 172.

4) Act. Sanct. Julii III (стр. изд.), 639.

испытать, воздавая благодѣтелю Богу благодарность, которую онъ самъ требуетъ отъ лицъ имъ облагодѣтельствованныхъ. Въ Свящ. Писаніи имѣется множество поученій и дѣяній мужей блаженныхъ и знаменитыхъ, которыя представляютъ одушевленные изображенія для подражанія добрымъ подвигамъ для желающихъ слѣдовать ихъ добродѣтели. Поэтому я рѣшилъ изобразить письменно не только подвиги древнихъ мужей, но и совершенное нынѣ въ наше время для облагодѣльствованія слушателей и для опроверженія утверждающихъ, что теперь невозможно совершать такіе подвиги, какіе совершались въ древнія времена, дабы знали всѣ, что ни тягота времени и обстоятельствъ, ни веденіе запрещеннаго образа жизни не могутъ служить препятствіемъ для совершенія добрыхъ дѣлъ; ибо кто пожелаетъ слѣдовать прежде всего естественному закону, а затѣмъ поученіямъ вышеупомянутыхъ святыхъ отцовъ, тотъ легко найдетъ путь добродѣтельнаго житія. Таковы мужи, о которыхъ мы собираемся рассказывать, житія которыхъ я буду описывать съ самаго начала, а въ концѣ изъ ихъ дѣяній выводить имъ похвалу¹⁾.

Помимо нравоученія составители мученичествъ преслѣдовали и другую цѣль, которую настойчиво предъявляла сама жизнь, это оправданіе реликвій. Черезъ нѣкоторое время послѣ торжества христіанства стали появляться мощи, начали показывать могилы, гдѣ по преданію погребены были праведники. На этихъ мѣстахъ строили церкви во имя святыхъ и понадобились оправдательные документы. Вѣрующіе не могли довольствоваться сухимъ перечнемъ именъ, занесенныхъ въ календари, они хотѣли знать, чѣмъ прославились святые. Слѣды этой потребности мы находимъ во многихъ мартиріяхъ, обыкновенно въ концѣ ихъ.

Въ заключеніи мартирія Мины, египетскаго уроженца, говорится слѣдующее: боголюбезные люди позаботились объ остаткахъ мученика и собравъ части тѣла, уцѣлѣвшія отъ огня, обвили ихъ чистымъ полотномъ (*σινδών καθαράς*)²⁾ и умастили миромъ и ароматами, немного спустя увезли на его родину, какъ наказанъ имъ передъ своей кончиной мученикъ Христовъ³⁾. Въ

1) Patr. gr. t. 105, p. 376—377.

2) Mat. XXVII, 59. *σινδών καθαράς*, и взявъ тѣло, Иосифъ обвилъ его чистомъ плащавицею (полотномъ).

3) Analect. Bolland. III, 270.

разсказъ о 10 мученикахъ, пострадавшихъ на Критѣ при императорѣ Деціи, авторъ сообщаетъ, что одинъ изъ нихъ, именно Евпоръ, передъ казнью отдалъ своей благочестивой родственницѣ кольцо, которое онъ носилъ на пальцѣ, и евангеліе, которое носилъ на шеѣ, дабы свершилось Писаніе: „не бросайте святыню псамъ“, и евангеліе это хранится до сихъ поръ въ св. храмѣ, послѣ этого построенномъ на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ надѣлъ вѣнецъ нетлѣвнїя. А тѣла мучениковъ были найдены нетлѣнными въ Алоніи на Критѣ¹⁾. Эмилианъ пострадалъ въ царствованіе Юліана Отступника отъ руки префекта Капетулина. Послѣ его казни жена Капетулина, бывшая христіанкой, попросила выдать ей тѣло Эмилиана, оставшееся нетронутымъ, хотя онъ былъ приговоренъ къ сожженію живымъ, и торжественно похоронила его въ мѣстѣ Гидина, въ 3 миляхъ отъ Доростола, помазавъ его миромъ и положивъ въ раку²⁾. Тѣло Зинова, которому отрубили голову въ первый годъ царствованія Максиміана, благочестивыя дѣвы тайно унесли и похоронили въ Филадельфїи³⁾. Въ мученичествѣ Февронїи, пострадавшей при Діоклеціанѣ, подробно описывается, какъ принесли ея останки въ монастырь и какъ празднуется ея память⁴⁾. Тѣло мученицы Гликерїи, жившей при императорѣ Антонинѣ, ваялъ епископъ Дометій и похоронилъ близъ города Траянополя⁵⁾. Останки Аникиты и Фокїя, пострадавшихъ при Діоклеціанѣ, нашель впоследствии хор-епископъ Дулкитій и построилъ въ разныхъ мѣстахъ молитвенные дома, между прочимъ и въ Дафнусїи во имя св. Аникиты и Фокїя, гдѣ ежегодно торжественно празднуется память этихъ святыхъ мучениковъ⁶⁾. Мученика Ермія благочестивые люди похоронили въ мѣстѣ Команѣ въ Каппадокїи и при видѣ святыхъ его останковъ масса народа увѣровала въ Христа⁷⁾. Останки Адриана, пострадавшаго при Лициніи, снесли въ Византію и положили въ церковь, находившуюся въ Аргирополѣ, противъ

1) *A. Παπαδόπουλος Κεραμεύς. Ἀνάλεκτα ἱεροσολ. σταχ., IV, 234, 236.*

2) *Acta Sanct. Julii IV, 376.*

3) *Act. Sanct. Junii V, 411.*

4) *Ibid. Junii VII, 31.*

5) *Ibid. Mai III, 15 (прилож.).*

6) *Ibid. August. II, 709.*

7) *Ibid. Maii VII, 419.*

Хрисополя¹⁾. Мартирій Аквиллины кончается такими словами: Мартирій (т. е. церковь) ея и до сей поры находится въ городѣ Бивлосѣ, гдѣ постоянно совершаются исцѣленія больныхъ²⁾. Симпликія послала одного изъ своихъ евнуховъ со многими рабами взять честныя останки мученика Урсикина и положила ихъ въ своемъ имѣніи Каламосѣ въ 22 стадіяхъ отъ города, гдѣ происходятъ чудесныя исцѣленія³⁾. Тѣло мученика Созонта подобрали ночью и мѣсто, гдѣ лежатъ его останки, служить мѣстомъ поклоненія⁴⁾. Останки мученика Панкратія Октавилла взяла потихоньку ночью, снесла въ свой домъ и, умастивъ миромъ и ароматами, положила въ новую гробницу⁵⁾. Тѣло св. Никона было отыскано епископомъ Эмесскимъ Θεодосіемъ, отправившимся на его розыски вмѣстѣ со своимъ духовенствомъ. Θεодосій сдѣлалъ достойную раку для Никона (*ἀξιαν θήκην*) и другую для 199 мучениковъ, вмѣстѣ съ нимъ пострадавшихъ (*ἀντιφωρὸς τοῦ αὐτοῦ ἀγίας σοροῦ τοῖς σὺν αὐτῷ μαρτυρήσαντι ἀγίοις*); тѣла ихъ были найдены цѣлыми, но только обезглавленными и положили ихъ въ мѣстѣ Пастыря (*τοῦ Ποιμένου*) близъ рѣки Асина⁶⁾. Останки мученика Вара Клеопатра положила въ деревнѣ Сирѣ у Фаворской горы и построила тамъ храмъ⁷⁾. Антипу благочестивые христіане положили въ Пергамѣ, гдѣ мы, говоритъ авторъ мартирія, собираемся, возносимъ молитвы и гдѣ совершаются исцѣленія⁸⁾.

Третья цѣль, которую преслѣдовали авторы мартиріевъ, дать не только назидательное, но и занимательное чтеніе. Цѣль эта явствуется изъ содержанія и прямо выражена въ видѣ исключенія. „Выслушайте странный и удивительный рассказъ (*διήγησιν ξένην καὶ παράδοξον*), говоритъ авторъ мученичества Галактиона и Эпистиміи, напоминающаго романъ⁹⁾. А извѣстный

1) Ibid. August., V, 810.

2) Ibid. Junii III, 171.

3) Ibid. August. III, 163.

4) Ibid. Septembr. III, 19.

5) Мартирій Панкратія. F. Macler. Histoire de S. Azazaïl. p. 17—20 Paris 1902 (Biblioth. de l'école des Hautes études, t. 141).

6) Act. Sanct. Martii III, 17 (стар. изд. приложение).

7) Ibid. Octobr. VIII, 435.

8) Ibid. Aprilis II, 966.

9) Ibid. Novembr. III, 35.

романъ о Варлаамѣ и Іоасафѣ называется тоже душеспасительной исторіей (*istoria psychopelēs*).

Само собою разумѣется, что дѣль, преслѣдовавшаяся сочинителями мартиріевъ, не требовала отъ нихъ историческихъ изысканій; совершенно достаточно было разсказовъ. Въ повѣствованіи о мученичествѣ Поликарпа Смирнскаго, которое считается древнѣйшимъ и которое написано отъ имени Смирнской церкви, имѣется ссылка на очевидцевъ. Когда Поликарпъ вошелъ на ипподромъ, послышался голосъ съ неба: „Крѣпись, Поликарпъ, и мужайся“. „Говорившаго никто не видѣлъ, замѣчаетъ авторъ письма, голосъ же присутствовавшіе изъ нашихъ слышали“. Дальше, сообщая о чудѣ, совершившемся, когда собирались сжечь Поликарпа, авторъ прибавляетъ: „мы увидѣли чудо, именно тѣ, кому дано было видѣть¹⁾“.

Въ тѣхъ мученичествахъ, которыя никоимъ образомъ не могутъ претендовать на древность и которыя несомнѣнно не были написаны при римскихъ императорахъ, появляются фантастическіе источники, именно записи самихъ мучениковъ или лицъ, при нихъ находившихся. Перпетуя вела будто бы свои записки, сидя въ тюрьмѣ. Когда Піоній былъ призванъ къ Господу и претерпѣлъ мученичество, онъ оставилъ это сочиненіе для поученія нашего, сообщаетъ въ предисловіи авторъ мартирія²⁾. Въ концѣ разсказа о мученикахъ Іонѣ и Варахисіи, пострадавшихъ въ 327 г. въ Персіи, наполненномъ всякими невѣроятными подробностями, мы читаемъ: „Это повѣствованіе о святыхъ написалъ нѣкій Исаія, сынъ Адава, изъ страны Араанинской, всадника царя персидскаго Сапора, который вмѣстѣ съ архимагами (пытавшими и судившими мучениковъ) присутствовалъ въ качествѣ лица, слышавшаго и видѣвшаго происходившее; присутствуя при мученичествѣ и все въ точности увидѣвъ и услышавъ отъ начала и до конца, онъ посгѣшилъ записать это для назиданія, пользы и спасенія читателей, и чтобы и другіе стали ревнителями таковой добродѣтели ради Христа³⁾. Слѣдовательно, персидскій всадникъ 4-го вѣка написалъ повѣствованіе на греческомъ языкѣ и заботился о назиданіи хри-

1) O. Gebhardt. Acta martyrum selecta p. 5, 8.

2) Ibid., p. 96.

3) Analect. Bolland. XXII, 407.

стіанъ. Въ послѣсловіи къ повѣствованію о страданіяхъ великомученицы Екатерины, которое ея издатель аббатъ Вито называетъ благочестивымъ романомъ, сказано: это повѣствованіе написалъ я, Аванасій, скорописецъ и рабъ госпожи моей Екатерины¹⁾. Мартирій Ирины, представляющій настоящую сказку, написанъ будто бы старцемъ Ампеліаномъ, учившимъ мученицу, когда она въ возрастѣ 5 лѣтъ была засажена отцомъ въ башню²⁾. Мартирій жившаго въ Никомидіи Филетера, въ которомъ упоминается уже благочестивый и боговѣнчанный царь Константинъ, написанъ будто бы тремя никомидійцами Анеимомъ, Теодоромъ и Картеріемъ, выдававшими себя за философовъ, чтобы скрыть свою христіанскую вѣру, на славу Божию, на пользу слушателямъ³⁾. Въ послѣсловіи къ разсказу о Февроніи, гдѣ совсѣмъ не соблюдена историческая обстановка и гдѣ въ царствованіе Діоклеціана мы видимъ вполне развитую монастырскую жизнь, говорится слѣдующее: я, Омаида, послѣ смерти Вріены приняла служеніе ея (т. е. сдѣлалась игуменіей того монастыря, гдѣ подвизалась Февронія) и зная съ самаго начала все касавшееся Февроніи, затѣмъ и остальное отъ Лисимаха (языческаго начальника, подвергавшаго пыткамъ христіанъ) описала все житіе ея въ хвалу и славу подвижницы и мученицы Февроніи⁴⁾.

Въ концѣ мученичества Теодота Авкирскаго, отличающагося подробностями беллетристическаго свойства, мы читаемъ: Все это со всякою точностью вамъ, боголюбезнымъ братьямъ, издаде я (*ἐξέδωκα ὑμῖν*), смиренный Нилъ, который въ тюрьмѣ находился съ нимъ (Теодотомъ) и зналъ все то, что довелъ до вашего свѣдѣнія, постоянно заботясь о правдѣ, чтобы и вы слушая съ вѣрой и полной увѣренностью получили удѣлъ со святымъ мученикомъ Теодотомъ⁵⁾. Въ заглавіи разсказа о мученичествѣ Никона, похожаго на романъ, сказано, что онъ написанъ Хероменомъ, его товарищемъ, а въ самомъ текстѣ (глава 21) говорится вслѣдъ за пророческимъ сномъ Никона слѣдующее: проснувшись рабъ

1) Passions des Saints Ecatérine et Pierre publiées par l'abbé Joseph Viteau. Paris 1897.

2) A. Wirth. Danae in christlichen Legenden p. 116—148. Wien 1892.

3) Acta Sanct. Maii IV, 312.

4) Ibid. Junii VII, 31.

5) Acta Sanct. Maii IV, 164.

Божій, Никонъ обрадовался радостью великою, прѣславляя и благодаря Бога, и рассказалъ радуюсь рабу, называемому Хероменомъ (т. е. радующимся), служившему ему и жизнь его имѣвшему описать, все, что видѣлъ онъ во снѣ¹⁾.

Примѣромъ самаго фантастическаго источника можетъ служить завѣщаніе сорока мучениковъ. Оно написано въ видѣ посланія: Мелетій, Аэцій и Евтихій узники Христовы по всѣмъ городамъ и селамъ, святымъ епископамъ и всѣмъ прочимъ духовнымъ лицамъ во Христѣ радоватися. Начинается оно такъ: Когда по милости Божіей и по общимъ нашимъ молитвамъ мы совершимъ предстоящій намъ подвигъ и достигнемъ почести высшаго званія, тогда мы хотимъ, чтобы исполнено было это наше желаніе и оставки наши положены были въ селеніи Саринъ. Хотя мы и приходимъ изъ разныхъ селеній, мы избрали одно и тоже мѣсто успокоенія; это постановлено и Духомъ Святымъ и нами одобрено. Поэтому мы, находящіяся при Аэціи, Евтихи и прочихъ во Христѣ братьяхъ просимъ господь родителей нашихъ и братьевъ не предаваться горю, но ревностно содѣйствовать желанію нашему, дабы имъ получить отъ общаго Отца нашего великую мзду за послушаніе и сочувствіе. Кромѣ того мы просимъ всѣхъ, чтобы никто не присвоивалъ себѣ останковъ, которые будутъ извлечены изъ печи и просимъ отдать ихъ вышеупомянутымъ лицамъ²⁾. Въ концѣ этого апокрифическаго документа сказано: мы, сорокъ узниковъ Господа Иисуса Христа подписали рукою одного изъ насъ Мелетія и выше писанное подтвердили, и оно всѣми нами одобрено³⁾. Имена, перечисленные въ завѣщаніи, только частью совпадаютъ съ тѣми, которыя приведены въ мартиріи сорока севастійскихъ мучениковъ, отличающемся сказочнымъ характеромъ.

Въ рѣдкихъ случаяхъ сами авторы указываютъ, что они пользовались литературными источниками. Въ концѣ мученичества шестидесяти говорится слѣдующее: Я, Іоаннъ, простой монахъ, сидя въ своей смиренной келліи и читая прочелъ среди другихъ

1) Acta Sanct. Mart. III p. 18 (прилож.) *καὶ διωπισθεὶς ὁ δοῦλος τοῦ Θεοῦ Νίκων ἐχάρη χάριν μεγάλην δοξάζων καὶ εὐχαριστῶν τὸν Θεὸν καὶ ἐξηγήσατο χάριων τῷ παιδαρίῳ τῷ καλουμένῳ Χαιρομένῳ τῷ διακονούντι αὐτῷ τῷ καὶ τὸν βίον αὐτῷ συγγραψάμεν πάντα ὅσα εἶθεάσατο κατ' ἄναρ.* Имя Хероменъ какъ будто изобрѣнено отъ нѣскольکو разъ употребленнаго слова *χάρη*.

2) Gebhardt. Acta martyrum selecta, p. 166—170.

повѣствованій о мученичествахъ и это повѣствованіе на сирійскомъ языкѣ. И пришедъ въ Іерусалимъ поклониться святымъ мѣстамъ, я спросилъ объ усыпальницѣ святыхъ. И послѣ того, какъ я прибылъ на то мѣсто и съ поклонами облобызалъ святыхъ мощи святыхъ и удостовѣрился, что и исцѣленія ими совершаются, то моею мѣрностью признано было за нужное побудить перевести это на греческій языкъ¹⁾. Въ длинномъ предисловіи къ мученичеству Іерона мы читаемъ: отстаиваніе мучениками Христовыми благочестія и побѣды ихъ мужественности возглашаютъ величіе чудесъ Божіихъ. Никакое слово не достойно священныхъ ихъ подвиговъ и не въ силахъ восхвалить ихъ готовность выказать любовь къ Богу. Тѣ, кто въ свое время присутствовали при борьбѣ мучениковъ, старались сохранить правдивыя о нихъ записи. Поэтому и мы, исполняя просьбу духовнаго друга, повѣствуемъ о непобѣдимости мучениковъ вслѣдствіе ихъ безграничной вѣры, а свѣдѣнія свои извлекли изъ болѣе древнихъ записей, которыми мы воспользовались и которыя пересказали: (*παραφραστικῶ τρόπῳ χρησάμενοι*)²⁾.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно интересно мученичество Кирика и Юлитты. Вслѣдъ за мартиріемъ, изданнымъ въ первый разъ болландистами и сочиненнымъ послѣ смерти Константина В., напечатано письмо епископа Теодора къ епископу Зосиму, написанное не раньше конца VI вѣка и содержащее приблизительно тотъ же рассказъ³⁾. Авторъ задается вопросомъ, какимъ образомъ узнать правду о мученикахъ, пострадавшихъ при Діоклеціанѣ. По его словамъ имѣется мартирологія, которымъ пользуются особенно невѣжественные люди, въ которомъ много неправды и который изложенъ непоследовательно (*μάρτυρολόγιον πολλήν ἔχον πρὸς τὴν ἀλήθειαν τὴν ἐναντιότητα*). Исполняя порученіе Зосимы, Теодоръ старался найти какія нибудь записи о подвигѣ мучениковъ. Но поиски его не увѣнчались успѣхомъ. Поэтому онъ сталъ спрашивать мѣстныхъ сановниковъ (Кирикъ пострадалъ въ Ликаоніи), не знаютъ ли они чего. Маркіанъ, христолюбивый нотарій, бывшій канцелларіемъ царя Юстиніана, когда

1) Прав. Палест. Сборн. вып. 34, стр. 7.

2) Acta Sanct. Novembr. III, 329.

3) Anal. Bolland, I, 194—207.

онъ командовалъ войскомъ (*ἡγούμηνος τῆς στρατοπαιδικῆς ἀρχῆς*) и мудрѣйшій Зиновъ, бывшій тогда его помощникомъ, рассказали о святыхъ то, что слышали они отъ нѣкихъ евпатридовъ, ихъ предковъ, именно, что приснопамятная Юлитта была цвѣтомъ Ликаоніи, вела безупречный образъ жизни и усердно служила Христу, такъ что ежегодно справляется ея память. Пересказавъ мученичество Юлитты и сына ея Киріака, Теодоръ говоритъ въ заключеніе: „Эти свѣдѣнія, согласныя истинѣ, я сообщилъ боголюбивой душѣ твоей; передай это вѣрнымъ людямъ, способнымъ поучать и другихъ, и убѣжденнымъ, что не слѣдуетъ заниматься баснословными писаніями, но вѣрить истинѣ.“¹⁾ Такимъ образомъ истина добывалась при помощи рассказовъ достовѣрныхъ лицъ о томъ, что было 300 лѣтъ тому назадъ, и этимъ рассказамъ вѣрили. Подобнаго рода источники вполне соответствовали той цѣли, которую ставили себѣ авторы.

Въ виду приведенныхъ документальныхъ данныхъ невозможно согласиться со взглядомъ Гарнака на цѣль мучениковъ. „Додіоклеціанова церковь, говоритъ Гарнакъ, владѣла доказательствомъ, что въ ней еще живъ и дѣятеленъ духъ Христовъ, замѣнявшимъ ей всякія другія доказательства, именно мучениковъ, составлявшихъ въ ея представленіи непрерывный рядъ. Подвиги мучениковъ черезъ Христа и ради Христа доказываютъ, что Христосъ живъ въ своей церкви и что церковь мѣсто Его духа. Исторія мучениковъ настоящее продолженіе новозавѣтной исторіи и чудесъ, такъ какъ въ мученикѣ говоритъ и дѣйствуетъ Христосъ. Кто соглашается на казнь ради Другого, тотъ этимъ доказываетъ, что этотъ Другой вполне имъ владѣетъ и его наполняетъ, что его „я“ такъ сказать исчезло въ Другомъ. Никакихъ чудесъ при этомъ не нужно, мужество, съ которымъ мученикъ предъ лицомъ смерти признаетъ себя христіаниномъ и увѣнчанная побѣдой борьба съ діаволомъ уже есть величайшее чудо, принимая во вниманіе слабость человѣческой природы. Это древній и повсемѣстно господствующій въ церкви взглядъ на мучениковъ. Благодаря этому въ додіоклеціановой церкви чудеса не играли той роли, какую играли они въ 5-мъ и слѣдующихъ столѣтіяхъ. Вѣра

1) Если мы предположимъ, что письмо Теодора апокрифическое, все же историческій методъ, которому тогда слѣдовали, вполне достовѣренъ.

не нуждалась въ чудесахъ для доказательства, что церковь продолжаетъ быть церковью апостоловъ. Это доказывали мученичества. Если въ этомъ заключается существенное значеніе мученичества для церкви, изъ этого слѣдуетъ, что мученики въ додіоклеціаново время были настоящимъ и необходимымъ прибавленіемъ къ Новому Завѣту и что о нихъ надо судить съ такой точки зрѣнія.“ Поэтому требовалась достовѣрность мученическихъ актовъ. „Мученики, продолжаетъ Гарнакъ, преслѣдовали совсѣмъ другую цѣль, чѣмъ свѣтская литература (занимательные и чудесные рассказы). Они не стремились быть занимательными или назидательными въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, они желали быть документами, подтверждающими тотъ фактъ, что Христосъ продолжаетъ жить въ своей церкви, и принадлежать поэтому къ достовѣрной литературѣ Священной исторіи¹⁾).

Гарнакъ навязалъ авторамъ мученичества отвлеченную богословскую цѣль, которой онъ себѣ не ставилъ и которая въ древнѣйшій періодъ была совсѣмъ не нужна. Первые христіане не сомнѣвались въ томъ, что они члены общины, основанной апостолами, и что Христосъ посреди нихъ. Никому въ голову не приходило, что для такой простой истины требуются доказательства. Даже древнѣйшіе мученики едва ли написаны раньше Діоклеціана, а для той эпохи, когда христіанство восторжествовало, подвиги мучениковъ служили назидательнымъ примѣромъ стойкой вѣры, а чудесные и баснословные рассказы нравились публикѣ своей занимательностью.

ГЛАВА II.

Древнѣйшіе мученики.

Древнѣйшіе мученики это тѣ, которыми пользовался и которые написалъ Евсевій Кесарійскій, которые, слѣдовательно, несомнѣнно существовали въ первой четверти 4-го вѣка.

Письмо Смирнской церкви²⁾.

Относительная древность рассказа о мученичествѣ Поликарпа документально доказана. Имъ пользовался Евсевій въ своей

1) А. Нагпасск. Das ursprüngliche Motiv der Abfassung von Märtyrerakten in der Kirche, p. 115, 118 (Sitzungsberichte d. Preuss. Akad. d. Wissenschaften. Berlin 1910).

2) Письмо Смирнской церкви, повѣствующее о мученичествѣ Поликарпа,

церковной исторіи (IV, 15) и сначала изложилъ его своими словами (гл. 1—7), а затѣмъ привелъ буквально (гл. 8—19). Текстъ Евсевія только въ нѣкоторыхъ мелочахъ разнится отъ нашего теперешняго текста (напр. у Евсевія *ὄχημα* вмѣсто *καροῦχα*), и онъ несомнѣнно читалъ тотъ же самый мартирій и подъ тѣмъ же заглавіемъ. Изъ этого видно, что посланіе Смирнской церкви, излагающее мученичество Поликарпа, имѣлось въ той самой редакціи, въ какой мы его читаемъ, уже въ то время, когда Евсевій писалъ свою церковную исторію (325—326 г.).

Мартирій Поликарпа написанъ въ видѣ письма и имѣетъ слѣдующее заглавіе: Церковь Божія, находящаяся въ Смирнѣ, церкви Божіей, находящейся¹⁾ въ Филомиліи²⁾ и воѣмъ приходамъ (*παροικίαις*)³⁾ святой католической церкви, гдѣ бы они не находились, милость и миръ и любовь Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа да умножится. Кончается письмо слѣдующими словами: „Вы просили черезъ многихъ лицъ сообщить вамъ о томъ, что произошло, и мы въ настоящее время извѣщаемъ васъ о самомъ важномъ (*ὡς ἐν κεφαλῇ*)⁴⁾ чрезъ брата нашего Маркіона; узнавъ это, перешлите письмо и дальнимъ братьямъ (*τοῖς ἐπέκεινα*), чтобы и тѣ прославляли Господа, дѣлающаго избранниками (*ἐκλογὰς ποιούμενον*)⁵⁾ своихъ рабовъ (т. е.

издавалось много разъ. Изданіи указаны Барденгевекомъ (O. Bardenhewer. Geschichte der altkirchlichen Literatur II, 616) и Йорданомъ (H. Jordan. Geschichte der altchristlichen Literatur, p. 85). Заслуживаютъ вниманія изданія Пана и Лайтфута, снабженные примѣчаніями. Я ссылаюсь на изданіе O. Gebhardt. Ausgewählte Märtyrerakten. Berlin 1902. Нѣмецкій переводъ напечатанъ въ Kemptener Bibliothek der Kirchenväter, англійскій сдѣланъ англиканскимъ епископомъ Лайтфутомъ (J. Lightfoot. The apostolic fathers. P. II v. III (2 ed.), 477—487). Французскій очень неточный переводъ, похожій скорѣе на изложеніе, въ книгѣ бенедиктинскаго монаха Леклерка (H. Lecerq. Les martyrs I, 67—89). Нѣсколько поправокъ къ тексту предположилъ Шварцъ. E. Schwartz, De Plonio et Polycarpo. Göttingen 1905.

1) Тотъ же самый глаголъ и очевидно въ томъ же значеніи употребленъ, какъ transitivum (*ἡ ἐκκλησία ἡ παροικοῦσα Σμύρναν*) и какъ intransitivum (*τῆ παροικοῦσῃ ἐν Φιλομηλίῳ*). Глаголъ этотъ встрѣчается въ книгахъ Нового Завета только два раза (Лук. XXIV, 18 и Евр. XI, 9) и въ смыслѣ переселенія. Въ письмѣ Поликарпа: *τῆ ἐκκλησίᾳ Φιλιπποῦς*.

2) Филомилія небольшой городъ во Фригіи.

3) J. Ropes. The apostolic age, p. 285. London 1906.

4) Евр. VIII, 1 *κεφάλαιον δὲ ἐπὶ τοῖς λεγομένοις*, главное же въ томъ, о чемъ говоримъ.

5) II Петр. I, 10 *σπουδάσατε ἐκλογὴν ποιῆσθαι*. Римл. XI, 7 *ἡ δὲ ἐκλογὴ ἐπέτευχεν* (въ смыслѣ *ἐκλεκτοί*).

выдѣляющаго избранниковъ въ лицѣ мучениковъ); могущему же всѣхъ насъ въ благодати своей и дарѣ (*ἐν τῇ αὐτοῦ χάριτι καὶ δωρεῇ*)¹⁾ ввести въ царство Его небесное чрезъ Сына Его единороднаго Иисуса Христа слава, честь, сила и величіе во вѣки. Привѣтствуйте всѣхъ святыхъ. Васъ привѣтствуютъ съ нами находящіеся и Еварестъ, написавшій (т. е. это письмо) со всѣмъ домою²⁾. По формѣ письмо Смирнской церкви напоминаетъ апостольскія посланія, которымъ оно намѣренно подражаетъ. Нѣкоторыми выраженіями оно совпадаетъ съ письмомъ Климента Римскаго къ коринѳянамъ³⁾. Въ концѣ посланія ап. Павла къ Римлянамъ имѣется привѣтствіе отъ Тертія, написавшаго посланіе⁴⁾, а привѣтствіе отъ Акилы и Прискиллы съ собраніемъ въ домѣ ихъ (I Коринѳ. XVI 19) подало можетъ быть поводъ сказать: Еварестъ со всѣмъ домою. Въ виду подражательнаго конца письма Смирнской церкви, не вошедшаго въ исторію Евсевія, выводы изъ него надо дѣлать съ величайшею осторожностью. Въ немъ есть одинъ признакъ глубокой древности: послѣдователи Христа называются святыми. Но изъ того же письма мы узнаемъ, что Поликарпъ называлъ себя христіаниномъ, и выраженіе „святые“ приходится отнести къ подражательнымъ архаизмамъ⁴⁾.

Къ письму Смирнской церкви приложено послѣсловіе, которое въ современныхъ изданіяхъ печатается обыкновенно въ видѣ гл. 22 и легко можетъ ввести въ заблужденіе начинающаго изслѣдователя. Сохранились 2 варианта послѣсловія. Первый вариантъ читается такъ:

„Это Гай переписалъ изъ книгъ (или сочиненій) Иринея, ученика Поликарпа, который подвизался въ одно время съ Иринеємъ. А я Сократъ въ Коринѳѣ переписалъ съ копіи, сдѣланной Гаіемъ. И вновь я Цювій переписалъ съ вышеуказанной

1) Повидимому неловко переданы слова ап. Павла (Ефес. III, 7 *κατὰ τὴν δωρεάν τῆς χάριτος* по дару благодати).

2) I Коринѳ. I, 1. Павелъ церкви Божіей, находящейся въ Коринѳѣ. Ефес. VI, 23. Миръ братіямъ и любовь отъ Бога Отца и Господа Иисуса Христа. I Тимое. I, 2. Тимоеву благодать, милость, миръ. Іуд. 25. Богу чрезъ Иисуса Христа слава и величіе, сила и власть. Zahn, *Patr. apostolic.* I, 70, 158.

3) Римл., XVI, 22 *ἀσπάζομαι ὑμᾶς ἐνὸς Τέρτιος ὁ γράψας τὴν ἐπιστολὴν.* Mart. Polyc. 10, 18 *ὑμᾶς-οἱ σὺν ἡμῖν προσευχόμενοι καὶ Εὐάρεστος ὁ γράψας.*

4) 2 Коринѳ. XIII, 12 *ἀσπάζονται ὑμᾶς οἱ ἄγιοι πάντες.* Mart. Polyc. 10, 17 *προσευχεῖτε πάντας τοὺς ἄγλους.*

копіи, которую я искалъ и которую раскрылъ мнѣ въ таинственномъ откровеніи блаженный Поликарпъ, какъ я сообщу въ дальнѣйшемъ разсказѣ; собралъ я это почти уничтоженное временемъ, чтобы я меня привелъ Господь Иисусъ Христосъ съ избранныками своими въ Царство Его небесное, Ему же слава со Отцомъ и Святымъ Духомъ во вѣки вѣковъ, аминь“.

Второй вариантъ послѣсловія слѣдующій:

„Это переписалъ Гай изъ сочиненій Иринея, который подвизался вмѣстѣ съ Иринеемъ, ученикомъ св. Поликарпа. Тотъ Иринея, находясь въ Римѣ во время мученичества епископа Поликарпа, многихъ училъ; онъ написалъ много прекраснѣйшихъ и правильнѣйшихъ сочиненій, въ которыхъ упоминается Поликарпъ, такъ какъ онъ учился у послѣдняго; онъ удачно изобличалъ всякую ересь и церковный и каеолическій канонъ (*ἐκκλησιαστικὸν κανὼνα καὶ καθολικόν*), какъ принялъ его отъ святого, такъ и передалъ. Въ сочиненіяхъ Иринея написано, что въ тотъ день и часъ, когда въ Смирнѣ совершалъ мученичество Поликарпъ, Иринея, находясь въ Римѣ, услышалъ голосъ, какъ бы изъ трубы, говорящій: Поликарпъ сталъ мученикомъ. Изъ сочиненій Иринея, какъ выше сказано, переписалъ Гай, а съ копіи Гая Исократъ въ Коринѣ. А я Піоній вновь переписалъ съ копіи Исократъ, найдя ее по таинственному откровенію св. Поликарпа и собравъ почти уничтоженное временемъ, чтобы меня ввелъ Господь Богъ со своими избранныками въ Царство Его небесное“.

Второй вариантъ послѣсловія представляетъ развитіе перваго. Конецъ повторенъ буквально, сверхъ того сдѣлана выписка изъ Иринея или изъ Евсевія, приведшаго Иринея (II 332). Что второй вариантъ не могъ быть составленъ раньше 4-го вѣка, видно изъ упоминанія церковнаго каеолическаго канона. Самое важное въ послѣсловіи чудесныя раскрытія. Въ первомъ вариантѣ одно чудо, во второмъ два. Піонію, не знавшему, гдѣ искать разсказъ о мученичествѣ Поликарпа, святой раскрылъ это чудеснымъ образомъ. Къ этому прибавлено, что Иринея услышалъ въ Римѣ голосъ, сообщившій ему о мученической кончинѣ Поликарпа въ Смирнѣ. Послѣсловіе не даетъ намъ ничего достовѣрнаго. Оно было составлено съ цѣлью подтвердить древность и подлинность Смирнскаго письма. Если бы мы вѣрили ему, оказалось бы, что письмо смирнской церкви находилось среди сочиненій

Ириней Лионскаго и было переписано Гаиемъ; затѣмъ эта копія попала въ Коринѣ, и тамъ съ нея сдѣлалъ списокъ некій Исократъ или Сократъ, а копіей послѣдняго воспользовался некій Піоній. Составитель послѣловія имѣлъ вѣроятно въ виду того Гаія, который жилъ въ Коринѣ и который упоминается въ посланіяхъ ап. Павла. (Римл. XVI, 23. I Корине. I, 14).

Этому совершенно неизвѣстному Піонію приписываютъ житіе Поликарпа, изданное впервые аббатомъ Дюшеномъ въ 1881 году¹⁾. Ничѣмъ нельзя доказать, что анонимное житіе написано Піоніемъ, и предположеніе это основано на выше приведенномъ послѣсловіи. По выводу Лайтфута, такъ называемое житіе Поликарпа не могло быть написано раньше середины IV вѣка²⁾, и предположеніе, будто авторомъ его былъ мученикъ Піоній, пострадавшій въ 250 г., ни на чемъ не основано.

Около 40 лѣтъ тому назадъ были выражены сомнѣвія въ подлинности мартирія Поликарпа, но соображенія, высказанныя Шореромъ, Липсіусомъ и Кеймомъ, показались неубѣдительными даже Ренану, и въ послѣднее время ученые изслѣдователи довольно единогласно утверждаютъ, что посланіе Смирнской церкви было написано вслѣдъ за описаннымъ въ немъ событіемъ и что оно передаетъ непосредственныя впечатлѣнія очевидцевъ. Самый же годъ, когда пострадалъ Поликарпъ, твердо не установленъ, не смотря на обширную литературу³⁾.

Между тѣмъ послѣ вышеприведеннаго конца письма Смирнской церкви имѣется приписка, сообщающая какъ будто совершенно точную хронологическую дату. Въ гл. 21 говорится (строкъ этихъ у Евсевія нѣтъ): Блаженный Поликарпъ постра-

1) Оно переиздано *The apostolic fathers* by J. Lightfoot v. III, 433—465.

2) *Ibid.*, p. 429.

3) Одинъ изъ доводовъ, приводившихся въ пользу древности посланія Смирнской церкви, отпадаетъ. Предполагали, что Лукіанъ въ своей сатирѣ на смерть Перегрина, написанной въ 165 г., имѣлъ въ виду Поликарпа. Эгли доказалъ, что Лукіанъ направлялъ свои стрѣлы не противъ христіанъ, а противъ циниковъ, и что онъ не пользовался мученичествомъ Поликарпа. E. Egli, *Lucian und Polykar* (*Zeitschr. f. wissensch. Theologie*. Bd. 26, p. 166—180). На смирнское письмо историки церкви ссылаются, какъ на документъ 155 г. W. Ramsay, *The church in the roman empire*, p. 331 сл. T. Glower, *The conflict of religions*, p. 165. London 1909. Обзоръіе старой литературы можно найти въ статьѣ А. Л., Современная литература о мученической ковчигѣ св. Поликарпа Смирнскаго. (Чтенія въ Общ. любителей духовнаго просвѣщенія 1884 г.).

далъ во 2-й день начинающагося мѣсяца Ксанеика, въ 7-й день предъ мартовскими календами въ великую субботу, въ 8-й часъ; онъ былъ схваченъ Иродомъ при главномъ жрецѣ Филиппѣ Траллианѣ (уроженцѣ города Траллы), когда проконсуломъ былъ Стацій Квадратъ, а во вѣки царствовали Иисусъ Христосъ, которому слава, честь, величїе, вѣчный престолъ изъ рода въ родъ, аминь.

Ксанеикъ 6-й македонскій мѣсяць, первоначально лунный, и намъ извѣстно, что въ началѣ 2-го вѣка въ римской провинціи Азіи, куда входили Фригія, Карія, Лидія, Мизія съ городами Ефесомъ, Смирной, Сардами, Траллами¹⁾, счетъ вели по луннымъ годамъ, когда же установили юліанскій календарь и утвердился солнечный годъ, въ точности неизвѣстно, можетъ быть къ концу 2 вѣка²⁾. Жители Азіи сохранили только одну старую привычку, именно начинали годъ съ осени, съ 23 сентября. Узенеръ составилъ таблицу македонскихъ мѣсяцевъ, вошедшихъ въ такъ называемый Ефесскій календарь, и изъ нея видно, что Ксанеикъ имѣлъ 31 день и соответствовалъ 21 февраля — 23 марта³⁾. Надписи, приведенныя въ книгѣ Лайтфута, доказываютъ, что вплоть до конца 3-го вѣка названія македонскихъ мѣсяцевъ преобладали въ Азіи⁴⁾. Указанное сопоставленіе македонскаго мѣсяца съ римскимъ едва ли правильно. Великая суббота не могла падать на 23 февраля. Это давно уже бросилось въ глаза изслѣдователямъ, и для того, чтобы спасти традиціонное 23 февраля, когда вспоминается св. Поликарпъ, придумывали разныя натяжки. По мнѣнію Этли подъ великой субботой разумѣется первая суббота, съ которой постъ⁵⁾. Мнѣніе это не выдерживаетъ критики. Во второмъ вѣкѣ вплоть до 3-го, говоритъ Ахеллисъ, единственнымъ официальнымъ постнымъ днемъ былъ канунъ Пасхи⁶⁾. Въ срединѣ 3-го вѣка на Востокѣ обязательно было поститься только 6 дней передъ Пасхой. Это совершенно опредѣленно сказано въ Сирійской ди-

1) V. Chapot. La province romaine proconsulaire d'Asie, p. 389—390.

2) Ibid. p. 86, 120.

3) Таблица приведена Лайтфуттомъ (Apost. fath. I 679).

4) Тамъ же стр. 694—695.

5) E. Egli. Altchristliche Studien p. 76. Das Martyrium des Polykarp. Zeit. f. wiss. Theolog. Bd. 25 (1882), p. 246. Онъ настаиваетъ на 23 февраля. (Zeit. f. wiss. Theol. Bd. 34).

6) H. Achelis. Das Christentum in den ersten drei Jahrhunderten, II. 83.

даскалія: въ дни Пасхи поститесь, начиная съ понедѣльника, а въ пятницу и субботу поститесь вполне, не вкушая ничего (V, 18). Празднуйте субботу и воскресенье, говорится въ Апостольскихъ постановленіяхъ (4-го вѣка), потому что эти дни, когда воспоминаются сотвореніе міра и Воскресеніе, и во весь годъ слѣдуетъ соблюдать только одну субботу погребенія Господня, когда подобаетъ поститься, а не праздновать (VII, 23). Слѣдовательно, даже въ началѣ 4-го вѣка, т. е. черезъ 150 лѣтъ послѣ мученичества Поликарпа, не было сплошного 40-дневнаго поста¹⁾, который никоимъ образомъ не могъ начинаться съ субботы. Для спасенія 23 февраля, высказано еще одно предположеніе: мѣсяць ксанникъ соответствуетъ первому еврейскому мѣсяцу нисану, значитъ 2 Нисана было первой субботой въ году, великой субботой²⁾. Чтобы принять это толкованіе, нужно было бы документально доказать, что евреи называли первую субботу послѣ Пасхи великой. И даже въ такомъ случаѣ нельзя было бы думать, что люди, рассказывавшіе о мученичествѣ Поликарпа, хотѣли отгнать, будто святой пострадалъ въ день торжественный для евреевъ. Ненависть къ іудеямъ очень ясно выражена въ письмѣ Смирнской церкви. Іудеи требуютъ вмѣстѣ съ язычниками казни Поликарпа. Когда толпа несетъ дрова и бревна для костра, іудеи, по свойственному имъ обыкновенію, всего больше способствуютъ этому злему дѣлу (гл. 13). Послѣ казни Поликарпа іудеи стерегли его тѣло и усиленно хлопотали, чтобы дорогіе останки не были отданы христіанамъ, и сотникъ поддался ихъ настояніямъ и стерегъ казненнаго Поликарпа (гл. 17 и 18). Если не допускать никакихъ натяжекъ, подъ великой субботой можно разумѣть только одинъ день, пасхальную субботу. Въ Апостольскихъ постановленіяхъ недѣля передъ Пасхой называется великой³⁾. Кромѣ того въ Поликарповскомъ мученичествѣ замѣтна тенденція приурочить его страданія къ страданіямъ Спасителя и слѣдовательно имѣлись въ виду дни пасхаль-

1) F. Funk. *Didascalia et constitutiones apostolorum*, I p. 289, 408. Апостольскія постановленія грозятъ даже низверженіемъ изъ сана клирика, который будетъ поститься по воскресеніямъ или по субботамъ за исключеніемъ одной (VIII, 64). Ипполитъ Римскій (Ком. къ Давіилу гл. 20) говоритъ также, что недовольно поститься въ субботу и въ воскресенье.

2) J. Lightfoot. *Apostolic fathers*. I, 691.

3) *Const. Apost.* VIII, 33 *τὴν μεγάλην ἑβδομάδα πᾶσαν ἀργεῖταισαν οἱ δοῦλοι*. [Funk I, 538].

ные. Однако соображеніе, что македонскій мѣсяць ксаненикъ совпадаетъ съ еврейскимъ нисаномъ, совершенно вѣрно и важно для истолкованія письма Смирнской церкви. Иосифъ Флавій говоритъ объ этомъ три раза¹⁾.

Въ Апостольскихъ постановленіяхъ ксаненикъ называется первымъ мѣсяцемъ, и тогда онъ соотвѣтствовалъ апрѣлю римскаго календаря. Это ясно видно изъ постановленія праздновать Рождество въ 25 день 9-го мѣсяца, а Богоявленіе въ 6-й день 10-го мѣсяца²⁾. Но ксаненикъ по календарямъ македонскому и ефескому былъ шестымъ мѣсяцемъ, и если онъ всетаки называется первымъ, онъ былъ приравненъ къ нисану, съ котораго начинался еврейскій годъ. Это подтверждается еще однимъ любопытнымъ сопоставленіемъ. Въ житія Θεодосіи, сохранившемся въ Сирійскомъ переводѣ Евсевія, сказано, что во второй день Нисана явилась въ Тирѣ посвященная Богу дѣвушка, а въ греческомъ отрывкѣ, сохранившемся въ одной мюнхенской рукописи, вмѣсто нисавъ читается ксаненикъ³⁾. То же самое читается въ Ватиканской рукописи, которую имѣли въ виду болландисты при изданіи мученичества Θεодосіи. Та же дата указана и въ мартиріи Апфіана, входившемъ въ утраченное сочиненіе Евсевія и изданное болландистами⁴⁾. Изъ мартирія Памфила, также написаннаго Евсевіемъ, видно, что въ его время 4-й македонскій мѣсяць Перитій соотвѣтствовалъ февралю (16 Перитія приурочено по римскому счету къ 14 дню до мартовскихъ календъ)⁵⁾, значитъ ксаненикъ соотвѣтствовалъ апрѣлю, какъ мы и находимъ это въ короткой редакціи палестинскихъ мученичествъ, входящей въ церковную

1) Antiq. I, 3, 3 (ed. Naber I, 17) *Μωυσης δὲ τὸν Νισάν, ὅς ἐστι Ξανθικός, μῆνα πρῶτον ἐπὶ ταῖς ἑορταῖς ὕρισε.* III, 10, 5 (I, 185) *τῷ δὲ μῆνι τῷ Ξανθικῷ, ὅς Νισάν παρ' ἡμῶν καλεῖται.* Bell. Jud. X, 3, 1 (VI, 13) *καὶ τῆς τῶν ὀξύμων ἐνοστάσης ἡμέρας τετταρακοδεκάτη Ξανθικοῦ μηνός.*

2) V, 14 (Funk I, 271) *δευτέρῃ σαββάτων μῆνι πρώτῃ, ὅς ἐστι Ξανθικός.* V, 13 (Funk I, 269) *τὴν γενέθλιον, ἣτις ὑμῶν ἐπιτελείσθω εἰκοστῇ πέμπτῃ τοῦ ἐνάτου μηνός.*

3) Violet, Die palästin. Märtyrer bei Eusebius (Texte u. Untersuch. XIV, 4 p. 52—53). По словамъ Евсевія (Н. Е. VIII, 2, 3) мѣсяць Дистръ, предшествующій Ксаненику, соотвѣтствуетъ римскому марту.

4) Anal. Bolland. XVI, 126 *ξανθικοῦ μηνός πρός δ' ἡνῶν ἀπριλλίων ἡ τοῦδε μνήμη τελεῖται.* Въ одномъ старинномъ латинскомъ переводѣ мученичество Поликарпа отнесено къ 24 апрѣля.

5) Ibid. p. 134.

исторію; ксанеикъ приурочивается къ апрѣлю¹⁾, а мученичество Апфіана отнесено ко 2-му ксанеику, или 6 апрѣля²⁾, также какъ и мученичество Теодобіи³⁾. Нисанъ лунный мѣсяцъ и по отношенію къ солнечному году не соотвѣтствуетъ всегда опредѣленнымъ числамъ нашихъ мѣсяцевъ, а падаетъ на мартъ—апрѣль. Въ то время, когда въ Азіи не упраздненъ еще былъ лунный календарь, ксанеикъ вполне совпадалъ съ нисаномъ. Позволительно высказать предположеніе, что Смирнская церковь сохранила на бумагѣ или по преданію день мученичества св. Поликарпа, отнесенный къ мѣсяцу ксанеику или висану. Это тотъ мѣсяцъ, когда во всѣ времена евреи праздновали и до сихъ поръ празднуютъ пасху. Правда, что число не совпадаетъ, такъ какъ еврейская пасха празднуется всегда 14 нисана. Во время Поликарпа азіатская церковь справляла пасху вмѣстѣ съ евреями 14 нисана. Западная церковь давно уже отступила отъ этого обычая, и по разсказу Евсевія престарѣлый епископъ смирнскій Поликарпъ отправлялся въ Римъ, чтобы переговорить по этому поводу съ римскимъ епископомъ Аникетомъ. Однако каждый остался при своемъ мнѣніи и разногласіе не было устранено. Въ 190 году вновь происходили переговоры по тому же вопросу между римскимъ епископомъ Викторомъ и Поликратомъ, епископомъ Ефесскимъ. Послѣдній настаивалъ на древнемъ обычаѣ⁴⁾. Думающіе, что необходимо спасти традиціонное 23 февраля, ошибаются въ одномъ отношеніи. Традиція эта не прочно установлена. Правда, въ сирійскомъ мартирологѣ (начала 4-го вѣка) Поликарпъ значится подъ 23 февраля, но католическая церковь празднуетъ его 26 января, какъ это записано въ древнѣйшихъ римскихъ мартирологіяхъ⁵⁾, а въ пасхальной хроникѣ (источникъ 7-го вѣка, но основанномъ на болѣе древнихъ лѣтописяхъ) память Поликарпа отнесена къ 26 марта, и даже мѣстныя восточныя церкви руководствовались не одинаковыми преданіями. Нѣсколько выше приведенныхъ строкъ, имѣющихъ такой историческій видъ, даютъ

1) Eusebius (Ed. Schwartz) II, 907 *ξανθικός μῆν, ὃς λέγεται ἂν ἀπρίλλιος κατὰ ῥωμαίους.*

2) *ibid.* p. 918.

3) *ibid.* p. 922.

4) Lightfoot, p. 570, 708. A. Berendts. *Das Verhältnis der Römischen Kirche zu den kleinasiatischen vor dem Nicaenischen Konzil*, p. 6—9.

5) Martinov. *Annus ecclesiasticus graeco-slavicus*, p. 53, 78.

поводъ еще къ разнымъ соображеніямъ едва ли въ пользу историчности мартирія. Поликарпъ пострадалъ при жреца Филиппъ и проконсулъ Стаціи Квадратъ. Раньше упоминаются проконсулъ безъ имени и азіархъ Филиппъ (гл. 12). Изъ надписей мы знаемъ, что существовали проконсулы Азіи, и даже одинъ Квадратъ, однако не *Staius Quadratus*, и несомнѣнно не тотъ, о которомъ говорится въ письмѣ Смирнской церкви¹⁾. Существовали и азіархи. Встрѣчаются въ надписяхъ и жрецы Азіи (*ἀρχιερέως Ἀσίας, ἀρχιερατεύοντος Γ. Ἰου. Φιλίππου*). Спрашивается одно ли и тоже лицо азіархъ Филиппъ и архіерей Филиппъ? По всей вѣроятности въ хронологической припискѣ имѣлся въ виду раньше упомянутый азіархъ Филиппъ, иначе о немъ незачѣмъ было упоминать. Ученые, старающіеся спасти во что бы то ни стало древность Смирнскаго письма, увѣряютъ или, что можно было совмѣщать двѣ должности, или что это два разныхъ Филиппа. Но Брандисъ очень убѣдительно доказалъ, что случаевъ совмѣщенія гражданской должности съ жреческой не встрѣчается (въ словарѣ *Pauly-Wissowa* подъ словомъ *Asiarches*), и совпаденіе двухъ Филипповъ представляется подозрительнымъ тѣмъ болѣе, что Филиппъ здѣсь не *praepositen*, а *collegen*.

Приписка къ письму Смирнской церкви не можетъ служить

1) Ваддингтонъ нашелъ Стаціи Квадрата въ сочиненіяхъ ратора Аристиды (*Waddington, Mémoire sur la chronologie de la vie du rhéteur Aelius Aristide, Paris 1867*) и доказывалъ, что въ маѣ 154 или 155 г. онъ уже былъ проконсуломъ Азіи. Въ теченіе 25 лѣтъ высказаніе это считалось фактомъ, но въ 1893 г. Шмидъ доказалъ, что упоминаемый Аристидомъ Квадратъ не имѣетъ ничего общаго съ проконсуломъ Квадратомъ (*Rhein. Mus. f. Phil. 1893*). Довѣряя Ваддингтону, утверждать, что Евсевій, относившій мученичество Поликарпа къ царствованію Марка Аврелія, ошибся, и что оно въ дѣйствительности имѣло мѣсто въ 155 г. Церковный историкъ Сократъ (V, 22) сообщаетъ, что епископъ смирнскій Поликарпъ пострадалъ при Гордіанѣ въ 238 г. Гильгенфельдъ находилъ вѣрную дату въ той рукописи, которая относитъ мученическую кончину Поликарпа не къ концу февраля, а къ концу марта, и довѣряя припискѣ пришелъ къ такому выводу: мученичество Поликарпа произошло въ тотъ годъ, когда великая суббота или 15 нисана праздновалась въ 7-й день предъ апрѣльскими календарями (26 марта). *A. Hilgenfeld, Ignatij et Polycarpi epistulae, p. 344. Berl. 1902*. Гарнакъ очень подробно останавливается на хронологіи мученичества Поликарпа, но считаетъ неизбѣмымъ 23 февраля и тотъ годъ, когда это число падало на субботу. Это могло быть въ 155 и 166 г., в Гарнакъ вопреки Евсевію доказываетъ, что надо выбрать 155 г. *Geschichte der altchristl. Literatur, II, 282—283*. 166 годъ все же вѣроятнѣе, потому что Аппетъ занялъ папскую кафедру не раньше 154—155 г.

сколькo-нибудь прочной опорой для опредѣленія времени, когда оно написано. Древность ея документально не засвидѣтельствована, Евсеvій ея не выписалъ и вѣроятно не зналъ. Онъ сообщаетъ, что послѣ 22-лѣтняго царствованія Автоvина, прозваннаго Благочестивымъ, вступили на престолъ сынъ его Маркъ Аврелій Веръ, онъ же Антонинъ (161—180 г.), и братъ Луцій, и что въ это время покончилъ свою жизнь мученичествомъ Поликарпъ (II, 334). За неимѣніемъ другихъ данныхъ приписку старались использовать ученые, желающіе непременно найти годъ смерти Поликарпа, но для опредѣленія времени Смирнскаго письма не имѣетъ существеннаго значенія, пострадалъ ли Поликарпъ въ 155 или 166 г. За исключеніемъ имени проконсула приписка могла быть позаимствована изъ самаго текста, и архіерей Филиппъ появился вѣроятно вмѣсто азіарха Филиппа тогда, когда азіархи прекратили свое существованіе и терминъ этотъ сталъ непонятнымъ.

Но въ самомъ текстѣ письма говорится, что Поликарпъ привезенъ былъ въ городъ въ великую субботу (4, 21). Спрашивается, какъ понимать этотъ терминъ и можно ли дѣлать изъ него какіе-нибудь хронологическіе выводы? Позволительно высказать два предположенія. Возможно, что авторы, проводившіе вышеуказанную тенденцію, просто подражали четвертому Евангелію, гдѣ сказано, что Іудеи просили Пилата перебить голени и взять тѣла, дабы они не оставались на крестѣ въ субботу, ибо то была великая суббота (Іоан. XIX, 31 *ἵν' ἴδῃ μεγάλη ἡ ἡμέρα ἐκείνη τοῦ σαββάτου*)¹⁾. Можно предполагать и то, что въ годъ мученичества Поликарпа еврейская пасха или 14 нисана падала на пятницу. Такъ случилось въ дни страданія Спасителя, согласно повѣствованію четвертаго Евангелія. „Отъ Каіафы повели Іисуса въ преторію. Было утро, и они не вошли въ преторію, чтобы не оскверниться, но чтобы ѣсть Пасху“ (Іоан. XVIII, 28). Слѣдуя четвертому Евангелію, въ Смирнѣ праздновали Пасху вмѣстѣ съ евреями 14 нисана. До какихъ поръ продолжался этотъ обычай, мы въ точности не знаемъ, повидимому до Никейскаго собора. Въ то время, когда

1) Фельтенъ неправильно толкуетъ это мѣсто. Онъ думаетъ, что *σαββατου* употреблено здѣсь въ смыслѣ недѣли и что великимъ днемъ той недѣли, т. е. праздника Пасхи была пятница. J. Felten Neutestamentliche Zeitgeschichte, I, 471. Въ нашемъ Евангеліи правильно переведено: ибо та суббота была день великій.

писалъ свою исторію Евсевій, въ Палестинѣ праздновали Пасху въ воскресенье. Но не подлежитъ сомнѣнію, что въ теченіе всего 2-го вѣка и вѣроятно въ теченіе всего 3-го вѣка христіанская Пасха въ Смирнѣ совпадала съ еврейской. Мы должны, слѣдовательно, предполагать, что Пасха началась или въ пятницу вечеромъ, когда схватили Поликарпа, или же въ субботу. Но въ такомъ случаѣ авторъ Смирнскаго письма долженъ былъ бы на это намекнуть. Если же дѣйствительно Поликарпъ пострадалъ въ пасхальную субботу, когда праздникъ еще не наступилъ, естественно напрашивается мысль, не написано ли было сообщеніе о его мученичествѣ или тогда, когда и въ Смирнѣ начали праздновать Пасху въ воскресенье, или же совсѣмъ не въ Смирнѣ¹⁾.

За неимѣніемъ внѣшнихъ данныхъ для опредѣленія даты Поликарповскаго мученичества надо искать внутреннихъ признаковъ и прежде всего обратить вниманіе на общій его характеръ.

Письмо Смирнской церкви литературное произведеніе, въ которомъ соблюдевы нѣкоторыя литературныя правила. Оно снабжено предисловіемъ, которое начинается такъ: „Мы написали вамъ, братья, о претерпѣвшихъ мученичество и о блаженномъ Поликарпѣ, который какъ бы приложивъ печать своимъ мученичествомъ прекратилъ гоненіе (т. е. приложилъ печать къ концу гоненія); ибо все происшедшее случилось, дабы Господь свыше показалъ намъ мученичество, совершенное по Евангелію (*τὸ κατὰ τὸ εὐαγγέλιον μαρτύριον*); ибо онъ ожидалъ, что будетъ преданъ, какъ Господь, дабы и мы подражали ему²⁾, заботясь не только о

¹⁾ Аббатъ Дюшевъ доказывалъ, что на Никейскомъ соборѣ обсуждали вопросъ, какъ вычислять Пасху, которую тогда уже всѣ праздновали въ воскресенье, а не вопросъ о такъ называемыхъ квартодециманахъ, т. е. о справлявшихъ Пасху 14 нисана, но онъ не могъ указать, когда прекратился этотъ обычай. L. Duchesne. La question de la Pâque au concile de Nicée (Revue des questions historiques, t. 28, p. 5—42). Шварцъ, посвятившій специальную работу вопросу о вычисленіи Пасхи, доказываетъ на очень шаткомъ основаніи, что въ Смирнѣ празднованіе Пасхи вмѣстѣ съ евреями было отмѣнено въ первой половинѣ 3-го вѣка. Онъ нашелъ на это указаніе въ житіи Поликарпа, написанномъ смирнскимъ пресвитеромъ Поніемъ, кончившимъ жизнь мученической смертью въ 250 г. Но фантастическое житіе Поликарпа безъ всякаго основанія приписывается мученику Понію. E. Schwartz. Christliche und jüdische Ostertafeln, p. 104. (Abhandl. der Gesellsch. d. Wissensch. zu Göttingen, N. F. Bd. VIII. Berlin 1905).

²⁾ Mart. Polyc. p. 1, 14 *ἵνα μιμηταὶ καὶ ἡμεῖς αὐτοῦ γενώμεθα*. I Коринт. IV, 16 *παρομοιωθεὶς δὲ ὑμῖν μιμηταὶ μου γίνεσθε, καθὼς ἐγὼ Χριστοῦ*, посему умоляю васъ: подражайте мнѣ, какъ я Христу.

своемъ (т. е. своемъ спасеніи), но и о ближнемъ¹⁾, ибо свойство истинной и прочной любви, желать спасти не только себя, но и всѣхъ братьевъ. Въ концѣ письма еще разъ указывается, что мученичество Поликарпа произошло по Евангелію (9, 32). Авторъ смирнскаго письма задался извѣснаго рода тенденціей; ему надо доказать, что мученичество смирнскаго епископа согласуется съ евангельскою исторіей. Тенденція эта дѣйствительно проведена довольно послѣдовательно по всему разсказу, и Лайтфутъ и другіе указывали на нѣкоторыя мѣста Поликарповскаго мартирія, похожія на Евангеліе²⁾. Спаситель сказалъ: Знайте, что черезъ два дня будетъ Пасха и Сынъ человѣческій преданъ будетъ на распятіе (Матт. XXVI, 2). Слѣдовательно, пророчество Іисуса Христа было произнесено за три дня до Его крестной смерти. Поликарпъ во время молитвы имѣлъ видѣніе за три дня передъ тѣмъ, что ему предстояло быть схваченнымъ, онъ видѣлъ, что горитъ его подушка, и, обратившись къ находившимся съ нимъ людямъ, сказалъ: надлежитъ мнѣ сгорѣть живымъ (р. 3, 14—17). Поликарпъ былъ схваченъ за городомъ, какъ Іисусъ Христосъ. По отношенію къ Поликарпу совершилось также предательство. Поликарпа искали, взяли двухъ его домашнихъ рабовъ, и одинъ изъ нихъ подъ пыткой указалъ мѣсто, гдѣ скрывался его господинъ. „Полицейскій, говорится въ смирнскомъ письмѣ, которому выпалъ жребій носить то же имя (т. е. имя Евангельскаго злодѣя), прозываемый Иродомъ, поспѣшилъ привести его на стадій, чтобы тотъ свершилъ свой удѣлъ, ставъ общникомъ Христа (пріобщившись Христу), предавшіе же его получили то же наказаніе, что Іуда. Эта фраза прерываетъ разсказъ о томъ, какъ былъ схваченъ Поликарпъ, и вставлена съ предвзятой мыслью указать на сходство, существующее между мученичествомъ Поликарпа и Евангельскою исторіей; Поликарпа тоже преслѣдовалъ Иродъ. Христосъ былъ взятъ ночью и на зарѣ преданъ суду. То же случилось съ Поликарпомъ; его застигли ночью, когда онъ уже легъ спать, и рано утромъ повезли въ городъ. Вооруженная толпа

1) Mart. Polyc. I, 15 *μη μόνον σκοπούμεν τὸ καθ' ἑαυτοῦς*. Филлп. II, 4 *μη τὰ ἑαυτῶν ἕκαστος σκοπεῖτε*, но о себѣ только каждый заботься.

2) Гольцманъ указывалъ на сходство четвертаго Евангелія съ мартиріемъ Поликарпа. H. Holtzmann. Das Verhältniß des Johannes zu Ignatius u. Polycarp, p. 210—212. (Zeitschr. für wissensch. Theologie, Bd. 20).

окружила Спасителя (Матѣ. XXVI, 47. Маркъ XIV, 43), и. Онъ сказалъ имъ: вы вышли точно противъ разбойника. Взявъ съ собой предателя-раба, вооруженные діогмиты и всадники отправились за Поликарпомъ, устремляясь точно противъ разбойника ¹⁾. Когда его взяли, онъ сказалъ: да будетъ воля Божія, т. е. повторилъ слова Апостоловъ, узнавшихъ, что собираются схватить Павла (Дѣян. Апост. XXI, 14); это отголосокъ словъ Спасителя въ моленіи о чашѣ (Матѣ. XXVI, 42. Лук. XXII, 42). Мученичество Поликарпа произошло въ послѣдніе дни недѣли, пятницу и субботу, когда воспоминались страданія Спасителя. Когда Поликарпъ вошелъ на стадій, онъ услышалъ голосъ съ неба: Крѣпись, Поликарпъ, и мужайся ²⁾. Поликарпа посадили на осла (или ослицу) и повезли въ городъ. Сидя на ослицѣ въѣхалъ Христосъ въ Іерусалимъ ³⁾. Какъ Пилатъ умывалъ себѣ руки, такъ и проконсулъ сваливаетъ вину на народъ. Толпа требовала распятія Христа, толпа іудеевъ кричала, что не должно жить ап. Павлу; толпа въ Смирнѣ кричитъ, что Поликарпъ долженъ быть сожженъ живымъ, и главная вина падаетъ на іудеевъ ⁴⁾.

Тенденція, проведенная въ письмѣ Смирнской церкви, имѣетъ свое литературное основаніе. По словамъ Климента Александрійскаго блаженъ не тотъ, кто проявляетъ простое мученичество, а гностическое (т. е. основанное на знаніи Свящ. Писанія), ибо такой человѣкъ подвизается согласно евангельскимъ предписаніямъ ⁵⁾.

Само собою разумѣется, что литературная тенденція не даетъ прямыхъ хронологическихъ указаній. Но въ письмѣ Смирнской церкви есть такія выраженія, которыя едва ли могли быть употреблены въ серединѣ 2-го вѣка. Въ первыхъ же строкахъ

1) Матѣ. XXVI, 55 *ὡς ἐπὶ ληστὴν ἐξήλθετε*. Mart. Polyc. p. 3, 31 *ὡς ἐπὶ ληστὴν τρέχοντες*.

2) Іоаннъ XII, 28 *ἦλθεν φωνὴ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ*. Лук. III, 22 *καὶ φωνὴν ἐξ οὐρανοῦ γενέσθαι*. Mart. Polyc. p. 5, 4 *φωνὴ ἐξ οὐρανοῦ ἐγένετο ἴσχυε, Πολύκαρπε, καὶ ἀνδράζου*. Лук. XXII, 43 *ᾠφθη δὲ αὐτῷ ἄγγελος ἀπὸ οὐρανοῦ ἐνισχύων αὐτόν*.

3) Матѣ. XXI, 7 *ἤγαγον τὴν ὄνον . . . καὶ ἐπεκάθισεν ἐπάνω*. Mart. Polyc. p. 4, 20 *ὄνον καθίσαντες αὐτόν*.

4) Дѣян. Апост. XXV, 24 *πάν τὸ πλῆθος τῶν Ἰουδαίων . . . ἐπιβοῶντες μὴ δεῖν ζῆν αὐτόν*. Mart. Polyc. p. 6, 19; 28 *ἔβαν τὸ πλῆθος ἔθνῶν τε καὶ Ἰουδαίων . . . ἔδοξεν αὐτοῖς ἐπιβοῆσαι ὥστε τὸν Πολύκαρπον ζῶντι κατακαῖσαι*.

5) Clem. Strom. IV (ed. Stählin II 255) *μακάριος σὺ τὴν ἀπλὴν ἐμπαίμων μάρτυριαν, ἀλλὰ τὴν γνωστικὴν ὡς κατὰ τὸν κανόνα τοῦ εὐαγγελίου πολυτευόμενος*.

бросаются въ глаза выраженія: святая и католическая церковь (*ἡ ἁγία καὶ καθολικὴ ἐκκλησία*). Гарнакъ указалъ, что въ первый разъ выраженіе это встрѣчается въ посланіи Игнатія, однако въ другомъ смыслѣ. - Въ мученичествѣ Поликарпа говорится о епископѣ католической (т. е. православной) смирнской церкви (р. 8, 22. *ἐπίσκοπος τῆς ἐν Σμύρῳ καθολικῆς ἐκκλησίας*¹⁾ и объ Иисусѣ Христѣ, пастырѣ, обнимающей всю вселенную католической церкви (р. 10, 5. *ποιμένα τῆς κατὰ τὴν οἰκουμένην καθολικῆς ἐκκλησίας*). Считаю такое выраженіе невозможнымъ во 2-мъ вѣкѣ, Гарнакъ предполагаетъ интерполяцію²⁾. Интерполяція довольно удобный способъ снискать древность остального текста, но это вполне субъективное предположеніе, и надо во всякомъ случаѣ доказать, что авторъ съ опредѣленною цѣлью сдѣлалъ ту или иную вставку. Въ данномъ случаѣ цѣль не видна, и интерполяція представлялась бы чистѣйшей случайностью. Въ первый разъ мы находимъ выраженіе „католическая церковь“ (въ смыслѣ православной) въ 7-й книгѣ Строматъ Климента Александрійскаго, написанной не раньше начала 3-го вѣка³⁾. Встрѣчается оно и въ Сирійской Дидакаліи, сборникѣ, составленномъ вѣроятно въ серединѣ 3-го вѣка. За отсутствіемъ болѣе древнихъ свидѣтельствъ, мы не въ состояніи доказать, что выраженіе „католическая церковь“ могло быть употреблено во 2-мъ вѣкѣ, но точно также нѣтъ документальныхъ данныхъ для доказательства, что это невозможно. Въ томъ смыслѣ однако, какъ оно выше употреблено, оно, по справедливому замѣчанію Каттенбуша, должно означать православную церковь въ противоположность къ еретикамъ и такое выраженіе представляется очень мало вѣроятнымъ для 155 г.⁴⁾

Далѣе авторъ смирнскаго письма сообщаетъ, что кости Поликарпа положили, куда подобало, и прибавляетъ къ этому: тамъ на сколько возможно будемъ мы сходитья въ радости и веселіи⁵⁾

1) Въ письмѣ Игнатія къ Поликарпу онъ называется епископомъ Смирнской церкви, но не католической.

2) A. Harnack. Die Mission und Ausbreitung des Christentums, p. 294.

3) Strom. VII, 17 (ed. Stählin III, 76) *ἀληθεστάτης ἐκκλησίας . . . τὴν ἀρχαίαν καὶ καθολικὴν ἐκκλησίαν*.

4) F. Kattenbusch. Das apostolische Symbol, I, 923.

5) Лук. I, 14 *καὶ ἔσται χαρὰ σοὶ καὶ ἀγαλλίασις* и будетъ тебѣ радость и веселіе.

и Господь дастъ намъ справлять день рожденія его мученичества на память о совершившихъ уже свой подвигъ и въ поученіе и поощреніе грядущимъ (р. 9, 21—25). Днемъ рожденія мученика называли день, когда онъ пострадалъ и возродился для новой жизни, и изъ Смирнскаго письма видно, что праздновать этотъ день вошло уже въ обыкновеніе. Однако обычай праздновать день мученической кончины на могилѣ мученика завелся въ Римѣ только въ 3-мъ вѣкѣ. Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній, что бы гдѣ бы то ни было этотъ обычай начался раньше. Ученые, убѣжденные въ древности посланія Смирнской церкви, указываютъ только на него. По мнѣнію Ахелиса изъ мартирія Поликарпа никакъ не слѣдуетъ, что тогда уже былъ установленъ общій церковный обычай праздновать память мученика на его могилѣ. Община смирнская сообщаетъ объ этомъ общинѣ филломелійской въ 155 г., и она не стала бы объ этомъ такъ подробно распространяться, если бы это было обычаемъ, соблюдавшимся во всѣхъ общинахъ ¹⁾.

Но авторъ Смирнскаго письма ни о какомъ нововведеніи не сообщаетъ и единственнымъ свидѣтельствомъ въ пользу древности обычая было бы посланіе Смирнской церкви. Оно не указываетъ, куда именно положены были останки Поликарпа, и эта неточность невольно возбуждаетъ наше подозрѣніе. Кромѣ того культъ мучениковъ еще не былъ развитъ въ срединѣ 2-го вѣка и выраженія, употребленныя въ смирнскомъ посланіи, едва ли соответствуютъ духу времени. Тутъ говорится о величій мученичества, о любви къ мученикамъ, объ избранномъ (ἐξοχος) мученикѣ. Совсѣмъ иначе выразался епископъ Игнатій, писавшій правду на сорокъ лѣтъ раньше кончины Поликарпа, но бывшій все же его современникомъ. Игнатій въ посланіи къ Римлянамъ (гл. 4) выражаетъ пожеланіе, чтобы звѣри стали его

1) Н. Achelis. Die Martyrologien, p. 18 (Abhandl. d. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen N. F. Bd. III). Самые древніе римскіе календари, говоритъ аббатъ Дюшенъ, никогда не упоминаютъ мучениковъ 2 вѣка. Это происходитъ оттого, что обычай праздновать день смерти мучениковъ, какъ и покойниковъ вообще, былъ введенъ въ Римѣ только въ теченіе 3-го вѣка. Это видно изъ надгробныхъ надписей, древнѣйшія никогда не отмѣчаютъ дня смерти. L. Duchesne. Histoire ancienne de l'église. 3 ed. t. I, 243. На основаніи мартирія Поликарпа утверждаютъ наоборотъ, что въ 155 г. уже праздновали день рожденія, т. е. день смерти мученика. A. Dufourcq. La conversione del mondo pagano al cristianesimo, p. 38. Roma 1904.

могилой и ничего не оставили отъ тѣла его, и тогда онъ во истину окажется ученикомъ Иисуса Христа, когда даже тѣла его не увидитъ міръ.

На рассказъ о мученичествѣ Поликарпа отразилось ученіе Оригена, которое не могло распространиться раньше середины 3-го вѣка. Оригенъ придерживался того мнѣнія, что мученику прощаются все его грѣхи и что драгоценною кровью его будутъ искуплены другіе, какъ драгоценною кровью Иисуса искуплено человѣчество. То и другое находимъ мы въ письмѣ Смирнской церкви. „Мученики, возорить его авторъ, презирали земныя мученія, искушая, однимъ часомъ муку вѣчную¹⁾, и были имъ огонь холоденъ, тотъ огонь безчеловѣчныхъ мучителей, ибо имѣли они передъ глазами избѣжать вѣчный и никогда не угасимый огонь (р. 2, 7—11)²⁾. Слѣдовательно путь спасенія уготованъ мученику, и онъ не попадетъ съ проклятыми въ геенну. Мало того, по словамъ автора смирнскаго письма, повторяющаго фразу Оригена, мученики проникнуты истинной любовью къ ближнимъ и желаніемъ спасти ихъ³⁾. Мысль эта выражена и метафорически. Поликарпъ входитъ на костеръ въ видѣ жертвы, какъ всесожженіе уготованное и пріятное Богу⁴⁾. Очевидно, жертва приносится для спасенія другихъ.

Вліяніе Оригена замѣтно и въ другихъ мѣстахъ. Въ своей молитвѣ Поликарпъ говоритъ: благославляю Тебя, что Ты удостоилъ меня этого дня и часа, получить долю (*τοῦ λαβεῖν μέρος*) въ числѣ мучениковъ въ чашѣ Христа Твоего въ воскресеніе вѣчной жизни души и тѣла (*ἐν ἀριμῶ τῶν μαρτύρων ἐν τῇ ποτηρίῳ τοῦ Χριστοῦ*). Въ сочиненіи о мученичествѣ, написанномъ въ Кесаріи Палестиноской въ 235 г., Оригенъ объясняетъ, что слова: „чапу спасенія приму и имя Господне призову“ въ 115

1) Матѳ. XXV, 46. И пойдутъ сія въ муку вѣчную.

2) *Mart. Polyc.* p. 2, 10 *πρὸ ὀφθαλμῶν γὰρ εἶχον φηγεῖν τὸ κρίνισιν καὶ μηδέ ποτε σβεννύμενον πῦρ.* Матѳ. XXV, 41 *πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ οἱ καταραμένοι εἰς τὸ πῦρ τὸ αἰώνιον.* Марк. IX, 44 *καὶ τὸ πῦρ οὐ σβέννεται* гдѣ огонь не угасаетъ.

3) *Mart. Polyc.* p. I, 16 *ἀγάτης γὰρ ἀληθοῦς καὶ βεβαίας ἐστὶν μὴ μόνον ἑαυτὸν θέλει σωθεῖσθαι, ἀλλὰ καὶ πάντας τοὺς ἀδελφοὺς.* Origen. de oratione cap. 11 *μὴ δὲ κυριωτάτη ἀρετῶν κατὰ τὸν Θεῖον λόγον ἐστὶν ἡ πρὸς τὸν πλησίον ἀγάπη, ἣν πολλῷ μᾶλλον προσιεῖται τοῖς προσηκοιμημένοις ἀγίοις πρὸς τοὺς ἐν βίῳ ἀγωνιζομένους ἀναγκαῖον νοεῖν* (ed. Koetschau II, p. 448).

4) *Mart. Polyc.* p. 7, 17 *ὀλοκαύτωμα δεκτὸν τῷ Θεῷ ἡτοιμασμένον.* Филип. IV, 18 *ἡυσίαν δεκτὴν εὐάρεστον τῷ Θεῷ.*

псалмѣ надо понимать такъ, что чаша спасенія значитъ мученичество, какъ мы находимъ это въ Евангеліи: когда стремились къ большей почести желавшіе сѣсть по правую и по лѣвую сторону Иисуса въ царствѣ Его, сказалъ имъ Господь: можете ли пить чашу, которую Я буду пить (Матѣ. XX, 21—22)? Подъ чашей онъ разумѣлъ мученичество, что ясно и изъ слѣдующихъ словъ: Отче, если возможно пронеси чашу сію мимо Меня, но не чего Я хочу, а чего Ты (Марк. XIV, 36). Сверхъ того мы узнаемъ, что будетъ вмѣстѣ воссѣдать, вмѣстѣ царствовать и вмѣстѣ судить съ царемъ царствующихъ пьющій ту чашу, которую пилъ Иисусъ. Это и есть чаша спасенія, ваявщій которую призоветъ имя Господне, всякій же, кто призоветъ имя Господне, спасется (Іоиль II, 32)¹⁾.

Поликарпъ держитъ себя на судѣ согласно со взглядомъ, выраженнымъ Оригеномъ. На слова „убѣди народъ“, Поликарпъ отвѣчаетъ проконсулу: Тебя я удостаиваю слова, потому что насъ научили воздавать должную честь начальству и властямъ, Богомъ поставленнымъ²⁾, на сколько это намъ не вредитъ; тѣхъ же (т. е. народъ) я не считаю достойными, чтобы защищаться передъ ними. Рѣшительно отказывается Поликарпъ клясться гениемъ Кесаря. Опровергая обвиненія Цельса, Оригенъ говоритъ,

1) Origen. (ed. Koetschau), -I, 24. О чашѣ мученичества говоритъ равнше Оригена, но лѣтъ на 40 послѣ смерти Поликарпа, Климентъ Александрійскій. Strom. IV, 9.

Молитва Поликарпа начинается тѣми же словами (р. 7, 18 *κύριε ὁ θεὸς ὁ παντοκράτωρ*), что молитва Маппасіи, вошедшая въ Апост. Пост. (Const. Apost. II, 22, 12 *κύριε παντοκράτωρ ὁ θεός*). Многія выраженія ея могли быть поваимствованы изъ Свящ. Писанія (*ὁ τοῦ ἀγαπητοῦ καὶ εὐλογητοῦ παιδὸς σου Ἰησοῦ Χριστοῦ πατρός*. Матѣ. III, 17 *ὁ υἱὸς μου ὁ ἀγαπητός*. Римл. IX, 5 *ὁ Χριστός . . . ὁ ὢν θεὸς εὐλογητός*. *δι' οὗ τὴν περὶ σοῦ ἐπίγνωσιν εἰλήφαμεν*. Римл. I, 28 *τὸν θεὸν ἔχειν ἐν ἐπιγνώσει*. *Ὁ θεὸς ἀγγέλων καὶ δυνάμεων καὶ πάσης κτίσεως παντός τε τοῦ γένους, τῶν δικαίων, οἱ ζῶσιν ἐνώπιόν σου*. Римл. VIII, 38 *οὔτε ἄγγελοι . . . οὔτε δυνάμεις*. Колос. I, 12, 15 *πρωτότοκος πάσης κτίσεως*. Лук. I, 6 *ἦσαν δὲ δίκαιοι ἐνώπιον τοῦ θεοῦ*. *Εὐλογῶ σε, διὰ κατηξίωσάς με τῆς ἡμέρας καὶ ὥρας ταύτης τοῦ λαβεῖν μέρος ἐν ἀριθμῶ τῶν μαρτύρων*. Колос. I, 12 *εὐχαριστοῦντες τῷ θεῷ καὶ πατρὶ τῷ καλέσαντι ἡμᾶς εἰς τὴν μερίδα τοῦ κλήρου τῶν ἁγίων*. Молитва Поликарпа похожа на нѣкоторыя мѣста молитвъ, вошедшихъ въ 7 кн. Апост. пост., напр. р. 7, 30, *σὲ αἰνῶ, σὲ εὐλογῶ, σὲ δοξάζω διὰ τοῦ αἰωνίου καὶ ἐπουρανίου ἀρχιερέως Ἰησοῦ Χριστοῦ*. Const. Apost. VII, 47 (Funk I, 454) *αἰνοῦμέν σε, ὑμνοῦμέν σε, εὐλογοῦμέν σε, δοξολογοῦμέν σε, προσκυνοῦμέν σε διὰ τοῦ μεγάλου ἀρχιερέως*.

2) Титъ III, 1. Напоминай имъ повиноваться начальству и властямъ. Лук. XII, II, когда приведутъ васъ въ синагоги, къ начальствамъ и властямъ.

что слѣдуетъ повиноваться властямъ на основаніи предписанія ап. Павла (Римл. XIII, 1—2), но въ то же время не позволительно клясться демономъ царя т. е. его геніемъ (*τύχην*), и скорѣе надо умереть, чѣмъ клясться демономъ¹⁾.

Нѣкоторыя подробности въ Смирнскомъ письмѣ представляются намъ мало вѣроятными. Узнавъ о готовившемся гоненіи, Поликарпъ не испугался и думалъ остаться въ городѣ, но его убѣдили уйти. Онъ ушелъ въ селеніе, находившееся неподалеку отъ города, и тамъ онъ молился и день и ночь (гл. 5). Такъ какъ его все же продолжали искать, онъ ушелъ въ другое селеніе. Взявъ съ собой раба-предателя, вооруженные діогмиты и всадники бросились за нимъ, какъ за разбойникомъ, и нашли его въ верхнемъ этажѣ одного дома, уже легшимъ спать. Хотя Поликарпъ могъ уйти въ другое селеніе, онъ не пожелалъ этого сдѣлать. Византійцы конечно этому вѣрили, но современный читатель съ недоумѣніемъ спрашиваетъ: какимъ же образомъ могъ уйти епископъ Поликарпъ, когда поздно вечеромъ къ нему ворвались вооруженные люди, смотрѣвшіе на него, какъ на разбойника? Очевидно, это литературный приѣмъ. Автору нужно было сказать, что Поликарпъ не желалъ опозорить себя бѣгствомъ. А съ другой стороны ему необходимо было удалиться изъ Смирны, чтобы быть схваченнымъ по Евангелію внѣ города. Діогмиты, впрочемъ, преслѣдовавшіе его, какъ разбойника, оказались довольно благодушными. Когда Поликарпъ услышалъ, что они вошли въ домъ, онъ сошелъ внизъ и вступилъ съ ними въ бесѣду. Полицейскіе пришли въ восхищеніе отъ его благообразія и выразили удивленіе, что считаютъ нужнымъ схватить человѣка такого преклоннаго возраста. Поликарпъ угостилъ

1) Origen: (ed. Koetschau) II 281—282. Ad. Rom. IX, 26 (Patr. gr. 14, 1223—1224). Когда римскихъ чиновниковъ приводили къ присягѣ, они клялись геніемъ императора (греки переводили *τύχη*). Діонъ Кассій (75, 13) говоритъ про Севера: *τὴν τε τύχην αὐτοῦ πάντες οἱ στρατιῶται καὶ οἱ βουλευταὶ ὤμωσαν*. Въ царствованіе Домиціана клялись per Jovem et genium imperatoris. G. Wissowa. Religion und Kultus der Römer (2. Aufl.) p. 79. München 1912. Ко времени Поликарпа относится плохо сохранившийся папирусъ, въ которомъ непамятное лицо клянется, что все имъ написанное правда, *ὁμῶς τὴν τοῦ κυρίου ἀποστόλου καίσαρος Πλου Αἰλίου Ἀδριανοῦ Ἀπλωνίου αὐραστοῦ εὐσεβοῦς τύχην ἀληθῆ τὰ προγεγραμμένα*. F. Preisigke. Griechische Urkunden des Aegyptischen Museums zu Kairo, p. 9 (Schrift. d. Wiss. Gesellsch. in Strassburg, Hf. 8).

діогмитовъ ужиномъ и попросилъ ихъ дать ему возможность помолиться. Они на это согласились, и Поликарпъ на столько преисполнился благодати Божіей, что въ теченіе двухъ часовъ не могъ замолчать. Молился онъ очевидно въ присутствіи вооруженныхъ людей, потому что слушавшіе его діогмиты были поражены, и многіе изъ нихъ раскаялись, что пошли на такого богоугоднаго старца (р. 4, 14).

Рано утромъ, когда наступила уже великая суббота, Поликарпа сажаютъ на осла и везутъ въ городъ. По дорогѣ встрѣчаются съ ними иривархъ Иродъ со своимъ отцомъ Никитой и сажаютъ его къ себѣ на повозку. Въ Смирнѣ былъ въ это время какой-то праздникъ. Собралось много пришлаго народа и мѣстныхъ іудеевъ. Тутъ стоялъ такой гамъ, что ничьего голоса нельзя было слышать. Когда привели Поликарпа, шумъ еще усилился. На ипподромѣ происходило судбище. Проконсулъ спросилъ приведеннаго человѣка, Поликарпъ ли онъ? Когда подсудимый это подтвердилъ, проконсулъ попробовалъ его уговорить: „постыдись своего возраста, поклявись гениемъ Кесаря, покайся, скажи: долой безбожниковъ.“ Поликарпъ отвѣчаетъ: долой безбожниковъ. Тутъ опять таки литературный приемъ, игра словъ. Римская власть называла безбожниками христіанъ, а послѣдніе клеймили тѣмъ же названіемъ язычниковъ. Дальше судебное слѣдствіе производитъ странное впечатлѣніе. Проконсулъ настаиваетъ на томъ, чтобы Поликарпъ поклялся гениемъ императора, а Поликарпъ отвѣчаетъ: ты дѣлаешь видъ, будто не знаешь, кто я, такъ слушай, я тебѣ дерзновенно (*μετὰ παρρησίας ἄκρου*) говорю: ¹⁾ я христіанинъ, если же ты хочешь научиться христіанскому ученію, назначь мнѣ для этого день и выслушай меня ²⁾. Съ одной стороны Поликарпъ предсказалъ свою мученическую кончину и зналъ, что именно въ ту субботу онъ идетъ на вѣрную смерть; а съ другой стороны онъ предлагаетъ въ свободный день научиться проконсула слову Божію. Объясняется это странное

1) Здѣсь надо дополнить „говорю“ сообразно съ Дѣял. Апост. IV, 29 *ὅς τις δούλους σου μετὰ παρρησίας πάσης λαλεῖν τὸν λόγον σου*, и дай рабамъ твоимъ со всею смѣлостью говорить слово Твое. IV, 31 *καὶ ἐλάλουν τὸν λόγον τοῦ θεοῦ μετὰ παρρησίας*, и говорили слово Божіе съ дерзновеніемъ.

2) Не подлежитъ сомнѣнію, что во время Поликарпа послѣдователи Христа уже называли себя христіанами. E. Lipsius. *Über den Ursprung des Christennamens*. Jena 1873.

противорѣчіе не съ реальной, а съ литературной точки зрѣнія. Авторъ имѣлъ въ виду приведенное въ примѣчаніи мѣсто Дѣян. Апост., гдѣ говорится, что апостолы съ дерзновеніемъ проповѣдовали слово Божіе.

Проконсулъ грозитъ Поликарпу такой казнью, которая по закону полагалась только рабамъ¹⁾. „У меня есть звѣри, говоритъ проконсулъ, я брошу тебя имъ, если ты не раздумаешь.“ Поликарпъ не выражаетъ никакого испуга, и проконсулъ продолжаетъ: „я предамъ тебя огню, если ты презираешь звѣрей, въ случаѣ ты не передумаешь“ (гл. 11). Это не послѣдовательно съ точки зрѣнія реальныхъ дѣйствій, но вполне послѣдовательно въ литературномъ смыслѣ. Предсказаніе Поликарпа должно было оправдаться.

Толпа, требующая казни христіанъ, въ своихъ выраженіяхъ мало чѣмъ отличается отъ христіанъ. Народъ страшно сердился и очень громко кричалъ: этотъ человѣкъ учитель (*διδάσκαλος*) Азіи, отецъ христіанъ, сокрушитель нашихъ боговъ (гл. 12). Авторъ смирскаго посланія отъ себя называетъ Поликарпа апостольскимъ и знаменитымъ учителемъ (*διδάσκαλος ἀποστολικός, διδάσκαλος ἐπίσημος*). Толпа не знала къ кому надо обратиться. Она проситъ азіарха Филиппа выпустить на Поликарпа льва, вѣроятно потому, что азіархи устраивали празднества, хотя они правосудіемъ не занимались. Азіархъ отвѣчаетъ, что не имѣетъ права это сдѣлать, такъ какъ игры кончены. А въ то же время проконсулъ грозилъ словами: я имѣю звѣрей.

Если откинуть предвзятую мысль, будто посланіе Смирнской церкви историческій документъ, написанный не позже 166 г., приходится удивляться, что въ немъ такъ мало историческихъ и такъ много литературныхъ подробностей, которыя могли быть почерпнуты изъ сказаній и книгъ. Самое важное лицо, отъ котораго зависѣла судьба Поликарпа, не названъ по имени, между тѣмъ какъ приведено имя полицейскаго. Не объяснено, почему проконсулъ оказался въ Смирнѣ (постоянное мѣстожителство его было въ Ефесѣ), по какому случаю собралась толпа на ипподромѣ, въ какія селенія отправился Поликарпъ и кто его тамъ принялъ. За то имѣется цѣлый рядъ мелкихъ подробностей. Мы

1) Th. Mommsen. Römisches Strafrecht, p. 929.

узнаемъ, что схватить смирнскаго епископа собирався иривархъ (*εἰρηναρχος*) Иродъ. Изъ Дигестъ извѣстно, что иривархъ былъ полицейскимъ, ловившимъ разбойниковъ и избивавшимся въ провинціальныхъ городахъ. Въ помощь ему каждый городъ назначалъ 10 диогмитовъ (*διογμίται*) изъ мѣстной милиціи¹⁾; имъ-то и было поручено схватить Поликарпа (р. 3, 30). Но полицейскій чинъ носить имя Ирода, которому вообще приписывается злодѣйская роль. Онъ подстерегалъ Поликарпа, выбросилъ его изъ повозки съ такою силой, что тотъ сломалъ себѣ голень (это не помѣшало старцу бодро пойти на судъ), и наконецъ его отецъ не позволяетъ проконсулу отдать христіанамъ тѣло Поликарпа. Непонятно, почему за Поликарпомъ поѣхалъ иривархъ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ Никитой (*Νικήτης* въ такой формѣ это имя встрѣчается въ Климентинахъ). Поликарпа застали въ мезонинѣ (въ горницѣ), его посадили на осла, толпа и прежде всего іудеи бѣгутъ за дровами. Каждая подробность, отдѣльно взятая, вполне возможна: Поликарпъ могъ остановиться въ горницѣ, могъ сѣсть на осла, могъ съ выраженіемъ гнѣва на лицѣ смотрѣть на толпу, могъ поднять глаза къ небу. Но подражаніе евангельской исторіи и сходство съ апокрифами придаетъ посланію Смирнской церкви ясно выраженный литературный оттѣнокъ.

Поликарпъ не испугался гоненія и намѣревался оставаться въ городѣ, но очень многіе убѣждали его уйти, и онъ ушелъ. Въ апокрифическихъ дѣяніяхъ ап. Петра рассказано, что братья уговаривали его покинуть городъ. Онъ сначала не соглашался, но затѣмъ послушался братьевъ и ушелъ изъ города²⁾.

Поликарпа повели въ городъ на судъ проконсула, состоявшійся на ипподромѣ въ великую субботу. Въ дѣяніяхъ ап. Петра говорится, что судъ предстоитъ на форумѣ въ субботу. Появленіе Поликарпа на ипподромѣ напоминаетъ подобную же сцену въ апокрифическихъ дѣяніяхъ Павла и Θεκлы. Народъ спѣшитъ нести дрова для сожженія и Петра и Θεκлы³⁾. Въ апокрифѣ

1) Th. Mommsen. Römische Strafrecht, p. 308. Въ надписяхъ встрѣчается иривархъ Θιατρη. Charot. La province romaine d'Asie, p. 262.

2) Mart. Polyc. p. 3, 9 *οἱ δὲ πλείους κρείστον αὐτὸν ὑπέβλεψεν, καὶ ὑπέστηθεν. Lipsius. Acta Apost. apocr. I, 86, 88 καὶ οἱ λοιποὶ ἀδελφοὶ παρεκάλουν αὐτὸν ἐξελθεῖν. . . . πεισθέντες δὲ τοῖς ἀδελφοῖς ἐξήλθεν.*

3) Mart. Polyc. p. 5, 8 *θρόνος ἦν μέγας. Acta Pauli et Theclae, cap. 32. (Lipsius. Acta apostol. apocr. I, 258) θρόνος οὖν ἐγένετο.*

объ ап. Іоаннѣ говорится почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что въ мартиріи Поликарпа, о гласѣ съ неба, который „всѣ мы слышали“¹⁾.

Прототипъ толпы, требующей казни праведника, данъ въ евангельской исторіи. Но выраженія смирискаго посланія напоминаютъ Ипполита Римскаго²⁾.

Пребываніе Поликарпа въ горницѣ, гдѣ онъ молился и угощалъ присланныхъ за нимъ діогмитовъ, имѣетъ также литературную исторію, о которой мы узнаемъ изъ толкованія Оригена на книгу пророка Іереміи. Свящ. Писаніе, говоритъ онъ, указываетъ на то, что пророковъ принимали въ горницѣ. Въ 3-й книгѣ Царствъ написано о вдовѣ, принимавшей пророка Илію въ Сарептѣ Сидонской, и угощавшей его въ своей горницѣ. Въ 4-й книгѣ женщина, принимавшая Елисея, приготовила ему помѣщеніе въ горницѣ. Грѣшникъ Охозія упалъ изъ горницы. И тебѣ Іисусъ повелѣваетъ не сходить съ помѣщенія подъ кровлей (*ἐκ τοῦ δώματος*). Ибо когда, говоритъ онъ, случится то-то и то-то „кто на кровлѣ, тотъ да не сходитъ взять чтонибудь изъ дома своего“ (Матѣ. XXIV, 17), бѣгущій во время гоненія не только не долженъ не восходить въ верхнее помѣщеніе, но съ верхняго помѣщенія „да не сходитъ взять чтонибудь изъ дома своего“³⁾. Прекрасно, замѣчаетъ Оригенъ, по поводу этихъ примѣровъ быть въ горницѣ, прекрасно быть въ верхнихъ помѣщеніяхъ и оказаться на верху. Онъ указываетъ на то, что и апостолы молились въ горницѣ, а потому явились имъ раздѣляющіе

Mart. Polyc. p. 6, 34 τῶν δούλων παραγρημα συναγόντων ξύλα καὶ φεράνα. Ibid. cap. 22, (I, 250) οἱ δὲ παῖδες καὶ αἱ παρθέναι ἤνευκαν ξύλα καὶ χόρτον, ἵνα θέλα κατακαῖ. Acta Petr. cap. 28 (I, 76). Statim ligna et gremia acceperunt petere, ut Petrum flammis cremarent. Ibid. (I, 75) et totus populus dixit: non eum tantum eisimus, sed ipsa hora flammis cremavimus. Mart. Polyc. p. 2, 10 πρὸ δφθαλμῶν γὰρ εἶχον φυγεῖν τὸ αἰώνιον καὶ μηδέποτε σβεννύμενον πῦρ. Acta Petri, cap. 28 (I, 76). Petrus dixit: sed ignis inextingui bilis poenam ante oculos habeo.

1) Mart; Polyc. p. 5, 4 φωνὴ ἐξ οὐρανοῦ . . . τῶν ἡμετέρων οἱ παρόντες ἤκουσαν. Acta Ioann. cap. 18 (II, 1 p. 161) φωνὴ ἤνέχθη ἀπὸ οὐρανοῦ πάντων ἡμῶν ἀκουόντων λέγουσα.

2) Mart. Polyc. p. 2, 29 πᾶν τὸ πλῆθος ἐπεβόησεν αἶρε τοὺς ἀθέους. Hippol. (ed. Bonwetsch) I, 35 οἱ ἀνομοὶ οὐ παύονται βοῶντες καθ' ἡμῶν καὶ λέγοντες: αἶρε ἐκ τῆς γῆς τοὺς τοιοῦτους.

3) Въ нашемъ Евангеліи δῶμα переведено словомъ кровля; въ своемъ толкованіи Оригенъ не дѣлаетъ разницы между δῶμα и ὑπερώων, имѣя въ виду помѣщеніе подъ кровлей.

языки, какъ бы огненные (Дѣян. Апост. I, 13—14, II, 3), и что апостолъ Петръ воскресилъ Тавиеу въ горнищѣ (Дѣян. Апост. IX, 37—41¹⁾).

Къ литературѣ, а не къ исторической дѣйствительности относятся и тѣ мысли, которыя авторъ Смирнскаго письма навязываетъ язычникамъ. „Завистливый, клеветническій и лукавый врагъ рода праведниковъ, видя величїе его мученичества и жизнь его безукоризненную съ самаго начала, видя его, увѣнчаннаго вѣнцомъ нетлѣнія и получившаго безспорную награду, приложилъ старанїе, чтобы и тѣло его не было взято нами, хотя многіе желали это сдѣлать, и приобщиться святой его плоти (*κοινωνῆσαι τῆ ἁγίῳ αὐτοῦ σαρκί*²⁾). Онъ (т. е. діаволъ) подучилъ Никиту, отца Ирода, требовать отъ проконсула не выдавать его тѣла, чтобы, говорилъ онъ, покинувъ Распятаго, они (т. е. христіане) не стали поклоняться этому (Полликарпу). Такъ подучали и настаивали іудеи, которые и стерегли (тѣло) отъ насъ, намѣревавшихся вынуть его изъ огня, не зная, что мы никогда не можемъ покинуть Христа, который пострадалъ для спасенія спасаемыхъ (*ὄνδε τῆς τῶν σωζομένων σωτηρίας*) всего міра, непорочный за грѣшниковъ, и поклоняться кому-нибудь другому; ибо Ему мы поклоняемся, какъ Сыну Божію, мучениковъ же и подражателей Господа по достоинству любимъ за ихъ ненамѣнную приверженность къ своему царю и учителю, да сподобимся и мы сдѣлаться ихъ общниками и соучениками. Сотникъ, видя³⁾ ревность (*φιλονικία*) іудеевъ, положивъ его внутрь (костра), какъ это у нихъ привято, сжегъ его. Послѣ мы ваяли кости его, болѣе дорогія, чѣмъ драгоценныя камни, и болѣе прїятныя, чѣмъ золото, и положили ихъ, гдѣ подобало“ (р. 8, 25—9, 21). Картина, нарисованная въ Смирнскомъ письмѣ, едва ли отражаетъ историческую дѣйствительность. Можно подумать, что въ греческомъ городѣ Смирнѣ толпа состояла исключительно изъ евреевъ. Они несутъ дрова для костра, они стерегутъ тѣло мученика, они приказываютъ римскому прокон-

1) Origen. (ed. Klosterman) III, 169.

2) Евр. II, 14 *ἐπεὶ οὖν τὰ παιδία μεκοινωνήκε σαρκὸς καὶ αἵματος* понеже убо дѣти приобщашася плоти и крови. I Коринт. X, 16 *τὸν ἄρατον ὃν κλάμεν σὺν ἡμῖν κοινωνία τοῦ σώματος τοῦ Χριστοῦ ἐστίν*, хлѣбъ, который преломляемъ, не есть ли приобщеніе тѣла Христова?

3) Mart. Polyc. p. 9, 16 *ἰδὼν οὖν ὁ κεντυρίων*. Марк. XV, 39 *ἰδὼν δὲ ὁ κεντυρίων*.

суму. Читая Смирнское письмо, все время имѣешь передъ глазами евангельскій разсказъ и въ злобѣ іудейской и въ сотникѣ видишь только литературное увлеченіе. Непонятно, зачѣмъ римскому центуріону понадобилось совершить надъ казненнымъ преступникомъ (такимъ былъ Поликарпъ съ его точки зрѣнія) римскій обрядъ и сжечь его тѣло¹⁾. Не все ли равно было римской администраціи, будутъ ли христіане поклоняться Распятому или Поликарпу? Какъ будто римляне знали, что бываетъ нетлѣнное тѣло, и что христіане будутъ поклоняться мощамъ. Но тотъ фактъ, что кости Поликарпа должны были уцѣлѣть, намъ вполне понятенъ. Въ Евангеліи отъ Іоанна (XIX, 36) мы читаемъ: „Ибо сіе произошло да сбудется писаніе: кость Его да не сокрушится“.

Одно мѣсто Смирнскаго письма доказываетъ какъ будто, что оно было написано современникомъ Поликарпа. „Однимъ изъ избранныхъ сталъ этотъ удивительнѣйшій Поликарпъ, бывшій въ наше время учителемъ апостольскимъ и пророческимъ и епископомъ католической церкви въ Смирнѣ“ (р. 8, 19—22). Это какъ разъ то мѣсто, гдѣ Смирнская церковь называется католической, что невозможно для 166 г. Хотя авторъ называетъ Поликарпа своимъ современникомъ, если буквально понимать его слова, вся фраза производитъ такое впечатлѣніе, что она не была написана современникомъ. Въ началѣ письма авторъ пишетъ о Поликарпѣ, не сообщая, кѣмъ онъ былъ, и предполагая, что это читателю извѣстно, и вдругъ въ концѣ своего посланія онъ считаетъ нужнымъ дать это разъясненіе. Если бы авторъ дѣлалъ свое сообщеніе вслѣдъ за мученической кончиной Поликарпа, ему едва ли нужно было бы подчеркивать, что онъ былъ современникомъ смирнскаго епископа. Но, примѣняясь къ словоупотребленію Евсевія, мы можемъ понимать слова: „жившій въ наше время“ въ болѣе широкомъ смыслѣ. Евсевій говоритъ о нашемъ благочестіи (Н. Е. IV, 3 *τῆς καθ' ἡμᾶς θεοσεβείας*), о нашемъ ученіи (IV, 7 *ἡ καθ' ἡμᾶς διδασκαλία*), и неправильно было бы переводить это выраженіе: современное намъ благочестіе, современное намъ ученіе. Въ наше время можетъ значить во время послѣ апостоловъ; въ это время жилъ Поли-

1) Греки также сжигали тѣло покойника, и для нихъ это было священнымъ обрядомъ. J. Müller. Die griechischen Privataltertümer, p. 214—215, 226.

карпъ, мужъ апостольскій, какъ его называетъ и Евсевій, который по преданію видѣлъ апостоловъ и бесѣдовалъ съ ними. Нѣсколько ниже, мы читаемъ фразу, которая доказываетъ, что авторъ Смирнскаго письма не былъ современникомъ Поликарпа: „Таковы обстоятельства смерти блаженнаго Поликарпа, который считалъ съ филиладельфійцами пострадалъ въ Смирнѣ двѣнадцатымъ, но который одинъ всѣми преимущественно поминается (*μνημονεύεται*), такъ что онъ даже язычниками повсемѣстно прославлялся“¹⁾. Если Поликарпъ поминается и даже язычниками, требовавшими его казни, значитъ съ тѣхъ поръ прошло не мало времени; иначе бессмысленно было бы указывать на то, что память объ одномъ изъ 12 мучениковъ сохранилась, остальные же 11 забыты.

Кромѣ того есть еще одно мѣсто, которое чрезвычайно убѣдительно доказываетъ, что лицо, составившее Смирнское письмо, не могло присутствовать при мученичествѣ Поликарпа. Анонимный авторъ не зналъ, куда положили кости Поликарпа. Онъ говоритъ: мы положили его кости, гдѣ подобало (*ὅπου καὶ ἀχρόλουθον ἦν*).

Въ письмѣ Смирнской церкви имѣются тѣ важнѣйшіе два элемента, которые (за рѣдкимъ исключеніемъ коротенькихъ рассказовъ, извлеченныхъ изъ минологіевъ) составляютъ необходимую принадлежность всякаго мартирія: чудесная окраска и драматическія сцены²⁾. Когда Поликарпъ закончилъ свою мо-

1) Матѣ: XXVI, 13 *τοῦτο ἐν βίῳ τῷ χρόνῳ λαληθήσεται εἰς μνημόσινον ἀείης*. Сіе въ цѣломъ мѣрѣ сказано будетъ въ память ея.

2) Гальгенфельдъ замѣтилъ, что въ сообщеніи Смирнской церкви проявилась богатая фантазія автора (или авторовъ), который стремится, какъ можно чудеснѣе разукрасить все происшествіе, однако то мѣсто, гдѣ говорится объ отношеніи проконсула Аадіа къ Поликарпу, несомнѣнно достоверно. R. Hildebrand. *Der römische Staat und das Christentum*, p. 323—324 (*Zeitschr. f. wissenschaftl. Theologie*, Bd. 24). Кеймъ указываетъ на то, что выраженіе „католическая церковь“ не могло быть употреблено раньше конца 2-го вѣка, въ общемъ же онъ находилъ, что содержаніе Смирнскаго письма вполне достоверно и соответствуетъ исторіи. По его мнѣнію исполнѣ исторично и число 12 мучениковъ, т. е. малое ихъ число, арестъ Поликарпа вечеромъ, смерть его въ великую субботу, въздъ на ослѣ, казнь мечомъ, сожженіе трупы сатникомъ и христіанское погребеніе. Th. Keim. *Aus dem Urchristentum*, p. 97, 131. Zürich 1878. Th. Keim. *Rom und das Christentum*, p. 592—600. Въ достоверности Смирнскаго письма не сомнѣваются и новѣйшіе исследователи, Ливенмайеръ напр. называетъ его официальнымъ сообщеніемъ. A. Linsenmayer. *Die Bekämpfung des Christentums durch den römischen Staat*, p. 96. München 1905.

литву и сказалъ: „аминь“, люди, приставленные къ костру, зажгли огонь и „когда всныднуло большое пламя, говоритъ авторъ письма, увидѣли чудо тѣ изъ насъ, кому дано было видѣть, именно тѣ изъ насъ, которые сохранены были, чтобы сообщить остальнымъ о случившемся; ибо огонь принялъ видъ свода и словно парусъ корабля, раздуваемый вѣтромъ, окружилъ тѣло мученика, и былъ онъ среди огня, не какъ плоть сжигаемая, а какъ хлѣбъ пекущійся или какъ золото и серебро въ печи огнемъ очищаемое¹⁾, и мы ощущали такое же благоуханіе²⁾, какъ отъ дымящейся кадильницы или другого какого цѣннаго аромата“ (р. 8, 3—13). При помощи огня не могли уничтожить Поликарпа, и его пришлось пронзить мечомъ. Когда это было сдѣлано, вытекло столько крови, что она погасила костеръ, который, судя по старанію толпы, долженъ былъ быть очень большимъ. Драматизмъ мученичества проявляется въ народныхъ сценахъ, въ діалогѣ проконсула и Поликарпа, все нарастающаго и трагически кончающагося смертною казнью, а также въ отдѣльных моментахъ. Завязка заключается въ томъ, что Поликарпъ предвидитъ свою судьбу, которая становится неотвратимой. Толпа волнуется и шумитъ, такъ что ничего не слышно, что говорятъ. Крики усиливаются, когда приводятъ Поликарпа, когда народъ видѣтъ, что его требованіе исполнено и христіанинъ схваченъ. Глашатай трижды превозглашаетъ: Поликарпъ призналъ себя христіаниномъ. Толпа приходитъ въ крайнее раздраженіе и кричитъ съ неистовствомъ; она жаждетъ видѣть, какъ левъ растерзаетъ Поликарпа. Стоя передъ судьей, Поликарпъ, бросивъ суровый взглядъ на всю эту толпу беззаконныхъ язычниковъ, собравшихся на ипподромѣ, помахалъ имъ рукою³⁾, чтобы они замолчали, и вздохнувъ и возрѣвъ на небо⁴⁾ сказалъ: долѣй

1) Апок. III, 18. *Χρῆστον πεπρωμένον ἐκ πυρός*. Мате. XIII, 42 *κάμινος τοῦ πυρός* и ввергнуть ихъ въ печь огненную. Прем. Сирах. XI, 5 ибо золото испытывается въ огнѣ.

2) Ефес. V, 2 *Χριστὸς παρέδωκεν ἑαυτὸν ὑπὲρ ἡμῶν πρόσφορον καὶ θύσαν τῷ Θεῷ εἰς ὁσμὴν εὐωδίας*. Христосъ предалъ себя за насъ въ приношеніе и жертву Богу въ благоуханіе пріятное. Ср. Филип. IV, 18.

3) Марк. Роуе. р. 5, 16 *ἐπισείσας αὐτοῖς τὴν χεῖρα*. Дѣян. Апост. XII, 17 *καταθείσας δὲ αὐτοῖς χεῖρὶ σιγῆν*. XXI, 40 *Παῦλος κατέσεισε τῇ χειρὶ τῷ λαῷ*. XIX, 33 давъ анямъ рукою, Александръ хотѣлъ говорить народу.

4) Марк. VII, 34 *καὶ ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανὸν ἐστέναξε*, и возрѣвъ на небо вздохнулъ.

безбожниковъ. Въ послѣднемъ выраженіи заключается драматическій эффектъ и притомъ двойной. Поликарпъ повторяетъ тѣ самыя слова, которыя выкрикиваетъ толпа, требуя расправы съ христіанами (р. 2, 31). Кроме того этими словами (скажи: долой безбожниковъ) проконсулъ предлагалъ Поликарпу отречься отъ христіанства¹⁾. Трудно представить себѣ, чтобы римскій судья нарочно подбиралъ двусмысленныя выраженія.

Всѣ характерныя особенности Поликарповскаго мартирія становятся понятными и легко объяснимыми только въ томъ случаѣ, если мы признаемъ, что Смирнское письмо подверглось литературной обработкѣ значительно позже описаннаго въ немъ событія²⁾.

Письмо Галльскихъ церквей³⁾.

Второй мартирій, несомнѣнно существовавшій въ началѣ 4-го вѣка, это письмо Галльскихъ церквей, внесенное Евсевіемъ въ его Церковную исторію. Оно имѣетъ слѣдующее заглавіе: Живущіе въ Виеннѣ и Лугдунѣ (Лионѣ) въ Галліи рабы Христовы братьямъ въ Азіи и въ Фригіи, имѣющимъ одинаковую съ нами вѣру и надежду искупленія, миръ, благодать и слава отъ Бога Отца и Иисуса Христа Господа нашего. Письмо это сохранилось только въ Церковной исторіи Евсевія и отсюда перепечатывается съ тѣми сокращеніями, какія сдѣлалъ Евсевій. Онъ имѣлъ въ рукахъ болѣе полный текстъ, такъ какъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ прерываетъ выписки замѣчаніемъ, что тутъ подробнѣе говорится въ письмѣ, а далѣе слѣдуетъ то-то, и затѣмъ опять дословно выписываетъ письмо.

Съ первыхъ же строкъ видно, что письмо Галльскихъ церквей литературное произведеніе, въ которомъ авторъ соблюдалъ правила риторики. Введеніе написано въ стилѣ панегириковъ.

1) Въ специальной статьѣ Гарвакъ собралъ тексты, въ которыхъ христіане и язычники называли другъ друга безбожниками. A. Harvak. Der Vorwurf des Atheismus in den drei ersten Jahrhunderten (Texte und Untersuchungen, Bd. 28).

2) Напечатанное въ первый разъ Пападопуло-Керамевсомъ краткое житіе Поликарпа, извлеченное изъ московской минеи, не даетъ ничего новаго; оно составлено по Смирнскому письму и Лионію. *Αγαθολόγος ἐξ ιστορίας τῆς Σμυρναίων ἐκκλησίας*. Петр. 1894.

3) Новѣйшія изданія Гебгардта и Кноуфа. R. Knopf. Ausgewählte Märtyreracten. Tübingen. 1901. Я ссылаюсь на изданіе Гебгардта.

Оно начинается такими словами: „Громадность адѣшняго бѣдствія¹⁾, чрезвычайный гнѣвъ язычниковъ на святыхъ и то, что претерпѣли блаженные мученики, мы не въ состояніи въ точности рассказать и вообще это невозможно описать“. Далѣе читаемъ: „И прежде всего они мужественно переносили нападенія народа, совершавшіяся толпою въ кучѣ, поруганіе, побои, толчки, грабежъ, бросаніе камнями и заключеніе и все, что озвѣрѣвшая толпа любитъ дѣлать съ врагами и непріятелемъ“²⁾. Риторическая игра словъ и необходимыя въ риторикѣ преувеличенія встрѣчаются много разъ. Блудину подвергаютъ всякимъ пыткамъ съ утренней зари до вечера, и сами мучители, отъ усталости смѣнявшіеся по очереди, удивлялись, что она еще жива, хотя все ея тѣло было растерзано, и представляло раскрытую рану, и свидѣтельствовали, что одного рода пытки было достаточно, чтобы вывести изъ тѣла душу, а не то чтобы нужно было такъ много пытокъ и такія жестокія (р. 31, 15—32). Въ заключеніе говорится: полюбивъ миръ и возвѣстивъ намъ миръ, они съ миромъ отошли къ Богу, не оставивъ огорченія матери (т. е. церкви), ни распри и раздоровъ братьямъ, но оставивъ радость, миръ, единодушіе и любовь. Изобиліе риторическихъ фразъ заставляеть насъ относиться съ недоувѣріемъ къ общепринятому мнѣнію, будто письмо Галльскихъ церквей отправлено было велѣдъ за описанными въ немъ событіями. Хронологія мученичества цѣлаго ряда лицъ, о которомъ въ немъ повѣствуется, основана исключительно на показаніи Евсевія. Въ Церковной исторіи (V, 1) онъ сообщаетъ, что большое гоненіе вообще и въ частности въ Галліи происходило въ 17-й годъ царствованія Антонина Вера (т. е. Марка Аврелія), слѣдовательно, въ 177 г. Въ хроникѣ же онъ присоединяеть мученичество ліонцевъ къ мученичеству Поликарпа и относить ихъ къ 7-му году Марка Аврелія (167 г.), что современными историками признается невѣрнымъ (Euseb. ed. Karst t. V, p. 222).

1) P. 28, 10 τὸ μέγεθος τῆς ἐνθάδε θλίψεως. Дѣян. Апост. 141, 11 ἦλθε... θλίψις μεγάλη.

2) Это мѣсто напоминаетъ апокрифическія Дѣянія ап. Петра, гдѣ говорится, что рабы ругались надъ Симономъ, били его по лицу и палками, бросали въ него камни. Servi contumelias eum afflixerunt, alii alypas in faciem eius dabant, alii vero fustem, alii lapidem. Lipsius. Acta Apost. apocrypha I, 61. E. Heuneker. Neutestamentliche Apokryphen, p. 405.

Въ письмѣ Галльскихъ церквей Виеннской и Лионской имѣются нѣкоторые анахронизмы. Аббатъ Дюшенъ, подробно обследовавшій происхожденіе церквей въ Галліи, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ: въ областяхъ, находившихся на нѣкоторомъ разстояніи отъ Средиземнаго моря и отъ нижняго теченія Роны, не образовалось ни одной церкви, за исключеніемъ Лиона, раньше 3-го вѣка. Изъ документовъ видно, что во второмъ вѣкѣ на всемъ пространствѣ теперешней Германіи и Франціи Лионская церковь была единственной. Всѣ христіане разсѣянные на пространствѣ отъ Рейна до Пиренеевъ, составляли одну общину; они признавали одного главу, Лионскаго епископа¹⁾. Если бы упоминаніе о двухъ церквахъ встрѣчалось только въ заглавіи, можно было бы предположить, что оно дано Евсевию, но и въ самомъ текстѣ сказано, что ежедневно хватали наиболѣе ревностныхъ членовъ этихъ двухъ церквей (р. 30, 21 *συνελαμβάνοντο καθ' ἐκάστην ἡμέραν οἱ ἄξιοι, ὥστε συλλεῖναι ἐκ τῶν ἐκκλησιῶν πάντας τοὺς σπουδαίους*). Гиршфельдъ, собравшій всѣ имѣющіяся свѣдѣнія о христіанствѣ въ Лионѣ до Константина В.²⁾, и Дюшенъ пытаются объяснить тотъ странный фактъ, что въ письмѣ Виеннская церковь поставлена на первомъ мѣстѣ, хотя Виенна несомнѣнно зависѣла отъ Лиона. По догадкѣ Гиршфельда это произошло, оттого, что христіанская община въ Виеннѣ была древнѣе Лионской, а по объясненію Дюшена тутъ надо видѣть вѣжливость (чисто французскую *politesse*) лионцевъ по отношенію къ виенскимъ собратьямъ. Къ такимъ соображеніямъ необходимо прибѣгать, если вмѣстѣ съ Гиршфельдомъ, Дюшеномъ и другими авторитетными учеными видѣть въ Лионскомъ посланіи современный и несомнѣнно подлинный отчетъ о событіяхъ, составленный съ поразительнымъ реализмомъ (*mit ergreifender Realität*³⁾).

1) *Fastes épiscopaux de l'ancienne Gaule*. Выводы Дюшена приведены Гарцакомъ. *Die Mission und Ausbreitung d. Christentums*, p. 323. Въ своей исторіи церкви, аббатъ Дюшенъ, на основаніи Лионскаго письма, говоритъ, что при Маркѣ Авреліи существовала церковь въ Лионѣ и другая въ Виеннѣ. Діакона Виеннской церкви Саякта, котораго онъ прежде считалъ сомнительной личностью, онъ называетъ главой Виеннской христіанской группы. (*Histoire ancienne de l'Eglise*, t. I (3 ed.) 255—257).

2) O. Hirschfeld. *Zur Geschichte des Christentums in Lugdunum vor Konstantin* (Sitzungsber. der preuss. Akademie zu Berlin 1895 p. 381—409).

3) Таково вообще общепринятое мнѣніе прежнихъ и современныхъ ученыхъ. Ренанъ называетъ Лионское письмо поразительной картиной энтузіазма и

Авторы посланія не сочли нужнымъ сообщить намъ точныхъ данныхъ, въ какомъ городѣ, Вѣдигѣ или Ліонѣ, происходило мученичество, о которомъ они рассказываютъ. Поэтому топографическія изысканія, съ цѣлю найти амфитеатръ, гдѣ подвергали пыткамъ епископа Поелва, діакона Савкта и другихъ, совершенно излишни ¹⁾. Скорѣе требуютъ объясненія имена пострадавшихъ лицъ. Ихъ всего 10. Епископъ Поелнъ (*Ποδωνός* желанный), Алкивиадъ, врачъ Александръ Фригіецъ, римскій гражданинъ Атталь изъ Пергама, Веттій Спагаеъ, діаконъ Савктъ, Матуръ, женщина Вивлида, рабыня Бландина и мальчикъ-рабъ Понтикъ. Изъ всѣхъ этихъ лицъ латинскія имена только у діакона Савкта, Матура и Бландины, всѣ остальные мученики греки. Известно, что въ Ліонѣ находилась довольно значительная греческая колонія и кромѣ того нѣкоторыя имена засвидѣтельствованы надписями, напр. рѣдкое на западѣ имя Аттала и родовое имя Веттій ²⁾. Встрѣчается однако T. Vettius Decemianus и греческое прозвище *Ἐπαυρόδος* звучитъ довольно странно въ соединеніи съ латинскимъ Vettius ³⁾. Вообще изобиліе греческихъ именъ не можетъ всетаки считаться вполне естественнымъ для Ліона. Къ тому же два мѣста указываютъ какъ будто на то, что Ліонское посланіе написано было на востокѣ, а не на западѣ. О Савктѣ говорится, что на всѣ вопросы онъ отвѣчалъ только два слова на латинскомъ языкѣ (*εἶ ἰσομακῆ φωνῆ*): я христіанинъ. Объ Атталь тоже замѣчено, что онъ обратился къ народу на латинскомъ языкѣ. Для жителя города Лугдунума вполне естественно, что подсудимый отвѣчаетъ римскому проконсулу по латыни, и едва ли онъ сталъ бы подчеркивать это обстоятельство.

Вчитываясь внимательно въ Ліонское посланіе, мы находимъ нѣкоторыя несообразности. Проконсулъ (называемый по гречески игемономъ) присуждаетъ Аттала вмѣстѣ съ Матуромъ, Савктомъ и Бландиной къ отдачѣ звѣрямъ, его выводятъ уже на арену. Но тутъ проконсулъ (нигдѣ не названный по имени) узнаетъ, что

вышей степени человѣческаго самоотверженія. Гастонъ Буассье ему вполне довѣряетъ. G. Boissier. La fin du paganisme, p. 346, 350. Par. 1894.

1) Объ этихъ изысканіяхъ говорятъ Гиршфельдъ (p. 384—385).

2) Тамъ же p. 391.

3) Спагаеъ встрѣчается у Діона Кассія (77, 21) подъ 216 г. *Ἐπαυρόδος καβαρίου καὶ αὐτὸς ὢν* (78, 39) *διὰ τοῦ Ἐπαυρόδου*.

Атталъ римскій гражданинъ, и приказываетъ посадить его въ тюрьму вмѣстѣ съ другими лицами, о которыхъ онъ пишетъ императору, и ждетъ императорскаго рѣшенія (р. 37, 20 *ἔπεστειλεν τῷ Καίσαρι καὶ περιέμενεν τὴν ἀπόφασιν τὴν ἀπ' ἐκείνου*). Этотъ проконсулъ былъ, очевидно, очень плохимъ администраторомъ и въ судьи не годился. Онъ не зналъ, что римскому гражданину полагалась смертная казнь черезъ отсѣченіе головы мечомъ, а не черезъ гладиаторское состязаніе съ дикими звѣрями. Отъ императора (также не названнаго по имени) пришелъ отвѣтъ предать казни виновныхъ, тѣхъ же, кто отречется отъ христіанства, освободить (р. 38, 4 *ἐπιστείλαντος γὰρ τοῦ Καίσαρος τοὺς μὲν ἀποτυπασσάμεναι, εἰ δέ τις ἀρνοῖτο, τοῦτους ἀπολυθῆναι*)¹⁾.

Совершенно непонятно, зачѣмъ понадобилось проконсулу отправлять гонца изъ Ліона въ Римъ, возвращенія котораго ему пришлось ждать очень долго, еще менѣе понятно, почему разъясненіе императора совсѣмъ не касалось того вопроса, который ему поставленъ былъ судьей. Проконсулъ приостановилъ дѣйствіе правосудія, узнавъ, что Атталъ римскій гражданинъ; онъ недоумѣвалъ, какъ быть съ римскимъ гражданиномъ и только объ этомъ могъ спрашивать верховную власть. Но получивъ онъ такое рѣшеніе: казнить подсудимыхъ, а отрекшихся отъ Христа отпустить. Галльскій проконсулъ зналъ, что законъ позволяетъ пытать при допросѣ. Этимъ правиломъ онъ въ достаточной мѣрѣ злоупотребилъ раньше, чѣмъ обратился къ императору за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній; епископа Поенца избили до смерти, Бландину, Матура и Санкта жесточайшимъ образомъ истязали. Поэтому странно звучитъ сообщеніе, что проконсулъ, получивъ разъясненіе императора, произвелъ новое разслѣдованіе и римскимъ гражданамъ отрубилъ голову (*ἀπέτεμε τὰς κεφαλὰς*), остальныхъ же отдалъ на растерзаніе звѣрямъ. Послѣ этого привлеченъ былъ къ суду врачъ Александръ и приговоренъ проконсуломъ къ отдачѣ звѣрямъ. Хотя только изъ рабовъ дозволялось дѣлать интересное зрѣлище во время празднествъ, злоупотребленія случались, и свободныхъ иногда бросали звѣрямъ

1) Рѣшеніе неизвѣстнаго императора похоже на отвѣтъ Траяна, полученный Плиніемъ, и сводится можетъ быть къ литературному источнику: *si arguantur, puniendi sunt, qui negaverit, veniam impetret*. A. Lipsen mayr. Die Bekämpfung des Christentums durch den römischen Staat, p. 272.

(технический терминъ *bestiis obici*). Но уже въ явное нарушение закона проконсулъ приговорилъ къ тому же наказанію и римскаго гражданина Аттала въ угоду толпѣ (*τῷ ὄχλῳ χαρίζομενος*). Однако, по словамъ авторовъ Ліонскаго письма, испытавъ на себѣ все орудія пытокъ и выдержавъ величайшую борьбу (что можетъ значить не борьбу со звѣрями, а борьбу за имя Христова вообще), Александръ и Атталъ не были растерзаны звѣрями, а были заколоты (*ἐτύθησαν*). До этого Аттала посадили на желѣзное сѣдалище (*ἐπὶ τῆς σιδηρᾶς καθέδρας*) и раскалили его и когда отъ его тѣла поднимался горючій чадъ (*κίβλα ἀνεφέρετο*), онъ сказалъ толпѣ: Вотъ то, что вы дѣлаете, это значить ѣсть людей (*ἀνθρώπους ἐσθίειν*), мы же не ѣдимъ людей и ничего дурного не дѣлаемъ¹⁾. И вдругъ въ ту минуту, когда Аттала поджариваютъ на аренѣ амфитеатра, къ нему обращается кто-то съ вопросомъ, который и въ другое болѣе спокойное время не пришелъ бы на умъ язычнику. Его спрашиваютъ: какое имя имѣеть богъ? А, онъ отвѣчаетъ въ соответствии съ апологіями: Богъ не имѣеть имени подобно человѣку (р. 39, 17 *ὁ θεὸς ὄνομα οὐκ ἔχει ὡς ἄνθρωπος*²⁾). Разсказъ этотъ, изобилующій странностями, неопредѣленностью и непоследовательностью, едва ли основанъ на непосредственныхъ наблюденіяхъ очевидцевъ, какъ обыкновенно думаютъ.

Во многихъ мѣстахъ можно раскрыть литературные источники и подмѣтить черты, немислимыя для 177 г., когда Ліонское письмо должно было быть отправлено на Востокъ. Заключение особенно выдается въ этомъ отношеніи. О лицахъ, пострадавшихъ въ Ліонѣ, авторы посланія говорятъ: они и сами не провозглашали себя мучениками (р. 42, 6) (*οὐτ' αὐτοὶ μάρτυρας ἑαυτοῦς ἀνεκήρυττον*)

1) Эта фраза напоминаетъ апокрифъ объ ап. Андрѣ и Матееѣ, отправившихся въ столицу антропофаговъ, гдѣ въ обычай было не хоронить людей, а съѣдать ихъ (*Acta apost. apoc. II, 1, p. 65, 98*).

2) *Arist. (ed. Geffcken) p. 4, einen Namen hat er nicht, denn alles, was einen Namen hat, ist Genosse der Kreatur. II. Apol. Just. cap. 6 (Patr. gr. 6, 463) ὄνομα δὲ τῷ πάντων πατρὶ θεῶν ἀγενήτω ὅτι οὐκ ἔστιν. Псевдо-Юстина Cohort. ad graecos, cap. 21 (Patr. gr. 6, 277) οὐδὲν γὰρ ὄνομα ἐπὶ θεοῦ κριοῦσθαι δυνατόν. Ср. Clem. Alex. Strom. V, 13, (II, 381) πᾶν δ' ὑπὸ ὄνομα πίπτει γενητὸν ἔστιν. Видманъ доказываетъ, вопреки общепринятому мнѣнію, что Cohortatio подлинное сочиненіе Юстина. W. Widmann. Die Echtheit der Mahnrede Justins. Mainz 1902 (Ehrhard u. Kirsch. Forschungen zur Christl. Literaturgeschichte Bd. III, Hft. 1). Ср. Bardenhewer. Geschichte der altkirchlichen Literatur, I, 215—217.*

и намъ не позволяли привѣтствовать ихъ этимъ именемъ (*τοὐτοῦ τῷ ὀνόματι προσαγορεύειν*), если же кто изъ насъ въ письмѣ или на словахъ (*διὰ ἐπιστολῆς ἢ διὰ λόγου*) называлъ ихъ такъ, они насъ за это горько порицали. Какъ трудно себѣ представить все это въ реальной обстановкѣ 2-го вѣка! Если дѣйствительно въ Лионѣ происходило такое страшное гоненіе, если хватали всякаго, кто признавалъ себя христіаниномъ, какимъ образомъ могли доходить до пострадавшихъ лицъ, или сидѣвшихъ въ тюрьмѣ или подвергавшихся пыткамъ, письма съ ихъ прославленіемъ. Допустимъ, что въ обстановкѣ намъ во всѣхъ подробностяхъ неизвѣстной происходили факты, представляющіеся намъ неправдоподобными. Но развѣ психологически прославленіе лицъ, только что еще вступившихъ въ борьбу за Христа и не завершившихъ своего дѣла, было возможно для христіанъ второго вѣка? Наименованіе мучениками людей, борющихся, но своей человѣческой слабости еще не поборовшихъ, противорѣчило бы Евангелію (Матѣ. XXIV, 13, претерпѣвшій до конца спасется). Пытки дѣйствовали на нѣкоторыхъ устрашающимъ образомъ и лионское посланіе какъ разъ повѣствуетъ о такихъ лицахъ, не выдержавшихъ испытанія и отрекшихся отъ Христа¹⁾.

Съ литературной точки зрѣнія конецъ Лионскаго посланія совершенно понятенъ. Тутъ очень замѣтно вліяніе Оригена, и лионцы разсуждаютъ совершенно такъ же, какъ тотъ отецъ церкви. Они говорили: Мученики тѣ, которыхъ Христосъ удостоилъ быть взятыми въ исповѣданіи и запечатлѣлъ ихъ мученичество ихъ смертью, мы же исповѣдники слабые и смиренные. Силу мученичества они проявляли на дѣлѣ, выказывая по отношенію къ язычникамъ большое дерзновеніе, и благородство свое обнаруживали терпѣніемъ, безбоязненностью и безстрашіемъ, но отъ названія мучениковъ, даваемого имъ братьями, они отказывались преисполненные страха Божія. Названіе мученика они предоставляли Христу, вѣрному и истинному мученику (*τῷ πιστῷ καὶ ἀληθινῷ μάρτυρι*) и первенцу изъ мертвыхъ и начальнику жизни Божьей²⁾. Авторы Лионскаго посланія воспользовались толкова-

1) Кипріанъ Карфагенскій называетъ мучениками лицъ, пострадавшихъ отъ пытки, хотя бы они не умерли, но это толкованіе западное и позднѣйшее. Кипріанъ былъ епископомъ Карфагена 248—258 г.

2) Апокал. III, 14 *μάρτυς ὁ πιστὸς καὶ ὁ ἀληθινός, ἡ ἀρχὴ τῆς κτίσεως τοῦ*
48

ніемъ одного мѣста пр. Исаіи, сдѣланнаго Оригеномъ. Господь, пишетъ Оригенъ, исповѣдуетъ себя мученикомъ (свидѣтелемъ и то же самое сообщаетъ о Христвъ: будьте мнѣ мучениками (свидѣтелями) и я мученикъ (свидѣтель), говоритъ Господь Богъ, и Сынъ, котораго я избралъ. Далѣе Оригенъ прибавляетъ, что называть мучениками можно только тѣхъ, кто боролся до смерти¹⁾. Слѣдовательно, лица, пострадавшія въ Лионѣ, разсуждали по Оригеновски.

Сверхъ того въ письмѣ Галльскихъ церквей, какъ въ письмѣ Смирнской церкви, выраженъ Оригеновскій взглядъ на мученичество. Епагатъ былъ причисленъ къ мученикамъ и сталъ называться ходатаемъ христіанъ (*παράκλητος χριστιανῶν*), имѣя въ себѣ духъ Утѣшителя, духъ мученика Захаріи, проявленный имъ полнотою любви, такъ какъ онъ рѣшилъ душу свою положить ради защиты братьевъ (*ὅτι ἐρὸς τῆς τῶν ἀδελφῶν ἀπολογίας καὶ τῆν ἑαυτοῦ θείναι ψυχὴν*²⁾), ибо онъ былъ и есть истинный ученикъ Христа, слѣдуя за агнцемъ, куда бы онъ ни пошелъ (Апокал. XIV, 4). Въ I посланіи Іоанна ходатаемъ предъ Отцомъ называется Иисусъ Христосъ, когда кто погрѣшитъ (II, 1). Въ концѣ письма Галльскихъ церквей говорится о всѣхъ мученикахъ, что жизнь свою они подѣлили съ ближними, отоидя побѣдителями къ Богу (43, 10). Слова эти становятся понятными, если вспомнить теорію Оригена: кровь мучениковъ искупаетъ грѣхи вѣрующихъ.

Авторы Лионскаго письма довольно неожиданно сравниваютъ

Θεοῦ. III, 15 ἀπὸ Ἰησοῦ Χριστοῦ, ὁ μάρτυς ὁ πιστός, ὁ πρωτότοκος ἐκ τῶν νεκρῶν, который есть свидѣтель вѣрный, первенецъ пезъ мертвыхъ.

1) Epist. Vienn. p. 42 ἡδέως γὰρ παρεχώρου τὴν τῆς μαρτυρίας προσήγοριαν τῷ Χριστῷ, τῷ πιστῷ καὶ ἀληθινῷ μάρτυρι . . . καὶ τὴν μὲν δύναμιν τῆς μαρτυρίας ἔργῳ ἐπεδείκνυντο, πολλὴν παρησίαν ἄγοντες πρὸς τὰ ἔθνη . . . τὴν δὲ πρὸς τοὺς ἀδελφοὺς τῶν μαρτύρων προσήγοριαν παρητοῦντο.

Origen. Comment. in Ioan. cap. 28 (Patr. gr. 14, 176) ὁ Θεὸς μάρτυς εἶναι ὁμολογεῖ καὶ περὶ τοῦ Χριστοῦ τὸ αὐτὸ ἀποφαίνεσθαι. . . φησὶ γὰρ γένεσθε μοι μάρτυρες καὶ γὰρ μάρτυς, λέγει κύριος ὁ Θεός, καὶ ὁ παῖς μου ὃν ἐξελεξάμην. (Ис. XLIII, 10) ἀλλ' ἤδη κυρίως τὸ τῆς ἀδελφότητος, ἔθος . . . τῶν ἕως θανάτου ἀγωνισαμένων . . . κυρίως μόνους μάρτυρας ὠνόμασαν . . . οὕτως εἰς μαρτύριον τοῖς ἀπίστοις οἱ μάρτυρες μαρτυροῦσι. Въ русскомъ переводѣ Библии это мѣсто пр. Исаіи читается такъ: а мои свидѣтели, говоритъ Господь, вы и рабъ мой, котораго я избралъ.

2) Въ слова, ваятыя изъ посланія Іоанна, вставлено „ради защиты“. I Ioan. III, 16 καὶ ἡμεῖς ὀφείλομεν ὑπὲρ τῶν ἀδελφῶν τὰς ψυχὰς τιθέναι.

мученичество Веттія Епагата съ мученичествомъ Захаріи. Хотя онъ былъ молодъ, онъ сравнился въ мученичествѣ со старымъ Захаріей (р. 29, 19 *καίπερ ὄντα νέον συνεξισοῦσθαι τῇ τοῦ προεβυτέρου Ζαχαρίου μαρτυρίᾳ*). Не подлежитъ сомнѣнію, что здѣсь имѣется въ виду отецъ Іоанна Крестителя, котораго преданіе смѣшалось съ другимъ Захаріей, сыномъ Варахія, убитымъ по словамъ евангелиста Маттея между церковью и алтаремъ (XXIII, 35); несомнѣнно также, что авторы Ліонскаго посланія воспользовались протоевангеліемъ Іакова. Въ этомъ апокрифѣ рассказано, что Иродъ искалъ Іоанна и послалъ служителей къ Захаріи и велѣлъ его спросить: куда спряталъ ты своего сына? Захарія же отвѣтилъ: Я служитель Божій и нахожусь постоянно въ храмѣ, я не знаю, гдѣ мой сынъ. Иродъ разсердился, требовалъ, чтобы Захарія открылъ мѣсто, гдѣ скрывается его сынъ, и напомнилъ ему, что отъ него зависитъ пролить его кровь. И сказалъ Захарія: я сдѣлаюсь мученикомъ Божиимъ, если ты прольешь мою кровь, ибо духъ мой приметъ Господь, потому что ты проливаешь невинную кровь въ преддверіи храма Господня. И на утренней зарѣ былъ убитъ Захарія¹⁾. Протоевангеліе Іакова въ первоначальномъ своемъ видѣ могло быть написано въ первой половинѣ второго вѣка, но эпизодъ о мученичествѣ Захаріи не входилъ въ древнюю редакцію. Оригенъ первый писатель, который называетъ этотъ апокрифъ (in Matth. X, 17 *τῆς βιβλίου Ἰακώβου*)²⁾, и онъ разъясняетъ преданіе, почему именно былъ убитъ между храмомъ и алтаремъ Захарія, отецъ Іоанна Крестителя³⁾. Преданіе это не согласуется съ протоевангеліемъ Іакова и по мнѣнію Берендтса его послѣднихъ главъ (23 и 24) во время Оригена еще не существовало⁴⁾. Первый, кто засвидѣтельствовалъ рассказъ протоевангелія, это Петръ Александрійскій (ум. 311 г.), сообщающій, что Иродъ искалъ убить второго сына Захаріи и, не найдя его, убилъ отца его Захарію между храмомъ и алта-

1) Prot. Jacobi (ed. Tischendorf), cap. 23 *καί εἶπε Ζαχαρίας μάρτυς εἰμὶ τοῦ Θεοῦ, εἰ ἐχέεις μὲν τὸ αἷμα. τὸ γὰρ πνεῦμά μου ὁ δεσπότης δέξεται, ὅτι αἷμα ἀθῶον ἐχέεις εἰς τὰ πρόθυρα τοῦ ναοῦ κυρίου. καί περὶ τὸ διάκρυμα ἐφρονεῦθι Ζαχαρίας.*

2) Patr. gr. 13, 876.

3) Ibid. p. 1631, 1655. Ср. Оригенъ (ed. Klostermann) III, 126.

4) A. Berendts. Studien über Zacharias-Apokryphen, p. 37—38.

ремь¹⁾. Однако и здѣсь нѣтъ буквального тождества съ протоевангелиемъ Іакова, и нѣтъ характерныхъ выраженій: мученикъ Захарія и его духъ. Разсказъ о мученичествѣ Захаріи не можетъ быть особенно древнимъ (слово *μάρτυς* употреблялось сначала только въ смыслѣ свидѣтеля, а не мученика) и очень вѣроятно, что авторы Ліонскаго письма обратили вниманіе на протоевангелие Іакова подѣ влияніемъ Оригена, котораго они вообще имѣли въ виду въ этомъ мѣстѣ²⁾.

Другимъ литературнымъ источникомъ письма Галльскихъ церквей служили книги Маккавейскія, не только вторая, считающаяся канонической, но и четвертая, апокрифическая. Здѣсь опять приходится вспоминать Оригена, который въ своемъ воззваніи къ мученичеству указываетъ на Маккавеевъ и дѣлаетъ обширныя выписки изъ книгъ Маккавейскихъ. Ліонскій епископъ, старецъ Поинъ, напоминаетъ ветхозавѣтнаго мученика, старца Елеазара. Поинъ, которому было свыше 90 лѣтъ, былъ чрезвычайно слабъ тѣломъ и едва дышалъ вслѣдствіе тѣлесной слабости, но его укрѣпляла бодрость духа, стремившагося къ мученичеству; тѣло его истощилось отъ старости и болѣзни, но душа хорошо сохранилась въ немъ, дабы черезъ нее торжествовалъ Христосъ. У старца Елеазара истощилось тѣло и ослабла плоть, но онъ помолодѣлъ, духомъ своего разума онъ обезсилилъ многоголовое орудіе пытки. О, счастливая старость, и жизнь по закону, которую усовершила печать смерти по вѣрѣ³⁾.

О Бланинѣ два раза повѣствуетъ Ліонское письмо. Ее пре-

1) Petri Alexandrini epist., salonica (Patr. gr. 18, 504) *ἕτερον παιδίον ζητήσας ἀποκτεῖναι καὶ μὴ ἐδρών τὸν πατέρα αὐτοῦ Ζαχαρίαν ἐφόνευσε μεταξύ τοῦ ναοῦ καὶ τοῦ θυσιαστηρίου.*

2) Epist. Vienn. p. 29, 17 *πλήρωμα ἀγάπης τῆς πρὸς τὸν θεὸν καὶ πρὸς τὸν πλησίον κεχωρηκώς.* Origen. de oratione cap. 11 (ed. Koetschau II, 322) *μία δὲ κριματώτη ἀρετῶν κατὰ τὸν θεῖον λόγον ἐστὶν ἡ πρὸς τὸν πλησίον ἀγάπη, ἣν πολλῶν μάλλον προσεῖναι τοῖς προκειοιμημένοις ἀγίοις πρὸς τοὺς ἐν βίῳ ἀγωνιζομένους.*

3) p. 34, 6 *ὁ μακάριος Ποτεινὸς πάνυ ἀσθενῆς τῷ σώματι, μόλις μὲν ἐμπνέων διὰ τὴν προκειμένην σωματικὴν ἀσθένειαν, ἐπὶ δὲ προθυμίας πνεύματος ἀναρρωννυμένος διὰ τὴν ἐγχειμένην τῆς μαρτυρίας ἐπιθυμίαν τοῦ μὲν σώματος καὶ ὑπὸ τοῦ γήρους καὶ ἐπὶ τῆς νόσου λελυμένου, τηρουμένης δὲ τῆς ψυχῆς ἐν αὐτῷ, ἵνα δι' αὐτῆς Χριστὸς θριαμβεύσῃ . . . ἀπειδίδου τὴν καλὴν μαρτυρίαν.* IV. Mass. VII, 13—15 (The Apostrophe, p. 235) *Καίτοι τὸ θανάσιώτατον, γέρον ὢν, λελυμένων μὲν ἤδη τῶν τοῦ σώματος πόνων καὶ περιεχάλασμένων δὲ τῶν σαρκῶν ἀνευέασεν, τῷ πνεύματι τοῦ λογισμοῦ τὴν πολυκέφαλον στρέβλαν ἠκέρωσεν. ὁ μακαρίου γήρους καὶ βίου νομίμων, ἐν πιστῇ θανάτου σφραγῆς ἐτελείωσεν.*

даютъ казни послѣ всѣхъ, послѣ врача Александра и римскаго гражданина Аттала, и въ томъ мѣстѣ, когда она упоминается во второй разъ, мы неожиданно читаемъ: блаженная Бландина, оставшаяся послѣдней изъ всѣхъ, какъ благородная мать, ободривъ своихъ дѣтей и предпославъ ихъ побѣдителями къ царю, поспѣшила къ нимъ присоединиться. Странно, что не погибла раньше другихъ Бландина, и странно, что она сравнивается вдругъ съ матерью мучениковъ. Литературный источникъ этого сравненія мы находимъ въ книгѣ Маккавейской, гдѣ разсказывается о мученицѣ, матери 7 сыновей, скончавшейся послѣдней, и гдѣ нѣкоторыя выраженія совпадаютъ съ письмомъ Галльскихъ церквей¹⁾.

Литературность Лѳонскаго посланія сказалась еще въ пользованіи апологіей Афинагора. Этотъ послѣдній единственный писатель, прямо называющій тѣ гнусныя преступленія, въ которыхъ, по ходившимъ разсказаньямъ, обвиняли христіанъ. „Въ трехъ преступленіяхъ обвиняютъ насъ, говорятъ Афинагоръ, въ безбожїи, въ Оіестовыхъ вечерахъ, въ Эдиповыхъ кровосмѣщеніяхъ. Если это правда не щадите никого, истребите весь христіанскій родъ съ женами и дѣтьми²⁾.“ Насъ ложно обвиняютъ, пишутъ авторы Лѳонскаго письма, въ Оіестовыхъ вечерахъ и въ Эдиповыхъ кровосмѣщеніяхъ и въ такихъ вещахъ, о которыхъ намъ даже не позволительно говорить или думать (р. 30, 29). Атрей, герой греческаго мѣа, изъ мести убилъ дѣтей своего брата Оіеста и во время пиршества угощалъ ими братьевъ. Обвиненіе противъ христіанъ заключалось въ томъ, будто они совершали ритуальное убійство и ѣли дѣтей³⁾. Поэтому Вавлида, сперва было отрекшаяся, но затѣмъ вспомнившая о вѣчномъ мученіи въ гееннѣ, воскликнула: какъ могутъ эти люди ѣсть дѣтей, когда имъ не дозволено даже ѣсть кровь неразумныхъ животныхъ? (р. 38, 18). И Атталъ заявляетъ: мы людей не ѣдимъ. Но авторы Лѳонскаго письма ставили красоту слога выше исторической точности, и

1) р. 30. 33 *ἡ δὲ μακαρὰ Βλανδίνα πάντων ἐσχάτη καθάπερ μήτηρ εὐγενής.* II Massab. 141, 20. 41 *ἐσχάτη δὲ τῶν υἱῶν ἡ μήτηρ ἐτελεύτησε.* VII, 20 *ἡ μήτηρ θαυμιστῆ ἐκλυροῦν.* Вторая книга Маккавейская имѣетъ форму письма и заглавіе ея похоже на заглавіе письма Галльскихъ церквей. II Mass. I, 1 *τοῖς ἀδελφοῖς.*

2) J. Geffcken. *Zwei griechische Apologeten*, p. 122.

3) M. Conrat. *Die Christenverfolgungen im Römischen Reiche*, p. 30.

изъ ихъ словъ можно вывести заключеніе, что лица, пострадавшихъ въ Ліонѣ, ни въ какихъ преступленіяхъ, кромѣ принадлежности къ христіанской религіи не обвиняли. „Въ это время, говорятъ они, произошло великое домостроительство Божіе и явилось безмѣрное милосердіе Іисуса. Схваченные въ самомъ началѣ и отрекшіеся отъ Христа, были все таки заключены въ тюрьму и претерпѣвали бѣдствія, и въ то время отречение не приносило имъ никакой пользы. Признававшие себя тѣмъ, чѣмъ они были, были заключены въ качествѣ христіанъ и никакого другого обвиненія къ нимъ не предъявляли, отрекшіеся же заключены были въ качествѣ челоуѣкоубійцъ (*ἀνδροφόνου*) и осквернившихъ себя и потому претерпѣвали вдвое больше мученій, чѣмъ остальные. Послѣднихъ облегчала радость мученичества, надежда на возвѣщенное, любовь къ Христу и духъ Отчій; отрекшихся же совѣсть мучила такъ сильно, что это ясно отражалось на ихъ лицахъ. Одни шли веселые и на лицахъ ихъ отражалась слава и благодать, при чемъ даже самыя оковы служили имъ украшеніемъ, и они благоухали благоуханіемъ христовымъ (II Коринѣ. II, 15), такъ что нѣкоторымъ казалось, что они помазаны миромъ; другіе же (отрекшіеся) были печальны, унылы и преисполнены всякаго безобразія. Кромѣ того и сами язычники поносили ихъ, какъ людей низкихъ и малодушныхъ, обвиненныхъ въ челоуѣкоубійствѣ и потерявшихъ досточтимое, славное и животворящее названіе (христіанскихъ мучениковъ)“. Невольно вспоминаются апологеты 2-го вѣка, говорившіе, что христіанъ казнятъ за самое имя ихъ, и восклицаніе Аѳинагора: какой же благоразумный челоуѣкъ скажетъ про насъ, что мы челоуѣкоубійцы (*ἀνδροφόνου*)¹⁾.

Литературность Ліонскаго посланія замѣтна почти въ каждой фразѣ. Въ изданіи Гебгардта на 491 строку 40 ссылокъ на разныя книги Новаго и Ветхаго Заветъа. Сидя въ тюрьмѣ, ліонцы со слезами просили братьевъ прилежно молиться за нихъ (р. 42, 18) *δωόμενοι ἡμῖν ἐκτενεῖς εὐχαὶ ὑμῶνται*, дабы имъ достигнуть совершенства. Эта фраза несомнѣнно написана подѣ влияніемъ того мѣста Дѣяній Апост., гдѣ говорится, что Петръ находился въ темницѣ и собраніе вѣрующихъ прилежно молилось о немъ

1) Geffcken, p. 153

Богу¹⁾. Какъ видно, авторы, описывая мученичество, котораго они будто были свидѣтелями, заботились всего больше о риторическомъ изяществѣ фразы и уснащали свою рѣчь библейскими цитатами. Пользованіе евангельскими словами вполнѣ естественно тѣмъ болѣе, что они часто приводятся не вполнѣ точно, но знаніе Маккавейскихъ книгъ, апологетовъ и особенно Гомера составляютъ уже признакъ изысканной учености. Въ изданіи Гебгардта есть ссылка на Гомера, и дѣйствительно одна фраза напоминаетъ Одиссею (р. 40, 15 *ἄπο γὰρ ἀγρίου θηρός ἀγρια καὶ βάρβαρα φύλα* = Од. VII, 206 *ἄγρια φύλα γυγάντων*). Это однако можетъ быть случайностью, потому что *βάρβαρα φύλα* напр. встрѣчается въ Ифигеніи въ Тавридѣ, хотя *φύλον* архаическое выраженіе, не встрѣчающееся въ книгахъ Новаго Завѣта.

Литературные источники, которыми пользовался авторъ Ліонскаго письма, доказываютъ, что оно никоимъ образомъ не могло быть составлено раньше конца 3-го вѣка, т. е. только черезъ столѣтіе послѣ описаннаго въ немъ событія.

По изображенію Ліонскаго посланія римскіе администраторы очень интересовались христіанскою религіей и хорошо ее знали. Проконсуль спрашиваетъ епископа Поина, какой у христіанъ богъ (а не боги) и слышитъ въ отвѣтъ дерзкія слова: если бы ты былъ достоинъ, то зналъ бы. Далѣе какой-то язычникъ спрашиваетъ Аттала, какъ зовутъ христіанскаго бога (а не боговъ)? Наконецъ и Ліонская администрація и народъ хорошо знакомы съ христіанскими представленіями о загробной жизни. „Гнѣвъ разжигалъ язычниковъ, какъ звѣря, и проконсуль и народъ выказывали намъ беззаконную свою ненависть, дабы исполнилось писаніе: неправедный пусть еще дѣлаетъ неправду, праведный да творитъ правду еще (Апокал. XXII, 11). Задохшихся въ темницѣхъ они бросали собакамъ, бдительно сторожа ночью и днемъ, чтобы мы когонибудь не похоронили, и положивъ останки (*τὰ λείψανα*), отъ звѣрей и огня истерзаные и обугленные, и головы остальныхъ съ отрѣзанными отъ нихъ туловищами, также стерегли войны нѣсколько дней подрядъ, чтобы ихъ не похоронили; одни сильно гнѣвались и скрежетали на нихъ зубами (Дѣян. Апост.

1) Дѣян. Апост. XII, 5 *προσευχὴ δὲ ἦν ἐκτενῶς γινομένη ὑπὸ τῆς ἐκκλησίας πρὸς τὸν θεὸν ὑπὲρ αὐτοῦ*, о немъ Богу.

VII 54), желая еще болѣе отомстить имъ, другіе издѣвались и ругались, вмѣстѣ съ тѣмъ величая своихъ идоловъ, тѣ же, которые казались снисходительнѣе и сострадательнѣе, съ упрекомъ говорили: Гдѣ ихъ Богъ и какая польза отъ ихъ вѣры, которую они предпочли жизни? „И мы сильно горевали, говорится въ Ліонскомъ письмѣ, потому что не могли предать тѣла землѣ, и ночь не помогала намъ, и деньги не убѣждали и мольба (*λιταυεία*) ихъ не смягчала, всячески они стерегли тѣла, какъ будто имъ доставляло большую прибыль, если наши не будутъ погребены. Тѣла мучениковъ, пролежавшія 6 дней на открытомъ воздухѣ, затѣмъ были сожжены и испепелены безбожниками и выброшены въ рѣку Рону, вблизи протекающую¹⁾, дабы на землѣ не оставалось отъ нихъ никакихъ остатковъ. И это сдѣлали они, воображая, что въ состояніи побѣдить Бога и лишить ихъ паки бытія (*τὴν παλιγγενεσίαν* Матѣ. XIX, 28. Тит. III, 5), чтобы, какъ они говорили, они не имѣли надежды на воскресеніе (*μηδὲ ἐλπίδα σωθῆναι ἀναστάσεως*), рассчитывая на которое они вводятъ чуждую намъ (т. е. римлянамъ) новую вѣру, и презирая муки, съ готовностью и радостью идутъ на смерть; теперь посмотримъ, воскреснутъ ли они и можетъ ли имъ помочь ихъ Богъ и вырвать ихъ изъ нашихъ рукъ (р. 40, 14—41, 26).

Едва ли правдоподобно то, что здѣсь рассказано. Хотя обыкновенно тѣла казенныхъ выдавались родственникамъ, римское право знало *damnatio memoriae*, и администрація иногда запрещала погребеніе преступниковъ особенно тѣхъ, кого казнили въ тюрьмѣ. О такомъ случаѣ рассказываетъ Діонъ Кассій. Зацѣпивъ крючкомъ трупъ, палачъ повлекъ его по улицамъ, а затѣмъ бросилъ въ рѣку²⁾. Но по словамъ авторовъ Ліонскаго письма, тѣла мучениковъ были отданы на съѣденіе собакамъ, тѣмъ не менѣе ихъ стерегли, и что же наконецъ сдѣлали съ ними? Съ точки зрѣнія христіанской, съ тѣлами мучениковъ поступили неприлично: ихъ сожгли. А съ точки зрѣнія языческой надъ ними совершили почетный обрядъ. Въ римской имперіи покойника клали на костеръ, называвшійся *rogus* или греческимъ словомъ

1) По мнѣнію Гиршфельда, которому не удалось установить топографію тѣхъ мѣстъ, гдѣ происходило ліонское мученичество, скорѣе можно было ожидать, что тѣла мучениковъ были брошены въ *Agalis*, а не въ Рону (р. 365).

2) Th. Mommsen. Römische Strafrecht, p. 988—989.

руга, и по совершеши этой торжественной церемонии собирали кости и пепель¹⁾. Для того, чтобы выбросить останки мучениковъ въ Рону, озвѣрѣвшіе римляне должны были предварительно ихъ собрать, т. е. сдѣлать то, что съ римской точки зрѣнія представлялось бы кощунственнымъ по отношенію къ преступникамъ, оскорбляющимъ римскую религію.

Не будемъ настаивать на томъ, что запрещено было сжигать трупы въ городѣ, для насъ самое важное, что римской администраціи навязываются христіанскія представленія о загробной жизни. Жившій въ Лугдунумѣ проконсулъ зналъ, что мертвые воостанутъ изъ гробовъ. Но если ему извѣстно было евангельское ученіе, представляется въ высшей степени страннымъ, что онъ могъ вѣрить баснямъ о кровосмѣшеніи и о людоедствѣ²⁾.

Епископъ Лайтфутъ указалъ на сходство отдѣльныхъ выраженій, встрѣчающихся въ письмахъ Смирнской церкви и Ліон-

1) H. Blüthner. Die Römischen Privataltertümer, p. 498—501. München 1911.

2) Недавно профессоръ Чикагскаго университета Томпсонъ высказалъ скептическій взглядъ на посланіе галльскихъ церквей. Онъ доказываетъ, что въ Ліонѣ не могло быть гоненія въ 177 г. на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) объ этомъ фактѣ до Евсевія не упоминалъ ни одинъ историкъ ни языческій, ни христіанскій, напр. Діонъ Кассій, Геродотъ, Либаній; 2) невѣроятно, чтобы въ этой части Галліи во 2-омъ вѣкѣ было значительное количество христіанъ; 3) Маркъ Аврелій не преслѣдовалъ христіанъ; 4) рассказъ о Ліонскихъ мученикахъ включаетъ въ себѣ несообразности, напр. Ліонъ и Виенна находились въ двухъ равныхъ провинціяхъ (Lugdunensis и Narbonensis) и жителей ихъ нельзя было судить въ томъ же мѣстѣ. Поэтому Томпсонъ думаетъ, что факты, о которыхъ въ немъ говорится, происходили въ 3-мъ вѣкѣ, вѣроятно въ царствованіе Аврелиана (American Journal of Theology, t. XVI, 1912 г., p. 359—364). Слабые доводы американскаго профессора удачно разбиваетъ Алларъ. О первомъ пунктѣ не стоитъ говорить, доводы a silentio вообще имѣютъ мало значенія, а въ частности историкъ 2—3 вѣка почти ничего о гоненіяхъ не говоритъ. Много или мало было христіанъ въ Галліи, неизвѣстно, но мы знаемъ, что во главѣ Ліонской церкви во 2-мъ вѣкѣ стоялъ Иринеи, пользовавшійся на западѣ большимъ вліяніемъ. Алларъ доказываетъ, что при Маркѣ Аврелія могли быть гоненія, и что на это есть другія свидѣтельства. Нѣкоторыя подробности, на которыя указываетъ Томпсонъ, напр. чудесный элементъ могъ одинаково быть прибавленъ и во 2-омъ вѣкѣ и въ 3-мъ. Для указанія на то, что Атталь не долженъ былъ въ качествѣ римскаго гражданина быть отданъ на растерзаніе звѣрямъ, Алларъ находитъ достаточное объясненіе въ словахъ мученика: проконсулъ сдѣлалъ это въ угоду толпѣ (Revue des questions historiques, 1913 p. 53—67). Въ то же время Карштедтъ напечаталъ статью въ доказательство, что рассказъ о Ліонскихъ мученикахъ вполне соответствуетъ историческимъ фактамъ и что посланіе должно было быть написано въ Ліонѣ въ 177 г., изъ чего однако не слѣдуетъ, что всякое слово въ немъ протокольная истина (Kahrstedt. Die Märtyrerakten von Lugdunum. Rhein. Museum N. F. Bd. 68 (1913) p. 394—412).

ской, которое, по его мнѣнію, не можетъ быть случайнымъ¹⁾. Совпаденіе это нисколько не колеблетъ его взгляда. Такъ какъ письмо Смирнской церкви было, по его мнѣнію, отправлено вскорѣ послѣ 155 г., а письмо Галльскихъ церквей вскорѣ послѣ 177 г., второе могло позаимствовать кое-что изъ перваго, хотя намъ неизвѣстно, чтобы сообщеніе о мученичествѣ Поликарпа было послано въ Лионъ. Сходство между обоими произведеніями гораздо значительнѣе и глубже, чѣмъ это казалось Лайтфуту. Оба автора слѣдуютъ Оригену и приняли его ученіе объ искупленіи людскихъ грѣховъ кровью мучениковъ. Въ обоихъ письмахъ проводится мысль о побѣдѣ христіанъ надъ римскою властью, мысль, которая въ послѣдствіи получаетъ своеобразное развитіе. Сами мучители признавались, что ихъ побѣдила Бландина (р. 31, 27), мученики отходятъ одержавши побѣду (р. 40, 2). Побѣда мучениковъ наглядно сказалась въ обоихъ случаяхъ одинаково, не смотря на всякія пытки, и Санкта (р. 36, 28 *τούσχατον ἐτύθησαν*) и Бландину заколоди (р. 40, 11 *ἐτύθη καὶ αὐτή*). Такъ же точно вынуждены были поступить съ Поликарпомъ (р. 8, 15 *ἐκέλευσαν αὐτῷ παραβῦσαι ξιφίδιον*). Въ обоихъ случаяхъ язычники не выдавали тѣла мучениковъ по христіанскимъ мотивамъ. И въ Лионѣ и въ Смирнѣ проконсулы совершали неправосудіе въ угоду толпѣ, имѣя своего предшественника въ лицѣ Пилата.

Кромѣ выраженій, указанныхъ Лайтфутомъ, есть и другія, очень похожія другъ на друга, въ обоихъ письмахъ²⁾. Въ посланіяхъ Галльскихъ церквей и Смирнской два раза упоминается о вѣнцѣ нетлѣнія въ столь сходныхъ выраженіяхъ, что они не могутъ быть случайнымъ совпаденіемъ³⁾.

1) Mart. Polyc. p. 2, 3 *ὥστε μήτε γούσαι μήτε στενάξαι τινὰ υἱῶν . . . δι παροετώσ ὁ κύριος ἰμίλει αὐτοῖς* = Ep. Gall. p. 39, 9 *Ἀλεξάνδρον μήτε στενάξαντος μήτε γούσαντος . . . ἀλλὰ κατὰ καρδίας δμιλοῦντος τῷ θεῷ*. Mart. Polyc. p. 2, 8 *διὰ μᾶς ὥρας τὴν αἰώνιον κόλασιν ἐξαγοραζόμενοι* = Ep. Gall. p. 33, 16 *ἰπομνησθεῖσα διὰ τῆς προσκαιροῦ τιμωρίας τὴν αἰώνιον ἐν γεννῆ κόλασιν*. Кромѣ того въ обоихъ документахъ два раза встрѣчается выраженіе *τῆς ἀφθαρσίας στέφανον*. The apostolic fathers, p. II, v. I, 606.

2) Mart. Polyc. p. 2, 7 *διὰ τῆς ὑπομονῆς Χριστοῦ χάριτι τῶν κοσμικῶν καταφρόνων βασάνων* = Ep. Gall. p. 20, 28 *ἀντεστρατήγει δὲ ἡ χάρις τοῦ Θεοῦ*. Mart. Polyc. p. 1, 22 *τὸ γὰρ γενναῖον αὐτῶν καὶ ὑπομονητικὸν τίς οὐκ ἔν θαυμάσειεν* = Ep. Gall. 31, 7 *ἐνταῦθα λοιπὸν ὑπεράνω πάσης ἐξηγήσεως ὑπέμενον κολάσεις οἱ ἄγιοι μάστιγες*. Mart. Polyc. p. 2, 20 *πολλὰ γὰρ ἐμηχανᾶτο κατ' αὐτῶν ὁ διάβολος* = Ep. Gall. p. 33, 24 *ἐτέρας μηχανὰς ὁ διάβολος ἐπενδεί*.

3) Mart. Polyc. p. 8, 28 *ἐστεφανωμένοι τε τὸν τῆς ἀφθαρσίας στέφανον* = Ep.

Разказы Евсевія.

Къ древнѣйшимъ памятникамъ агиографической литературы надо отнести разказы о палестинскихъ мученикахъ, которые написалъ Евсевій и помѣстилъ въ свою исторію церкви, во которые до насъ цѣликомъ не дошли. Они стали извѣстны въ сирійскомъ переводѣ, а затѣмъ три мартирія отысканы болландистами, въ греческихъ рукописяхъ и изданы ими въ 1897 г.¹⁾

Повѣствованіе о мученичествѣ Апфіана и Памфила представляютъ литературныя произведенія, основанныя по всей вѣроятности на ходившихъ въ Кесаріи разказахъ. Хотя, по словамъ Евсевія, онъ зналъ Апфіана и вмѣстѣ съ нимъ учился у пресвитера Памфила, ему знакомо было большинство пострадавшихъ лицъ и онъ былъ современникомъ гоненія, о которомъ рассказываетъ²⁾, онъ изъ Кесаріи, мѣста дѣйствія описанныхъ имъ мученичествъ, убѣжалъ въ Тиръ и за перо взялся гораздо позже, лѣтъ³⁾ черезъ 15—20 послѣ разказанныхъ имъ событій³⁾.

Евсевій начинаетъ свой разказъ о мученичествѣ Апфіана, какъ и подобаетъ литератору 4-го вѣка, съ похвалы мученику, предпославъ этому нѣсколько шаблонныхъ словъ о томъ, что никто не въ состояніи передать надлежащимъ образомъ божественную любовь мученика Апфіана. Онъ былъ знатнаго и богатаго рода, получилъ отличное образованіе. Далѣе сообщается объ одной чертѣ Апфіана, которая впоследствии стала общимъ мѣстомъ и повторяется во многихъ житіяхъ. Въ дѣтствѣ уже Апфіанъ

Gall. p. 37, 9 τὸν τῆς ἀφθαρσίας στεφανὴν στέφανον. Mart. Polyc. p. 9, 34 τὸν τῆς ἀφθαρσίας στέφανον ἀπολαβίων = Ep. Gall. p. 36, 2 ἀπολαβεῖν τὸν μέγαν τῆς ἀφθαρσίας στέφανον. Hierol. I, p. 116 Ἴνα τὸν τῆς ἀφθαρσίας στέφανον καὶ ἡμεῖς λαβόντες ἅμα τοῖς μακαρίοις μάρτυσιν. Const. Apost. V, 1, 2 ἐν τῷ κατιξιώθηαι τοῦ ἀφθάρτου στεφάνου.

1) Analecta Bolland. v. 16. Переизданы Швартцемъ. Eusebius Werke. Bd. II, Th. 2, p. 907—950. Leipzig 1908. Новое изданіе съ французскимъ переводомъ E. Grapin. Eusèbe sur les martyrs de Palestine. Paris 1913.

2) Anal. Boll. XVI, 123, 129 συγγενόμενος δὲ ἡμῖν αὐτοῖς καὶ τοῖς θελοῖς συγκροτήσας μαθήμασιν λόγοις τε ἱεροῖς ὑπὸ Πамφίλῳ συνασκηθεῖς. p. 129 πλειστον γούν ὄσων κατὰ τὸν ἐγνωσμένον ἡμῖν διωγμὸν ἀνδρισμένων τὸν περὶ ὧν ὁ λόγος ἀγῶνα σπανιώτατον, δὲ ἡμεῖς ἐγνωμεν, ἱστορήσαμεν. p. 113 δευτέρως τολῶν καθολικῆς ἐκιναστάσεως κατὰ τὸ τρίτον ἔτος τοῦ καθ' ἡμᾶς διωγμοῦ γενομένης.

3) Последнія книги церковной исторіи Евсевія, куда входили разказы о палестинскихъ мученикахъ, написаны по мнѣнію ея издателя Швартца въ 324 или 325 г., а гоненіе, когда пострадалъ Памфилъ, происходило въ 307 г. Bagdener. Gesch. d. altkirchl. Literatur III, 240, 251.

проявлялъ взгляды и привычки, свойственные зрѣлому возрасту, былъ воздержанъ, цѣломудренъ и очень серіозенъ (*ἦδη δὲ πρεσβυτικῶ καὶ σεμνοῦ βίου καὶ τρόπου καταστάσει ἑαυτὸν ἐκόσμηε*). Едва ли можно назвать исторической ту обстановку, въ которой, по словамъ Евсевія, происходило мученичество Апфіана. Въ третій годъ поднимался противъ насъ гоненія, говоритъ Евсевій, пришли грамоты Максиміана. Онъ повелѣвалъ, чтобы при ревностномъ содѣйствіи начальниковъ городовъ всѣ всенародно приносили жертвы и совершали возліаніе дэмонамъ. Тотчасъ же по всѣмъ городамъ глашатаи объявили, что мужчины вмѣстѣ съ женами и дѣтьми должны отправиться въ дома идоловъ; тысяченачальники и сотники ходили по домамъ и улицамъ и производили перепись гражданъ; затѣмъ выисывая каждого по имени, принуждали дѣлать ихъ то, что было приказано (т. е. приносить жертвы богамъ). Трудно себѣ представить, чтобы въ голову римскаго императора могла прійти мысль о необходимости переосвидѣтельствванія всего населенія обширной имперіи, предполагавшагося принадлежащимъ къ государственной религіи, и немислимо, чтобы подобное распоряженіе могло быть приведено въ исполненіе.

За то въ литературномъ отношеніи мартирій Апфіана представляетъ очень любопытныя черты. Онъ похожъ на посланіе Галльскихъ церквей. Между Апфіаномъ и Санктомъ не трудно провести параллель. На вопросы судьи, кто онъ и откуда, Апфіанъ такъ же, какъ Сянтъ, отвѣчалъ только, что онъ признаетъ себя христіаниномъ и рабомъ Христа. Въздѣвствіе этого, проконсулъ, судившій въ Лионѣ Сянта и палестинскій начальникъ очень разсердились, потому что ничего не могли подѣлать съ мученикомъ (Ep. Gall. p. 32, 17 *ὥστε δρότε μηδέτι μηδέν εἶχον ὁ ποιήσωσω αὐτῷ* = Arrh. p. 125 *κινούμενος ἐπὶ τῇ τοῦ μάρτυρος ἀνικῆτῳ φωνῇ*). И Сянта и Апфіана стали жечь и подвергали ихъ такимъ пыткамъ, что лицо у нихъ потеряло человѣческій образъ (Ep. Gall. p. 32, 26 *ἀποβεβλητός τὴν ἀνθρώπειον ἔξωθεν μορφὴν* = Arrh. p. 125 *τοῦ προσώπου τὴν μορφὴν ἠλλοιωμένος*). Сянтъ оставался твердъ, потому что его подкрѣплялъ (*ἐνδυναμούμενος*) Христосъ; въ мученичествѣ Апфіана проявлялась сила Христа (*παρούσης αὐτῷ τῆς Ἰησοῦ δυνάμεως*). Авторы посланія Галльскихъ церквей два раза сообщаютъ, что палачи приходили въ неистовство и желали пытками побѣдить стойкость Сянта, но онъ ничего не говорилъ,

кромѣ прежняго своего приананія въ христіанской вѣрѣ (р. 36, 19 *καὶ μᾶλλον ἐξεμαίνοντο, βουλόμενοι νικῆσαι τὴν ἐκείνων ὑπομονήν καὶ οὐδὲ παρὰ Σάγκτου ἕτερον τι εἰσήκουσαν παρ' ἧν ἀπ' ἀρχῆς εἰδύστο λέγειν τῆς ὁμολογίας φωνήν*). Про Апфіана Евсеvій тоже рассказываетъ, что язычники бѣсновались, принуждая его отвѣчать на вопросы и принести жертву богамъ, но тотъ не удостоивалъ ихъ отвѣта и только одно говорилъ и исповѣдывалъ Христа (р. 125 *οἱ μὲν γὰρ ἐλύπτων οἷα δαίμονες . . . δὲ δὲ μὴ μόνῃ ἐκέχρητο φωνῇ τὸν Χριστὸν ὁμολογούσῃ*). Одна фраза о тюрьмѣ, куда и Санктъ и Апфіанъ были посажены между пыткой и казнью, напоминаетъ также посланіе Галльскихъ церквей (Ep. Gall. p. 33, 24 *τὰς κατὰ τὴν εἰρηκτὴν ἐν τῷ σκότει καὶ τῷ χαλεπωτάτῳ συγκλίσεις* = Arrh. p. 124 *εἰς τὸν τῆς εἰρηκτῆς σκοτεινὸν μυχθῶνα ἐλαμβάνετο*). Замѣтно также нѣкоторое сходство между Памфіломъ и Поликарпомъ.

Очень мало заботясь о юридической точности Евсеvій называетъ Урбана, судившаго Апфіана, языческимъ начальникомъ (*τὸν τοῦ ἔθνους ἀρχοντα, δ τοῦ ἔθνους ἡγούμενος*), въ мартиріи же Θεодосіа тотъ же Урбанъ называется начальникомъ Палестины, т. е. проконсуломъ (*τὴν Παλαιστινῶν διεἴπεν ἀρχήν*). Этотъ Урбанъ приговорилъ Апфіана къ отдачѣ морскимъ волнамъ (*βυθοῖς θαλάσσης παραδοθῆναι*) т. е. къ наказанію не предусмотрѣнному законами. Апфіану привязали къ ногамъ камни и бросили въ море. Въ республиканскую эпоху отцеубійцѣ зашивали въ мѣшокъ и бросали въ море, но въ императорскую эпоху, по свидѣтельству юриста Павла, эта казнь была отмѣнена¹⁾.

Обработывая дошедшій до него рассказъ Евсеvій несомнѣнно почерпалъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ литературныхъ источниковъ. Онъ имѣлъ въ виду коментарій къ пророку Давиду Иполита Римскаго, пользовавшійся большимъ распространеніемъ и авторитетомъ на Востокѣ. Максиміанъ называется змѣей, т. е. дьяволомъ и тираномъ, почти такъ же, какъ Навуходоносоръ, и у Иполита же можно найти живописную картину колоссальнаго гоненія, когда по всѣмъ городамъ и селеніямъ рассылаются люди, чтобы убивать христіанъ²⁾.

1) Th. Mommsen. Römische Strafrecht, p. 923.

2) Anal. Boll. XVI, 123, 124, 125, 126 *δεινὸς ὄφις καὶ τύραννος ἀπηγῆς Μαξιμανός*. Hippol. II, 19 (I. p. 78) *Ναβουχοδονόσορ κατ' ἡμῶν ὡς μέγας διάβολος τυραννεῖ*. Anal. Boll. p. 122 *ἄλλων τε ἀλλάχασε*. p. 123 *πανδημεῖ πάντας τῶν κατὰ* 60

Разсказъ о мученичествѣ Памфила, Валента, Павла, Селевка, Порфирія, Θεοδουла, Юліана и другихъ написанъ Евсевіемъ тоже съ нѣкоторыми риторическими украшеніями на тему: мученики эти какъ въ маломъ изображеніи представляютъ многотысячную церковь (р. 131 *ὡς ἐν εἰκόνι μικρῇ μυριάδου ἐκκλησίας ἀφομοίωμα φεροῦσης ἀναπληροῦντων*). Ихъ было двѣнадцать, число, достойное удивленія, такъ какъ оно указываетъ на благодать пророческую и апостольскую; ихъ было двѣнадцать, столько же сколько патріарховъ, пророковъ и апостоловъ, говоритъ Евсевій. И столько же, прибавимъ отъ себя, сколько смирнскихъ мучениковъ, такъ какъ Поликарпъ былъ двѣнадцатымъ (р. 9). Всѣхъ двѣнадцати Евсевій не перечисляетъ и повидимому именъ ихъ не звалъ. По его словамъ 10-мъ былъ Селевкъ, 11-мъ Θεοδουλъ, 12-мъ Юліанъ (р. 138). Сначала перечислены вторымъ послѣ Памфила іерусалимскій діаконъ Валентъ, третьимъ Павелъ (р. 133), упоминается еще рабъ Порфирій, т. е. всего семь мучениковъ, которые названы и въ заглавіи. Слѣдовательно, символическое число 12 представляется недостовернымъ, и драматургія (р. 135 *δραματοποιία*) палестинскихъ мучениковъ, какъ выражается Евсевій, дѣйствительно на лицо (ср. р. 129 *καρὸς καλῆ τὸ μέγα καὶ περιβόητον ἀνιστορήσαι θέατρον Πамφίλου*). Изъ разнообразія общественнаго положенія мучениковъ авторъ беретъ риторическія вѣнки. Молодые и старые, образованные и необразованные, евпатриды, занимающіе видное положеніе въ арміи, и рабы, пресвитеры и діаконы, оглашенные и вѣрные одинаково стойко выдерживаютъ мученичество. Подобно струнамъ многострунной лиры, высокимъ и низкимъ, слабымъ и натянутымъ, но вообще приспособленнымъ къ музыкальному искусству, молодые и старые, рабы и свободные, образованные и необразованные, безвѣстные и знаменитые, вѣрные съ оглашенными, діаконы съ пресвитерами, всѣ отъ единого премудраго художника, однороднаго Слова Бога разнообразно вибрируя, чрезъ совершеніе мученичества Богу вселенной испол-

πόλιν ἀρχόντων . . . κήρυκες κατὰ πάσας τὰς πόλεις. р. 124 ἀφ' ἧν δὴ οὖν κλάδων κακῶν πανταχῇ πάντων ἐπιτελημένων. р. 125 πᾶν εἶδος κολαστηρίων ἐπέγαγεν. Hippol. IV, 50 (I. р. 316) ἄλλων ἀλλαγῆ κατὰ πᾶσαν πόλιν καὶ χώραν εἰς τὸ ἀναρεῖν τοὺς πιστοὺς πεμπομένων . . . καὶ διὰ θαλάσσης καὶ διὰ ξηρᾶς τοὺτους διὰ τοῦ προστάγματος ἀναρεῶντος καὶ κατὰ πάντα τρόπον ἐκ τοῦ κόσμου ἐκθλίβοντος . . . καὶ πάση κολάσει κολασθήσονται.

няли благочестивѣйшую и премудрую мелодію. Нѣчто похожее говорятъ авторы письма Галльскихъ церквей: изъ различныхъ красокъ и разныхъ цвѣтовъ сплетя единый вѣнокъ, поднесли его Отцу, ибо надлежало мужественнымъ борцамъ, выдержавъ разнообразную борьбу, получить великій вѣнокъ нетлѣвнiя (р. 35, 36).

Въ разсказѣ Евсевiя много риторическихъ фразъ и мало историческихъ данныхъ. Мы находимъ здѣсь игру словъ, основанную на имени мученика, ставшую въ послѣдствіи необходимой принадлежностью всѣхъ житiй. Памфилъ по истинѣ Теофилъ (т. е. боголюбезный) и другъ и заступникъ всѣхъ (*πάντων φίλος*) оправдывалъ свое имя (р. 132). Держались мученики на судѣ довольно странно. Мало того, что они смѣялись надъ пытками и иронически относились къ допросу проконсула. На вопросъ о происхожденіи они не называли земного города, а говорили, что родина ихъ Иерусалимъ, разумѣя небесный Иерусалимъ (р. 132). Въмѣсто настоящихъ именъ они иносказательно называли себя ветхозавѣтными пророками Иліей, Іереміей, Исаіей, Самуиломъ и Даніиломъ (д. 134). А римскій проконсулъ, не слыхавшій, что есть Иерусалимъ, спрашивалъ, гдѣ находится этотъ городъ? ¹⁾

Нѣкоторыя мѣста повѣствованiя о Памфилѣ напоминаютъ посланiя Галльскихъ церквей и Смирнской церкви. Въмѣстѣ съ Памфиломъ пострадалъ его рабъ Порфирiй, которому не было еще 18 лѣтъ, а Бландина неожиданно привела съ собою юного раба Понтика, которому было приблизительно 15 лѣтъ. Противъ него озвѣрѣла толпа и не пощадила его возраста; точно также противъ Порфирiя озвѣрѣлъ проконсулъ и не пощадила его юности ²⁾. О пострадавшихъ съ Памфиломъ Евсевiй говоритъ, что кончина ихъ была разнообразна, и это похоже на повѣствованіе Галльскихъ Церквей ³⁾. Въ повѣствованіи о Памфилѣ Евсевiй указываетъ на явленіе, отмѣченное въ обоихъ письмахъ

1) Діонъ Кассiй знаетъ, что Иерусалимъ названъ былъ Эліей Капитолиной. Dio Cass. 69; 12 *εις δὲ Ἱεροσόλυμα πόλιν, ἣν καὶ Αἰλίαν Καπιτωλίαν ὠνόμασε.*

2) Ep. Gall. p. 39, 24 *ἡγριώθη πρὸς αὐτοὺς τὸ πλῆθος, ὡς μήτε τὴν ἡλικίαν τοῦ παιδὸς οἰκτεῖραι.* Apal. Boll. XVI. 136 *θηροῦ ἀγριώτερος μήτε τῷ τῆς ἡλικίας ἀπονεμας νέῳ συγγνώμην.*

3) Ep. Gall. p. 35, 28 *μετὰ ταῦτα δὴ λοιπὸν εἰς πᾶν εἶδος διηρεῖτο τὰ μαρτύρια τῆς ἐξόδου αὐτῶν.* p. 36, 1 *ποικίλον ὑπομείναντας ἀγῶνα.* p. 36, 25 *τῆς ἐν τοῖς μονομαχοῖς ποικιλίας.* Apal. Boll. XVI, 132 *ποικίλος δ' ἦν αὐτῶν καὶ ὁ τῆς τελευτῆς τρόπος.*

Смирнскомъ и Галльскомъ: судья оказался побѣжденнымъ и потерявъ всякую надежду на успѣхъ уступилъ мученикамъ на граду за побѣду ¹⁾).

Сходство, наблюдаемое между древнѣйшими мартиріями, объясняется по всей вѣроятности тѣмъ, что ихъ авторы принадлежали къ одной и той же литературной школѣ.

ГЛАВА ПЕ

Подлинныя мартиріи.

Къ древнѣйшимъ и подлиннымъ мартиріямъ, т. е. современнымъ описаннымъ въ нихъ событіямъ, всѣ безъ исключенія и скептически настроенные ученые и католическое духовенство, отстаивающее церковную точку зрѣнія (Эргардъ, Барденгеверь, Йорданъ, Штелинь и конечно болландисты), причисляютъ по крайней мѣрѣ семь: кромѣ писемъ церковей Смирнской и Лионской, мартиріи Карпа, Юстина, Сцилитанскихъ мучениковъ, Перпетуи и Аполлонія ²⁾).

Гарнакъ, переиздавшій мартиріи Карпа, Папила и Агаоники, доказываетъ на основаніи внутреннихъ признаковъ, что онѣ были написаны во второмъ вѣкѣ ³⁾. Евсевій сообщаетъ, что вслѣдъ за Поликарпомъ и раньше Юстина пострадали въ Пергамѣ Карпъ, Папиль и Агаоника (Н. Е. IV, 16, 48); онъ однако не приводитъ никакихъ подробностей, и мы лишены возможности сказать, знали ли онѣ тотъ самый мартирій, который мы читаемъ теперь. Въ этомъ разсказѣ о трехъ пострадавшихъ лицахъ, который всѣми единогласно считается судебнымъ протоколомъ, нѣтъ никакихъ точныхъ указаній, составляющихъ необходимую принадлежность

1) Euseb. II, 933 *ἔπειτα πρὸν τῆς ἑλλάδος τέλος ἐκάστη τὰ τῆς νίκης ἀποφύροσθαι παρεχόμεν.*

2) A. Ehrhard. Die altchristliche Litteratur p. 569—592. Freiberg 1900. O. Bardenhewer. Geschichte der altkirchlichen Literatur II, 615—631. Freib. 1903. H. Gwatkin. Early Church History v. I p. 147, 157—164, 167. London 1909. H. Jordan. Geschichte der altchristlichen Literatur, p. 85—87. Leipzig 1911. W. Christ. Geschichte der griechischen Literatur (5 Aufl.) Th. 2 Hft. 2, p. 1077—1080.

3) Въ первый разъ греческій мартирій Карпа издавъ Обэ въ Revue archéologique 1881 г.; онъ перепечатанъ: B. Aubé. L'église et l'état dans la seconde moitié du III siècle, 2 éd. p. 499—506. Paris 1886. Второе изд. Гарнака (Texte und Untersuchungen Bd. III). Новѣйшія изданія Knopf. Ausgewählte Märtyrerakten p. 11—14. Gebhardt. Ausgewählte Märtyrerakten, p. 13—17. Я пользуюсь послѣднимъ изданіемъ.

всѣхъ официальныхъ документовъ. Папилъ названъ гражданиномъ города Сіатиръ, но кѣмъ были Карпъ и Агаеоника, не сказано и повидимому не знали этого Евсевій. Проконсулъ не названъ по имени и не указано, почему и при какихъ обстоятельствахъ привлекли къ суду Карпа и другихъ.

Документъ начинается такими словами: „Когда проконсулъ находился въ Пергамѣ, приведены были къ нему блаженные Карпъ и Папилъ, мученики Христовы. Проконсулъ сказалъ: какъ зовутъ тебя? Блаженный сказалъ: первое и избранное имя мое — христiанинъ, если же ты спрашиваешь о моемъ мiрскомъ имени, меня зовутъ Карпомъ. Проконсулъ сказалъ: тебѣ конечно извѣстны повелѣнія Августовъ о томъ, что вы обязавы почитать боговъ, управляющихъ вселенной, поэтому я совѣтую вамъ подойти и принести жертву.“ Въ послѣдней фразѣ очень замѣчательно христiанское выраженiе объ управленiи мiромъ, которое проконсулъ примѣнилъ къ языческимъ богамъ, совпадая съ Оригеномъ¹⁾.

Мартирiй Карпа несомнѣнно литературное произведенiе, написанное авторомъ, начитаннымъ и образованнымъ. Это проявляется съ особенной ясностью въ отвѣтъ Карпа, излагающаго проконсулу цѣлую богословскую теорiю. Кромѣ цитатъ изъ Священнаго Писанiя тутъ очень замѣтно влiянiе апологетовъ, Ипполита Римскаго, Оригена и одного апокрифа. Въ отвѣтъ на предложенiе проконсула принести жертву богамъ, Карпъ отвѣчаетъ: я христiанинъ, почитаю Христа, Сына Божiя, пришедшаго въ послѣднiя времена (*ἐν ὑστέροις καιροῖς*)²⁾ для спасенiя нашего и избавившаго насъ отъ обольщенiя діавола³⁾. Карпъ приравниваетъ языческихъ боговъ къ демонамъ, какъ это сказано въ псалтири и повторено Климентомъ Александрiйскимъ и Оригеномъ⁴⁾. Карпъ говоритъ проконсулу: мнѣ невозможно прино-

1) Martyr. Carpi p. 13, 10 *τοὺς θεοὺς τοὺς τὰ πάντα διοικοῦντας*. Origen. II, 285 *ὁ διοικῶν τὰ σμικρὰ θεός* (I Коринт. VIII, 6 *ἀλλ' ἡμῖν εἰς θεὸς ὁ Πατήρ, ἐξ οὗ τὰ πάντα*).

2) I Тимое. IV, 1 *τὸ δὲ πνεῦμα ῥητῶς λέγει, ὅτι ἐν ὑστέροις καιροῖς ἀποστήσονται τινες τῆς πίστεως*. Духъ же ясно говоритъ, что въ послѣднiя времена отступятъ вѣкоторые отъ вѣры.

3) Mart. Carpi, 13, 14 *ἠρσάμενον ἡμᾶς τῆς πλάνης τοῦ διαβόλου*. Origen. II, 36 *ἠρσαμένω ἀπὸ τῆς πλάνης*. Матт. VI, 13 *ῥῦσαι ἡμᾶς ἀπὸ τοῦ πονηροῦ*.

4) Псалом. 95, 5 *πάντες οἱ θεοὶ τῶν ἐθνῶν δαιμόνια*, всѣ боги народовъ —

силь жертвы поддѣльнымъ изображеніямъ демоновъ; привносящія имъ жертвы подобны имъ, ибо какъ истинныя поклонники, поклоняющіеся Богу въ Духѣ и истинѣ (Іоанн. IV, 23), уподобляются славѣ Божіей¹⁾ и съ нимъ становятся бессмертными, такъ служащія идоламъ уподобляются суетѣ (*τῆ ματαιότητι*) демоновъ и съ ними погибають въ гееннѣ. У Оригена можно было прочесть слова Цельса: они не боги, а демоны и не слѣдуетъ служить демонамъ тому, кто почитаетъ Бога²⁾.

Равсердившись проконсулъ сказалъ: принесите жертвы богамъ и не глумите. На это Карпъ улыбаясь отвѣтилъ словами пророка Іереміи: боги, которые не сотворили неба и земли, да погибнуть³⁾. Проконсулъ сказалъ: ты обязанъ принести жертву, ибо такъ повелѣлъ императоръ. На это Карпъ отвѣчаетъ словами, позаимствованными изъ второго посланія Климента: живые не приносятъ жертвъ мертвымъ⁴⁾.

Тогда проконсулъ довольно неожиданно спрашиваетъ: боги кажутся тебѣ мертвыми? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ, который едва ли могъ задать римскій администраторъ, Карпъ читаетъ цѣлую лекцію. Онъ доказываетъ, что языческіе боги созданы изъ матеріи и потому гибнуть во времени, а Богъ вѣченъ и неизмѣненъ, пребываетъ все тѣмъ же (какъ аристотелевская сущность), не увеличиваясь и не уменьшаясь⁵⁾. Боги же языческіе дѣлаются людьми и уничтожаются отъ времени. Не удивляйся, что они ложно пророчествуютъ и обманываютъ, говоритъ Карпъ

идолы. Clem. Protr. cap. 4 (I, 48) πάντες οἱ θεοὶ τῶν ἐθνῶν δαιμονίων εἰσὶν εἴδωλα). Origen. II, 218, 222.

1) Римл. V, 2 *καυχώμεθα ἐπ' ἐλπίδι τῆς δόξης τοῦ Θεοῦ*, хвалимся надеждою славы Божіей.

2) Mart. Capr. p. 13, 16 *ἐμὲ γὰρ ἀδύνατον θῆσαι κερδήλους φάσμασιν δαιμόνων*. Origen. I 61 *φάσμασι δαιμόνων*. Hippol. I, 92 *τοῖς κενοῖς καὶ ἀψύχοις καὶ ματαίοις εἰδώλοις ὑπετάγησαν*. Mart. Capr. p. 13, 23 *καὶ οἱ τούτους λατρεύοντες ἀφομοιοῦνται τῇ ματαιότητι τῶν δαιμόνων καὶ σὺν αὐτοῖς ἀπόλλυνται ἐν γεέννῃ*. Apol. Inst. (Patr. gr. 6, 457) *οἱ δαίμονες τὴν ἄξιαν κόλασιν κομίσονται ἐν αἰωνίῳ πυρὶ ἐγκλεισθέντες . . . διδαγμά ἐστι τῆς καὶ μελλούσης αὐτοῖς καὶ τοῖς λατρεύουσιν αὐτοῖς ἐσομένης ἐν πυρὶ αἰωνίῳ κολάσεως*.

3) Mart. Capr. p. 14 *οἱ θεοὶ οἱ τῶν οὐρανῶν καὶ τὴν γῆν οὐκ ἐποίησαν, ἀπολέσθωσαν*. Іерем. X, II. Боги, которые не сотворили неба и земли, исчезнутъ съ земли и изъ подъ небесъ.

4) Mart. Capr. p. 14, 12 = II Clem. 3, 1 (ed. Zahn I, 162). I Apol. Inst. (Patr. gr. t. 6, 340).

5) Mart. Capr. p. 14, 21. Categor. III, 20, 21.

проконсулу, это дѣйствіе діавола, который возбуждаетъ гоненія противъ святыхъ и ими угѣсняется¹⁾). Кончаетъ свою рѣчь Карпъ словами, позаимствованными у Ипполита Римскаго, въ которыхъ до известной степени разрѣшается вопросъ о происхожденіи зла и указывается на то, что діаволъ искушаетъ людей съ дозволенія Божія²⁾).

А вся сцена „Карпъ передъ проконсуломъ“ живо напоминаетъ апокрифъ о Белѣ и драконѣ и могла быть оттуда позаимствована. Даніилъ поклонился своему богу, рассказываетъ апокрифъ, и сказалъ ему царь: почему не поклоняешься ты Белу? Тотъ сказалъ: потому что я не почитаю рукотворенныхъ идоловъ, а живого Бога, сотворившаго небо и землю. И сказалъ ему царь: развѣ Белъ не кажется тебѣ живымъ богомъ? Даніилъ сказалъ смѣясь и т. д.³⁾

Вслѣдъ за Карпомъ проконсулъ допрашиваетъ Папила слѣдующимъ образомъ: ты членъ городского совѣта (*βουλευτής*)? Папиль говоритъ: я гражданинъ. Проконсулъ говоритъ: какого города (*τίων*) гражданинъ (предвидя, что этотъ городъ *plurale tantum*)? Папиль сказалъ: Θιατῖρ. Проконсулъ сказалъ: дѣтей имѣешь? Папиль сказалъ: и многихъ чрезъ Бога. Нѣкто изъ толпы закричалъ: Онъ говоритъ о дѣтяхъ по вѣрѣ христіанской. Проконсулъ сказалъ: зачѣмъ ты лжешь, говоря, что имѣешь дѣтей? Папиль сказалъ: желаешь ли ты узнать, что я не лгу, а говорю правду? во всякой области и городѣ у меня имѣются дѣти по Богу.

Приведенный отрывокъ всего менѣе похожъ на судебный допросъ. Странно, что проконсулъ спрашиваетъ не: кто ты, а не членъ ли ты городского совѣта? Онъ очевидно зналъ подсудимаго.

1) Mart. Carp. p. 14, 18. Athenag. cap. 4, cap. 15, cap. 19. Aristid. IV, 1. Tatian. cap. 4 (Patr. gr. t. 6, 813). Oracul. Sibyll. (ed. Geffcken) VIII, 429. Mart. Carp. p. 14, 24. Hippol. I, 94, 168. Ps. Inst. Cohort. ad graec. cap. 28 (Patr. gr. t. 6, 296).

2) Mart. Carp. p. 15, 4. Hippol. I, 322.

3) Mart. Carp. p. 14, 8, 12 *ὁ ἀνθρώπος εἶπεν· οἱ θεοὶ δοχοῦσιν σοὶ νεκροὶ εἶναι*. p. 14, 8 *Κάρπος ὑπομειδιάσας εἶπεν· Βῆλ καὶ δράκων. ὁ Θεὸς ἀποκρυφῆς, p. 137 καὶ εἶπεν αὐτῷ ὁ βασιλεὺς· οὐ δοκεῖ σοὶ Βῆλ εἶναι ζῶν θεός; καὶ εἶπε Δανιὴλ· γελᾶσας. Одна фраза изъ апокрифа приведена буквально Ипполитомъ Римскимъ въ комментарий къ Давіилу (I, 88). Апокрифъ о Белѣ написанъ въ концѣ 2-го или началѣ 1-го вѣка до Р. X. A n d r é. Les apocryphes de l'ancien testament, p. 234. Florence 1905.*

Еще болѣе удивляетъ игра словъ на счетъ дѣтей. Соотвѣтствуетъ исторія только указаніе на социальное положеніе Папила. Городъ Θιατιры, упоминаемый Светоніемъ и въ надписяхъ, дѣйствительно существовалъ и во время Плинія входилъ въ Пергамскій судебный округъ, при Каракаллѣ же онъ былъ выдѣленъ изъ этого округа и сдѣланъ самостоятельнымъ городомъ, гдѣ собирався свой отдѣльный *conventus* ¹⁾. Но всего важнѣе, можетъ быть, что городъ Θιατιры встрѣчается въ Апокалипсисѣ ²⁾. Въ Дѣянїяхъ Апостоль. (XVI, 14) упоминается женщина Лидія, торговавшая порфирами въ Θιαтирахъ. Карпа повѣсили и подвергли пыткамъ, называвшейся строганіемъ (*ξέσδα*). Онъ все кричалъ: я христіанинъ, пока отъ мученія не потерялъ способности говорить. Также самое сдѣлали съ Папиломъ. Но такъ какъ наказаніе не оказало должнаго воздѣйствія на Карпа и Папила, проконсулъ приказалъ сжечь ихъ живыми. Оба поспѣшили на амфитеатръ, чтобы поскорѣе освободиться отъ міра. Послѣ казни Папила пригвозденъ былъ къ столбу Карпъ, и онъ улыбнулся. Присутствовавшія при этомъ лица удивились и спросили его: почему ты смѣешься? Блаженный отвѣтилъ: я увидѣлъ славу Господа (*είδον τὴν δόξαν κυρίου*) и обрадовался, вмѣстѣ съ тѣмъ я освободился отъ васъ и я не причастенъ къ злу, которое вы творите. Карпъ также, какъ первомученикъ Стефанъ, видѣлъ славу Божию ³⁾.

О славѣ Божіей, упоминаетъ евангелистъ Лука въ томъ мѣстѣ, гдѣ говоритъ, что видъ лица Спасителя измѣнился и одежда Его сдѣлалась бѣлою, и Оригенъ поясняетъ, что не всѣ могли видѣть славу Иисуса, а только избранные, поэтому Христосъ взялъ съ собою передъ Преображеніемъ только трехъ апостоловъ ⁴⁾.

1) Ad Pergamenam iurisdictionem conveniunt Thyatireni. Charot. La province romaine d'Asie, p. 355—356.

2) Апок. I, 11 что видишь, напиши въ книгу и пошли церквамъ въ Асія . . . и въ Θιαтиру (по гречески во множеств. числѣ *εις Θιατειρα*). II, 18 и ангелу Θιαтирской церкви (*τῆς ἐν Θιατειροῖς ἐκκλησίας*) напиши.

3) *Martyr. Carpi* p. 16, 10 ὁ μακάριος εἶπεν εἶδον τὴν δόξαν Κυρίου. Дѣян. Апост. VII, 55 *Στέφανος εἶδε δόξαν Θεοῦ*, Стефанъ же увидѣлъ славу Божию.

4) Origen. (ed. Koetschau) I, 186. II, 64, *δόξαν τοῦ κυρίου ὡσπερὶ κατοπτρίζεται καὶ μεταλαμβάνει τῆς καλουμένης θείας δόξης εἰς τὴν ἑαυτοῦ δόξαν*. II, 111 *σφραγισμένος τὴν τοῦ θεοῦ δόξαν*. II, 353 *αὐτοῖς δόξα τις θεοῦ καὶ δύναμις αὐτοῦ καὶ ἀπορροή τῆς θειότητος ἐγγίνεται*. III, 8 ὁ σωτὴρ ἐν τῇ μεγαλειότητι τῆς δόξης τοῦ θεοῦ τυγχάνων. III, 143 *ἴν' εἰς δόξαν τὴν ἐν Χριστῷ ἀναστῶ*

Карпъ, пригвозденъ къ древу (*προσηλωθεὶς εἰς τὸ ξύλον*), воинъ зажигаетъ подъ нимъ костеръ, и въ эту минуту онъ произноситъ слѣдующія неестественныя для такого положенія слова: И мы родились отъ той же матери Евы и имѣемъ ту же плоть, но взирая на истинный судъ (т. е. будущій судъ Божій) все терпимъ.

Въ концѣ мартирія помѣщенъ рассказъ объ Агаоникѣ, который, по словамъ Гарнака, вълѣдствіе своей оригинальности и краткости повѣствованія имѣетъ печать правды и свидѣтельствуемъ о древности этого произведенія. Съ мнѣніемъ Гарнака трудно согласиться. Отрывокъ объ Агаоникѣ на оборотъ носитъ на себѣ печать искусственности и литературности. Онъ читается такъ:

Нѣкая Агаоника, стоявшая (въ толпѣ) и увидѣвшая славу Господню, о которой Карпъ сказалъ, что онъ ее увидѣлъ, и появивъ, что это зовъ съ неба, тотчасъ же подняла голосъ и сказала: вотъ обѣдъ приготовленъ мнѣ (*τὸ ἄριστον τοῦτο ἐμοὶ ἡτοίμασται*¹), итакъ я должна принявъ его съѣсть славный обѣдъ. Народъ же закричалъ: пожалѣй своего сына. А блаженная Агаоника сказала: онъ имѣетъ Бога, могущаго сжалиться надъ нимъ, потому что Онъ попечитель вселенной, я же что могу сдѣлать? И снявъ одѣяніе свое съ радостью сама себя приковала (*ἐφήπλωσεν ἑαυτήν*) къ древу. Видѣвшіе же это зарыдали говоря: жестокой судъ и несправедливыя повелѣнія²). Когда же коснулся ея огонь, она три раза воскликнула: Господи, Господи, Господи, помоги мнѣ, ибо къ Тебѣ я прибѣгла. И такъ отдала духъ свой и скончалась со святыми (*ἐτελειώθη σὺν τοῖς ἁγίοις*).

Искусственность этого рассказа такъ очевидна, что она незамѣтна толѣко тому, кто упорно хочетъ видѣть въ мученичествахъ судебныя протоколы. Совершенно неожиданно появляется просьба толпы пожалѣть сына и съ такими же словами обращаются къ Перпетуѣ (*ἐλεήσαα τὸ βρέφος*). Риторическій отвѣтъ Агаоники, добровольно идущей на мученичество безъ всякаго

μεν. Лук. IX, 32. Петръ же и бывшіе съ нимъ отягчены были сномъ; но пробудившись увидѣли славу Его.

1) Матѣ. XXII, 4 *εἰπατε τοῖς κεκλημένοις· ἰδοὺ τὸ ἄριστόν μου ἡτοίμασα*. Скажите званымъ: вотъ я приготовилъ обѣдъ мой.

2) Mart. Carp. p. 17, 1 *δεινὴ κρίσις καὶ ἄδικα προστάγματα*. Acta Pauli et Theclae, cap. 32 (Lipsius. Acta apost. apoc. I, 258) *πικρὸν θέαμα, κακὴ κρίσις*.

вызова со стороны властей, едва ли соответствует материнскимъ чувствамъ и реальной исторической обстановкѣ, которая вообще отсутствуетъ въ этомъ мѣртвѣ. Сначала проконсулъ говоритъ о повелѣніяхъ императоровъ (р. 13, 9), а потомъ о приказаніи императора (р. 14, 11)¹⁾. Признакъ древности Гарнакъ видитъ въ томъ, что христіане называются святыми. Выраженіе это дѣйствительно въ такомъ смыслѣ употреблялось только въ древнѣйшія времена христіанства, но въ данномъ случаѣ „святые“ употреблено въ современномъ смыслѣ слова и „скончался со святыми“ не можетъ служить признакомъ древности²⁾.

Последнія слова мѣртвы ясно указываютъ на то время, когда уже выработано было поклоненіе мощамъ и служеніе мученикамъ, т. е. по меньшей мѣрѣ на 4-ый вѣкъ. Останки ихъ (т. е. Карпа, Папила и Агаѳоники), тайно похитивъ, христіане хранили (*διεφύλαξαν*) во славу Христа и въ хвалу мученикамъ его. Такимъ образомъ нельзя согласиться съ Гарнакомъ, что мѣртвѣ Карпа не могъ быть написанъ даже въ 3-емъ вѣкѣ, а долженъ быть отнесенъ къ 2-му вѣку.

Коротенькій мѣртвѣ Юстина и другихъ лицъ, пострадавшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Римѣ (Харитона, Евельписта, Иерака и др.), не заключаетъ въ себѣ никакихъ историческихъ свѣдѣній и хронологическихъ данныхъ³⁾. Онъ начинается фразой, превратившейся въ шаблонъ и очень часто повторяющейся въ разсказахъ

1) На томъ основаніи, что въ мѣртвѣ Карпа говорится объ императорахъ, Барденгевель старается точно его датировать. Евсей относитъ мученичество Карпа къ царствованію Марка Аврелія, а Барденгевель къ тѣмъ годамъ (161—169), когда его соправителемъ былъ Луцій Веръ. На основаніи гораздо болѣе позднихъ календарныхъ свѣдѣній Барденгевель говоритъ въ своей Патрологіи, что Карпъ былъ епископомъ Фіатирскимъ, а Папилъ діакономъ (*Patrologie*, 2 Aufl., p. 201). А въ исторіи литературы онъ выражается нѣсколько осторожнѣе и говоритъ, что эти свѣдѣнія основаны на достовѣрномъ преданіи (*Gesch. d. altkirchlichen Literatur*, II, 617). Леклеркъ называетъ Карпа епископомъ Пергамскимъ, а Папила діакономъ Фіатирскимъ (*H. Lesclercq. Les martyrs* I, 77).

2) *Sacrament. Serapionis* (400 г.), Funk II, 192 *τὸ πνεῦμα αὐτοῦ ἀνάπυσσον . . . ἐν ταμεῖοις . . . καὶ πάντων τῶν ἑλῶν σου.*

3) Gebhardt. *Ausgewählte Märtyreracten*, p. 18—21. Гарнакъ говоритъ, что подлинность актовъ Юстина не подлежитъ никакому сомнѣнію. *Geschichte der altchristl. Literatur* II, 282. Барденгевель называетъ ихъ достовѣрнымъ сообщеніемъ, несомнѣнно основаннымъ на судебномъ протоколѣ. *Geschichte der altkirchl. Literatur* I, 193. Не сомнѣвается въ ихъ достовѣрности и Gwatkin. *Early church history*, I, 155.

о мученикахъ: „Во время незаконныхъ поборниковъ идолопоклонства разосланы были по городамъ и селамъ нечестивыя повелѣнія (*προσταύματα ἀσεβῆ*) противъ благочестивыхъ христіанъ, имѣющія цѣлю принудить ихъ приносить жертвы суетнымъ идоламъ (*ματαίους εἰδώλους*). О жизни писателя Юстина мы знаемъ очень мало. Такъ какъ Тертуллианъ называетъ его мученикомъ, а Евсевій сообщаетъ, что онъ побывалъ въ Римѣ (Н. Е. IV, 11), хотя говоритъ только о его сочиненіяхъ, а о мученичествѣ его не упоминаетъ, приходятъ къ заключенію, что извѣстный намъ мартирій повѣствуетъ о Юстинѣ, авторѣ апологій¹⁾. Между этими сочиненіями однако не замѣтно никакой связи.

Мартирій излагаетъ допросъ Юстина, сдѣланный префектомъ города Рима Рустикомъ и принимаемый обыкновенно за судебный протоколъ. Когда святые мужи были приведены въ судилище Рустика, онъ сказалъ Юстину: Прежде всего повинуйся богамъ и слушайся царей. Юстинъ сказалъ: не порочно и неукоризненно повиноваться повелѣніямъ Спасителя нашего Иисуса Христа. Рустикъ сказалъ: Какимъ ученіемъ ты занимаешься? Юстинъ сказалъ: всякимъ ученіямъ пробовалъ я учиться, но соглашаюсь только съ истиннымъ ученіемъ христіанскимъ, хотя оно не нравится тѣмъ, кто слѣдуетъ ложному ученію. Рустикъ сказалъ: несчастный, тебѣ нравится такое ученіе! Юстинъ сказалъ: да, потому что я слѣдую ему съ правильнымъ догматомъ.

Далѣе Юстинъ опредѣляетъ свое ученіе такими словами: „Мы вѣруемъ въ Бога христіанскаго, котораго считаемъ единымъ и изначальнымъ творцомъ и создателемъ всего міра видимаго и невидимаго, и въ Господа Иисуса Христа, сына Божія, возвѣщеннаго пророками“. Слова эти не могли быть написаны раньше, чѣмъ составленъ былъ первый символъ вѣры, такъ называемый апостольскій. Если же обратить вниманіе на выраженіе „творецъ“, надо признать, что опредѣленіе вѣры, высказанное Юстиномъ, не могло быть написано раньше Никейскаго символа, а сочетаніе „творецъ и создатель“ ведетъ ко времени еще болѣе позднему²⁾.

1) O. Bardenhewer. Patrologie, p. 44.

2) Mart. Justin. p. 18, 23 εἰσεβούμεν εἰς τὸν τῶν χριστιανῶν θεόν, ὃν ἡγοῦμεθα ἓνα τοῦτον ἐξ ἀρχῆς ποιητὴν καὶ δημιουργὸν τῆς πάσης κτίσεως, δρατῆς τε καὶ ἀοράτου καὶ κύριον Ἰησοῦν Χριστὸν παῖδα θεοῦ ὃς καὶ προεκήρυχται ὑπὸ τῶν προφητῶν. Αντιχριστιανικὴν символὸν: πιστεύω εἰς ἓνα καὶ μόνον ἀληθινὸν θεὸν πατέρα
70

Рустикъ спрашиваетъ затѣмъ: гдѣ вы собираетесь? Юстинъ отвѣчаетъ: гдѣ каждый хочетъ и можетъ. Ты думаешь, что мы всѣ собираемся въ томъ же самомъ мѣстѣ? Это не такъ, ибо Богъ христіанскій не ограничивается мѣстомъ, но будучи невидимъ наполняетъ небо и землю¹⁾ и повсемѣстно поклоняется и славословится вѣрными. Рустикъ повторяетъ свой вопросъ: скажи, гдѣ вы сходитесь или гдѣ собираешь ты своихъ учениковъ? Юстинъ отвѣчаетъ: я живу надъ домомъ нѣкоего Мартина у банъ Тимоѳина и не знаю другого мѣста собраній, кромѣ этого; всякому, желающему прійти ко мнѣ, я сообщаю слова истины²⁾. Уклончивый отвѣтъ философскаго характера соотвѣтствуетъ условіямъ времени, за то представляется очень страннымъ, что Юстинъ, готовый на мученичество, открываетъ безъ всякой надобности мѣсто тайныхъ христіанскихъ собраній, неизвѣстное римской полиціи. Совершенно иначе держалъ себя на судѣ епископъ Карфагенскій Киприанъ. Онъ прямо отказался назвать своихъ пресвитеровъ и заявилъ, что не намѣренъ быть доносчикомъ³⁾.

Изъ дальнѣйшаго повѣствованія видно, что Рустикъ — римскій администраторъ, хорошо знакомый съ христіанскою религіею и ей интересующійся. Онъ спрашиваетъ Іерака, Пеона, Евелписта и др.: это Юстинъ обратилъ васъ въ христіанство? Іеракъ отвѣчаетъ: я былъ христіаниномъ и имъ останусь. Пеонъ же вставъ сказалъ: и я христіанинъ. Эпархъ Рустикъ сказалъ: Кто научилъ тебя? Пеонъ отвѣтилъ: отъ родителей приняли мы это прекрасное

παντοκράτορα πιστὴν πάντων δρατῶν τε καὶ ἀοράτων κτισμάτων καὶ εἰς τὸν κύριον ἡμῶν Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν υἱὸν αὐτοῦ. F. Kattenbusch. Das apostolische Symbol, I, 221—222. Origen. III, 24 *πιστεύειν εἰς τὸν θεόν . . . καὶ Ἰησοῦν Χριστὸν τὸν προκεχειροῦμένον ὑπὸ τῶν προφητῶν.* Дѣян. Ап. III, 20 *ἀποστείλη τὸν προκεχειροῦμένον ὑμῖν Χριστόν.* Въ Никейскомъ символѣ: *πάντων δρατῶν τε καὶ ἀοράτων ποιητήν.* По сообщенію Сократа послѣ Никейскаго собора въ Антиохіи составленъ былъ новый символъ, въ которомъ читалось: *δημιουργὸν τε καὶ ποιητήν.* (Patr. gr. t. 67, 201).

1) Колос. I, 15 *τοῦ Θεοῦ τοῦ ἀοράτου.* Книга премудрости Соломона I, 7. Духъ Господа наполняетъ вселенную.

2) Фраза эта выражена не ясно и мѣсто вѣроятно испорчено: р. 19, 19 *ἐγὼ ἐπᾶνω μένω τινὸς Μαρτίνου τοῦ Τιμοθίου βολονέλου.* Болмавдисты читали *Τιμοθίων* (производя это отъ Тимофея). Acta Sanct. Junii I, p. 18. Мы скорѣе ожидали бы: въ домѣ Мартина надъ блявми. Въ числѣ вѣвѣстныхъ намъ банъ (есть Mamertini, Tigellini) Тимотианскихъ вѣтъ. H. Jordan. Der Ludus Aemilii, p. 417—418. (Hermes. Bd. IX).

3) Knorr. Ausgewählte Märtyreracten, p. 75—76.

исповѣданіе. Евелпистъ сказалъ: я съ удовольствіемъ слушалъ поученіе Юстина, но христіаниномъ я сдѣлался отъ родителей. Рустикъ спросилъ: гдѣ твои родители? Евелпистъ отвѣтилъ: въ Каппадокіи. Рустикъ почему-то спрашиваетъ Іерака: гдѣ твои родители? Тотъ отвѣчаетъ: Истинный отецъ мой — Христосъ, а мать — вѣра въ него; земные же мои родители умерли, и я пришелъ сюда изъ Иконіи Фригійской. Наконецъ римскій префектъ обращается къ Юстину со слѣдующимъ вопросомъ, свидѣтельствующимъ о его христіанскихъ познаніяхъ: Послушай, ты, считающійся ученымъ и полагающій, что знаешь истинное ученіе, если послѣ наказанія плетью тебѣ будетъ отрублена голова, убѣжденъ ты, что тогда ты взойдешь на небо (*ἀναβαίνων εἰς τὸν οὐρανόν*)¹⁾? Юстинъ отвѣтилъ: надѣюсь достичь его верха, если выдержу пытки, ибо надъ вѣми такъ живущими сохранится благодать Божія вплоть до окончанія вселенной. Рустикъ сказалъ: ты предполагаешь, что взойдешь на небеса, получивъ нѣкоторое воздаяніе? Юстинъ отвѣтилъ: не предполагаю, но знаю и увѣренъ.

Это богословское разсужденіе всего меньше похоже на допросъ судьи. Сверхъ того судебный протоколъ въ Римѣ могъ быть написанъ только по-латыни, и если предполагать, что онъ былъ кѣмъ-то переведенъ на греческій языкъ, въ немъ несомнѣнно оказались бы латинизмы, чего въ дѣйствительности нѣтъ. Нельзя не обратить вниманія и на другое довольно странное обстоятельство. Въ Римѣ къ суду префекта привлечены исключительно греки (Харитонъ, Харито, Евелпистъ, Іеракъ, Пеонъ), изъ которыхъ-нѣкоторые прибыли изъ Азіи: Юстинъ — уроженецъ Flavia Neapolis (древній Сихемъ, современный Набулусъ), Евелпистъ — Каппадокіецъ, Іеракъ — Фригіецъ. Рѣдкостная судьба постигла Евелписта. Онъ называетъ себя императорскимъ рабомъ, освобожденнымъ Христомъ, хотя христіанство ни въ теоріи ни на практикѣ отъ рабства не освобождало. Родители его жили въ Каппадокіи, а попалъ онъ въ Римъ и тамъ присужденъ былъ къ смертной казни чрезъ отсѣченіе головы, не смотря на то, что такое наказаніе полагалось римскимъ гражданамъ, а не рабамъ.

Время, раньше котораго и могъ быть написанъ мартирій,

1) Римл. X. 6. Кто взойдетъ на небо?

опредѣляется вышеприведенной первой фразой. О времени императоровъ — защитниковъ идолопоклонства можно было говорить только тогда, когда это время прошло, и наступила эпоха христіанскаго правительства. Указаніе совершенно ясное, и чтобы спасти древность мученика, предполагаютъ безъ всякаго объективнаго основанія, что вступительная фраза была прибавлена впоследствии. Кстати, приходится отвѣчь и конецъ, гдѣ сказано (такъ же, какъ о Карпѣ), что христіане тайно унесли останки мучениковъ и положили ихъ въ надлежащемъ мѣстѣ. Конецъ этотъ не можетъ служить признакомъ древности. Не свидѣтельствуешь о древности и краткость разсказа, какъ обыкновенно думаютъ, и отсутствіе въ немъ чудесъ. На ряду съ пространными сказаніями, богатыми легендарными подробностями, встрѣчаются и коротенькія сообщенія позднихъ временъ, когда въ памяти или въ какой-нибудь записи сохранились лишь кое-какія свѣдѣнія. Такимъ характеромъ отличаются мученики, извлеченные изъ минологіевъ. Разсказъ о Карпѣ входитъ въ октябрьскій дометафрастовскій минологій и въ Кристоферратскомъ кодексѣ мученичій начинается, какъ обыкновенно въ минологіяхъ, словами: мѣсяца іюня 1-го¹⁾.

Къ древнѣйшимъ и подлиннымъ мученикамъ относятся и акты африканскихъ святыхъ, Сциллитанцевъ и Перпетуи. *Passio Scillitanorum* сохранилась въ трехъ латинскихъ редакціяхъ и въ греческомъ переводѣ²⁾. Мученичество Сциллитанцевъ по некоторымъ признакамъ относятся къ царствованію Коммода и даже къ 180 г. Но греческій текстъ невозможно считать такимъ древнимъ. Мученики называются святыми, чего нѣтъ въ латинскихъ редакціяхъ. Кромѣ того они передъ казнью единогласно славословятъ Бога такими словами: Благодаримъ тебя, трисвятой (*τρισάγιο*) Господи и величаемъ тебя. Выраженіе „трисвятой“ едва ли можно найти въ какихъ-нибудь литургическихъ текстахъ раньше 5-го вѣка.

Въ послѣсловіи къ греческой редакціи сказано, что святые происходили изъ города Искли (*ἀπὸ Ἰσκλῆ*) въ Нумидіи. Монсо замѣчаетъ по этому поводу, что греческій авторъ далъ очень

1) Ehrhard. Die altchristliche Litteratur, p. 577. Acta Sanct. Junii I, p. 18.

2) Греческій текстъ изданъ въ первый разъ Уаенеромъ въ Index scholarum Bonnensium per a. 1881. Второе изданіе. J. Robinson. Texts and studies I, 2. Cambridge 1891. Третье Gebhardt, Acta martyrum selecta, p. 22—27.

странную транскрипцію латинскаго названія города Scillium, что провинція Нумидія была создана Септиміемъ Северомъ не раньше 194 г. и значитъ не существовала еще въ 180 г., что Scillium городъ Африки *proconsularis* не могъ входить въ Нумидію¹⁾. Для насъ гораздо важнѣе слѣдующія слова греческаго послѣсловія: лежатъ же святыя близъ главнаго города Карфагена. Слѣдовательно, греческій мартирій былъ написанъ въ то время, когда показывали могилы Сцилитанскихъ мучениковъ; позже на этомъ мѣстѣ построена была церковь и одну проповѣдь блаж. Августина произнесъ въ базиликѣ *martyrum Scillitanorum*²⁾.

Греческое повѣствованіе начинается такъ: Когда консулами были Презенсъ во второй разъ и Клавдіанъ, въ 16-й день передъ августовскими календами, т. е. 17 іюля приведены были въ Карфагенскій судъ (*βουλευτήριον* что обыкновенно значитъ сенатъ) Сперать, Нартцаль и Питтинъ, Довата, Секунда и Вестія. Проконсулъ Сатурнинъ сказалъ имъ: вы можете заслужить снисхожденіе нашего императора, если вы станете вновь благоразумными. Сперать отвѣтилъ: Мы никогда не совершали злодѣяній, никогда не проклинали, но благодарили даже тогда, когда съ нами дурно обращались, такъ какъ мы служимъ Богу нашему и царю. Проконсулъ Сатурнинъ сказалъ: мы также религіозные люди и религія наша простая, мы клянемся геніемъ владыки нашего царя и молимся о его спасеніи, что и вамъ слѣдуетъ сдѣлать³⁾.

Сперать отвѣтилъ: если ты спокойно выслушаешь меня, я одобру тебя тайну истинной простоты (*τὸ τῆς ἀληθοῦς ἀπλότητος μυστήριον*)⁴⁾. Сатурнинъ сказалъ: если ты начнешь поносить

1) P. Monceaux. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne I, 67.

2) Ibid, I, 64. Гдѣ находится городъ Scilli, неизвѣстно. A. Audouin. Carthage romaine, p. 192, 466.

3) Pass. Scillit p 23, 18 *ὑπερ τῆς αὐτοῦ σωτηρίας ἐκτερόμεν*. Hippol. II, 276 *δέησεν οὖν τὸν θεὸν ἐκτερεν*. Діонъ Кассій говоритъ о молитвахъ, возмощившихъ за спасеніе царя въ выраженіяхъ, очень похожихъ на рѣчь Сатурнина. Dio Cass. 75, 13 *τὴν τε τύχην αὐτοῦ πάντες οἱ στρατιῶται καὶ οἱ βουλευταὶ ὠμνοῦσιν καὶ ὑπερ τῆς σωτηρίας αὐτοῦ δημοσίᾳ ἀπαντες ἤθροντο*. Но послѣднія книги Діона Кассія дошли до насъ только въ изложеніи Ксифиліана и можетъ быть въкоторыя выраженія римскаго историка были парафразированы сообразно съ христіанскимъ словоупотребленіемъ.

4) О простой вѣрѣ не разъ говорится у Оригена. Напр. онъ возражаетъ противъ Цельса, писавшаго, что *τοῦ δεῖν μὴ ἀπλῶς πιστεῦειν, ἀλλὰ λογισμὸν ἔχειν τῶν πιστευομένων*. Origen. II, 80.

нашу святиню, я не буду слушать тебя; лучше поклянитесь гениемъ владыки нашего императора. Сперать сказалъ: „Я не знаю царства нынѣшняго вѣка, я служу Богу моему, котораго не видѣлъ никто изъ людей¹⁾, ибо онъ не доступенъ этимъ матеріальнымъ глазамъ. Я не совершалъ кражи, если я что покупаю, плачу пошлину, ибо я позналъ Господа моего и царя царей и владыку всѣхъ народовъ“²⁾. Въ этомъ возраженіи ясно выступаетъ риторика.

Безъ всякаго повода Сперать защищаетъ христіанъ отъ обвиненія въ уголовныхъ преступленіяхъ, котораго къ нимъ никто не предъявляетъ, и въ этой неумѣстной защитѣ нельзя не видѣть отраженія апологій.

Сатурнинъ сказалъ остальнымъ: отстаньте отъ этого убѣжденія. Сперать сказалъ: не хорошее убѣжденіе совершать чело-вѣкоубійство и лжесвидѣтельствовать. Сатурнинъ сказалъ: перестаньте принимать участіе въ этомъ безуміи. Циттинъ отвѣтилъ: мы никого не боимся, кромѣ Господа Бога нашего, живущаго на небесахъ. Проконсулъ постановилъ приговоръ: предать ихъ смертной казни чрезъ отсѣченіе головы мечомъ. Выслушавъ приговоръ, Нарцаллъ сказалъ съ радостью: сегодня мы во истину окажемся мучениками на небесахъ, угодными Богу. Такое самовозвеличеніе не соответствуетъ настроенію первыхъ христіанъ и особенно неумѣстно по отношенію къ лицамъ, не испытавшимъ еще мученичества въ подлинномъ смыслѣ слова. Искусственностью и литературностью отзывается еще одно мѣсто. Проконсулъ внезапно спрашиваетъ подсудимыхъ (по древнѣйшей латинской редакціи): что за вещи въ вашемъ марцѣ? Сперать отвѣчаетъ: книги и посланія праведника Павла. Въ другихъ латинскихъ редакціяхъ написано: „Евангелія и посланія Павла свя-

1) Pass. Scilit. p. 24, 14 *ἐπιγινώσκω τὸν κύριον ἡμῶν καὶ βασιλεὶ τῶν βασιλέων*. Origen. I, 24 *συνδικάσει τῷ βασιλεῖ τῶν βασιλευμένων*. II Коринв. I, 12 *ἐν ἀπλότητι Θεοῦ ἀνεστράφημεν ἐν τῷ κόσμῳ*, мы въ простотѣ жили въ мірѣ. XI, 3 *ἀπὸ τῆς ἀπλότητος τῆς εἰς τὸν Χριστόν*, боюсь, чтобы ваши умы не повредились, уклонившись отъ простоты во Христѣ. I Тим. III, 9 *τὸ μυστήριον τῆς πίστεως*. III, 16 *τὸ τῆς εὐσεβείας μυστήριον*.

2) I. Іоанн. IV, 12 *Θεὸν οὐδεὶς πώποτε τεθέαται*, Бога никто впрочемъ не видѣлъ.

3) Матѣ. XXII, 21 *ἀπόδοτε οὖν τὰ καίσαρος καίσαρι*. Рим. XIII, 7 *ἀπόδοτε οὖν πᾶσι τὰς ὀφείλας, τῷ τὸ τέλος, τὸ τέλος*. Апок. XVII, 14 царь царей.

тѣйшаго апостола“ или „четыре Евангелія Господа нашего Іисуса Христа и посланія св. апостола Павла и всѣ богодохновенныя писанія.“ Въ греческой редакціи это мѣсто передано такъ: какія сочиненія лежатъ въ вашихъ сосудахъ? Оказывается, что христіане, знавшіе, что ихъ присудятъ къ смертной казни, тѣмъ не менѣе взяли съ собой самыя цѣнныя свои вещи, а не оставили ихъ на храненіе своимъ единовѣрцамъ¹⁾.

Мартирій Перпетуи, сохранившійся также въ латинской и греческой редакціи²⁾, представляетъ беллетристическое произведеніе съ такими фантастическими чертами, что совершенно непоятно, какимъ образомъ серьезные изслѣдователи видятъ въ немъ до сихъ поръ историческій документъ. Вотъ что пишетъ объ актахъ Перпетуи и Фелицитаты Барденгеверъ: „7 марта 202 или 203 года пострадали въ провинціи Аѳрикѣ, вѣроятно въ Каррагенѣ, пять оглашенныхъ, Вибія Перпетуя, женщина высшихъ слоевъ общества, которой было приблизительно 22 года, рабы Фелицитата и Ревокатъ, Сатурнинъ и Сатуръ. Воспользовавшись записями самихъ мучениковъ, очевидецъ составилъ описаніе этого происшествія. Послѣ восторженнаго введенія акты даютъ сначала буквальное сообщеніе, записанное въ тюрьмѣ Перпетуей и доведенное до вечера, предшествовавшаго мученичеству“³⁾.

Монсо, авторъ трехтомной исторіи аѳриканской литературы, посвятилъ мученичеству Перпетуи 26 страницъ, и увидѣлъ въ немъ по примѣру своихъ предшественниковъ достовѣрный историческій рассказъ⁴⁾. Авторъ доказываетъ, что Перпетую и Фелицитату судили въ Каррагенѣ на томъ основаніи, что впоследствии одна изъ важнѣйшихъ базиликъ этого города была воздвигнута

1) Мартиріемъ Сцилтанцевъ пользуется, какъ достовѣрнымъ историческимъ документомъ 180 г., T. Glover. *The conflict of religions in the early roman empire* (ed.), p. 319. London 1909. Но если даже согласиться съ этимъ мнѣніемъ, мы изъ латинской редакціи узнаемъ очень мало достовѣрнаго, именно только тотъ фактъ, что христіанъ судили и приговаривали къ смертной казни.

2) Первое изданіе греческаго текста: J. Harris and S. Gifford. *The acts of the martyrdom of Perpetua*, London 1890. Второе изданіе Робинсона. Cambridge 1891 (*Texts and Studies* I, 2). Третье изданіе Гебгардта: *Acta martyrum* p. 61—95.

3) Bardelhever. *Gesch. d. altkirchl. Literatur* II, 627—628.

4) Одолганъ пользовался мартиріемъ Перпетуи наравнѣ съ другими историческими источниками. A. Audollent. *Carthage Romaine*, p. 303. Paris 1901.

во имя этихъ святыхъ, и приходитъ къ тому заключенію, что „мученичество Перпетуи оригинальное произведеніе, богатое интересными свѣдѣніями и очень цѣнное для историка, замѣчательное изысканной простотой разсказа, наблюдательностью и точнымъ воспроизведеніемъ характеровъ. Эта маленькая драма вѣрный снимокъ съ дѣйствительности“¹⁾.

Послѣ введенія, въ которомъ изложена цѣль, преслѣдуемая авторомъ, и о которомъ намъ уже приходилось говорить, онъ сообщаетъ слѣдующее: Въ городѣ Оурвитанахъ (въ латинской редакціи вѣтъ названія города) были схвачены юноши оглашенные Ревокатъ и Фелициата, рабы Сатурнина и Секундъ, съ ними же и Вибія Перпетуя, женщина благороднаго происхожденія, хорошо воспитанная и отлично вышедшая замужъ; у нея были отецъ, мать и двое братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ также оглашеннымъ, она имѣла и младенца, который кормился еще грудью; ей было 22 года; она разсказала съ тѣхъ поръ весь ходъ своего мученичества, и оставила написанное своей рукой и своимъ умомъ такого содержанія (*ὅς καὶ τῶ νοὶ ἀπὸ τῆς καὶ τῆ χειρὸς συγγράψασα κατέλιπεν*). Далѣе слѣдуетъ разсказъ отъ имени Перпетуи. Въ гл. II сообщается видѣніе блаженнаго Сатура, которое онъ обнаружилъ, самъ записавъ его, говоря такъ. Въ гл. 14 повторяется, что видѣнія свои мученики Сатуръ и Перпетуя сами записали. А въ гл. 16 мы читаемъ: намъ недостойнымъ духъ святой поручилъ описать порядокъ ихъ ревностнаго служенія, и мы какъ бы по порученію блаженной Перпетуи, или скорѣе повинувшись повелѣнію, исполняемъ то, что намъ приказано.

Монсо относится ко всѣмъ этимъ указаніямъ вполнѣ серьезно и увѣряетъ, что мы имѣемъ передъ собой автобіографію Перпетуи²⁾. Но онъ самъ приводитъ одно мѣсто, съ необыкновенной ясностью доказывающее, что собственноручная запись мученицы литературная фикція. „Это я дѣлала, говоритъ Перпетуя, вплоть до дня, предшествовавшаго мученичеству (гл. 10 *hoc usque in pridie muneris egi*), а актъ самаго мученичества пусть опишетъ, кто пожелаетъ. Въ греческой редакціи сказано:

1) P. Monceaux. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne, I, 73, 96.

2) Одолванъ видитъ въ актахъ Перпетуи скорѣе правоучительное сочиненіе, чѣмъ историческое, но все же пользуется ими наравнѣ съ другими историческими источниками. Carthage Romaine, p. 455.

а то, что имѣло произойти на амфитеатрѣ (*τά ἐν τῷ ἀμφιθεάτρῳ γενήσονται*), пусть опишетъ желающій. Такимъ образомъ Перпетуя, долго сидѣвшая въ тюрьмѣ, знала, что именно на слѣдующій день она будетъ отдана на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Въ началѣ этой главы мы находимъ слѣдующія слова, которыхъ не привелъ Монсо: Наканунѣ того дня, когда мы вступили въ борьбу съ звѣрями, я имѣла слѣдующее видѣніе. Монсо обратилъ вниманіе на то, что подчеркивается собственноручная запись видѣній Сатура и Перпетуи, и все же по его мнѣнію въ этомъ нельзя видѣть благочестиваго обмана, какъ въ другихъ апокрифическихъ актахъ, потому что *passio* составлена была вслѣдъ за мученичествомъ. Изъ того мѣста, говоритъ Монсо, гдѣ Тертулліанъ упоминаетъ о видѣніяхъ Перпетуи, надо прійти къ выводу, что онъ читалъ этотъ документъ въ томъ же видѣ, какъ мы теперь. Однако изъ примѣчанія Монсо необходимо сдѣлать противоположный выводъ. Тертулліанъ только намекаетъ на видѣніе Перпетуи и при томъ онъ допускаетъ маленькую ошибку: намекъ его относится не къ видѣнію Перпетуи, а къ видѣнію Сатура. Изъ этого неминуемо слѣдуетъ, что Тертулліанъ слышалъ только рассказъ о мученичествѣ Перпетуи. „Если бы утвержденія рассказчика, замѣчаетъ Монсо, не соответствовали фактамъ, много свидѣтелей могли ихъ опровергнуть; слѣдовательно, надо допустить что Перпетуя и Сатуръ дѣйствительно записали свои впечатлѣнія и видѣнія“¹⁾. Но какіе же свидѣтели стали бы опровергать рассказъ, записанный черезъ сто лѣтъ послѣ мученичества? Въ высшей степени невѣроятно, чтобы въ тѣ времена, когда писаніе представляло дѣло очень трудное, сложное и медленное, Перпетуя могла имѣть въ тюрьмѣ и папирусъ и чернила.

Въ мартиріи Перпетуи такъ много признаковъ литературности, что въ немъ никоимъ образомъ нельзя видѣть непосредственнаго рассказа очевидца. Перпетуя сообщаетъ своему отцу, что она христіанка, тотъ готовъ выцарапать ей глаза, и только послѣ этого она дѣйствительно крестится. „И мнѣ внушилъ Духъ Святой, говоритъ она, не требовать огъ воды крещенія ничего другого, какъ только терпѣнія плоти, и черезъ нѣсколько дней мы брошены были въ тюрьму (гл. 8)“. Тутъ разыгрывается драма-

1) P. Monceaux. Histoire littéraire de l'Afrique I, 76.

тическая сцена. Приходитъ отецъ и говоритъ Перпетуѣ: Дочь, пожалѣй мой сѣдины, пожалѣй отца твоего, если я достоинъ называться твоимъ отцомъ, вспомни, что этими руками-я довелъ тебя до цвѣтущаго возраста, и я любилъ тебя больше братьевъ твоихъ, взгляни на мать твою и на сестру матери твоей, посмотри на сына твоего, который послѣ тебя не можетъ жить, не губи насъ всѣхъ. Отецъ цѣловалъ ея руки, бросался къ ея ногамъ и плача называлъ ее не дочерью, а госпожѣй. Когда Перпетуя предстала на судъ, явился отецъ ея съ груднымъ младенцемъ и сказалъ: ей принеси жертву, сжался надъ младенцемъ. Проконсулъ Маріанъ повторяетъ слова, которыя отецъ раньше говорилъ въ тюрьмѣ: пощади сѣдины отца твоего, пощади младенца, привеси жертву за спасеніе императоровъ. Она отвѣчаетъ: я не приношу жертвъ. И тогда только проконсулъ догадывается и спрашиваетъ: ты христіанка?

Проконсулъ присудилъ всѣхъ, въ томъ числѣ и знатную Перпетую, къ тому наказанію, которое полагалось только рабамъ, къ отдачѣ звѣрямъ (гл. 6 *πρός θηρία κατακρίνει*). Вслѣдъ затѣмъ Перпетуя рассказываетъ слѣдующую беллетристическую подробность: такъ какъ я кормила грудью младенца, и онъ обыкновенно находился со мной въ тюрьмѣ (а передъ тѣмъ было сказано, что отецъ приходитъ на судъ съ младенцемъ), я посылаю къ отцу діакона Помповія (значить постороннихъ христіанъ свободно допускали въ тюрьму къ заключеннымъ), требуя младенца; но отецъ не отдалъ его, а по соизволенію Божию съ этой минуты младенецъ не желалъ больше брать груди.

Главное мѣсто въ мартиріи Перпетуи отведено видѣніямъ. Братъ, неизвѣстно откуда появившійся, говоритъ сидящей въ тюрьмѣ Перпетуѣ: Госпожа сестра, ты достигла уже высокаго достоинства (*ἐν μεγάλῳ ἀξιώματι δπάρχεις*) и ты уже такъ высока, что если бы попросила, могла бы имѣть видѣніе, которое откроетъ тебѣ, даю ли тебѣ отсрочка или предстоитъ мученичество? Я же, зная, что могу бесѣдовать съ Богомъ, преисполненная вѣры отвѣтила ему: завтра я возвѣщу тебѣ объ этомъ, я попросила и даю мнѣ это. Перпетуя увидѣла мѣдную лѣстницу поразительной величины, доходящей до неба¹⁾. Лѣстница была узкая, такъ

1) Кн. Бытія XXVIII, 12. Іаковъ увидѣлъ во снѣ: вотъ лѣстница стоитъ на землѣ, а верхъ ея касается неба.

что по ней могъ подниматься только одинъ человѣкъ, а по обѣимъ сторонамъ лѣстницы были воткнуты всевозможное оружіе, мечи, копья, дротики, подъ лѣстницей находился громадный драконъ. Первымъ поднялся Сатуръ, вслѣдъ за нимъ Перпетуя, которая увидѣла большой садъ и сидящаго среди сада сѣдого человѣка, имѣющаго образъ пастуха; онъ доилъ овецъ. Поднявъ голову, онъ сказалъ Перпетуѣ: добро пожаловать, дитя. Вслѣдъ затѣмъ Перпетуя проснулась и сообщила брату, что ей предстоитъ пострадать.

Второе видѣніе произошло слѣдующимъ образомъ. Когда постановивъ приговоръ, проконсулъ почему-то не приводилъ его въ исполненіе и отправилъ приговоренныхъ къ смертной казни опять въ тюрьму, во время общей молитвы заключенныхъ, Перпетуя вдругъ закричала и назвала Динократа. И она сама удивилась, потому что никогда его не вспоминала. Динократъ ея братъ, умершій 7-лѣтнимъ мальчикомъ отъ рака. Онъ явился ей ночью, и она увидѣла сцену, которая доказывала, что онъ освобожденъ отъ загробнаго наказанія (гл. 7—8). Третье видѣніе дало понять Перпетуѣ, что она будетъ сражаться не съ дикими звѣрями, а съ дьяволомъ и что она побѣдитъ (гл. 10). Сатуръ видѣлъ, какъ тѣло его четыре ангела уносятъ въ небесныя сферы (гл. 11).

„Сцены въ амфитеатрѣ, говоритъ Монсо, очень цѣнны для исторіи церкви того времени; описаніе мученичества одно изъ самыхъ полныхъ и живыхъ изъ дошедшихъ до насъ“. Слѣдовало бы прибавить, что сцены эти описаны съ такими не реальными подробностями, что мѣсто имъ скорѣе въ беллетристикѣ, чѣмъ въ исторіи. „Засіялъ день побѣды ихъ и пошли они изъ тюрьмы на амфитеатръ какъ бы идя на небо, веселые и съ радостнымъ лицомъ. Перпетуя слѣдовала мѣрнымъ шагомъ, какъ матрона Христова; точно также и Фелицитата, радуясь, что она разрѣшилась отъ бремени и можетъ вступить въ борьбу съ звѣрями, собираясь послѣ родовъ омыться вторымъ крещеніемъ, т. е. своей собственной кровью“. Когда они подошли къ амфитеатру, мужчинъ принудили надѣть костюмъ жрецовъ Сатурна (по-гречески: Кроноса), женщинъ Цереры (по-гречески: Деметры). Христиане должны были видѣть въ этомъ оскорбленіе, но и язычнику такой маскарадъ казался бы глумленіемъ надъ своими обычаями

и своей религіей и картина переодѣванія могла прійти въ голову только христіанину и только въ то время, когда язычество было официально упразднено.

Ревокатъ, Сатурнинъ и Сатуръ бесѣдуютъ сначала съ собравшимся народомъ, а затѣмъ, подойдя къ проконсулу Иларіану, они жестами и кивками говорятъ: ты насъ, а тебя Богъ. Разсвирѣпѣвъ народъ сталъ требовать, чтобы ихъ бичевали. А святые радовались, что и имъ пришлось испытать нѣчто изъ страданій Господнихъ (гл. 18). Наканунѣ въ толпѣ преобладало другое настроеніе. Пріговоренные къ смертной казни находились въ тюрьмѣ и совершили послѣднюю вечерю, которую они называютъ свободной, каковая въ дѣйствительности совершается не въ видѣ свободной вечера, а въ видѣ агапы. Около тюрьмы (или въ тюрьмѣ) собралась толпа и мученики очень откровенно грозили язычникамъ судомъ Божиимъ (*πρός τόν ὄχλον τόν ἐκείσε παρεστῶτα*), славили (*ἀνδομολογοῦμενοι*) блаженство своего страданія, смѣялись надъ любопытствомъ сбѣжавшихся людей, и Сатуръ говорилъ: вамъ недостаточно завтрашняго дня? Почему вы съ удовольствіемъ видите тѣхъ, кого ненавидите? Сегодня друзья, завтра враги. Замѣйте внимательно черты нашего лица, чтобы узнать насъ въ тотъ день, т. е. въ день страшнаго суда. Всѣ ушли оттуда пораженные этой рѣчью и большинство увѣровало (гл. 17).

Самая казнь описывается слѣдующимъ бразомъ. Сказавшій: просите и дано будетъ вамъ (Мате. VII, 7), далъ просившимъ тотъ исходъ, который они желали. Въ бесѣдѣ съ сотоварищами, молившими о мученичествѣ, Сатуръ заявлялъ, что желалъ бы быть брошеннымъ всякимъ дикимъ звѣремъ, чтобы заслужить болѣе славный мученическій вѣнецъ. Въ началѣ зрѣлица (*θεωρία*) они съ Ревокатомъ выдержали пантеру (*πάρδαλις*), а затѣмъ на нихъ долженъ былъ напасть медвѣдь¹⁾. Сатуръ отнесся съ отвращеніемъ къ медвѣдю и желалъ погибнуть отъ укуса пантеры (барса). Выпустили кабана, но онъ напалъ вмѣсто мученика на охотника, который умеръ на слѣдующій день послѣ мученичества. Сатуръ остался цѣлъ, потому что медвѣдь не хотѣлъ

1) Апокал. XIII, 2. Звѣрь, котораго я видѣлъ, былъ подобенъ барсу, ноги у него какъ у медвѣдя.

выйти изъ клѣтки (гл. 19). Блаженнымъ дѣвицамъ диаволъ приготовилъ самую дикую корову, такъ какъ избралъ животное, соответствующее ихъ женскому полу. Ихъ раздѣли голыми и помѣстили въ сѣтку. Народъ пришелъ въ негодованіе, увидѣвъ роскошно сложенную молодую женщину (*κόρη*, очевидно, Перпетую) и другую женщину, у которой груди наполнены были молокомъ, такъ какъ она недавно родила. И ихъ опять одѣли. У Перпетуи разорвано было платье; она старалась затянуть прорванный съ бока хитонъ, чтобы скрыть обнаженное бедро, помня больше о стыдѣ, чѣмъ о страданіяхъ. Распущенные волосы она собрала на головѣ, ибо не подобаетъ мученицѣ являться съ распущенными волосами, чтобы не казалась она горющей¹⁾. Она поднялась и, увидѣвъ Фелцитату, протянула ей руку и разбудила ее; обѣ онѣ встали и отведены были къ живоноснымъ воротамъ (*εις τὴν πύλην τὴν Ζωτικὴν*). Тамъ Перпетуя была принята и какъ бы разбужена отъ сна нѣкимъ оглашеннымъ по имени Рустикомъ (она находилась въ экстазѣ) и озираясь спросила: когда насъ бросятъ коровѣ? И услышавъ, что корова уже бросалась на нее, она повѣрила этому только тогда, когда увидѣла на своемъ тѣлѣ ея слѣды. Призвавъ своего родного брата и того оглашеннаго, она увѣщевала ихъ оставаться въ христіанской вѣрѣ и любить другъ друга и не смущаться столь великими страданіями (гл. 20).

Едва-ли этотъ рассказъ надо понимать реально, а не символически; въ исторической обстановкѣ онъ оказался бы непослѣдовательнымъ и непонятнымъ. Приговоренныхъ къ смертной казни приводятъ изъ тюрьмы на цирковую арену, гдѣ происходитъ звѣриный бой. И вдругъ Перпетую, израненную и только что выдержавшую нападеніе дикой коровы, ведутъ зачѣмъ-то къ какимъ-то городскимъ воротамъ. Надо думать, что она вошла въ символическія ворота жизни, такъ какъ претерпѣла мучени-

1) p. 91, 22 τὰς τρίχας τῆς κεφαλῆς περιέδησεν, ὅτι γὰρ ἔπρεπεν τῇ μάρτυρι θοῖξιν σπαραχθείσασιν δοῦσθαι. Волосы распускали въ знакъ отчаянія и горя. Въ романѣ Харитона этотъ жестъ описывается много разъ. Ἡ Παγγῶν καὶ περὶ φοβῶς εἰσέδραμε πρὸς τὴν Καλλιρόην, σπαράσσουσα τὴν κόμην αὐτῆς. Καλλιρόη τῆς κόμας σπαράξασα. (Scriptores aetici (ed. Didot), p. 435, 452. Въ языческихъ храмахъ молились женщины съ распущенными волосами. По словамъ Поливія, римскія матроны дѣлали это, когда отечеству грозила опасность. J. Neeskenbach. De nuditate sacra, p. 70—71. Gieszen 1911.

чество, ведущее къ жизни вѣчной. Преданная смертной казни и истерзанная Перпетуя свободно общается со своими пріятелями и дѣлаетъ имъ внушеніе на основаніи свящ. Писанія. Толпа возмущается видомъ обнаженныхъ женщинъ и, по желанію автора, проявляетъ христіанскую стыдливость.

Далѣе разсказъ о мученичествѣ продолжается слѣдующимъ образомъ. У другихъ воротъ Сатуръ разговаривалъ съ воиномъ Пудентомъ, который былъ тюремнымъ надзирателемъ, но въ тюрьмѣ проникся уваженіемъ къ христіанамъ и началъ словословить христіанскаго Бога, и говорилъ ему:

Какъ я предугадывалъ и предсказалъ, ни одинъ звѣрь не тронулъ меня до сихъ поръ, увѣруй же отъ всего сердца; я выйду и окончу жизнь отъ одного укуса пантеры. И тотчасъ же въ ковшъ зрѣлища (*spectaculi, θεωρίας*) выпущена была противъ него пантера, и отъ одного укуса истекло изъ него столько крови, что явилось свидѣтельство второго крещенія, сообразно съ чѣмъ народъ и возглашалъ: хорошо омылся, хорошо омылся (*salvum lotum, καλῶς ἐλούσω*). И омывшійся такимъ образомъ былъ здоровъ. Тогда онъ сказалъ воину Пуденту: Будь здоровъ, помни о вѣрѣ и обо мнѣ, и пусть это не смущаетъ тебя, а укрѣпляетъ, и попросилъ его снять съ пальца кольцо и омочивъ его въ своей крови далъ ему блаженное наслѣдство, оставивъ память и залогъ крови. Послѣ этого онъ почти бездыханный былъ отведенъ вмѣстѣ съ другими на обычное мѣсто для убіенія. Народъ же требовалъ вывести ихъ на середину, чтобы они видѣли, какъ мечъ пройдетъ чрезъ тѣло святыхъ. Когда они пришли туда, куда хотѣлъ народъ, прежде всего они поцѣловали другъ друга, а затѣмъ съ радостью подверглись смертной казни чрезъ отсѣченіе головы мечомъ. Первымъ отдалъ духъ Сатуръ, такъ какъ онъ поддерживалъ Перпетую. Палачъ нанесъ Перпетуѣ неудачный ударъ, отъ котораго она не умерла и только застонала отъ боли. Тогда она сама направила руку неопытнаго гладіатора на свое горло. „Можетъ быть, говоритъ авторъ мученичества, женщину, которую боялся злой духъ, нельзя было убить иначе, если бы на сама того не пожелала“ (гл. 21).

Вся обстановка едва ли соответствуетъ исторіи, и дѣйствующія лица не представляются намъ реальными фигурами. Обѣ указалъ, что слова, которыя кричитъ толпа (*salvum lotum*), писа-

лись при входѣ въ баню, что то же выраженіе мы находимъ въ одной греческой надписи (*καλῶς ἔλουσθαι κίριε*). Монсо присоединилъ еще одну надпись, но отъ этого возгласъ толпы не сталъ вѣроятнѣе¹⁾. Авторъ мартирія говоритъ прямо, что толпа въ крови, пролитой мучениками, увидѣла второе крещеніе. Для этого нужно было проникнуться не только христіанской вѣрой, но и взглядами, выработанными учеными богословами. Представляется вѣроятнымъ, что авторъ, описавшій мученичество Перпетуи, зналъ Тертулліана или Оригена и вычиталъ у нихъ, что кромѣ крещенія водою есть и второе крещеніе кровью и что это второе крещеніе оmyваетъ грѣхи²⁾.

О Фелицитатѣ мы читаемъ слѣдующее: Она была беременна уже 8 мѣсяцевъ и очень плакалась (такъ какъ не дозволено беременную наказывать), какъ бы ей не пришлось позже съ другими безбожными (т. е. обыкновенными преступниками) проливать свою невинную кровь; но и сомученики ея были очень огорчены, не желая покинуть такого прекраснаго сотрудника и спутницу на пути той же надежды. За три дня до страданія ихъ, объединившись въ общемъ воплѣ, они вознесли молитву къ Господу, и тотчасъ же послѣ молитвы начались у нея родовыя схватки, очень тяжелыя вслѣдствіе преждевременности, и послѣ родовъ она сильно страдая жаловалась. И сказалъ ей одинъ изъ помогавшихъ служителей (вѣроятно, фельдшеръ): если ты теперь жалуешься, что будешь ты дѣлать, когда тебя бросятъ звѣрямъ? Фелицитата отвѣтила: теперь я испытываю тѣ страданія, которыя испытываю, тогда же во мнѣ будетъ другой, который будетъ страдать ради меня, потому что я страдаю ради него (гл. 15).

Можно ли представить себѣ, что такія риторическія фразы отпускала раба да еще въ минуту родовъ, когда женщины вообще не способны къ связаному разговору. Тѣ, кто вѣрятъ, что мы имѣемъ въ мартиріи Перпетуи подлинныя слова мучениковъ, записанныя очевидцами, должны сказать: вотъ какъ образованы были африканскіе рабы!

1) V. Aubé. Les chrétiens dans l'empire romain, 2 éd. p. 229. Monseaux, I, 91.

2) Тертулліанъ называетъ мученичество *baptismus sanguinis*. Origen. I, 26 βαπτισμα ἡμῖν δίδεται τὸ τοῦ μαρτυρίου. I, 37 βαπτισόμενοι τῷ ἑαυτῶν αἵματι καὶ ἀπολουσάμενοι πᾶσαν ἁμαρτίαν. Passio Perpet. p. 88, 17 λοῦσασθαι βαπτισμῷ δευτέρῳ τούτεστι τῷ ἰδίῳ αἵματι.

Въ мартиріи Перпетуи мы находимъ тѣ самыя легендарныя черты, которыя постоянно повторяются въ агіографической литературѣ и разнообразятся на всякіе лады, дикіе звѣри не трогаютъ мучениковъ и такимъ образомъ они одерживаютъ побѣду надъ своими палачами; приходится отрѣзать имъ голову. Мученики, какъ Перпетуя, совершенно не чувствительны къ физической боли. Сидя въ тюрьмѣ, они обращаютъ язычниковъ въ христіанство. А въ концѣ этого документа сказано, что рассказы о подвигахъ блаженныхъ мучениковъ слѣдуетъ читать для назиданія церкви, и изъ этихъ словъ мы въ правѣ заключить, что мартирій Перпетуи былъ написанъ въ то время, когда уже была установлена служба мученикамъ. Въ послѣдствіи могилы Перпетуи и Фелицитаты показывали въ Кареагенѣ, и на ихъ могилахъ построили большую базилику¹⁾.

ГЛАВА IV.

Мартирій Аполлонія.

Мартирію Аполлонія особенно посчастливилось. Его изслѣдовали такіе знатоки церковной и римской исторіи, какъ Гарнакъ и Моммзенъ, и самыя тексты тщательно провѣрялись по рукописямъ и переиздавались нѣсколько разъ. Вплоть до 1874 г. свѣдѣнія объ Аполлоніи ограничивались краткимъ рассказомъ Евсевія въ его церковной исторіи, переводомъ Руфина и сообщеніемъ блаж. Иеронима, т. е. сводились къ одному источнику. Въ 1874 г. венеціанскіе мекхитаристы нашли армянское мученичество Аполлонія и напечатали его вмѣстѣ съ другими житіями святыхъ. Оно оставалось незамѣченнымъ, пока англійскій ученый Конатбиръ не помѣстилъ въ журналѣ *The Guardian* въ 1893 г. англійскій переводъ этого памятника. Въ томъ же году Бурхарди перевелъ армянскій мартирій на нѣмецкій языкъ, и Гарнакъ приложилъ этотъ переводъ къ своей статьѣ. Третій переводъ съ армянскаго на латинскій языкъ сдѣланъ армянскимъ священникомъ Саргисеаномъ и приложенъ къ изданію принца Саксонскаго Макса. Греческій мартирій найденъ и въ первый разъ напечатанъ болландистами въ 1895 г.²⁾ Во второй разъ онъ изданъ

1) *Victor de Vita, Persec. Vandal. I, 3, 9. Mommsen I, 73.*

2) *Analecta Bollandiana v. 14.*

пасторомъ Клетте въ 1897 г. ¹⁾, въ третій разъ Гильгенфельдомъ въ 1898 г. ²⁾, въ четвертый разъ Кнопфомъ въ 1901 г. ³⁾, въ пятый разъ Гебгардомъ въ 1902 г. ⁴⁾, въ шестой разъ въ 1903 г. принцемъ Максомъ ⁵⁾. Чтобы читатель могъ вникнуть во всѣ подробности разсказа объ Аполлоніи, считаю полезнымъ прежде всего напечатать переводъ греческаго мартирія.

Мартирій святого и высокопрославленнаго апостола Аполлоса, именуемаго также Саккеей. Господи благослови.

Во время гоненія на христіанъ, случившагося при царѣ Комодѣ, нѣкто Перенній былъ проконсуломъ Азіи. Аполлосъ же апостолъ мужъ благочестивый, Александріецъ родомъ, богобоязненный былъ схваченъ и приведенъ на судъ.

Когда онъ былъ приведенъ, проконсулъ Перенній сказалъ: Аполлосъ, ты христіанинъ?

Аполлосъ сказалъ: да, я христіанинъ, и поэтому я почитаю и боюсь Бога, сотворившаго небо и землю и море и все въ нихъ находящееся.

Проконсулъ Перенній сказалъ: Покаявшись послѣдуй за мной и поклянись счастьемъ господина нашего императора Комода.

Аполлосъ, онъ же Саккея, сказалъ: Разумно выслушай меня, Перенній, такъ какъ я намѣренъ обратиться къ тебѣ со словомъ священной и законной защиты. Тотъ, кто отвращается отъ справедливыхъ, добрыхъ и удивительныхъ заповѣдей Божіихъ ⁶⁾, беззаконникъ, нечестивецъ и цюистинѣ безбожникъ; тотъ же, кто отвращается отъ всякой несправедливости, беззаконія и идолопоклонства и злыхъ помысловъ ⁷⁾, бѣжитъ отъ источника грѣховъ и не обращается къ нимъ вновь, тотъ праведникъ и на основаніи этой защитительной нашей рѣчи вѣрь намъ, Перенній, что мы научились честнымъ и славнымъ заповѣдямъ отъ Слова Бога, знающаго всѣ помыслы людскіе. И Онъ повелѣлъ намъ вовсе не клясться, но всегда говорить правду, ибо великая клятва есть

1) Texte und Untersuchungen, Bd. XV, Hf. 2.

2) Zeitschrift für wissenschaftliche Theologie, Bd. 41.

3) Knopf. Ausgewählte Märtyreracten.

4) Gebhardt. Ausgewählte Märtyreracten.

5) Max Prinz von Sachsen. Der heil. Märtyrer Apollonius von Rom.

6) Апокал. XXII, 14. Блаженны тѣ, которые соблюдаютъ заповѣди Его.

7) Матѣ. XV, 19. Ибо изъ сердца исходятъ злые помыслы.

уже въ правдѣ слова „да“, поэтому христіанину постыдно клясться¹⁾; ибо отъ лжи происходитъ невѣріе и вслѣдствіе невѣрія клятва. Ты желаешь, чтобы я поклялся, что мы чтимъ царя, молимся за его державу²⁾. Съ удовольствіемъ я поклялся бы во истинѣ истиннымъ Богомъ, сущимъ прежде вѣковъ³⁾, котораго не сотворили человѣческія руки, который напротивъ самъ посадилъ человѣка царствовать надъ людьми на землѣ.

Проконсулъ Перенній сказалъ: Сдѣлай то, что я тебѣ говорю, передумай, Аполлосъ, принеси жертву богамъ и изображенію императора Комода.

Аполлосъ же улыбувшись сказалъ: Относительно передумыванія и клятвы, Перенній, я сказалъ тебѣ защитительную рѣчь, относительно же жертвоприношеній слушай. Безкровную и чистую жертву я и всѣ христіане приносимъ Вседержителю Богу, повелителю неба, земли и всякаго дыханія⁴⁾, жертву, состоящую преимущественно изъ молитвъ и мысленныхъ образовъ (т. е. людей, сотворенныхъ по образу Божию)⁵⁾, поставленныхъ провидѣніемъ Божиимъ царствовать на землѣ⁶⁾. Поэтому по повелѣнію справедливой заповѣди мы ежедневно молимся обитающему на небесахъ Богу за царствующаго въ этомъ мірѣ⁷⁾ Комода, хорошо зная, что онъ никѣмъ другимъ, а только волею непобѣдимаго Бога, все содержащаго, какъ я выше сказалъ, царствуетъ на землѣ.

Проконсулъ Перенній сказалъ: Даю тебѣ день, Аполлосъ, чтобы ты поразмыслилъ о своей жизни.

Черезъ три дня онъ приказалъ привести его. Собралась большая толпа сенаторовъ, совѣтниковъ и великихъ мудрецовъ. Приказавъ позвать его онъ сказалъ: Пусть прочтутъ акты Аполлоса.

1) Матѣ. V, 34. А я говорю вамъ: не клянись вовсе. Іаков. V, 12. Не клявитесь ни небомъ, ни землею и никакою другою клятвою.

2) I Петр. II, 17. Царя чтите.

3) I Коринѣ. II, 7. Богъ прежде вѣковъ.

4) Дѣян. Апост. XVII, 24. Богъ, сотворившій міръ и все, что въ немъ, онъ, будучи Господомъ, неба и земли... самъ дая всему жизнь и дыханіе и все (рѣчь ап. Павла въ ареопагѣ).

5) I Петр. II, 5 чтобы приносить духовныя жертвы, благоприятныя Богу.

6) Колос. III, 10 и облечись въ новаго человѣка, который обновляется въ познаніи по образу создавшаго его. Римл. VIII, 29 кого онъ предугадывалъ, гѣмъ и предопредѣлилъ быть подобными образу Сына Своего.

7) Іоанн. XVIII, 36. Царство мое не отъ міра сего.

И послѣ того, какъ ихъ прочли, проконсулъ Перенній сказалъ: Къ какому рѣшенію пришелъ ты, Аполлосъ?

Аполлосъ же сказалъ: Оставаться чтущимъ Бога, какъ ты самъ въ актахъ оцѣнивъ насъ постановилъ.

Проконсулъ Перенній сказалъ: На основаніи постановленія сената (*senatus consultum*) я совѣтую тебѣ измѣнить свое рѣшеніе, чтить боговъ и поклоняться богамъ, которыхъ всѣ мы люди чтимъ и которымъ всѣ мы поклоняемся, и жить съ нами.

Аполлосъ сказалъ: Я постановленіе сената знаю, Перенній, сдѣлался же я чтущимъ Бога, чтобы не чтить рукотворенныхъ идоловъ. Поэтому я не буду поклоняться золоту, серебру, мѣди или желѣзу, деревяннымъ или каменнымъ ложно именуемымъ богамъ, которые не видятъ и не слышатъ, потому что они творенія художниковъ, литейщиковъ и токарей, художественныя произведенія рукъ человѣческихъ и не двигаются по собственному желанію. Я служу Богу, существу на небесахъ и Ему одному поклоняюсь, Ему во всѣхъ людей вдунувшему¹⁾ душу живущую²⁾ и дарующему жизнь всѣмъ ежедневно. Я, Перенній, не унижу самого себя и не брошу себя въ бездну, ибо поворно поклоняться или тому, что равноцѣнно съ человѣкомъ, или тому, что ниже демоновъ. Грѣшатъ смиреннѣйшіе люди, когда они поклоняются тому, что по качеству своему состоитъ изъ вырѣзки холоднаго камня, сухого дерева, безжизненнаго металла и мертвыхъ костей. Какова же глупость такого обмана? Подобнымъ же образомъ египтяне поклоняются тау, который многими называется ножнымъ тазомъ, со многими другими ужасами. Какова же глупость такого необразованія? Ассирійцы и понинѣ почитаютъ мѣдный черепъ быка, называя его счастьемъ ассирійцевъ. Чѣмъ отличается это отъ обожженной глины или разбитаго черепка? Они молятся изображеніямъ демоновъ, которыхъ не слышатъ ихъ молитвъ, ибо наружный видъ ихъ поддѣланъ; „есть у нихъ уши, но не слышатъ, есть у нихъ глаза, но не видятъ, есть у нихъ руки, но не осязаютъ, есть у нихъ ноги, но не ходятъ“³⁾, ибо наружный видъ не измѣняетъ сущности. Мнѣ кажется, что Сократъ надѣвался

1) Иоанн. XX, 22 дунулъ и говоритъ имъ: примите Духа Святого.

2) I Коринт. XV, 45 первый Адамъ сталъ душою живущею.

3) Псалом. 113, ст. 13—15.

падъ аэвіянами, когда онъ клялся платаномъ, дикимъ деревомъ. Люди вновь грѣшатъ, во-вторыхъ, противъ неба, когда поклоняются тому, что зависитъ отъ природы, луку и чесноку, богу пелусійцевъ, что входитъ въ желудокъ и выбрасывается въ клоакъ. Вновь, въ третьихъ, грѣшатъ люди противъ неба, когда поклоняются тому, что зависитъ отъ чувственаго воспріятія, рыбѣ и голубю, какъ египтяне собакамъ и кинокефалу, крокодилу и быку, змѣѣ и волку. Вновь, въ четвертыхъ, грѣшатъ противъ неба люди, когда они покланяются тому, что подчинено разуму, людямъ, которые по своей дѣятельности демоны; богами они называютъ бывшихъ раньше людьми, какъ это изблнчаютъ ихъ собственные мѣны, ибо о Діонисѣ они рассказываютъ, что онъ былъ растерзанъ, а Ираклъ живой былъ захваченъ огнемъ, Зевесъ же погребенъ на Критѣ. Вслѣдствіе ихъ нечестія я ихъ отвергаю.

Проконсулъ Переппій сказалъ: Аполлосъ, есть постановленіе сената, чтобы не было христіанъ.

Аполлосъ, онъ же Саккея, сказалъ: Но постановленіе Божіе не можетъ быть поражено постановленіемъ людскимъ, ибо чѣмъ больше они беззаконно убиваютъ вѣрующіхъ въ Него, не совершившихъ ничего беззаконнаго, тѣмъ больше Богомъ увеличивается ихъ число. Я желалъ бы, чтобы ты, Переппій, зналъ, что для царей, сенаторовъ, людей имѣющихъ сильную власть, для богатыхъ и бѣдныхъ, свободныхъ и рабовъ, великихъ и малыхъ мудрецовъ и простецовъ Богъ установилъ одну и ту же смерть и судъ послѣ смерти надъ всѣми людьми. Но есть разница и въ смерти. Поэтому ученики нашего Слова ежедневно умираютъ для наслажденій, обуздывая возжелѣніе воздержаніемъ, желая жить по божественнымъ заповѣдямъ¹⁾, и истинно вѣрять намъ, Переппій, что мы не лжемъ, ибо пѣтъ у насъ ни частицы необузданной страсти и всякій постыдный взглядъ мы закрываемъ пазъ глазъ льстецовъ, чтобы сердце наше оставалось неуязвимымъ. Ведя такой образъ жизни, проконсулъ, мы считаемъ не тяжелымъ умирать ради истиннаго Бога, ибо тѣ, что мы есмь, мы есмь черезъ Бога, поэтому мы и все переносимъ, чтобы не умереть дурною смертью. Живемъ ли мы или умираемъ, мы

1) Галат. V, 24. Но тѣ, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями.

Господни¹⁾; насъ можетъ убить и дисентерія и горячка, и я представляю себѣ, что меня уничтожаетъ одна изъ этихъ болѣзней.

Проконсулъ Перенній сказалъ: Такъ рѣшивши, Аполлосъ; ты умираешь охотно?

Аполлосъ сказалъ: Я охотно живу, Перенній, однако не боюсь смерти вслѣдствіе любви къ жизни, ибо ничего нѣтъ цѣннѣе жизни, именно вѣчной жизни, т. е. безсмертія хорошо прожившей въ этой жизни души.

Проконсулъ Перенній сказалъ: Не понимаю, что ты говоришь.

Аполлосъ сказалъ: Я очень сожалѣю о тебѣ, такъ какъ ты такъ плохо понимаешь красоту благодати. Зряцаго сердца, Перенній, касается слово Господа, какъ зрящихъ глазъ касается свѣтъ, такъ какъ не приноситъ пользы человѣкъ, обращающійся съ рѣчью къ неразумнымъ, и свѣтъ, открывающійся слѣпымъ. Нѣкій циническій философъ сказалъ: Аполлосъ, ты самъ себя хулишь, ты сильно ошибаешься, если воображаешь, что ты умѣешь говорить темнымъ таинственнымъ языкомъ.

Аполлосъ сказалъ: Я научился молиться, а не хулить, а лицемѣріе въ тебѣ доказываетъ слѣпоту твоего сердца, если оно и дойдетъ до полнаго пустословія, ибо неразумнымъ истина дѣйствительно представляется поношеніемъ.

Проконсулъ Перенній сказалъ: И мы знаемъ, что слово Бога создатель души и тѣла праведныхъ.

Аполлосъ сказалъ: Этотъ Спаситель нашъ Иисусъ Христосъ родился какъ человѣкъ въ Иудеѣ; во всемъ праведный и преисполненный мудростью Божіею, Онъ научилъ насъ человѣколюбиво, кто Богъ всѣхъ вещей и какова цѣль добродѣтели для святой жизни. Страданіемъ своимъ Онъ прекратилъ власть грѣха. Ибо Онъ научилъ подавлять гнѣвъ, обуздывать возжеланіе, сдерживать страсть, изгонять скорби, дѣлаться сострадательнымъ, умножать дружбу, уничтожать тщеславіе, не обращаться къ отраженію обижающихъ, презирать смерть; кромѣ того повиноваться данному имъ закону, чтить царя, почитать Бога, единого безсмертнаго, вѣрить въ безсмертіе души, быть убѣжденнымъ съ судѣ послѣ смерти, надѣяться на награду за труды добродѣтели, которую послѣ воскресенія Богъ дастъ жившимъ

1) Римл. XIV, 8 и потому живемъ ли мы или умираемъ, мы Господни.

благочестиво. Дѣятельно научивъ насъ этому и убѣдивъ насъ въ этомъ многими доказательствами, Онъ самъ пріобрѣлъ великую славу добродѣтели. Но Онъ сдѣлался предметомъ зависти для невѣжественныхъ лицъ, какъ и до него бывшіе праведные и философы, ибо праведники негодны неправеднымъ. Поэтому и нѣкое писаніе (арм. Свящ. Писаніе) говоритъ, что безумцы неправедно говорили: свяжемъ праведника, потому что онъ намъ негоденъ. И изъ эллиновъ одинъ сказалъ, какъ мы слышали: справедливый человѣкъ (праведникъ) будетъ подвергнутъ бичеванію, пыткамъ, будетъ связанъ, ему выжгутъ глаза и наконецъ, когда онъ претерпѣтъ всевозможныя бѣдствія, будетъ распятъ¹⁾. Такъ же какъ Сократа аѳинскіе сикофанты несправедливо осудили, убѣдивъ и народъ, также и нашего учителя Спасителя нѣкіе злодѣи осудили, послѣ того какъ связали (поносили) Его²⁾. Такъ поступили они и съ пророками, которые предсказали многое славное объ этомъ человѣкѣ, что придетъ нѣкій мужъ вполне праведный и боголюбезный, который окажетъ благодѣянія всѣмъ людямъ и убѣдитъ ихъ почитать Бога вселенной, которому мы и поклоняемся, потому что научились отъ Него пречестнымъ заповѣдямъ, которыхъ не знали, и мы не заблуждаемся. И если бы даже было заблужденіемъ, какъ вы думаете, ученіе, что душа безсмертна, судъ будетъ послѣ смерти, цѣль добродѣтели въ воскресеніи, что Богъ судія, мы охотно вынесли бы такое заблужденіе, черезъ которое мы всего больше научились жить хорошо, въ надеждѣ на будущее, хотя бы испытывали теперь противоположное.

Проконсулъ Перенній сказалъ: Я думалъ, Аполлосъ, что ты измѣнилъ свое рѣшеніе и будешь съ нами почитать боговъ.

Аполлосъ сказалъ: Я надѣялся, проконсулъ, что у тебя явятся благочестивыя размышленія, и что глаза твоей души будутъ просвѣтлены моею защитительною рѣчью, что сердце твое принесетъ плодъ Богу³⁾, творцу вселенной, и ты будешь почитать Его еже-

1) Platon. De republica II, 5 (p. 361 E).

2) Принцъ Максъ неправильно переводитъ: wurde aber von den Frevlern getötet. Въ армянскомъ текстѣ это мѣсто положено лучше: и послѣ того какъ онъ былъ за оказанныя имъ благодѣянія всѣмъ прославленъ, онъ наконецъ былъ убитъ.

3) Римл. VII, 5 да приносимъ плодъ Богу.

дневно милостыней и человѣколюбивымъ обращеніемъ и будешь возносить молитвы единому Богу, какъ жертву безкровную и чистую.

Проконсуль Перенній сказалъ : я желаю отпустить тебя, Аполлосъ, но мнѣ мѣшаетъ постановленіе императора Комода, однако я въ смерти хочу поступить съ тобою человѣколюбиво.

И онъ подалъ знакъ, чтобы мученику перебили голени¹⁾.

Аполлосъ же, онъ же Саккея, сказалъ : Благодарю Бога моего, проконсуль Перенній, со всѣми исповѣдующими Бога Вседержителя, и единороднаго Его сына Иисуса Христа и Духъ Святой, за этотъ спасительный приговоръ твой. Такой славный конецъ мученичества началъ съ трезвой душой и бодрымъ сердцемъ святѣйшій этотъ борецъ, онъ же и Саккея. Главный же день, когда сражаясь съ діаволомъ онъ одержалъ побѣду, наступилъ сегодня. Итакъ, братія, его прекрасными подвигами укрѣпивъ свою душу въ вѣрѣ, возлюбимъ (сдѣлаемъ себя любителями) такую благодать, милостью и благодатью Иисуса Христа, съ Нимъ же Богу и Отцу со Духомъ Святымъ слава и сила во вѣки вѣковъ. Аминь.

Мученикомъ сталъ троблаженный Аполлосъ, онъ же Саккея, за 11 дней до майскихъ календъ по римскому счету, а по азіатскому въ 8-мъ мѣсяцѣ въ то время, когда у насъ царствуетъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ, которому слава во вѣки.

Таково содержаніе произведенія, которому авторитетные ученые придаютъ большое историческое и юридическое значеніе. Однако оно и по своей формѣ и по содержанію очень далеко отъ совершенства и не отличается стройностью. Судя по заключенію это слово произнесенное въ день памяти мученика, но соотвѣтственно съ этимъ мы ожидали бы и обычнаго для церковныхъ ораторовъ введенія, котораго однако не оказывается. Мартирій, какъ и многіе другіе, начинается прямо съ изложенія событій. Среди разговора между Перенніемъ и Аполлосомъ (или судебного вопроса, какъ думаютъ нѣкоторые ученые) совершенно неожиданно и безъ связи съ предыдущимъ вставлено обращеніе къ Аполлосу философа цинической школы. Судья довольно

1) Іоанн. XIX, 31 просилъ Пилата, чтобы перебить у нихъ голени.

неискусно и безсвязно прерываетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ защитительную рѣчь Аполлоса.

Во всякомъ случаѣ рассказъ о мученичествѣ Аполлоса очень далекъ отъ юридической точности. Проконсулъ Перенній ссылается сначала на постановленіе сената, запрещающее христіанскую религію, а потомъ на постановленіе императора Комода (180—192 г.). Въ обоихъ случаяхъ и для сенатусконсульта и для императорскаго эдикта употребляется одинъ и тотъ же терминъ.

Перенній даетъ Аполлосу день для раздумья, а вслѣдъ затѣмъ мы читаемъ: и черезъ три дня приказалъ Перенній привести вновь на судъ Аполлоса. Это второе засѣданіе суда Переннія обставлено фантастическими подробностями. На судъ собралась большая толпа сенаторовъ, какихъ то совѣтниковъ и великихъ мудрецовъ. Объ этой толпѣ далѣе ничего не говорится. Во время этого второго судебного засѣданія прочитаны были акты (латинскій терминъ для протокола) Аполлонія. Судебный протоколъ, который будто бы прочтенъ былъ на второмъ засѣданіи, отличается довольно странными свойствами. Въ немъ Перенній признавалъ Аполлоса благочестивымъ и поклонникомъ истиннаго Бога, тогда какъ римская государственная власть обвиняла христіанъ въ безбожии (Приицъ Максъ переводитъ это мѣсто такъ: ein Gottesverehrer zu bleiben, wie du selbst in den Akten uns abschätzend festgesetzt hast). Если вѣрить мартирію Аполлоса, Перенній былъ оригинальнымъ обвинителемъ и судьей. Онъ терпѣливо выслушиваетъ длинныя риторическія рѣчи подсудимаго, не имѣющія никакого отношенія къ дѣлу. Въ душѣ онъ видимо христіанинъ и соглашается съ Аполлосомъ, что Логосъ создалъ душу и тѣло праведниковъ. Онъ понимаетъ, что Аполлосъ охотно умираетъ за христіанскую вѣру и желалъ бы оправдать его. Но онъ вынужденъ привести въ исполненіе указъ императора. Перенній ссылается на Коммода, который отличался вѣротерпимостью и находился подъ вліяніемъ своей конкубины Марціи, христіанки¹⁾.

Къ несообразностямъ мартирія относятся и казнь и самое

1) Dio Cass. LXXII, 4. K. Neumann. Der Römische Staat und die allgemeine Kirche, p. 84—86.

имя мученика. Перенній подалъ знакъ, говорится въ мартиріи, чтобы мученику разбиты были голени. Тоже евангельское выраженіе употребляетъ Евсевій о рабѣ, донесшемъ на Аполлонія (V, 21, 3). Но такой казни не существовало, это былъ только пріемъ, ускорявшій смерть распятаго на крестѣ. Въ императорскую эпоху распинали исключительно рабовъ¹⁾; если предполагать, что греческій рассказъ объ Аполлосѣ относится къ сенатору Аполлонію, мы должны признать, что Перенній не имѣлъ права осудить его на самую позорную казнь и не могъ имѣть этого желанія, такъ какъ хотѣлъ оправдать его.

Имя Аполлоса не случайно. Оно имѣется не только въ заглавіи, но 20 разъ встрѣчается въ самомъ текстѣ и употребляется всегда въ той же формѣ (имен. Ἀπολλῶς, ават. Ἀπολλῶ). Такъ же пишется тотъ Аполлосъ, о которомъ говорится въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ и посланіяхъ ап. Павла къ коринтянамъ и къ Титу²⁾. Онъ былъ образованнымъ человекомъ, иудеемъ, уроженцемъ Александріи, переселившимся въ Ефесъ (Дѣян. Ап. XVIII, 24). Съ мартиріемъ здѣсь буквально совпадаютъ слова: „родомъ Александріецъ“. Въ первыхъ строкахъ мартирія онъ названъ апостоломъ. Въ Лавсикѣ Палладія имѣется рассказъ о еиваидскомъ отшельникѣ Аполлосѣ, который былъ „какъ новымъ пророкомъ и апостоломъ“³⁾. Изъ этого видно, что во время Палладія, т. е. въ V вѣкѣ, Аполлосъ считался апостоломъ. Онъ упомянутъ въ спискѣ 70 апостоловъ и позднѣйшее преданіе дѣлаетъ его епископомъ Кесарійскимъ⁴⁾. Въ апокрифическихъ дѣяніяхъ апостола Акилы, которыя не могли быть написаны раньше царствованія Маврикія, такъ какъ въ нихъ упоминается этотъ императоръ, говорится слѣдующее: Нѣкій іудей Аполлосъ, родомъ Александріецъ, пришелъ въ Ефесъ . . . въ Магнезій онъ принялъ вѣнецъ мученичества⁵⁾. По свидѣтельству позднихъ сирійскихъ

1) Th. Mommsen. Römische Strafrecht, p. 920.

2) Всѣ мѣста объ Аполлосѣ изъ Свящ. Писанія собраны и напечатаны съ примѣчкимъ переводомъ въ книгѣ H. Bruders, Die Verfassung der Kirche, p. 266—270. Mainz 1904.

3) E. Preuschen. Palladius und Rufinus, p. 34.

4) Онъ названъ такъ у псевдо-Доротея въ анонимномъ спискѣ и у псевдо-Симеона логогета. Th. Schermann. Prophetarum vitae fabulosae p. 140, 170, 182. Lips. 1907.

5) J. Ebersolt. Les actes de S. Jaques et les actes d'Aquilas p. 48. Paris, 1902.

писателей Аполлосъ былъ сожженъ Спарцеліемъ, сужденъ Гавтры въ Апамеѣ¹⁾.

Въ греческой редакціи мученикъ называется Аполлосомъ, причеиъ шесть разъ къ его имени прибавлено прозвище, которое вездѣ пишется одинаково *ὁ καὶ Σακκέας*. Что это прозвище видно изъ параллельнаго мѣста объ Іоаннѣ Цимискіи²⁾. Названіе это остается темнымъ. Отыскивая созвучіе, можно указать прежде всего на дикій народъ Саки, жившій, по словамъ Геродота, въ Скиѣи и подпавшій впоследствии подъ власть персовъ. Страбонъ и Діонъ Хрисостомъ сообщаютъ, что въ ихъ время Персы ежегодно праздновали Сакеи въ воспоминаніе о покореніи Саковъ. Во время этого праздника совершалось ритуальное убійство. Преступника, присужденнаго къ смертной казни, наряжали въ царское одѣяніе и предоставляли ему пользоваться въ теченіе пяти дней царскими прерогативами, а затѣмъ снимали съ него царское одѣяніе, бичевали его и распинали³⁾. Но и Саки и праздникъ Сакеи пишется черезъ одно к, между тѣмъ какъ въ прозвищѣ Аполлоса вездѣ поставлено два к. Въ географіи Птолемея упоминается городъ Саккея, который пишется у него такъ же черезъ два к, какъ Саккеасъ въ мартиріи Аполлонія, городъ настолько важный, что онъ имѣлъ свою собственную эрѹ. Городъ этотъ (Шакка) существуетъ до сихъ поръ у сѣверныхъ отроговъ Джебель Хаурана⁴⁾. Но отъ города *Σακκαία* едва ли можно произвести *Σακκέας* и если бы даже мы допустили такое словопроизводство, оно не давало бы удовлетворительнаго смысла. Аполлосъ называется Александрійцемъ и прозвище Саккеецъ, т. е. уроженецъ города Саки, представлялось бы неумѣстнымъ. Всего вѣроятнѣе, что Саккеасъ происходитъ отъ саккосъ, какъ Андреасъ отъ андросъ, Кратеасъ отъ кратосъ, Тавреасъ отъ тавросъ. Слово саккосъ встрѣчается въ Евангеліи и Апокалипсисѣ и переведено словомъ вретище. Производное отъ него прозвище „Саккеасъ“ значило бы носящій вретище, т. е. аскетъ.

1) Th. Schermann. Propheten und Apostellegenden, p. 330 (Texte u. Untersuchungen, Bd. 31).

2) Apocalyps. Anastasiae (ed. Homburg), p. 27 *οὗτος ἐστὶν Ἰωάννης ὁ καὶ Τζιμολοχης*.

3) J. Frazer. Le rameau d'or, II, 34.

4) Cl. Ptolemaei Geograph. lib. V, cap. 14 (ed. Müller. Didot I, 2, p. 985). R. Brunnow u. A. Domszewski. Die Provinz Arabia, III 250, 270, 305.

Всѣ изслѣдователи утверждаютъ, что разсказъ объ Аполлосѣ относится къ Аполлонію, и приводятъ слѣдующее вѣское доказательство. Мартирій Аполлоса дословно совпадаетъ съ армянскимъ мученичествомъ Аполлонія, существованіе котораго удостоверяется кромѣ того Евсевіемъ и Иеронимомъ. Но между армянскимъ текстомъ и греческимъ наблюдается разница въ подробностяхъ, имѣющая существенное значеніе. Въ армянскомъ разсказѣ римскій императоръ не названъ по имени, а судья называется хилархомъ или префектомъ Теренціемъ. Этотъ Теренцій ссылается только на *senatus consultum*, а не на указъ императора, и наконецъ второе засѣданіе по армянской редакціи не сопровождается сказочными подробностями, имѣющимися въ греческой. Аполлоса судилъ проконсулъ Азіи Перенній; хотя прямо не сказано гдѣ происходилъ судъ, все же компетенція проконсула не могла выходить за предѣлы его провинціи, т. е. римской Азіи. Авторъ армянскаго мартірія говоритъ прямо, что Аполлоній произнесъ свою защитительную рѣчь въ Римѣ.

Въ общемъ армянское мученичество представляется нѣсколько правдоподобнѣе греческаго. Первый переводчикъ армянскаго текста на англійскій языкъ Conybeare считалъ, что армянское мученичество переводъ съ греческаго, сдѣланный въ 5-мъ вѣкѣ, но во всякомъ случаѣ не съ извѣстнаго намъ греческаго текста. Поэтому болландисты отдають предпочтеніе армянскому мартірію.

Въ греческомъ мартірії мы не находимъ точныхъ хронологическихкихъ данныхъ, указывающихъ на время его написанія. Мы можемъ только положительно утверждать, что оно было составлено послѣ торжества христіанства. Хотя Аполлосъ указываетъ на то, что христіанамъ клясться неприлично, онъ въ то же время говоритъ, что охотно поклялся бы истиннымъ Богомъ. Слѣдовательно, присяга уже упрочилась въ христіанскомъ мірѣ.

Апология, которую будто бы произнесъ на судѣ Аполлоній (или Аполлосъ), не могла быть сказана имъ экспромтомъ. Это литературное произведеніе, составленное на основаніи разныхъ источниковъ. Изъ древнихъ писаній мы находимъ въ немъ двѣ выписки, одну изъ псалтири, другую изъ Платона. Аполлоній повторилъ слѣдующія слова псалмопѣвца: есть у нихъ глаза, но не видятъ; есть у нихъ уши, но не слышатъ; есть у нихъ руки, но не осязаютъ; есть у нихъ ноги, но не ходятъ. (Псал.

113, 13—15). Нѣсколько строкъ выше нами отмѣченныхъ выписано изъ сочиненія Платона о государствѣ; для этого однако не нужно было имѣть подъ руками самого Платона. Ту же буквальную выписку можно было найти у Климента Александрійскаго, которымъ повидимому и вообще пользовался авторъ, написавшій рѣчь Аполлонія¹⁾. Принцъ Максъ собралъ цѣлый рядъ текстовъ, изобличающихъ родство между апологіей Аристиды и мартиріемъ Аполлонія. Совпадаютъ у Аристиды и Аполлонія опредѣленія, прилагаемыя къ Богу²⁾. То что говоритъ Аполлоній объ эллинскихъ богахъ могло быть позаимствовано у Аристиды. Последний сообщаетъ, что Діонисъ былъ съѣденъ титанами, а Ираклъ уничтоженъ огнемъ³⁾. О поклоненіи животнымъ, луку и чесноку говорятъ Аристидъ⁴⁾, и у него же можно было почерпнуть свѣдѣніе, что іудеи убивали своихъ пророковъ.

Общее построеніе рѣчи совпадаетъ въ обоихъ случаяхъ. Аристидъ пишетъ: ошибаются тѣ, кто считаютъ богомъ небо, землю и т. д. Какъ бы вторя ему Аполлоній говоритъ: грѣшатъ противъ неба тѣ, которые поклоняются произрастеніямъ природы, животнымъ и т. д. Такъ какъ рѣчь Аполлонія составлена гораздо менѣе искусно, чѣмъ апологія 2-го вѣка, и въ дошедшемъ до насъ текстѣ съ немалымъ количествомъ грамматическихъ ошибокъ, нельзя предполагать, что апологеты пользовались произведеніемъ Аполлонія.

Свѣдѣнія объ Аполлоніи мы находимъ еще у Евсевія, Руфина, Иеронима. Евсевій въ своей церковной исторіи (V, 21) сообщаетъ слѣдующее о мученичествѣ Аполлонія: Въ то же царствованіе Коммода наше положеніе стало спокойнѣе, по благодати Божіей миръ царилъ въ церквахъ по всей вселенной. Это было однако невыносимо ненавидящему добро, завистливому диаволу; поэтому онъ вооружился противъ насъ и замышлялъ противъ насъ разныя козни. Въ городѣ Римѣ онъ ведетъ на судъ Аполлонія, мужа изъ тогдашнихъ вѣрующихъ, знаменитаго своимъ образованіемъ и знаніемъ философіи, побудивъ къ обвине-

1) Strom. V, 14 (ed. Stählin II, 398). Strom. IV, 6, 12 (II, 266, 286).

2) *Harp. Arist.* (ed. Geffcken, p. 23) = Apollon. c. 2.

3) *Arist.*, p. 15.

4) *Arist.*, p. 19. Einige die Schlange und einige die Aspis und andere den Knoblauch und die Zwiebeln. Apoll. c. 21.

нiю его одного изъ пригодныхъ къ тому служителей его. Но этотъ несчастный началъ дѣло не во время, потому что такiе доносчики по царскому указу должны были быть лишены жизни, и ему тотчасъ же перебиты были голени, такъ какъ судья Переннiй вынесъ ему такой приговоръ. Боголюбивѣйшiй же мученикъ послѣ того какъ судья усиленно просилъ его и требовалъ, чтобы онъ сказалъ рѣчь предъ сенатомъ, произнесъ передъ всѣми краснорѣчивѣйшую апологiю вѣры имъ исповѣдуемой и кончилъ жизнь смертною казнью по постановленiю сената. Древнiй, бывшiй у нихъ (у римлянъ) въ силѣ законъ не позволялъ освободить разъ призваннаго на судъ и не измѣнившаго своего образа мыслей. Кто желалъ бы узнать, что говорилъ онъ передъ судьей и какiе давалъ отвѣты на вопросы Переннiя, и всю его апологiю, произнесенную передъ сенатомъ, можетъ познакомиться съ этимъ изъ сочиненiя нашего, составленнаго по древнимъ мученичествамъ.

У Руфина переводчика церковной исторiи Евсевiя никакихъ существенныхъ отступленiй не находимъ (переводъ Руфина напечатанъ въ изд. Евсевiя II, 486—487). Онъ также называетъ Переннiя судьей, рассказываетъ о казни обвинителя и въ концѣ говоритъ: блаженнаго Аполлонiя мученика просятъ, чтобы онъ защитительную рѣчь, которую блестящимъ образомъ держалъ предъ сенатомъ и всѣмъ народомъ, издастъ письменно (*ederat scriptam*) и послѣ этого онъ по постановленiю сената былъ обезглавленъ. Эта подробность, а также и тотъ фактъ, будто Аполлонiя судилъ сенатъ, чего онъ вообще не дѣлалъ, заставляютъ насъ сомнѣваться въ точности разсказа Евсевiя. Повидимому и блаж. Иеронимъ нашелъ его не вполне правдоподобнымъ. По крайней мѣрѣ въ своемъ сочиненiи *de viris illustribus*, написанномъ въ 392 г. (раньше перевода Руфина), онъ говоритъ: Аполлонiй, сенаторъ г. Рима, преданный при императорѣ Коммодѣ рабомъ (Северомъ) и обвиненный въ томъ, что онъ христiанинъ, вслѣдствiе требованiя представить исповѣданiе своей вѣры, написалъ большой томъ, который онъ прочелъ въ сенатѣ и тѣмъ не менѣе онъ по приговору сената былъ обезглавленъ ради Христа, такъ какъ существовалъ древнiй законъ и невозможно было оправдать христiанъ, разъ они привлечены были къ суду.

Изъ этого видно, что въ 4-мъ и 5-мъ вѣкахъ Аполлонiй былъ

личностью не достаточно известной, не только на Востокъ, но и на Западъ. Иеронимъ сдѣлалъ его сенаторомъ, желая объяснить, почему его судилъ сенатъ. Севера превратили въ серва, а можетъ быть и наоборотъ. Сомнѣвались въ томъ, на какомъ языкѣ онъ писалъ.

Когда по просьбѣ Гарнака Бурхарди перевелъ армянскій мартирій, Гарнакъ старался соотласовать съ исторіей свѣдѣнія, оказавшіяся въ новомъ источникѣ. Для этого потребовался цѣлый рядъ натяжекъ. Странно, по мнѣнію Гарнака, у Евсевія и Иеронима: во 1) что обвинителю Аполлонія перебили голени, 2) что процессъ, начинающійся у *praefectus praetorio* Перенниса, переносится имъ въ сенатъ и что сенатъ постановляетъ приговоръ. Можно было бы предположить вмѣстѣ съ Иеронимомъ, что дѣло Аполлонія разбиралъ сенатъ, такъ какъ онъ былъ сенаторомъ, хотя процессы христіанъ не подлежали вѣдѣнію сената. Послѣ обнародованія армянскаго текста въ этомъ предположеніи нѣтъ никакой надобности. Сенатъ его не судилъ. Переннисъ не сообщаетъ обвиняемому приговоръ сената, а только мнѣніе сената, что прежде избранное запрещеніе быть христіаниномъ не допускаетъ никакихъ исключеній. Переннисъ, по мнѣнію Гарнака, считалъ, что философъ Аполлоній не опасенъ, и онъ желалъ бы, чтобы сенатъ высказалъ свое мнѣніе, дѣйствительно ли во всѣхъ случаяхъ надо дѣйствовать противъ христіанъ со всей строгостью закона и нужно ли *poen christianum* безъ всякаго исключенія подводить подъ оскорбленіе величества. Переннисъ посоветовалъ Аполлонію отправиться за этимъ разъясненіемъ въ Римъ. Однако не получается сенатусконсульта, какой желателенъ былъ Переннису; сенаторы остаются при своемъ прежнемъ рѣшеніи. „Если я правильно понялъ армянскіе акты, говоритъ Гарнакъ, они, кромѣ своего церковноисторическаго содержанія, сообщаютъ важныя данныя для исторіи государства и государственнаго права. Для исторіи церкви значительный интересъ представляетъ тотъ фактъ, что одинъ *senatus consultum* въ царствованіе Коммода подтверждаетъ прежніе императорскіе принципы по отношенію къ христіанамъ и затѣмъ другой *senatus consultum* отъ 180 или ближайшихъ годовъ при случаѣ ихъ опять ярко выставило“¹⁾.

1) Гарнакъ. Der Prozess des Christen Apollontos (Sitzungsber. d. Preuss. Académ. 1893, p. 723—746).

Такъ началась въ концѣ 19-го вѣка новая легенда о мученикѣ Аполлоніи. На помощь Гарнаку пришелъ знаменитый Теодоръ Моммзенъ. Онъ находилъ, что государственноправовое значеніе Аполлоніева процесса не оцѣнено еще въ полномъ объемѣ и старался разъяснить юридическія подробности мартирія. Моммзена смущало, что Аполлонія судилъ сенатъ. По его мнѣнію, карательная власть сената могла распространяться и на христіанъ, хотя на это нѣтъ никакихъ документальныхъ доказательствъ. Но, говоритъ онъ, совершенно ясно, что процессъ Аполлонія не принадлежитъ къ тѣмъ, которые велись въ сенатѣ, потому что въ такихъ случаяхъ магистратская дѣятельность лежитъ на консулахъ; они руководятъ допросомъ, производятъ и приводятъ въ исполненіе приговоръ. Разсказъ Евсевія этому противорѣчитъ (р. 497). Поэтому надо предпологать, что во время процесса, который велся въ императорскомъ судѣ, самъ императоръ или по его порученію префектъ преторія предложилъ на разрѣшеніе сената вопросъ, какъ слѣдуетъ поступить? По мнѣнію Моммзена, приходится вѣрить по всей видимости достоверному сообщенію мартирія, позаимствованному по всей вѣроятности изъ судебныхъ протоколовъ, но при этомъ нельзя не видѣть, что просить у сената истолкованія закона для императорскаго суда совершенно исключительное мѣропріятіе. Такое исключеніе могло быть допущено только потому, что по справедливому указанію Гарнака правительство искало средство для оправданія подсудимаго¹⁾.

Моммзенъ допускаетъ самыя большія невѣроятности, потому что сталъ на ложную точку зрѣнія. Онъ увидѣлъ въ мартиріи юридическій документъ, который подлежитъ только истолкованію, но никоимъ образомъ не опроверженію, и впалъ такимъ образомъ въ противорѣчіе съ своими собственными изслѣдованіями. Онъ доказывалъ, что въ римской имперіи не было и не могло быть общихъ законовъ, запрещающихъ христіанскую религію, какъ таковую, и что преслѣдованіе христіанъ, отказавшихся исполнять гражданскія обязанности по отношенію къ императору, т. е. боготворить его, поклоняться его статуѣ и приносить жертвы богамъ оффиціально признаннымъ, возбуждалось административной

1) Th. Mommsen. Der Prozess d. Christen Apollonios unter Commodus (Sitzungsber. d. Preuss. Acad. 1894).

властью, принуждавшей гражданина къ повиновенію. Поэтому для преслѣдованія христіанъ не могло быть опредѣленной процессуальной формы¹⁾. Изъ другого руководства Моммзена вытекаютъ слѣдующіе неопровержимые выводы. Префектъ преторія могъ судить лишь въ качествѣ члена императорскаго суда, въ составъ котораго онъ входилъ. Когда судилъ сенатъ, префектъ преторія въ этомъ судѣ участія не принималъ, а предсѣдательствовалъ и обвинялъ консулъ²⁾. Слѣдовательно, если бы дѣйствительно Аполлонія судилъ префектъ преторія, авторъ армянскаго мученика вѣроятно объ этомъ упомянулъ бы. Но онъ прямо утверждаетъ, что Аполлоній свидѣтельствовалъ передъ сенатомъ и хилархомъ (т. е. префектомъ); этого никоимъ образомъ быть не могло.

Статьи Гарнака и Моммзена привлекли вниманіе ученаго міра и особенно сочувственно встрѣчены были католиками. Зеебергъ повторилъ соображенія Гарнака, прибавивъ кое-что отъ себя (*Neue Kirchliche Zeitschr.* 1893). По его ни на чемъ не основанному мнѣнію Аполлоній не былъ ни римляниномъ, ни римскимъ гражданиномъ, а по всей вѣроятности армянина. Гилгенфельдъ нашелъ, что Гарнакъ доказалъ подлинность армянскаго мученика, и наложивъ его еще разъ говорить въ заключеніе: Аполлоній въ 184 г. достойнымъ образомъ претерпѣлъ мученическую кончину и доказалъ для своего времени, что истинное христіанство соединимо съ высшимъ образованіемъ³⁾.

Мученичество Аполлонія приобрѣло новый интересъ, когда болландисты напечатали въ первый разъ въ 1895 г. выше изложенный нами мученикъ. Пасторъ Клетте посвятилъ диссертацию процессу Аполлонія⁴⁾.

Онъ подвергъ пересмотру Евсевія, Руфина, Иеронима и оба мученика. Въ греческомъ мученикѣ онъ нашелъ *acta praefectoria*,

1) Th. Mommsen. Der Religionsstreit nach römischem Recht (*Hist. Zeitschr.* Bd. 64 p. 389—429).

2) Th. Mommsen. Römisches Strafrecht p. 287. Eine leitende Stellung in diesem Hofgericht nehmen mehr und mehr Gardecommandanten, die praefecti praetorio ein. p. 253, die Initiative des Verfahrens (bei dem consularisch-senatorischen Gericht) liegt bei dem Consul.

3) A. Hilgenfeld. Apollonius von Rom (*Zeitschr. f. wissen. Theologie*, Bd. 37, p. 58—91).

4) E. Klette. Der Prozess und die Akten des Apollonius. Leipz. 1897. (= *Texte und Untersuchungen*, XV, 2).

акты префекта преторія и считаетъ ихъ копіей съ подлинныхъ протоколовъ (р. 47). На основаніи этихъ протоколовъ Клетте излагаетъ процессъ Аполлонія со всевозможными юридическими подробностями. Онъ обратилъ вниманіе на то, что въ греческомъ мартиріи мученикъ называется Аполлосомъ, но думаетъ, что это извращеніе какого нибудь писца, имѣвшаго въ виду Аполлоса, упомянутаго въ Дѣяніяхъ Апост. (XVIII, 24). Черезъ два года послѣ этого въ трудахъ католическаго церковноисторическаго семинарія въ Мюнхенѣ появилось сочиненіе Вейза о гоненіяхъ на христіанъ, гдѣ мы читаемъ: „Изъ времени Коммода мы имѣемъ подлинныя акты мученика Аполлонія“ (р. 102)¹⁾.

Принцъ Максъ Саксонскій, принадлежащій къ высшей католической іерархіи, написалъ цѣлое изслѣдованіе объ Аполлоніи и пришелъ къ слѣдующему выводу: Изъ актовъ мученика видно, что онъ былъ высокообразованнымъ, благороднымъ, спокойнымъ, разумнымъ человѣкомъ, можетъ быть одной изъ самыхъ выдающихся личностей христіанской древности. Принимая во вниманіе, что кромѣ его рѣчей въ актахъ имъ составлена была и большая апологія христіанства, онъ приобретаетъ еще болѣе значенія. Въ то же самое время мы видѣли, что акты благородная, простая и все же очень дѣйствительная защита христіанства. Большое удовлетвореніе должно намъ доставить то обстоятельство, что древняя католическая вѣра каждой находкой въ этой области все болѣе вновь подтверждается. Такъ исполняются слова Свящ. Писанія: „Откровенія Твои несомнѣнно вѣрны“ (Пс. 92, 5)²⁾. Юридическая точность мартиріа Аполлонія сдѣлалась общимъ мѣстомъ, и Калльверъ, напр., полемизируя съ Моммзеномъ и стараясь опредѣлить составъ преступленія, инкриминировавшагося христіанскимъ мученикамъ, ссылается на протоколы Аполлонія, какъ на подлинный документъ³⁾.

1) J. Weis. Christenverfolgungen. München 1899 (Veröffentlichungen aus dem Kirchenhistorischen Seminar. München № 2).

2) Max, Prinz von Sachsen. Der heil. Märtyrer Apollonius von Rom. Mainz 1903.

3) C. Callewaert. Le délit du christianisme (Rev. des quest. histor. t. 30, p. 28—55). Г. Павловичъ (Христ. чтеніе 1898 г.) пересказалъ по нѣмецкому переводу армянскій мартирій безъ всякой критики. Онъ думаетъ, что Аполлоній дѣйствительно проповѣсть на судъ цѣлую апологію христіанства и дѣлаетъ невѣрные историческія сообщенія, будто напр. Перенній, какъ началь-

Совсѣмъ другой взглядъ высказалъ Геффкенъ. „Акты Аполлонія, говоритъ онъ, такіе же неподлинные, какъ и всѣ остальные, съ которыми я ихъ сличалъ. Префектъ Перенній говоритъ слова для него не подходящія, хотя они соотвѣтствуютъ стилю мученика, Аполлоній ни на шагъ не сходитъ съ пути апологетики; весь „протоколъ“ фантазія и даже не особенно плодотворная. Совершенно неправильно усматривать въ рѣчахъ христіанъ доказательство ихъ философскаго образованія; это отголоски апологій, ставшихъ общими мѣстами и очень далекихъ отъ пастырскаго жизни. Вслѣдствіе литературной обработки допросъ мучениковъ превращается въ длинные разговоры на религіозныя темы“. Статья Геффкена однако никого не убѣдила и въ дѣйствительности лишена убѣдительности, потому что онъ отнесся къ мученику Аполлонію не вполне объективно и навязалъ его автору намѣренія, которыхъ тотъ несомнѣнно не имѣлъ. По словамъ Геффкена цѣль фальсификаціи ясна. Создавшемъ прецедентовъ хотѣли поставить римское правительство въ противорѣчіе съ самимъ собою и сочиняли императорскіе декреты, клонившіеся будто бы въ пользу христіанъ. Поэтому и проконсулъ Перенній представленъ такимъ снисходительнымъ, готовымъ оправдать Аполлонія. Весь его процессъ, самые акты и рассказъ Евсевія чистѣйшая тенденціозная литература. Мученику Аполлонію болѣе или менѣе драматизованная апологетика. Одно изъ протокольныхъ произведеній, христіанской литературы, говоритъ въ заключеніе Геффкенъ, оказалось благочестивымъ обманомъ. Фальсификація, если позволительно такъ выразиться, актовъ Аполлонія пополняетъ картину христіанской исторіи 2-го вѣка¹⁾.

Намѣренная фальсификація, неправильно приписанная составителямъ мучениковъ, не дала возможности оцѣнить по достоинству общій вполне правильный взглядъ Геффкена, что мученичества литературныя произведенія, а не судебныя протоколы. Одинъ изъ знатоковъ папирусовъ и греческой литературы первыхъ вѣковъ, Вилькенъ, возсталъ противъ Геффкена. По его мнѣнію акты (какъ языческіе, такъ и христіанскіе) въ томъ видѣ,

никъ императорской гвардіи и вѣроятно префектъ города Рима, могъ предсѣдательствовать въ сенатѣ, какъ представитель императора (стр. 498).

1) J. Geffcken. Die Acta Apollonii (Nachr. d. Gesellsch. d. Wissensch. zu Göttingen 1904, p. 282—284).

какъ они дошли до насъ, относятся къ литературѣ, но помѣщенные въ нихъ протоколы основаны на подлинныхъ протоколахъ, хранившихся въ императорской канцеляріи. Если и совершались поддѣлки, то подражали подлиннымъ актамъ, т. е. такимъ, которые основывались на подлинныхъ протоколахъ. Что существуютъ въ этомъ смыслѣ подлинные акты мучениковъ, говоритъ Вилькенъ, по моему несомнѣнно¹⁾. На возраженія, сдѣланныя Гарнакомъ (*Deutsche Literaturzeitung* 1904), Геффкенъ отвѣтилъ въ своей книгѣ объ апологетахъ. Онъ по прежнему доказываетъ, что акты Аполлонія литературное произведение, въ которомъ нѣтъ никакихъ протоколовъ. На вопросы объ имени, отечествѣ и вѣрѣ мученики даютъ совершенно невѣроятныя риторическія отвѣты и чѣмъ больше растетъ апологетика, тѣмъ длиннѣе становятся мартірии²⁾. Въ отдѣльной статьѣ Геффкенъ развилъ свою аргументацію и нѣсколько измѣнилъ свой первоначальный взглядъ. „Чтобы предупредить возможные недоразумѣнія и устранить раньше допущенныя, говоритъ онъ, надо подчеркнуть, что рѣчь идетъ не о простой альтернативѣ, или поддѣлка или подлинность. О сознательной поддѣлкѣ мартіріевъ, о которыхъ я говорю, нечего и думать; я желалъ бы доказать, что античные литературные приемы, практикуемые большей частью совершенно безсознательно, и здѣсь въ христіанской литературѣ проявили свое обезображивающее вліяніе и помutilили изложеніе христіанскихъ процессовъ, идетъ ли рѣчь о судебныхъ преніяхъ или о другихъ эпизодахъ. Отсюда слѣдуетъ: если я говорю о мартіріяхъ, какъ о литературныхъ произведеніяхъ, я разумѣю подъ этимъ стилизованное риторическое изложеніе процесса мучениковъ; не подлежитъ сомнѣнію, что всякая обработка сырого матеріала относится къ литературѣ“. Не смотря на свой скептицизмъ Геффкенъ находитъ все-таки въ мартіріяхъ слѣды судебного процесса и отголоски протоколовъ³⁾.

Хотя мученичествомъ Аполлонія занимались очень много, но для объясненія его не привлекли еще всего матеріала, потому что искали преимущественно историческихъ, а не литературныхъ

1) U. Wilcken. Alexandrinischer Antisemitismus (Abhandl. d. Phil. Klasse d. Sächsisch. Gesellsch. d. Wissensch. Bd. 27, p. 828, 830).

2) J. Geffcken. Zwei griechische Apologeten, p. 247. Leipz. 1907.

3) J. Geffcken. Die christlichen Martyrien, p. 485 (Hermes, Bd. 45).

данныхъ. Армянскіе акты и Евсевій повѣтствуютъ объ Аполлоніи, греческіе объ Аполлосѣ. Существуютъ еще другіе Аполлосы и Аполлоніи, память о которыхъ сохранялась среди подвизавшихся о вѣрѣ мужей и которые внесены въ мѣсяцесловы. Объ одномъ Аполлосѣ мы находимъ подробныя свѣдѣнія въ исторіи египетскихъ монаховъ Палладія. „Мы видѣли, рассказываетъ онъ, и другого святого мужа по имени Аполлоса въ Фивайдѣ въ предѣлахъ Ермупольскихъ“. Этотъ Аполлосъ, о которомъ упоминаетъ и Созоменъ, имѣетъ нѣкоторое литературное отношеніе къ Аполлосу греческаго мученика. Въ Египтѣ, рассказываетъ Палладій, нѣкогда какъ ни у какого другого народа процвѣтало идолопоклонство; ибо они поклонялись луку и чесноку и многія овощи почитали богами, какъ мы это слышали отъ святого отца Аполлоса; быка, говоритъ онъ, боготворили жившіе прежде у насъ еллины (т. е. язычники)¹⁾. Этотъ Аполлосъ былъ также родомъ изъ Египта и съ Аполлосомъ-Аполлоніемъ они по крайней мѣрѣ отчасти одинаково говорили о безбожій египтянъ. Съ другимъ мученикомъ Аполлоніемъ, пострадавшимъ вмѣстѣ съ Филимономъ, знакомитъ насъ краткій рассказъ Палладія (р. 80—82) и подробный мученикъ изданный болландистами²⁾. Этотъ Аполлоній называется у Палладія Фиваидскимъ монахомъ и діакономъ, а въ мученикѣ чтецомъ Антинойской церкви, пострадавшимъ при Діоклеціанѣ. На Аполлонія, по рассказу Палладія, донесъ одинъ злодѣй епарху (по латинской терминологіи префекту города Александріи) и тотъ приказалъ заковать его и бросить въ море. Аполлоса же гналъ хилархъ (тысяченачальникъ), какъ называется префектъ въ армянскихъ актахъ Аполлонія. Префектъ Перенній несомнѣнно лицо историческое, о его громадномъ вліяніи и всемогуществѣ при Коммодѣ говоритъ Діонъ Кассій³⁾ и сообщаетъ, что онъ былъ убитъ солдатами въ 185 г. Сверхъ того Гарнакъ указалъ на одно очень интересное мѣсто въ арабскихъ анналахъ Евтихія (писателя X вѣка), но не сдѣлалъ изъ него никакого вывода. По словамъ Евтихія, Галенъ въ книгѣ, озаглавленной *De animi moribus*, сообщаетъ слѣдующее: Во время импе-

1) Preuschen. Palladius und Rufinus p. 39.

2) Acta Sanct. Mart. I, 3 ed. p. 887—890.

3) Dio Cass. LXII, 3. Текстъ приведенъ въ статьѣ Гильгенфельда (*Zeitschr. für wissensch. Theologie*, Bd. 37, p. 66).

ратора Коммода жилъ мужъ по имени Перенній, который послѣ пытки присужденъ Коммодомъ къ смертной казни и бѣжалъ (*cum ad necem a Commodo quaesitus fugisset*); императоръ приказалъ бить плетью двухъ находившихся тамъ рабовъ, чтобы они указали, гдѣ находится ихъ господинъ, но рабы, желая спасти своего господина, сдѣлать это отказались. Отъ Александра, прибавляетъ къ этому Евтихій, до Переннія т. е. до 9-го года царствованія императора Коммода, прошло 516 лѣтъ¹⁾. Девятому году царствованія Коммода соотвѣтствуетъ 188 г. отъ Р. X. Гарнакъ замѣчаетъ, что вычисленіе это вполнѣ точно. Отъ вступленія на престолъ Александра Македонскаго до Переннія т. е. отъ 336 г. до 180 г. прошло дѣйствительно 516 лѣтъ. Спрашивается, то же ли самое лицо всесильный сановникъ Перенній, о которомъ пишетъ Діонъ Кассій, и тотъ Перенній, о которомъ говоритъ Евтихій. Повидимому это разные лица и во всякомъ случаѣ разные эпизоды. По Діону Кассію Перенній погибъ въ 185 г. отъ руки бунтовщиковъ, по Евтихію онъ былъ присужденъ къ смертной казни императоромъ въ 188 г. и бѣжалъ. Въ лѣтописи Евтихія не мало легендъ, но въ данномъ случаѣ важна одна подробность приведеннаго разсказа. Совершенно естественно, что рабовъ подвергали пыткамъ. Если они отказывались сообщить, гдѣ ихъ господинъ, ихъ могли убить. Не произошла ли путаница въ сказаніяхъ, дошедшихъ до Евсевія и Евтихія? Невозможно, чтобы казнили рабовъ, донесшихъ на Аполлонія, но имя Переннія могло дать поводъ къ путаницѣ и перебили голени совсѣмъ другимъ рабамъ. Разсказъ объ Аполлоніи и Перенніи ходилъ въ разныхъ версіяхъ и подлежитъ вопросу, историческое ли лицо тотъ Перенній, о которомъ мы читаемъ въ мартиріи Аполлоса? Осталось незамѣченнымъ, что проконсулъ Перенній встрѣчается еще въ двухъ разсказахъ, о мученикѣ Кодратѣ²⁾ и объ Еликонидѣ³⁾. Въ началѣ этого довольно баснословнаго разсказа говорится о Никомидіи, а въ концѣ о томъ, что Кодратъ

1) *Patrol. gr. t. III, p. 989.*

2) Перенній пишется здѣсь *Περνιος*, но мелкимъ отличіямъ въ собственныхъ именахъ, встрѣчающихся въ мартиріяхъ, нельзя придавать значеніе. Въ Актахъ Аполлонія считающихся подлинными пишется и Перенній и Перенисъ. *Anal. Bolland. I, 453, 456.*

3) *Acta suspecta* по словамъ болландистовъ. Перинія — проконсулъ Коринѳа. *Acta Sanct. Mai. VI, 738.*

былъ приведенъ въ г. Аполлонію и въ храмъ Аполлона. Въ мартиріи Кодрата упоминаются также постановленія императоровъ и сената, которыя обязанъ привести въ исполненіе проконсулъ.

При всемъ стараніи невозможно согласовать всѣхъ данныхъ, встрѣчающихся въ разныхъ источникахъ. Греческій рассказъ совершенно опредѣленно говоритъ объ апостолѣ Аполлосѣ, память котораго празднуется 8 декабря и 30 марта¹⁾. Слѣдовательно, съ извѣстной точки зрѣнія Аполлосъ такой же достовѣрный святой, какъ и Аполлоній. Евсевій называетъ Переннія судьей, греческій мартирій говоритъ о проконсулѣ Азіи, армянскій о префектѣ Теренціи. Судьей могъ быть префектъ преторія и въ давномъ случаѣ разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: такъ какъ въ армянскомъ мартиріи упомянутъ префектъ, мы должны предполагать, что это былъ префектъ преторія (существовали и префекты городовъ) тотъ самый Перенній, о которомъ говорятъ Евсевій и Діонъ Кассій. Но Діонъ ничего не зналъ о мученичествѣ Аполлонія, авторъ же армянскаго мартирія считалъ префектомъ Теренція. Въ данномъ случаѣ, желая спасти достовѣрность житія Аполлонія, ученые нарушаютъ правила исторической критики. Они произвольно выбираютъ изъ источниковъ то, что имъ больше нравится. Нѣтъ никакой объективной причины вѣрить всему рассказу армянскаго мартирія и тому, что Аполлонія судилъ префектъ преторія, и не вѣрить тому, что его звали Теренціемъ. Свѣдѣнія объ Аполлоніи не отличались достовѣрностью и въ то время, когда составлялись рассказы о мученичествахъ. Блаж. Іеронимъ въ концѣ 4-го вѣка сообщаетъ, ссылаясь на Тертуліана, что Аполлоній былъ латинскимъ писателемъ. Въ другомъ сочиненіи тотъ же Іеронимъ причисляетъ Аполлонія къ греческимъ писателямъ²⁾.

Самый важный однако и можетъ быть единственный историческій фактъ, касающійся Аполлонія, заключается въ слѣдующемъ. Онъ не принадлежитъ къ древнимъ мученикамъ, въ древнѣйшихъ западныхъ мартирологіяхъ онъ совсѣмъ не упоминается. Въ римскомъ спискѣ мучениковъ (*Depositio martyrum*) 354 г. нѣтъ

1) См. напр. списокъ святыхъ въ Мѣсяцесловѣ Востока арх. Сергія и Богословскую энциклопедію подъ словомъ Аполлосъ.

2) Max, Prinz von Sachsen. Der heilige Märtyrer Apollonius von Rom, p. 73.

имени Аполлонія, и Ахелисъ вполнѣ основательно подчеркиваетъ это обстоятельство и замѣчаетъ, что отсутствуетъ римлянинъ Аполлоній, которымъ можно было бы гордиться¹⁾. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ мартирологіевъ, именно сирійскомъ, составленномъ не позже начала 5-го вѣка, отмѣченъ подъ 10 апрѣля Аполлоній въ Александріи²⁾. Мѣсяць, хотя не число, совпадаетъ съ греческимъ мартиріемъ Аполлоса, а католическая церковь правднуетъ Аполлонія въ іюлѣ. Надо принять во вниманіе и обстоятельство, указанное принцемъ Максомъ: единственный кодексъ, въ которомъ содержится греческій мартирій Аполлонія, посвященъ цѣликомъ апокрифическимъ житіямъ святыхъ, именно дѣяніямъ апостоловъ Варнавы, Филиппа, Тимооея и т. п.

Если бы ученые обслѣдовали мартирій Аполлонія не отдѣльно, а по сравненію съ другими сказаніями, онъ скорѣе предсталъ бы въ своемъ надлежащемъ видѣ. Въ легендарныхъ повѣствованіяхъ находимъ мы указанія на то, что сенатъ разбиралъ дѣла христіанъ. Сенатъ упоминается въ мученичествѣ Георгія Побѣдоносца, Константинопольскій сенатъ въ царствованіе римскаго императора Максиміана судитъ Агаоника, Домиціанъ (въ апокрифѣ объ ап. Іоаннѣ) говоритъ, что онъ издалъ противъ христіанъ постановленіе сената. Нѣкоторое сходство наблюдается между мученикомъ Аполлоніемъ и Аполлоніемъ Тіанскимъ. Въ Филостратовомъ жизнеописаніи послѣдняго видную роль играетъ префектъ преторія Эміанъ, и Аполлоній Тіанскій приготовилъ длинную защитительную рѣчь, которая приведена цѣликомъ въ его біографіи.

Разсказъ о мученичествѣ Аполлонія принадлежитъ къ рѣдкому типу мартирія (сюда относятся еще мученичества Карпа и Нестора), въ которомъ вниманіе обращено почти исключительно на богословскую сторону, на доказательство христіанской истины. Авторъ былъ совершенно равнодушенъ къ тому, какъ и гдѣ велся процессъ; онъ придавалъ значеніе только рѣчи подсудимаго, защищавшаго свою вѣру противъ язычниковъ, и потому не слѣдуетъ видѣть юридическаго документа въ повѣствованіи о подвигѣ Аполлонія.

1) H. Achelis. Die Martyrologien, ihre Geschichte und ihr Wert, p. 17. (Abhandl. d. Gesellsch. d. Wiss. zu Göttingen. Phil.-hist. Classe. N. F. Bd. III). Ср. A. Dufourcq. Etude sur les Gesta martyrum romains, p. 23. Paris 1900.

2) Achelis, p. 45.

ГЛАВА V.

Протоколы.

Если бы мнѣ нужно было доказать, что авторы мартиріевъ пользовались судебными протоколами, я могъ бы сослаться на рядъ авторитетныхъ именъ. Взглядъ этотъ сдѣлался общимъ мѣстомъ и постоянно повторяется. Въ общихъ трудахъ по исторіи христіанской литературы, съ которыми обыкновенно справляются не специалисты, мы находимъ по прежнему категорическое утвержденіе, что часть мартиріевъ написана во время гоненій на основаніи протоколовъ. „Дошедшіе до насъ мартиріи первыхъ вѣковъ, говоритъ Барденгеверъ, можно раздѣлить на три группы. Одна группа можетъ претендовать на названіе актовъ мучениковъ въ подлинномъ смыслѣ слова. Актами (впослѣдствіи также gesta) назывались записанные при уголовныхъ и гражданскихъ процессахъ писцами протоколы, хранившіеся въ архивѣ проконсула. Такіе документы переданы частью въ ихъ первоначальной формѣ, частью въ формѣ подходящей для назидательнаго чтенія“¹⁾. Въ новѣйшей исторіи древнехристіанской литературы, вышедшей въ 1911 г., Иорданъ говоритъ, что въ сообщеніи о шести христіанахъ изъ г. Сцилли, пострадавшихъ въ Кареагенѣ, въ точности переданы судебные протоколы²⁾. Въ спе-

1) O. Vardenhewer. Geschichte der altkirchlichen Literatur, II, p. 612—613.

2) H. Jordan. Geschichte der altchristl. Literatur, p. 86.

ціальныхъ изслѣдованіяхъ особенно настаиваютъ на протоколахъ изъ старыхъ писателей Нейманнъ¹⁾, изъ современныхъ Гарнакъ. „Авторы мартиріевъ, говоритъ послѣдній, въ эпоху додіоклеціанову желали дать достовѣрные и подлинныя рассказы. Исслѣдуя цѣль и намѣренія додіоклеціановыхъ актовъ мучениковъ приходится удивляться скороспѣлымъ сужденіямъ, произнесеннымъ о нихъ въ послѣднее время (имѣются въ виду Геффкенъ и Рейтценштейнъ). На основаніи сродства съ апологіями и нѣкоторыхъ ааналогій съ современной свѣтской литературой, быстро пришли къ заключенію, что и акты мучениковъ доконстантиновой эпохи по большей части „литература“, т. е. почти „макулатура“. Если бы раньше, чѣмъ произносить такое сужденіе, занялись серьезнѣе вопросомъ объ условіяхъ и цѣли, при которыхъ произошли эти древніе акты, если бы въ нихъ увидѣли то, чѣмъ они хотѣли быть, т. е. документами и не надѣвали сейчасъ же очковъ литературнаго критика, если бы задались вопросомъ, почему мы имѣемъ такъ мало актовъ мучениковъ, написанныхъ до Діоклеціана, тогда какъ мученичество было очень много, то предохранили бы себя отъ ошибокъ“. „У насъ такъ мало актовъ мучениковъ, написанныхъ до Діоклеціана, поясняетъ Гарнакъ, потому что и додіоклеціанова церковь имѣла ихъ очень мало, а у нея было ихъ такъ мало, потому что хотѣли читать только подлинныя акты. Требовалось много счастливыхъ обстоятельствъ, чтобы ихъ можно было составить и издать. При строгомъ отношеніи къ дѣлу нужны были даже собственноручныя записи мучениковъ. Если они отсутствовали, необходимо было или достать копію съ судебного протокола и дополнить ихъ всѣми отвѣтами мучениковъ, которые часто не вносились въ протоколъ вполнѣ, или же должны были быть свидѣтели, на показанія которыхъ можно было полагаться и которые напр. стенографически записывали рѣчи мучениковъ. Наконецъ, надо было найти редактора, который все сочинилъ бы и издалъ бы, который съ одной стороны обладалъ бы литературными способностями, а съ другой стороны пользовался бы почетомъ въ общинѣ“. По словамъ Гарнака, акты мучениковъ изъ Сцилли проистекли изъ судебного протокола. На счетъ того,

1) K. Neumann. Der römische Staat und die allgemeine Kirche, I, p. 276—278. Leipz. 1890.

какіе акты считать подлинными, существуетъ полное согласіе между Дельга, Эргардомъ, Гарнакомъ, и слѣдуетъ только отличать акты современные описаннымъ имъ событіямъ (которыхъ по нашему мнѣнію совсѣмъ нѣтъ) отъ позднѣйшихъ ¹⁾. Извѣстный знатокъ папирусовъ Вилькенъ выразилъ слѣдующее мнѣніе. „Я пришелъ къ тому выводу, говоритъ онъ, что акты мучениковъ въ той формѣ, въ какой они дошли до насъ, всѣ составляютъ литературу. Но находящіеся въ нихъ протоколы основаны на подлинныхъ протоколахъ, именно на хранившихся въ императорской канцеляріи“ ²⁾.

Судебные протоколы видятъ въ рассказѣ о допросѣ мучениковъ. Но чтобы твердо установить документальность мартиріевъ, надо доказать: во 1) что велись подробные судебные протоколы, во 2) что христіане могли ими пользоваться несмотря на гоненія, во 3) что авторы мартиріевъ желали предпринимать архивныя изысканія.

О веденіи судебныхъ протоколовъ въ римской имперіи мы недостаточно освѣдомлены. Моммзенъ собралъ слѣдующія свѣдѣнія. Чиновники вели свои дневники, куда заносились всѣ ихъ административныя дѣянія, такъ что могли заноситься и судебные акты (такъ называемые *Tabulae publicae*, о которыхъ упоминаетъ Цицеронъ). Въ императорскую эпоху эти записи называются *acta*, позже *gesta*. Константиномъ В. издано было повелѣніе, чтобы *acta* изготовлялись въ окончательномъ видѣ на третій день послѣ разбирательства и никакъ не позже, чѣмъ на пятый день.

Писецъ обозначалъ предварительно мѣсто и число и затѣмъ изъ дня въ день записывалъ въ третьемъ лицѣ, что чиновникъ дѣлалъ и говорилъ и что ему говорили. Записывались обвиненія, показанія свидѣтелей и приговоръ. Запись могла вестись

1) A. Harnack. Das ursprüngliche Motiv der Abfassung von Märtyrerakten, p. 117, 119, 121 (Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin 1910).

2) U. Wilken. Zum Alexandrinischen Antisemitismus, p. 828 (Abhandl. der Philol.-histor. Klasse der Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. 27). Въ одномъ изъ новѣйшихъ сочиненій по исторіи гоненій категорически утверждается: чтобы сохранить память о страданіи мучениковъ, уже очень рано составляли записи о ихъ славномъ концѣ, при чемъ источникомъ служили судебные протоколы, копии съ которыхъ умѣли доставать. A. Linselman. Die Bekämpfung des Christentums durch den römischen Staat, p. 48. München 1905.

сокращенно или дословно при помощи стенографіи. Дневникъ чиновника, составлявшій первоначально его частную собственность и переходившій къ его наслѣдникамъ, уже во времена Августа былъ признанъ государственной собственностью и сдавался въ архивъ (*monumenta publica*). По постановленію Севера заинтересованныя лица, ведшія процессъ, имѣли право знакомиться съ документами, лежавшими въ архивѣ¹⁾. Въ одномъ папирусѣ найдено частное письмо откупщика, въ которомъ онъ сообщаетъ, что нашелъ давшаго документъ (*εὗρηκαμεν τὸν ἐπιβεβαιωτὰ τὸ ὑπομνημα*), что это землемѣръ Акусилай, что онъ отправился въ архивъ (*ἦλθον εἰς τὸ ὑπομνηματογραφεῖον*) и за плату осмотрѣлъ тамъ нужный ему документъ²⁾. Ссылаются на этотъ папирусъ въ доказательство того, что велись и хранились судебные протоколы; но ссылка эта основана повидимому на недоразумѣніи. Думаютъ, что *ὑπομνημα* значитъ протоколъ, тогда какъ этотъ терминъ означаетъ запись вообще, соответствуетъ нашему неопредѣленному выраженію „документъ“ и въ указанномъ папирусѣ рѣчь идетъ о подателяхъ, а не о судебныхъ процессахъ³⁾. Въ доказательство протокольности мартиріевъ указываютъ обыкновенно на одно мѣсто церковной исторіи Евсевія, гдѣ приведена выдержка изъ церковной исторіи Аполлонія. Въ этой выдержкѣ говорится объ одномъ Александрѣ, котораго судилъ въ Ефесѣ проконсулъ Эмилиій Фронтинъ, не за то, что онъ былъ христіаниномъ, а за разбой, такъ какъ онъ былъ отступникомъ и отрекся отъ Христа. Желаящіе узнать о немъ, говоритъ Аполлоній, могутъ обратиться къ государственному архиву Азіи (*Н. Е. V, 18, 9 οἱ θέλοντες μαθεῖν τὰ κατ' αὐτὸν ἔχουσιν τὸ τῆς Ἀσίας δημοσίου ἀρχεῖον*)⁴⁾. Слѣдовательно, изъ одного документа, хранившагося въ архивѣ азіатской провинціи, можно было усмотрѣть, что Александра судили за разбой. Для этого совершенно достаточно было мотивированнаго

1) Th. Mommsen. Römische Strafrecht p. 512—520.

2) S. Witkowski. Epistulae privatae graecae, p. 101—103. Lips. 1911.

3) Основное значеніе термина *ὑπομνηματισμός* памятная запись, всё записанное съ цѣлью сохранить его въ памяти. Словомъ *ὑπομνημα* и *ὑπομνηματισμός* обозначаютъ мемуары, историческія записки, постановленія, дневники. Philologus. Bd. 53 (1894), p. 102—104.

4) E. Le Blant. Les actes des martyrs, p. 83 (Mémoires de l'Institut de France, Académie des Inscriptions, t. 30 p. 2). A. Harnack. Das ursprüngliche Motiv, p. 123.

приговора и изъ словъ Аполлонія, приведенныхъ Евсевіемъ, не вытекаетъ, чтобы въ Ефесѣ велись и въ архивѣ хранились судебные протоколы въ современномъ смыслѣ слова.

Въ очень интересной статьѣ Адольфъ Бауеръ доказалъ, что протокольность нѣкоторыхъ рямскихъ документовъ чрезвычайно сомнительна. Въ папирусахъ найдены два сообщенія о посольствахъ александрійцевъ въ Римъ, въ которыхъ Вилькенъ и Рейнахъ усматривали протоколы, записанные при императорскомъ дворѣ. Въ первомъ рѣчь идетъ объ александрійскихъ евреяхъ, отправлявшихся съ жалобою къ императору Траяну. Во второмъ говорится между прочимъ: во второй день (т. е. приѣма у императора), 6 Пахона (египетскій мѣсяць) слушаетъ Клавдій Кесарь Августъ императоръ Исидора гимназіарха города Александріи, приносящаго жалобу на царя Агриппу въ садахъ Лукулловыхъ собравъ совѣтъ изъ 25 сенаторовъ и 16 консуларіевъ въ присутствіи императрицы Агриппины и матронъ. Эти слова имѣютъ на первый взглядъ наружный видъ протокола. Вилькенъ старался пополнить плохѣ сохранившійся протоколъ и точно опредѣлить его время. Онъ указалъ на то, что рѣчь идетъ объ іудейскомъ царѣ Агриппѣ II (Агриппа I умеръ въ 44 г.), и по нѣкоторымъ соображеніямъ отнесъ александрійское посольство къ 53 году послѣ Р. X. Присутствіе императрицы подтверждается исторіей Діова Кассія, сообщающаго, что Агриппина участвовала въ публичныхъ собраніяхъ и при приѣмѣ пословъ сидѣла на отдѣльномъ тронѣ. Такимъ образомъ въ папирусѣ нѣтъ ничего противорѣчащаго положительнымъ историческимъ даннымъ. Первоначально Вилькенъ думалъ, что папирусъ долженъ былъ быть переведенъ съ латинскаго языка, съ подлиннаго протокола императорскаго суда; позже онъ высказалъ догадку, что это можетъ быть оффиціальныи дневникъ (*βλορηματισμος*) александрійскихъ пословъ. Къ этому прибавился третій однородный папирусъ изъ Оксиринхоса. Это судъ надъ александрійскимъ гимназіархомъ Аппіаномъ римскаго императора, имя котораго до насъ не дошло. Содержаніе его таково. Императоръ велѣлъ увести Аппіана, который обращается къ Илродору, повидимому другому подсудимому, и тотъ ободряетъ его. Императоръ вновь призываетъ его и говоритъ ему: „Развѣ ты не знаешь, съ кѣмъ ты говоришь?“ Аппіанъ отвѣчаетъ: „Знаю, я Аппіанъ разговариваю съ тиранномъ“. „Нѣтъ, съ

повелителемъ“, поправляетъ императоръ. Далѣе воинъ сообщаетъ о безпокойствѣ въ Римѣ. Императоръ спрашиваетъ, чѣмъ недовольны римляне? Консуль отвѣчаетъ: „Потому что александрійца приговорили къ смертной казни“. Императоръ велитъ еще разъ призвать Аппіана, а онъ входя спрашиваетъ: „Кто призываетъ меня вторично, сенатъ или ты, главарь разбойниковъ?“ Разсказъ объ Аппіанѣ, страдающій явными несообразностями, проливаетъ свѣтъ на предъидущіе папирусы.

Всѣ аудіенціи, говоритъ Бауеръ, и судебныя разбирательства, въ которыхъ императоръ судитъ о политическомъ поведеніи обвиняемыхъ, на которыя появлялись вожди александрійскихъ горожанъ или представители жившихъ тамъ іудеевъ, имѣли неизмѣримо болѣе важное значеніе, чѣмъ приговоры стратега въ какой-нибудь египетской деревнѣ о наслѣдственномъ дѣлѣ. Въ исходѣ тѣхъ процессовъ были заинтересованы горожане одного изъ самыхъ большихъ городовъ римской имперіи, при постоянныхъ спорахъ тамошнихъ грековъ съ іудеями приговоръ императора имѣлъ большое принципиальное значеніе, однимъ словомъ такіе процессы были перворазрядными политическими событіями. Поэтому и отчеты о нихъ не избѣгли участи всякой политической литературы. Они никоимъ образомъ не отличаются всѣ одинаково документальностью, то приближаются къ документальной передачѣ событій, то отъ нея отдаляются и въ этомъ отношеніи вполнѣ соотвѣтствуютъ извѣстнымъ намъ сообщеніямъ о дѣлахъ противъ христіанъ, изъ которыхъ нѣкоторые, но немногіе могутъ считаться вѣрнымъ воспроизведеніемъ записей, сдѣланныхъ во время засѣданій нотаріями, въ то время какъ въ большинствѣ случаевъ сохраняется только форма протокола, самый же допросъ изукрашенъ или вполнѣ измышленъ. Акты христіанскихъ мучениковъ стали частью литературы христіанства, они служили наизданіемъ и образцомъ для подражанія, въ нихъ слѣдовательно господствуетъ тенденціозность. О папирусахъ, въ которыхъ до сихъ поръ видѣли протоколы александрійскихъ посольствъ, можно сказать тоже самое. Ибо и въ нихъ заключаются судебныя приговоры римскаго императора и обыкновенно смертныя приговоры знатымъ грекамъ изъ Александріи, и они повѣствуютъ о мужественномъ поведеніи подсудимыхъ предъ лицомъ императора. Было бы странно, если бы при такихъ об-

стоятельствахъ среди нихъ не нашлось отчетовъ, неподлинность которыхъ можетъ быть доказана или по крайней мѣрѣ сдѣлана вѣроятной. Сообщение о разбирательствѣ передъ Траяномъ, по моему мнѣнію, проникнуто мевѣ стремленіемъ къ документальности и болѣе тенденціей представить стойкость защитника грековъ. Цѣна его, какъ историческаго источника, не больше, чѣмъ сочиненіе Филона, достовѣрность рѣчей не больше, чѣмъ рѣчей у античныхъ историковъ¹⁾.

Судебное дѣло александрійскаго гимназіарха Аппіана дѣйствительно напоминаетъ мартиріи. Подсудимый Аппіанъ обращается къ Иліодору, котораго отдали подъ судъ вмѣстѣ съ нимъ. Тотъ отвѣчаетъ: къ кому намъ обращаться, когда никто не хочетъ выслушать насъ, иди, дитя мое, къ смерти, на твою долю выпадаетъ слава умереть за отечество, не бойся (тутъ въ папирусь стерто нѣсколько строкъ), а дальше императоръ спрашиваетъ: Развѣ ты не знаешь, съ кѣмъ ты говоришь? Знаю, отвѣчаетъ Аппіанъ, съ тиранномъ. „Три извѣстныхъ намъ отчета о процессахъ язычниковъ, замѣчаетъ Бауеръ, подлинные или нѣтъ, ставятъ себѣ главной цѣлью прославить безстрашіе и мужество греческихъ обвиняемыхъ на судѣ римскаго императора. Въ этомъ заключается ихъ сходство съ актами христіанскихъ мучениковъ, съ которыми они имѣютъ общую форму изложенія, вопросы, обращенные къ подсудимымъ, ихъ отвѣты и замѣчанія судьи“. Дерзкія выраженія Аппіана, называющаго въ глаза императора разбойникомъ, можно найти только въ мартиріяхъ, которые признаются неподлинными. Въ папирусахъ и мученичествахъ очень близко подходятъ другъ къ другу манера, какъ допрашиваютъ обвиняемыхъ и какъ они отвѣчаютъ судьямъ. „Я укажу, говоритъ Бауеръ, на пункты соприкосновенія, имѣющіеся въ актахъ мучениковъ, всѣми признаваемыхъ подлинными, Пернегуи, Сциллитанцевъ, Карпа, Поликарпа, Піонія, и Аполлонія“. Бауеръ обращаетъ вниманіе на то, что, въ древнѣйшихъ мартиріяхъ подсудимые не позволяютъ себѣ дерзкаго поведенія по отношенію къ судьямъ, что дерзость эта все увеличивается, чѣмъ мартирія становится мевѣ достовѣрными, и что то же самое наблюдается въ

1) A. Bauer. Heidnische Märtyrerakte (Archiv für Papyrusforschung, I, 31—32).

разказахъ, найденныхъ въ папирусахъ. Авторъ не думаетъ однако, чтобы христіанскіе писатели брали за образецъ тѣ документы, которые онъ называетъ языческими актами мучениковъ. Преувеличенія, которыя тутъ и тамъ появляются, зависятъ отъ самаго существа дѣла. Не смотря на то, что языческія сообщенія папирусовъ имѣютъ видъ протоколовъ, они не могутъ считаться подлинными. „Къ этимъ языческимъ актамъ мучениковъ, говоритъ Бауеръ, надо прилагать ту же критическую мѣрку, какъ и ко всѣмъ другимъ литературнымъ произведеніямъ, которыя дошли до насъ изъ лагеря различныхъ враждовавшихъ между собой партій римской имперіи. Они занимаютъ мѣсто рядомъ не только съ христіанскими мартиріями и легендами, но и полемикой Аппіана и Филона и біографіей Аполлонія Тианскаго. Они одинаково доказываютъ, что въ языческо-греческихъ кругахъ общества интересъ къ исповѣдникамъ религіозныхъ или политическихъ убѣжденій, вступившихъ въ конфликтъ съ римской государственной властью, былъ такъ же великъ, какъ въ іудейскихъ кругахъ къ преслѣдуемымъ іудеямъ, а въ христіанскихъ къ осужденнымъ и стойкимъ христіанамъ“.

Параллель, приведенная Бауеромъ, заслуживаетъ вниманія; она указываетъ на тотъ любопытный фактъ, что и языческіе писатели первыхъ вѣковъ христіанской эры способны были подъ видомъ протоколовъ передавать изукрашенныя фантазіей легенды. А существованіе протоколовъ христіанскихъ процессовъ чрезвычайно сомнительно. Въ мартиріевъ мы объ этихъ процессахъ почти ничего не знаемъ. Конратъ, изслѣдовавшій гоненія христіанъ съ юридической точки зрѣнія, справедливо замѣчаетъ, что римское государство отличалось терпимостью, что въ Римѣ мирно проживали и никакимъ преслѣдованіямъ не подвергались исповѣдники всевозможныхъ религіозныхъ культовъ. Христіанство, какъ таковое, никогда не было запрещено, и потому принадлежность къ христіанству не могла подвергаться преслѣдованіямъ и карамъ. По мнѣнію Конрата, христіанъ можно было судить за оскорбленіе величества на основаніи *lex Julia maiestatis*¹⁾. Переходя отъ общихъ соображеній къ конкретнымъ случаямъ, Конратъ нахо-

1) M. Conrat. Die Christenverfolgungen im Römischen Reiche, p. 19, 21, 53.

дить ихъ въ тѣхъ семи мартиріяхъ, которые онъ вмѣстѣ съ другими изслѣдователями считаетъ подлинными, т. е. основанными на протоколахъ, и слѣдовательно становится на шаткую почву¹⁾. Въ частности о пыткахъ Контратъ говоритъ слѣдующее: „Пытка употреблялась, чтобы узнать истину. Пытали свидѣтелей и подсудимыхъ, чтобы принудить ихъ къ признанію преступленія. Когда обвиняемые сознавались въ своей винѣ, пытка не примѣнялась; такъ оно происходило и при процессахъ христіанскихъ мучениковъ!“²⁾ Контратъ прямо утверждаетъ, что пытка къ христіанскимъ мученикамъ не примѣнялась и въ древнѣйшихъ мартиріяхъ за исключеніемъ Карпова она не встрѣчается. Въ мартиріи Юстина, хоть и не говорится о настоящей пыткѣ, сообщается все-таки, что мученикъ былъ подвергнутъ бичеванію. За то въ посланіи Галльскихъ церквей говорится о жестокихъ истязаніяхъ, которыя въ виду признанія подсудимыхъ не требовались ни закономъ, ни обстоятельствами дѣла. Изъ этого мы неминуемо должны прийти къ такому выводу: или пытки измышлены составителями мученичествъ или римскіе администраторы дѣйствовали не на основаніи общихъ законовъ, воспрещавшихъ христіанскую вѣру, а на основаніи своего административнаго права и административнаго произвола, какъ думалъ Моммзенъ. Въ такомъ случаѣ римскіе проконсулы едва ли вели подробные протоколы, изобличающіе ихъ злоупотребленія и подсудимымъ не нужные, такъ какъ процессы противъ христіанъ апелляціи не подлежали и заканчивались смертной казнью, тутъ же приводившейся въ исполненіе.

Пользованіе государственными архивами, если таковые и существовали въ римской имперіи въ болѣе или менѣе благоустроенномъ видѣ, представлялось очень затруднительнымъ для христіанъ 2—3-го вѣка. Тотъ архивъ провинціи Азіи, о которомъ говоритъ Евсевій со словъ Аполлонія, долженъ былъ находиться въ Ефесѣ, главномъ городѣ Азіи, пышно называвшемся *ἡ πόλις καὶ μετρόπολις μητροπόλις τῆς Ἀσίας*³⁾. Между тѣмъ посланіе о мученичествѣ Поликарпа должно было быть написано въ Смирнѣ,

1) Ibid. p. 69—70.

2) Ibid. p. 71—72.

3) V. Charot. La province d'Asie, p. 145.

куда случайно прибылъ азіархъ. Возможно ли предполагать, что авторы этого мученика отправлялись за справкой изъ Смирны въ Ефесъ? Въ то же самое время христіанамъ было не безопасно являться въ архивы, находившіеся подъ вѣдѣніемъ язычниковъ, и требовать дѣла, для правосудія уже болѣе не нужны. Этимъ они несомнѣнно выдали бы свою принадлежность къ запрещенной религіи и, если вѣрить мученикамъ, должны были быть немедленно преданы суду и пыткамъ. Неправдоподобнымъ представляется и то соображеніе, чтобы бережливо хранились документы, компрометирующіе римскую власть въ то время, когда христіанская религія стала охраняться этой властью и когда было написано громадное большинство мучениковъ (если не всѣ мученики).

До Константина В. архивы, если кое-гдѣ и существовали, во всякомъ случаѣ не были заведены повсемѣстно, и только этотъ императоръ издалъ повелѣніе учредить архивы для храненія судебныхъ дѣлъ¹⁾. Едва ли однако архивы въ Византіи получили форму, сколько-нибудь напоминающую наше время. Цахаріа сообщаетъ, что процессъ по гражданскимъ дѣламъ велся устно, но всѣ показанія подробно вносились въ протоколъ. Эти акты (*ἐπισημωματα, πεπραγμένα*) по требованію сторонъ обязаны были сообщать имъ полностью или въ извлеченіи²⁾. Но повидимому это не исполнялось даже въ гражданской процедурѣ, не говоря объ уголовной. Дѣла, кончавшіеся смертной казнью, не могли быть пересмотрѣны и храненіе ихъ не приносило никакой практической пользы. Архивы едва ли были упорядочены и послѣ Константина; по крайней мѣрѣ Юстиніанъ прямо говоритъ, что нѣтъ провинціальныя архивовъ; дѣло такъ называемыхъ экдиковъ (*defensores civitatum*) пропадаютъ за неимѣніемъ архивовъ и не возможно достать старыхъ документовъ³⁾.

Вилькенъ указалъ на протоколъ въ одномъ плохо сохранившемся египетскомъ папирусѣ; тамъ больше словъ, вставленныхъ имъ по догадкѣ, чѣмъ дѣйствительно сохранившихся. Но если и согласиться съ нимъ, что въ данномъ текстѣ мы должны видѣть судебное разбирательство, мы приобретаемъ скорѣе доводъ

1) Heimbach. Anecdota, p. 272 ut sint archia publica in quibus acta iudicii loci servari debent.

2) Griech.-römisches Recht p. 396

3) Nov. 15. *οὐδενὸς ὄντος ἀρχείου.*

противъ протокольности мартиріевъ, чѣмъ за него. Дневники стратеговъ 2—3-го вѣковъ, въ которые, по мнѣнію Вилькена, включались и протоколы суда ими производившагося, отличаются лакоизмомъ, и указанный судебный протоколъ занимаетъ всего 14 строкъ; въ мартиріяхъ же наоборотъ текстъ, въ которомъ желаютъ видѣть протоколъ, поражаетъ многословіемъ¹⁾.

Отрицательный отвѣтъ должны мы дать и на вопросъ, желали ли авторы мартиріевъ пользоваться протоколами? Собираясь сообщить дѣянія мучениковъ; Евсевій Кесарійскій говоритъ: сочиненіе это заключаетъ въ себѣ не историческій только, но и поучительный (т. е. нравоучительный) разсказъ (*οὐχ ἱστορικὴν μόνον, ἀλλὰ καὶ διδασκαλικὴν διήγησιν*)²⁾. Но даже историческій разсказъ того времени не требовалъ современной документальности и точности. Въ церковную исторію Евсевія также, какъ въ другія сочиненія подобнаго рода, включались даже императорскіе указы, въ дѣйствительности никогда не издававшіеся, и вовсе не потому что авторы занимались фальсификаціей, а потому что они отличались легковѣріемъ и плохо разбирались въ подлинности документовъ. Они передавали то, что имъ казалось несомнѣннымъ, въ томъ числѣ и достовѣрныя чудеса. Въ этомъ отношеніи очень интересенъ взглядъ блаж. Августина. Онъ сообщаетъ, что существуютъ чудеса, которымъ нельзя не вѣрить, которыя засвидѣтельствованы лицами, чудесно исцѣлившимися. Въ Африкѣ, гдѣ Августинъ былъ епископомъ, распространенію чудесъ способствовалъ особенно культъ Стефана, первомученика. Въ своемъ сочиненіи *De civitate Dei* Августинъ говоритъ, что вынужденъ прервать перечисленіе достовѣрныхъ чудесъ, хотя многіе пожалѣютъ, что обойдены молчаніемъ выдающіяся исцѣленія. Если бы онъ привелъ исцѣленія, совершенныя св. Стефаномъ только въ Каламѣ и въ Иппонѣ, то ему пришлось бы наполнить много книгъ, хотя бы даже онъ ограничился тѣми происшествіями, которыя изданы въ маленькихъ книжкахъ для публичнаго чтенія (*de quibus libelli dati sunt, qui recitarentur in populis*). Въ Уцали, гдѣ память св. Стефана была установлена раньше, чѣмъ въ Иппонѣ, по словамъ Августина, нѣтъ обычая

1) *Philologus*, Bd. 53 (1894), p. 80—126.

2) Н. Е. V, 1 (II, 400).

издавать такіе libelli. Что эти „документальныя“ записи могли составляться по основаніи рассказовъ, видно изъ словъ блаж. Августина. Онъ сообщаетъ, что братъ, пріѣхавшій изъ Кесаріи Каппадокійской, внезапно исцѣлился отъ хроническаго дрожанія тѣла въ Иппонѣ въ Свѣтлое воскресенье передъ самымъ богослуженіемъ. Народъ ликовалъ, Августинъ записалъ со словъ исцѣленнаго исторію его жизни и болѣзни и обѣщалъ на слѣдующій день послѣ проповѣди прочесть составленный имъ такимъ путемъ libellus. По мнѣнію блаж. Августина, слѣдуетъ составлять подобнаго рода письменныя сообщенія о чудесномъ исцѣленіи со словъ исцѣленныхъ, обладающія полной достовѣрностью, и мѣстный епископъ долженъ одобрить эти писанія, которыя тогда пріобрѣтаютъ нужную авторитетность¹⁾. Такія же достовѣрныя чудеса находимъ мы въ тѣхъ мартиріяхъ, которые считаются древними и подлинными. Голосъ съ неба слышали „наши“, присутствовавшіе при мученичествѣ Поликарпа, и тѣ изъ нихъ, кому было дано, видѣли, какъ пламя вопреки естественнымъ законамъ не касалось Поликарпа.

Какова была историческая достовѣрность того времени, видно изъ одного мѣста Церковной исторіи Феодорита Киррсакаго, рассказывающаго слѣдующее: Діоклеціанъ въ день Пасхи разрушилъ церкви во всей римской имперіи, но черезъ девять лѣтъ послѣ этого онѣ процвѣтали и отличались величиной и красотой, онъ же угасъ вмѣстѣ со своимъ нечестіемъ²⁾.

Вникая въ содержаніе тѣхъ рѣчей, которыя считаются протоколами, невольно является сомнѣніе. Моммзенъ ссылается напр. на мученичество Пюнія, какъ на судебный протоколъ³⁾. Но этотъ мартирій несомнѣнно литературное произведеніе, авторъ котораго подражалъ рассказу о Поликарпѣ. Начинается оно слѣдующимъ предисловіемъ: „Апостолъ побуждаетъ пріобщаться къ памяти святыхъ, а о мученикѣ Пюніи тѣмъ болѣе подобаетъ вспоминать, что онъ будучи въ наше время мужемъ апостольскимъ многихъ отъ заблужденія обратилъ (т. е. отъ заблужденія язычества) въ христіанство, наконецъ призванъ былъ ко Господу,

1) A. Harnack. Das Motiv d. Abfassung von Märtyrerakten p. 108—113 (Sitzungsber. d. Preuss. Akademie 1910).

2) Theodoret. Kirchengeschichte (ed. Parmentier), p. 347. Leipz. 1911.

3) Th. Mommsen. Römisches Strafrecht, p. 518.

претерпѣлъ мученичество и оставилъ для нашего вразумленія это сочиненіе, дабы мы имѣли память объ ученіи его¹⁾. Уже эти слова съ достаточной ясностью показываютъ, что рассказъ о Піоніи не могъ быть написанъ въ срединѣ 3-го вѣка, когда онъ пострадалъ. Это подтверждается всѣмъ произведеніемъ. Пресвитеръ Піоній былъ схваченъ во второй день шестого мѣсяца, въ великую субботу, въ день, когда справлялась память блаженнаго мученика Поликарпа. Случилось это потому, что Піоній наканунѣ памяти Поликарпа видѣлъ, что онъ будетъ схваченъ въ этотъ день. Опъ постылся вмѣстѣ съ исповѣдницей Сабинной и съ Асклипіадомъ, когда увидѣлъ онъ, что завтра должны ихъ схватить. Взявъ три витыя цѣпи, онъ надѣлъ ихъ на шею себѣ, Сабинѣ и Асклипіаду, и они ждали дома. Это сдѣлалъ онъ ради тѣхъ, кто имѣлъ его увести, чтобы не думали, что ведутъ ихъ убивать, но чтобы всѣ знали, что они присуждены быть сейчасъ же уведенными въ тюрьму. Когда они помолились и взяли святой хлѣбъ и воду, явился къ нимъ въ субботу неокоръ (*νεωκόρος*). Полемонъ и состоящіе при немъ люди, чтобы заставить христіанъ приносить жертвы и ѣсть нечистое. И говоритъ неокоръ: Вы знаете повелѣніе императора, приказывающаго вамъ приносить жертвы богамъ? Піоній сказалъ: Мы знаемъ повелѣнія Бога, въ которыхъ онъ приказываетъ намъ поклоняться Ему одному. Полемонъ сказалъ: Идите на площадь, и тамъ вы будете повиноваться. Сабина и Асклипіадъ сказали: Мы повинуемся Богу живому. Онъ повелъ ихъ не насильно, и когда они подошли, всѣ увидѣли, что на нихъ цѣпи, и народъ быстро сбѣжался на это поразительное зрѣлище, такъ что толкалъ другъ друга. Когда они пришли на площадь, тамъ собралась большая толпа эллиновъ, іудеевъ и женщинъ, ибо они не работали по случаю великой субботы; они становились на бревна и на ящики, чтобы видѣть. Это мѣсто очень интересно для характеристики нашего памятника. Подражая мученичеству Поликарпа, авторъ повѣствуетъ о переполненіи площади эллинами и іудеями, но при этомъ поясняетъ, почему собралась такая громадная толпа: эллины и іудеи не работали по случаю великой субботы, т. е. христіанскаго праздника. Они стояли среди площади, и Полемонъ сказалъ: Слѣдуетъ вамъ,

1) O. Gebhardt. Acta martyrum selecta, p. 96.

о Піоній, повиноваться и какъ всѣ принести жертву, чтобы не подвергнуться наказанію. Протянувъ руку, Піоній съ яснымъ лицомъ сказалъ въ свою защиту: „Мужи, хвастающіеся красотой Смирны, гордящіеся Гомеромъ, и тѣ изъ васъ, которые іудеи (*οἱ ἐπὶ Μελίτος, ὡς φησὶ, Ὀμήρου σεμνοβόμοι καὶ ὀκνητοὶ ἐν ἡμῖν Ἰουδαίων συμπάροισι*), выслушайте меня, обращающагося къ вамъ съ краткою рѣчью. Слѣдовало бы вамъ, о эллины, повиноваться учителю вашему Гомеру, который говоритъ, что нечестиво хвалиться умершими. Вамъ же, іудеи, Моисей повелѣваетъ: если увидишь оска врага твоего упавшимъ подъ ношею своею, то не оставляй его, а подними его (Исх. XXIII, 5). Одинаково слѣдовало бы вамъ повиноваться и Соломону: не радуйся, когда упадетъ врагъ твой, и да не веселится сердце твое, когда онъ споткнется (Притч. Солом. XXIV, 17). Я же повинуюсь своему учителю предпочитаю умереть, чѣмъ преступить его ученіе, и вступаю въ борьбу, чтобы не измѣнить тому, чему я сначала научился, а впоследствии училъ. Надъ кѣмъ смѣются несочувственно іудеи? Если мы и враги ихъ, какъ они утверждаютъ, все же люди, къ тому же претерпѣвшіе несправедливость. Они говорятъ, что мы имѣемъ дерзновеніе. Затѣмъ? Кого мы обидѣли? кого убили? кого преслѣдовали? кого принуждали идолопоклонничать? Или думаютъ они, что ихъ грѣхи подобны совершаемымъ, теперь нѣкоторыми лицами изъ за страха человѣческаго? Но они на столько же отличаются другъ отъ друга, какъ вольные грѣхи отъ невольныхъ. Ибо кто заставлялъ іудеевъ служить Веельфегору (Числ. XXV, 3)? Или ѣсть жертвы мертвыхъ? Или блудодѣйствовать съ дочерьми чужеземцевъ (Иезек. XVI, 27)? Или закалать для идоловъ сыновей и дочерей (Иезек. XXIII, 39)? Или роптать на Бога (Числ. XIV, 27)? Или говорить противъ Моисея (Числ. XXI, 5)? Или быть неблагодарными къ благодѣтельствующимъ? Или обратиться сердцами своими въ Египетъ (Дѣян. Апост. VII, 39)? Или, пока Моисей ушелъ принять законъ, сказать Аарону: сдѣлай намъ боговъ, и сдѣлали тельца (Дѣян. VII, 40—41)? Васъ они могутъ обмануть, поэтому вамъ слѣдуетъ читать книги Судей, Царства, Исходъ и всѣ, въ которыхъ они уличаются. Вы думаете, что нынѣ происходящее подобно гумну. Какая куча больше соломы или хлѣба (Матѣ. III, 12)? Ибо когда приходитъ земледѣлецъ чистить гумно, солома будучи легковѣсною легко уносится воздушнымъ

дуновеніемъ, хлѣбъ же остается въ томъ же мѣстѣ. Вы видите опять таки неводъ, закинутый въ море (Матѣ. XIII, 47), но не все, что онъ приноситъ полезно. Такъ и нынѣ происходящее. Въ какомъ смыслѣ желаете вы, чтобы мы это претерпѣвали, какъ праведные люди или несправедливо поступающіе? Если какъ несправедливо поступающіе, почему же вы, сами дѣлами изобличаемые въ несправедливости, не претерпѣваете того же самаго? Если же какъ праведные, отъ страданія праведныхъ какую же вы надежду имѣете? Если праведникъ едва спасается, нечестивый и грѣшный гдѣ явится (I Петр. IV, 18)? Ибо предстоитъ судъ міру, о которомъ мы черезъ многихъ доподлинно извѣстились. Я же, уйдя изъ дома и обойдя всю Іудейскую землю и перейдя Іорданъ, увидѣлъ землю до сихъ поръ свидѣтельствующую о гнѣвѣ Божіемъ противъ нея вслѣдствіе грѣховъ, совершенныхъ ея обитателями, убивавшихъ и изгонявшихъ чужестранцевъ, и совершавшихъ насилія. Я видѣлъ дымъ, поднимающійся отъ нея до сихъ поръ, и землю, огнемъ испепеленную, лишенную всякаго плода и всякой влаги (*ἄρῃς ὀψίας*). Я видѣлъ Мертвое море, неспособное кормить живое существо. Вы видите и описываете земю Декаполя Лидійскаго, сожженную огнемъ и до сихъ служащую обличеніемъ нечестивыхъ, огонь Этны и Сициліи и кромѣ того Ликіи и острововъ разрушительный огонь. Хотя это находится далеко отъ васъ, вамъ извѣстно употребленіе теплой воды, я разумѣю бьющую изъ подъ земли. Вы говорите и о частичныхъ изверженіяхъ огня и воды, какъ было у васъ при Девкаліонѣ, а у насъ при Ноѣ; они бываютъ частичными, чтобы все общее познавалось изъ частичныхъ явленій. По этому мы свидѣствуемъ вамъ о предстоящемъ судѣ, имѣющемъ быть отъ Бога чрезъ огонь, чрезъ слово его Іисуса Христа ¹⁾. По этому такъ называемыя богами вашими мы не служимъ и золотому изображенію не поклоняемся.“

Послѣ этой длинной рѣчи неокоръ и его свита и весь народъ напрягъ слухъ и установилась полнѣйшая тишина. Піоній еще разъ повторилъ: Богамъ вашимъ мы не служимъ и золотому изображенію не поклоняемся. Ихъ вывели на середину площади

1) II Фессалон. I, 7—8 въ явленіе Господа Іисуса съ неба въ пламеннѣющемъ огнѣ совершающаго отомщеніе.

и ихъ окружили нѣкоторые лица изъ толпы и вмѣстѣ съ Полемономъ старались убѣдить ихъ, говоря: Послушайтесь насъ, Піоній, потому что мы любимъ тебя, и ты очень достоинъ жизни по своему нраву и кротости; прекрасно жить и видѣть этотъ свѣтъ. Піоній отвѣтилъ имъ: И я говорю, что прекрасно жить, но еще лучше то, къ чему мы стремимся, и тотъ свѣтъ есть истинный свѣтъ (Іоан. I, 9). Нѣкій же Александръ негодный человѣкъ съ площади сказалъ¹⁾: Послушай насъ, Піоній. Піоній отвѣтилъ: Ты послушай меня, ибо то, что ты знаешь, я знаю, то же, что я вѣдаю, ты не знаешь. Александръ желалъ его высмѣять и сказалъ иронически: Почему же это? Піоній отвѣтилъ: Мы пришли добровольно, чтобы знали вы, что силою вы насъ, какъ остальныхъ, не схватите и даже въ цѣпяхъ не сведете вы насъ въ ваши капища. Такъ заставилъ онъ замолчать Александра.

Народъ желалъ учинить собраніе, въ театрѣ, но близкіе къ страдигу люди сказали Полемону (*τοῦ δὲ δήμου βουλευμένου ἐκκλησίαν ἐν τῷ θεάτρῳ ποιῆν*): Не позволяй ему говорить, чтобы они не вошли въ театръ и чтобы не произошло возмущенія изъ за этого человѣка²⁾. Услышавъ это Полемонъ говоритъ: Піоній, если ты не хочешь принести жертву, все же войди въ святилище Немеиды. Тотъ сказалъ: не помогутъ тебѣ идола, и мы туда не пойдёмъ. Полемонъ сказалъ: послушайся насъ, Піоній. Піоній сказалъ: если бы я могъ убѣдить васъ сдѣлаться христіанами³⁾. Они же громко разсмѣявшись сказали: Тебѣ не удастся сдѣлать, чтобы мы сгорѣли живыми. Піоній сказалъ: хуже сжигать мертвыхъ. Сабина улыбнулась, и некоръ и его свита сказали ей: Ты смѣешься? Она же сказала: если угодно Богу, да⁴⁾; ибо мы христіане, вѣрующіе въ Христа, будемъ непрерывно смѣяться въ вѣчной радости⁵⁾. Они говорятъ ей: ты испытаешь то, чего не желаешь, ибо женщины,

1) Дѣян. Апост. XVII, 5 неувѣровавшіе Іудей ваявши съ площади нѣкоторыхъ негодныхъ людей.

2) Мате. XXVI, 5 *μη ἐν τῇ ἐορτῇ, ἵνα μη θόρυβος γένηται*. Только не въ праздникъ, чтобы не сдѣлалось возмущенія въ народѣ.

3) Царь Агриппа говоритъ Павлу: ты немного не убѣждаешь меня сдѣлаться христіаниномъ *ἐν ὀλίγῳ με πείθεις Χριστιανὸν γενέσθαι*. Дѣян. Апост. XXVI, 28.

4) Посл. Іакова IV, 15 *ἐὰν ὁ Κύριος θελήσῃ, καὶ ζήσομεν*. Если угодно будетъ Господу и живы будемъ.

5) Лука VI, 21 *μακάριοι οἱ κλαίοντες νῦν ὅτι γελᾶτε*. Блаженны плачущіе нынѣ, ибо возсмѣетесь.

не совершающихъ жертвоприношеній, отправляютъ въ публичный домъ. Она же сказала: Богъ объ этомъ позаботится.

Приведенный отрывокъ, написанный въ евангельскомъ стилѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, что авторъ заботился всего больше о красотѣ слога. Кромѣ того здѣсь замѣтно сходство съ мартиріемъ Карпа, который тоже улыбається въ такую трагическую минуту и котораго пораженные присутствующіе спрашиваютъ, почему онъ смѣется?

Полемонъ опять старается убѣдить Піонія и еще разъ говорить ему: *Послушайся насъ, Піоній*. Піоній сказалъ: ты приказалъ или повиноватѣся тебѣ или быть наказаннымъ, убѣдить меня ты не можешь, такъ наказывай. Неокоръ Полемонъ все-таки повторяетъ: *Соверши жертвоприношеніе, Піоній*. Піоній говоритъ: я христіанинъ. Полемонъ говоритъ: какого Бога ты считаешь? Піоній отвѣчаетъ сообразно съ символомъ вѣры и Дѣяніями Апостольскими: Бога Вседержителя, сотворившаго небо и землю и все то, что въ нихъ и всѣхъ насъ¹⁾, обильно намъ все дающаго²⁾, котораго познали мы черезъ слово Его Христа (слова Поликарпа). Полемонъ сказалъ: *принеси жертву императору*. Піоній сказалъ: я человѣку не приношу жертвъ, ибо я христіанинъ.

Приведенный допросъ съ точки зрѣнія юридической и исторической страдаетъ отсутствіемъ логики. Неокоръ долженъ былъ знать, что Піоній христіанинъ и на этомъ основаніи и привлекается къ отвѣтственности, такъ какъ отказывается воздавать божескія почести императору и не признаетъ римской государственной религіи. По этому постоянное повтореніе „мы христіане“ со стороны подсудимыхъ является по меньшей мѣрѣ излишнимъ.

Послѣ допроса начинается довольно неожиданно протоколъ. Въ мартиріи Піонія мы читаемъ слѣдующее:

1) *Martyr. Pionii*, p. 103, 28 *τὸν Θεὸν τὸν παντοκράτορα τὸν ποιῆσαντα τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν καὶ πάντα τὰ ἐν αὐτοῖς*. Дѣян. Апост. IV, 24 *αὐτὸς ὁ ποιήσας τὸν οὐρανὸν καὶ τὴν γῆν καὶ τὴν θάλασσαν καὶ πάντα, τὰ ἐν αὐτοῖς* (Ср. Дѣян. XIV, 15). Владыко Боже, сотворившій небо и землю и море и все, что въ нихъ.

2) *Martyr. Pionii*, p. 102, 28 *ὃς παρέχει ἡμῖν πάντα πλουσίως*. I ТИМОМ. VI, 17 *τῷ παρέχοντι ἡμῖν πάντα πλουσίως*. Бога, дающаго намъ все обильно для наслажденія.

Затѣмъ Полемонъ допрашиваетъ письменно, говоря ему (*εἶτα ἐπηρώτησεν ἑγγράφως λέγων αὐτῷ*): какъ тебя зовутъ? И нотарій все записываетъ. Онъ отвѣчаетъ: Піоній. Полемонъ говоритъ: ты христіанинъ? Піоній отвѣчаетъ: да. Уже раньше Полемонъ называлъ подсудимаго Піоніемъ и послѣдній нѣсколько разъ признавалъ себя христіаниномъ. Значитъ, тѣ, которые видятъ въ мученикахъ документальную протокольность, должны признать по крайней мѣрѣ, что въ данномъ случаѣ протоколъ перепутанъ.

Можно ли вѣрить дальнѣйшему допросу? Неокоръ Полемонъ спрашивалъ: къ какой церкви принадлежишь ты? Піоній отвѣчаетъ: къ католической (т. е. не еретической), ибо у Христа нѣтъ другой церкви. Затѣмъ Полемонъ обращается къ Сабинѣ, которая подученная Піоніемъ назвалась ложнымъ именемъ. Піоній посоветовалъ ей назваться Феодотой, чтобы не попасть вновь въ руки Политты, своей безбожной госпожи; ибо во время Гордіана послѣдняя, желая совратить Сабину въ язычество, связавъ ее прогнала въ горы (*ἐξώρισεν αὐτήν ἐν ὄρεσιν*), гдѣ она все необходимое получала отъ христіанской братіи; послѣ этого старались (*σπουδῇ ἐρέμετο*) освободить ее отъ оковъ и отъ Политты, и она по большей части и жила съ Піоніемъ и была схвачена вмѣстѣ съ нимъ во время начавшагося гоненія. Разсказъ этотъ, который не могъ быть записанъ нотаріями и вписанъ въ протоколъ, похожъ на сказку. Сабина была рабой, и госпожа ея имѣла право подвергать ее всевозможнымъ наказаніямъ и истязаніямъ. Какая же разумная хозяйка стала бы лишать служанки и прогонять ее вмѣсто того, чтобы пользоваться ея бесплатнымъ трудомъ? Вѣдь христіанская религія не возбраняла служить господамъ. Съ другой стороны, въ высшей степени неправдоподобно, чтобы Сабина, назвавшись своимъ истиннымъ именемъ, попала вновь къ своей госпожѣ, которая сама ее прогнала; ей грозило нѣчто худшее, чѣмъ рабство, ей грозила смертная казнь. Изъ дальнѣйшаго „протокола“ видно, что судья совсѣмъ не интересовался общественнымъ положеніемъ Сабины, и весь этотъ разсказъ, вставленный въ мнимый протоколъ, не болѣе, какъ беллетристическая подробность.

Полемонъ говоритъ Сабинѣ: какъ тебя зовутъ? Она отвѣчаетъ: Феодота. Онъ спрашиваетъ: ты христіанка? Она отвѣчаетъ: да, я христіанка. Полемонъ спрашиваетъ: какой церкви? Сабина от-

вѣчаетъ: каеолической. Полемонъ говоритъ: кого считаешь? Сабина отвѣчаетъ тѣми же словами, какъ Піоній: Бога Вседержителя, который сотворилъ небо и землю и насъ всѣхъ, котораго познали мы чрезъ слово его Иисуса Христа. Затѣмъ Полемонъ обращается къ Асклипаду и спрашиваетъ, какъ его зовутъ? Тотъ отвѣчаетъ: Асклипадъ. Полемонъ спрашиваетъ: ты христіанинъ? Асклипадъ отвѣчаетъ: да. Полемонъ спрашиваетъ: кого ты считаешь? Асклипадъ отвѣчаетъ: Иисуса Христа. Полемонъ спрашиваетъ: это не другой какой-нибудь? Асклипадъ отвѣчаетъ: Нѣтъ не другой, а тотъ же, о которомъ говорили эти люди (другіе подсудимые). Послѣ этого Піонія и товарищей его отводятъ въ тюрьму, влекутъ въ храмъ, пытаются принудить силою поклоняться языческимъ богамъ.

Въ языческомъ храмѣ нѣкій Лепидъ опять допрашиваетъ Піонія. Лепидъ говоритъ: Какого бога вы считаете? Піоній отвѣчаетъ: сотворившаго небо, землю, море и все въ нихъ сущее. Лепидъ спрашиваетъ: Это распятый? Піоній говоритъ: котораго послалъ Богъ для спасенія міра. Въ концѣ мученія Піонія мы находимъ еще одинъ протоколъ. Послѣ выше описанныхъ событій пришелъ въ Смирну проконсулъ, и приведенный на его судъ Піоній претерпѣлъ мученичество за 4 дня до мартовскихъ идъ. Проконсулъ Квинтиліанъ спросилъ: какъ тебя зовутъ? Отвѣтилъ: Піоній. Проконсулъ сказалъ: совершилъ ли жертвоприношеніе? Отвѣтилъ: нѣтъ. Проконсулъ спросилъ: какой вѣры или ереси (*айрези*) придерживаешься? Отвѣтилъ: каеоликовъ (*тади над-оликовъ*). Спросилъ: какихъ каеоликовъ? Отвѣтилъ: я пресвитеръ каеолической церкви. Проконсулъ: ты ихъ учитель? Отвѣтилъ: да, училъ. Спросилъ: ты учитель глупости? Отвѣтилъ: богопочитанія. Спросилъ: какого богопочитанія? Отвѣтилъ: въ Бога Отца, сотворившаго все. Проконсулъ сказалъ: принеси жертву. Отвѣтилъ: нѣтъ, я долженъ молиться Богу. Проконсулъ говоритъ: всѣхъ боговъ мы считаемъ и небо, и сущихъ на небѣ боговъ, что думаешь ты о воздухѣ? принеси ему жертву. Отвѣтилъ: не воздухъ считаю, но сотворившаго воздухъ и небо и все въ нихъ сущее. Проконсулъ сказалъ: скажи, кто сотворилъ? Отвѣтилъ: не подобаетъ говорить. Проконсулъ сказалъ: всячески богъ, т. е. Зевсъ, сущій на небѣ, ибо онъ царь всѣхъ боговъ. Послѣ пытки было прочтано съ таблицы на латинскомъ

языкъ (сар. 20 *ἀπὸ πικανίδος ἀνεγνώσθη ἑσπασίῳ*): Піонія признава-шаго себя христіаниномъ мы приказали сжечь живымъ.

Такимъ образомъ мы въ мартиріи Піонія находимъ три текста, напоминающіе протоколы по формѣ. Если исключить допросъ Лепида, должность котораго намъ неизвѣстна, Піонія судили два раза, сначала фантастическій неокоръ¹⁾ Полемонъ, потомъ проконсулъ Азіи Квинтиліанъ. Между этими двумя судебными разбирательствами нѣтъ никакой юридической и логической связи. Полемонъ совершенно исчезаетъ со сцены при появленіи Квинтиліана, и судъ проконсула не высшая инстанція по отношенію къ неокору. Связь исключительно повѣствовательная, эпизодъ съ Полемономъ, съ Лепидомъ и съ Квинтиліаномъ все это приключенія мученика Піонія. Допросъ, учиненный проконсуломъ, не имѣетъ ничего общаго съ судебнымъ разбирательствомъ; судья не предъявляетъ подсудимому никакого обвиненія. Весь протоколъ можно смѣло назвать преніемъ о вѣрѣ. При этомъ римскій администраторъ съ латинскимъ прозвищемъ „Квинтиліанъ“ изобличаетъ свое не римское происхожденіе; онъ очевидно довольно хорошо знакомъ съ христіанствомъ и знаетъ не только о существованіи католической церкви, но и ересей, а затѣмъ онъ проповѣдуетъ не римскій взглядъ, что творцомъ вселенной надо считать Зевса. Въ выставленіи на первый планъ католической, не еретической церкви, торжествующей надъ язычествомъ, заключается внутренняя связь между двумя судебными допросами, не имѣющими реальной послѣдовательности. Внутреннее содержаніе, явно невозможное для римской эпохи, не позволяетъ видѣть протоколовъ въ рассказѣ о судѣ надъ Піоніемъ²⁾.

1) Неокоръ былъ первоначально служителемъ храма, въ римскую эпоху такъ называли покровителей храма, тратившихъ на него деньги, но во всякомъ случаѣ неокоры не были судьями. V. Charot. La province romaine d'Asie, p. 403, 419.

2) Греггъ защищаетъ подлинность и достоверность актовъ Піонія, ссылаясь на Евсевія, который говоритъ, что въ сочиненіи о Поликарпѣ включены и другія мученичества, совершившіяся въ той же Смирнѣ и въ то же время, что и мученичество Поликарпа. Н. Е. IV, 15, 47 (ed. Schwartz, II, 353—354). Евсевій указываетъ дѣйствительно на нѣкоторыя черты, имѣющіяся въ дошедшемъ до насъ рассказѣ о Піоніи. Но, по словамъ Евсевія, Поликарпъ пострадалъ при Маркѣ Авреліи, а въ мартиріи Піонія сказано, что схваченъ онъ былъ въ царствованіе Декія (250—251). Греггъ устраняетъ это противорѣчіе такимъ объясненіемъ: Евсевій читалъ вмѣстѣ мученичества Поликарпа и Піонія и изъ этого факта сдѣлалъ невѣрный выводъ, что они происходили въ одно и

То же самое наблюдается во многихъ мартиріяхъ. По разсказу, впервые напечатанному Обэ, въ царствованіе Декія, Несторъ, епископъ Перги Памфилійской, былъ преданъ суду Еполія, игемона Ликии, Памфиліи и Фригии. За нимъ отправленъ былъ иринархъ (полицейскій) съ большимъ отрядомъ воиновъ и приказано было привести его связаннаго. Сидя на каедрѣ, игемонъ велитъ привести блаженнаго и говорить ему: Это ты Несторъ, начальникъ и учитель вѣры Галилеянъ? Блаженный отвѣтилъ: если тобой раскрыты уже обстоятельства моей жизни, не спрашивай, но совершай, что рѣшилъ; если же ты спрашиваешь не зная, выслушай меня, ибо я учитель и руководитель христіанъ въ Пергѣ, епископъ и совершитель тайнъ Христовыхъ. Игемонъ Еполій сказалъ: брось пустую свою вѣру и принеси жертву безсмертнымъ богамъ, которые могутъ освободить тебя отъ предстоящаго наказанія. Несторъ сказалъ: если ты тѣло мое предашь различнымъ пыткамъ и отдашь его огню и на съѣденіе звѣрямъ, я все же не отрекусь отъ имени Христова, имени, которое выше всего. Ибо какой безумецъ, отказавшись отъ Творца вселенной — Бога, станетъ приносить жертвы злодѣямъ-демонамъ. Игемонъ сказалъ: развѣ ты не учишь, что вселенная сотворена Распятымъ (фрза выражена грамматически неправильно: *οὐκοῦν ἀρα τοῦ ἐσταυρωμένου συστήναι τὸ πᾶν ἐκδιόσκεις*)? Несторъ въ отвѣтъ читаетъ маленькую богословскую лекцію въ назиданіе римскому администратору. Послѣ пытки Еполій спрашиваетъ: желаешь ли ты быть съ нами или со своимъ Христомъ?¹⁾ Это опять таки не судебный протоколъ, а апологія христіанства передъ лицомъ любознательнаго римскаго проконсула.

Подобнаго рода протоколъ находимъ мы въ мартиріи великомученика Аевнасія, пострадавшаго на Красномъ морѣ при нечестивѣйшихъ и незаконныхъ царяхъ Діоклеціанѣ и Максиміанѣ. Что это произведеніе написано гораздо позже событій,

то же время. Однако по всей вѣроятности на одновременность обоихъ мученичествъ было указано въ той книгѣ, которую читалъ Евсевій. Если мы признаемъ, что дошедшій до насъ разсказъ о мученичествѣ Пивіа и есть тотъ самый, который читалъ Евсевій, онъ не становится отъ того болѣе достовернымъ и основаннымъ на протоколахъ. J. Gregg. The Decian persecution, p. 242—248.

1) V. Aubé. Un supplément aux Acta sincera de Ruinart, p. 224—232. (Revue Archéologique, t. III—1884).

о которыхъ оно повѣствуетъ, видно изъ нѣсколькихъ мѣстъ. Въ церквахъ Христовыхъ празднуютъ Рождество, а не Богоявленіе (6 января). Въ предсмертной молитвѣ мученикъ говоритъ: „Дай, Господи, терпѣніе и мужество гонимымъ во имя Твое, возстанови, Господи Иисусе Христе, скиптры христіанскихъ царей въ столицѣ римлянъ и въ Эіопіи во славу имени Твоего.“ Максиміанъ, безстыднѣйшій тиранъ, разослалъ по всѣмъ городамъ и областямъ повелѣнія закрыть церкви христіанскія и открыть храмы идольскіе. До исполненія этого указа проконсулъ является въ Клизму на Красномъ морѣ и привлекаетъ къ отвѣтственности Аванасія и сначала старается уговорить его. Далѣе проконсулъ спрашиваетъ его: о какомъ Богѣ говоришь ты? Св. Аванасій, поднявъ къ небу руки и глаза говоритъ: Того сотворившаго небо, землю и море, единого и пребывающаго во вѣки. Дикологи препятствовали ему, говоря: Почему ты возстаешь противъ проконсула? Блаженный же Аванасій говоритъ: отвѣчаю на то, что онъ спрашиваетъ, ибо онъ не заботится ни о божескомъ, ни о человѣческомъ, но о демонскомъ. Въ дальнѣйшемъ преніи Аванасій говоритъ: Я слышалъ, что апостолъ Павелъ говоритъ, что мудрость міра сего глупость передъ Богомъ, ибо написано: погублю мудрость мудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну (I Коринт. I, 18—20). Проконсулъ говоритъ: Развѣ не написано въ вашихъ книгахъ: воздайте Кесарева Кесарю и Божія Богу (Матѣ. XXII, 21)¹).

Предполагая, что вездѣ, гдѣ въ мартиріяхъ приведены слова судьи и подсудимаго, мы должны видѣть протоколы, записанные стенографами, мы тѣмъ самымъ обрекаемъ себя на обязанность вѣрить самымъ невѣроятнымъ рассказамъ. Мартирій Прокопія, пострадавшаго при тиранѣ Діоклеціанѣ, несмотря на свой якобы историческій видъ лишень совершенно исторической обстановки. Діоклеціанъ разослалъ по всей вселенной указъ, направленный противъ рода христіанскаго. Начинается онъ словами, совершенно необычными для римской имперіи: „Царь, великій императоръ Діоклеціанъ, всѣхъ народовъ и племенъ, людей колѣнъ и языковъ владыка, всѣмъ благосклонно расположеннымъ къ непобѣ-

1) *Α. Παπαδόπουλος Κεραιεύς. Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας, τ. V, 360—367.*

димымъ богамъ радоваться.“ Въ этомъ указѣ сказано между прочимъ, что нѣкоторые люди имѣютъ таинственное писаніе, называемое ими Евангеліемъ, и нѣкоего злодѣя, рожденнаго отъ женщины, признаютъ Богомъ. Въ этомъ повѣствованіи, изобилующемъ фантастическими подробностями, говорится, что отецъ и заклинатель демоновъ Прокопій приведенъ былъ на судъ начальника Кесаріи Палестинской Флавіана. Судья спрашиваетъ Прокопія: какъ тебя зовутъ? Тотъ отвѣчаетъ: я христіанинъ, а зовутъ меня Прокопіемъ. Флавіанъ говоритъ: Ты одинъ относишься отрицательно къ божественнымъ узаконеніямъ, повелѣвающимъ вамъ приносить жертвы богамъ, или ты желаешь лишиться жизни среди тяжкихъ каръ? Я удивляюсь, что ты доживъ до столь почтеннаго возраста, говоришь глупости и уча другихъ самъ лишень разума? Прошу тебя отказаться отъ вѣры совершенно неправдоподобной; ибо Богу родиться отъ женщины и быть ему распятымъ представляется мнѣ смѣшнымъ¹⁾.

Кто рѣшится защищать подлинность такого протокола?

То, что принято называть протоколомъ, имѣетъ иногда форму явно не документальную. Юнаго врача Ореста судить въ царствованіе Діоклеціана Максимъ, игемонъ и судья, своимъ злодѣйствомъ выдающийся среди другихъ злодѣевъ. Этотъ игемонъ называетъ Ореста человѣкомъ потерявшимъ разумъ и несчастнымъ за то, что онъ провозглашаетъ Богомъ Христа, котораго іудеи, какъ злодѣя, присудили къ крестной смерти. А протоколъ ведется слѣдующимъ образомъ. Максимъ послалъ съ большой поспѣшностью воиновъ за Орестомъ, святого привели на судъ и говоритъ ему Максимъ: Какъ тебя зовутъ? чѣмъ занимаешься? какого ты рода и какого вѣроисповѣданія? изъ какой родины приходишь? къ какому состоянію принадлежишь? Вкратцѣ возвѣсти намъ; ибо сообщенія о тебѣ привели насъ въ сильное раздраженіе противъ тебя. Съ полной откровенностью изъясни намъ все тебя касающееся. Орестъ говоритъ: мое упованіе и надежда и все остальное, о чемъ ты спрашиваешь, есть Христосъ, сынъ Бога живого; ибо вмѣсто всего Онъ одинъ мнѣ и отечество, и поклоненіе, и состояніе, и имя. На него уповаю, не постыдно со всей истиной я сегодня предсталъ предъ тобой, возвѣщая пре-

1) H. Delehaye. Les légendes grecques des saints militaires, p. 214.

красное исповѣданіе, что я истинный христіанинъ и былъ имъ отъ предковъ и до настоящаго времени имъ состою и во вѣки буду¹⁾.

Особаго рода протоколы представляютъ допросы, чинимые иногда по желанію автора самимъ царемъ. Въ мартиріи Христофора, происходившаго изъ земли антропофаговъ, изобилующемъ подробностями беллетристическаго свойства, Христофора приводятъ къ царю Декію. Когда императоръ увидѣлъ страшное лицо мученика, онъ такъ испугался и смутился, что чуть было не упалъ съ трона и его поддержали копьеносцы. Блаженный сказалъ ему: О несчаствѣйшій царекъ (*βασιλευς*) и погибшее существо, если ты такъ испугался меня, раба Божія, какъ оправдаешься ты передъ Богомъ въ погубленныхъ тобой святыхъ? За это Богъ подвергнетъ тебя вѣчному наказанію. Царь говоритъ: Къ какой вѣрѣ принадлежишь ты, къ какому состоянію и роду, и какъ тебя зовутъ? Блаженный Христофоръ говоритъ: я христіанинъ, имя, данное мнѣ родителями, Репревъ, а въ св. крещеніи я названъ Христофоромъ; родъ же мой изобличаетъ мое лицо. Царь Декій сказалъ: прозвище у тебя холодное, которое тебѣ не поможетъ. Святой сказалъ: холодное ваше прозвище, потому что покинувъ Бога, вы поклоняетесь камнямъ. Царь говоритъ: Попадаи тѣло свое и принеси жертву богамъ, и я напишу всѣмъ (!), чтобы тебя сдѣлали жрецомъ боговъ. Святой сказалъ: Я щажу свою душу, а потому вѣрую въ истиннаго Бога, а боги, не сотворившіе небо и землю, да погибнуть²⁾.

Среди странныхъ протоколовъ можно указать и такой, гдѣ судья ведетъ съ подсудимымъ литературное собесѣдованіе и оба приводятъ цитаты изъ Гомера. Проконсулъ говоритъ Кодрату: Цари постановили приносить жертвы 12 богамъ. Кодратъ отвѣчаетъ извѣстнымъ Гомеровскимъ стихомъ: многовластіе не хорошо, долженъ быть одинъ властелинъ, одинъ царь. Проконсулъ сказалъ: О Посидонѣ Гомеръ говоритъ, что онъ поднялъ тучи, воздвигъ всякіе вѣтры, обложилъ облаками небо; отецъ боговъ страшно загремѣлъ и сверху повелѣлъ: приди, Посидонъ, потряси землю, города Троянцевъ и Ахейнъ, и о Зевсѣ много раз-

1) Θεοφιλοῦ Ἰωάννου. Μνημεῖα ἀγιολογικά, σ. 329.

2) Anal. Bolland. I, 122—130.

сказалъ Гомеръ. Кодратъ спрашиваетъ: То, что разсказалъ о нихъ Гомеръ, правда или ложь? Проконсулъ отвѣчаетъ: правда. Кодратъ сказалъ: мнѣ стыдно за васъ, поклоняющихся прелюбодѣямъ и мужеложцамъ¹⁾

Полнѣйшую внутреннюю невѣроятность представляетъ судебный допросъ, помѣщенный въ мученичество Варлаама, мѣстами буквально совпадающій съ протоколомъ, находящимся въ мартиріи Анеусы. Въ то время, говорится въ сказаніи о Варлаамѣ, безбожные эллины и тиранны, воевавшіе со святой Христовой церковью, хватали христіанъ и предавали ихъ карамъ; случилось, что задержалъ и блаженнаго Варлаама и заключилъ его въ тюрьму въ городъ Антиохіи тогдашній игемонъ страшный и жестокій. Сидя публично на каедрѣ, приказалъ онъ призвать подсудимаго. И когда ввели его, начальникъ сказалъ: Какъ зовутъ тебя? Святой сказалъ: Первое и совершенное мое имя — я есмь и зовусь христіаниномъ, прозвище же мое Варлаамъ. Дальше начальникъ говорить: Непобѣдимые цари приказали не поклоняющимся богамъ и не повинующимся ихъ повелѣнію быть сожженными живыми. Св. Варлаамъ сказалъ: я готовъ отдать тебѣ мое тѣло съ тѣмъ, чтобы ты дѣлалъ съ нимъ, что хочешь, ибо я хочу убѣдить тебя, что не поклоняюсь созданіямъ и сдѣланнымъ богамъ. Судья неожиданно задаетъ вопросъ: скажи, какимъ образомъ отецъ имѣлъ сына и когда? Далѣе онъ говорить: я слышалъ, что твой Богъ имѣлъ сына, и спросилъ тебя, какъ это произошло?²⁾ Если думать, что всѣ эти слова дѣйствительно внесены были въ судебный протоколъ, приходится предполагать, что римскимъ администраторамъ извѣстны были основы христіанской вѣры.

1) Ibid. p. 451—452.

Одиссея V, 291—294 (перев. Жуковскаго).

Такъ онъ сказалъ и, великія тучи подъявши, трезубцемъ
Воды взбуровилъ и бурю воздвигъ, отовсюду прикликавъ
Вѣтры противныя; облако темное вдругъ обложило
Море и землю, и тяжкая съ грознаго неба сошла ночь.

Иліада XX, 56—60 (перев. Гейдича).

Страшно громами отъ неба Отецъ и безсмертныхъ и смертныхъ
Грянулъ надъ нами; а долу подъ нами потрясъ Посидаонъ
Вкругъ безпредѣльную землю съ вершинами горъ высочайшихъ
Все затряслось отъ кремнистыхъ подошвъ до верховъ многоводныхъ
Ида, и градъ Иліонъ, и суда мѣднобронныхъ Данаевъ.

2) Aval. Bolland. XXXI, 140—141.

Судебный допросъ мученицы Севастіаны также сразу бросается въ глаза своей фантастичностью. Это происходило на 23-й годъ гоненія. Разосланы были незаконные начальники и судьи неправедные, чтобы принудить христіанъ приносить жертвы языческимъ богамъ. Въ Маркіанополѣ былъ тогда начальникъ Сергій Юстъ. Онъ вошелъ въ Маркіанополь рыча, какъ дикій левъ, имѣя оболочку діавола. Севастіану, діако니스су и игуменью, ирѣархъ Антоній привелъ на судъ. Въ это время глашатаи кричали при звукахъ трубъ: да будутъ приведены наслѣдники Распятаго, да придутъ воины Назаряннина. Пораженный красотой подсудимой Сергій спрашиваетъ ее: какъ тебя зовутъ? Севастіана отвѣчаетъ: Христіанка я и паствы Христовой діаконисса. Святые родители мои называли меня Севастіаной, а затѣмъ святые апостолы называли меня христіанкой. Ибо славнѣйшій изъ апостоловъ св. Павелъ, придя во Фракіійскую область, крестилъ меня, научивъ предварительно ученію Христа. Впрочемъ дѣлай, что хочешь, жесточайшій и нечестивѣйшій изъ людей. Мой Богъ сдѣлаетъ тебя безсильнымъ, потому что ты дерзаешь опустошать паству Христову, тираннъ безбожнѣйшій¹⁾.

Не внушаютъ довѣрія и тѣ витіеватыя рѣчи, которыя произносятъ на судѣ мученики. Беззаконный игемонъ Максимъ по обычаю судей (*μετά τὸ ἀνῆρθες τοῖς ἐξετάζουσιν*) спросилъ Зинова объ имени его, отечествѣ и занятіи (*ὄνομα τε καὶ πατρίδα καὶ τοῦ πράγματος αὐτοῦ τὴν ἐπωνυμίαν*). Зиновъ отвѣтилъ: родъ мой происходитъ отъ эллиновъ, но я христіанинъ, если же ты спрашиваешь я о войскѣ, я посвященъ Христу и горжусь тѣмъ, что состою въ званіи его воина, по этому я довѣряю тому, что зовусь Зиновомъ, ибо уповаю, что живутъ вѣрующіе во Христа (*διὸ καὶ πιστεύω Ζήνων καλεῖσθαι, ζῆν γὰρ τεθάρρηκα τοὺς εἰς Χριστὸν πιστεύοντας*), мѣстопробываніе же мое находится въ Палестинскомъ селеніи, именуемомъ Зизиунъ, такъ какъ я состою въ воинскомъ отрядѣ. Если ты внесенъ въ списокъ стратіотовъ, говоритъ Максимъ, ты не имѣешь права возставать противъ царя. Зиновъ отвѣчаетъ: Прекрасно говоришь, ибо вы повинуетесь тлѣннымъ властямъ этого міра, мы же съ радостью подчиняемся истинному владычеству Бога вселенной, я же не ради твоей ми-

1) Acta Sanct. Junii II, p. 4—13 (приложеніе).

лости и не подражая чему-нибудь съ твоей стороны подчиняюсь власти міра, но слѣдую Павлу, пресвятому учителю церкви, говорящему, что надлежитъ повиноваться властямъ, ибо нѣтъ власти, получающей силу отъ себя, а не отъ Отца свѣтовъ¹⁾.

Въ большое затрудненіе должны поставить защитниковъ протокола тѣ случаи, когда по желанію автора мучениковъ судятъ у нѣсколькихъ судей. Такое происшествіе было съ Мокіемъ; сначала его предали суду Лаодикія проконсула (не существующей²⁾ провинціи Европы), а затѣмъ отправили затѣмъ-то въ Византію (конечно потому, что въ Константинополѣ оказались его останки), гдѣ судили вторично³⁾. Кодрата судятъ сначала въ какомъ то городѣ опредѣленно не названномъ или въ Никомидіи или Кесаріи, потомъ его призываютъ на судъ въ Никею. Затѣмъ проконсулъ отправляется въ Апакею, и мучениковъ требуютъ туда; далѣе Кодрата съ товарищами перевозятъ въ Аполлонію, оттуда на островъ Элиспонтъ (*ἐπὶ τὴν Ἐλισποντον νῆσον*)⁴⁾. Трудно предполагать, что такое передвиженіе было вполнѣ реально, что въ каждомъ городѣ велись судебные протоколы и хранились въ мѣстныхъ архивахъ, что любознательные авторы мучениковъ совершали длинныя путешествія съ цѣлью познакомиться съ архивными документами. Никакой вѣры не можемъ мы давать документамъ, находящимся въ мученичѣхъ. Вотъ напр. приговоръ, вынесенный игемомъ Публиемъ Стратономъ Теодору Тирону: Теодора, неповинующагося державѣ побѣдоносныхъ царей и боговъ, увѣровавшаго въ Иисуса Христа, распятаго при Понтіи Пилатѣ, какъ я слышалъ, іудеями, повелѣваю предать огню⁴⁾. По формѣ это судебный приговоръ, но развѣ его содержаніе соотвѣтствуетъ римской юрисдикціи?

Ссылка на протоколы встрѣчается въ такой фантастической обстановкѣ, что они теряютъ всякую цѣну. Указаніе на нихъ находимъ мы въ мученичѣхъ Евтропія, Клеоника и Василиска, примыкающемъ къ сказаніямъ о Теодорѣ Стратилатѣ и Теодорѣ Тиронѣ и отличающемся признаками поздняго происхожденія. Въ концѣ говорится, что у гробницы мучениковъ совершаются чу-

1) Ibid. Junii V, 406—411. Римл. XIII, 1.

2) Anal. Bolland. XXXI, 163, 174.

3) Ibid. I, 448—468.

4) H. Starck. Theodoros Teron, p. 52. Freising 1912.

деса, руки лицъ истязующихъ святыкъ отсыхаютъ, палачи отказываются привести пытку въ исполненіе. Въ началѣ этого мартирія мы читаемъ, что преемникомъ игемона Публія, судившаго Θεодора, назначенъ былъ Асклиподотъ, жестокій человѣкъ и безбожникъ. Онъ имѣлъ царскіе *sodicilli* (*κροδικέλλους βασιλικούς*) противъ христіанъ, обязывающіе его принуждать ихъ приносить жертвы идоламъ, если же кто не послушается, уничтожать ихъ ужасными пытками и страшными наказаніями. Сидя на каедрѣ со своимъ совѣтомъ (*σὺν τῷ βουλευτηρίῳ*), онъ произнесъ обычную похвалу царямъ и призвавъ хранителя ключей отъ скриніевъ (*τὸν κλειδοφύλακα τῶν σκηνῶν*), по имени Евиласія, приказалъ ему прочесть протоколы (*τὰ ἠπομνήματα*) св. Θεодора. Когда прочтены были протоколы, они удивились терпѣнію этого мужа. Затѣмъ Асклиподотъ спросилъ Евиласія: Гдѣ люди, внесенные въ протоколъ Θεодора? Тотъ отвѣтилъ: Вмѣстѣ съ остальными узниками стерегутся связанными въ тюрьмѣ. Воины игемона отправились въ тюрьму и сказали капикларію (*τῷ κληττολάτῳ*): передай намъ спутниковъ Θεодора. Вошелъ тюремщикъ и говоритъ имъ: встаньте, вотъ насталъ вашъ часъ, о которомъ вы денно и ночью молитесь Богу. Зоветъ васъ игемонъ, но прошу васъ, не забывайте меня въ прекрасномъ вашемъ исповѣданіи. Тюремщикъ видѣлъ, что хоръ ангеловъ поетъ вмѣстѣ съ заключенными, и повѣрилъ, что Господь съ ними. Приведенные на судъ, они стояли предъ игемономъ со свѣтлыми лицами, и игемонъ спросилъ ихъ: почему лица ваши не мрачныя, какъ у людей, вышедшихъ изъ тюрьмы, а какъ бы радующіяся сегодняшнему дню. Блаженный Евтропій отвѣтилъ: Истинно говоришь ты, игемонъ, сегодня Христосъ радуется насъ присутствіемъ своимъ и исполняется въ насъ Писаніе: лицо цвѣтетъ отъ радости сердца. Игемонъ сказалъ: какъ тебя зовутъ? Евтропій: я христіанинъ, а зовутъ меня Евтропиемъ. Далѣе Евтропій обращается къ судѣ съ бранью, называетъ его сыномъ діавола и наслѣдникомъ геены и говоритъ ему: изъ чтенія протоколовъ Θεодора знай, какъ пострадалъ бывшій до тебя начальникъ, какъ остался онъ подъ землею непогребеннымъ, и противъ тебя направится гнѣвъ Божій¹⁾.

Въ фантастическомъ разказѣ о мученичествѣ Адріана и На-

1) H. Delehaye. Les légendes grecques, p. 202—205.

тали, Адріанъ, присутствуя при пыткѣ своихъ единовѣрцевъ и видя ихъ необыкновенное мужество, выдвигается впередъ и говоритъ скорописцамъ (тахиграфамъ): прошу васъ внести и мое имя со святыми этими мужами, ибо и я христіанинъ. Тиранинъ Максиміанъ, собственнолично судившій этихъ святыхъ мужей въ Никомидіи, увидя, что Адріанъ сталъ среди мучениковъ, и воображая, что онъ намѣревается ихъ обвинить, сказалъ скорописцамъ: запишите скорѣе обвиненіе, которое произнесетъ противъ нихъ Адріанъ. Скорописцы отвѣтили: онъ говоритъ, что онъ христіанинъ и что мы должны записать его имя среди этихъ отверженныхъ¹⁾. Въ сказочномъ мученичествѣ Анеусы имѣется также подобіе протокола. Послѣ того какъ мученики оказались нечувствительными ко всевозможнымъ пыткамъ, дуксъ говоритъ имъ: скажите мнѣ, что дѣлаете вы для того, чтобы пытки васъ не касались? Харисимъ сказалъ: Если ты хочешь знать, выслушай меня, я тебѣ расскажу, ибо мы просимъ, чтобы ты безпристрастно насъ допрашивалъ, и мы со всей откровенностью отвѣчаемъ тебѣ. Дуксъ сказалъ: что есть истина? Св. Харисимъ сказалъ: первая истина есть исповѣданіе Бога, затѣмъ жизнь правая, кротость, любовь, дѣланіе добрыхъ дѣлъ, справедливость, великодушіе, что ненавидишь, не дѣлай другимъ. Дуксъ сказалъ: клянусь всѣми богами, мы это знаемъ, что истина и правая жизнь — видъ свободы; не объ этомъ я васъ спрашиваю, но я сказалъ вамъ, чтобы вы принесли жертву богамъ. Святые отвѣтили: съ самаго начала мы сказали тебѣ, что не совершаемъ жертвоприношенія демонамъ, но служимъ единому Богу, могущему свергнуть и твою тираннію. Тогда дуксъ разсердившись взялъ хартію и каламъ и написалъ приговоръ о преданіи ихъ смертной казни мечомъ²⁾.

Вполнѣ опредѣленное указаніе на судебную запись находимъ мы въ мученичествѣ Максима, Дады и Квинтилиана, но нѣкоторыя подробности заставляютъ насъ усомниться въ документальности этой записи. Въ царствованіе нечестивѣйшихъ царей Діоклеціана и Максиміана, во второе консульство Тарквинія и Габинія развилось противъ христіанъ безуміе діавола. Донесли, что есть

1) Acta Sanct. Septembr. III, p. 218 сл.

2) Anal. Boll. XII, 40—41.

три человекъ, которые не хотятъ приносить жертвы богамъ. Ихъ нашли молящимися въ имѣніи Озовія (*κτῆμα Ὀζοβία*), надѣли на нихъ цѣпи и привели въ Доростолъ. Эпархомъ Доростола оказывается Тарквиній, выше указанный консуль. Когда ихъ привели въ городъ, было уже поздно вечеромъ, и Тарквиній говоритъ приведшимъ ихъ людямъ: стерегите ихъ до утра. На другой день ихъ приводятъ къ Тарквинію, но въ дальнѣйшемъ изложеніи судьей оказывается уже консуль Габиній. Магнилліанъ нотарій записалъ рѣчи обоихъ т. е. Максима и Квинтиліана. Консуль Габиній сказалъ: записалъ ли ты всѣ имена? Нотарій отвѣчаетъ: если прикажетъ власть вапа, пусть будетъ прочтенъ текстъ. Габиній сказалъ: прочти. Нотарій прочтя сказалъ, что внесено три имени (Максимъ, Дада и Квинтиліанъ), а раньше было два¹⁾.

Разсказъ о мученицѣ Маринѣ до того фантастическій, что его приходится назвать романомъ, начинается такими словами: Я, Θεοτιμῆς, призванный, братъ, Богомъ и возведенный изъ глубины невѣжества на высоту знанія и истины, такъ что я былъ окрещенъ въ разумѣніи и мудрости великаго Бога, поставилъ себѣ задачей сообщить всѣмъ подвигъ св. дѣвы Марины, какую силу проявилъ чрезъ нее Господь и какъ укротила она демоновъ силою креста; въ городѣ Антиохіи первой Писидіи связанный любовью къ подвигу святой, я вышеупомянутый Θεοτιμῆς, давъ нѣсколько номизмъ отъ бѣдности своей, получилъ записи скорописцевъ, бывшихъ въ тѣ времена, теперь же я возвѣщаю все, какъ было, вамъ, вѣрующимъ во имя Господа нашего Иисуса Христа²⁾. Не говоря ни о чемъ другомъ, названіе золотой монеты номизмой изобличаетъ византійскую эпоху послѣ Юстиніана.

Защитники протокола должны встрѣтиться еще съ однимъ затрудненіемъ, преодолѣть которое едва ли окажется имъ подъ силу. До насъ дошло нѣсколько мученичествъ, происходившихъ въ Персіи при царѣ Шапурѣ (Саборѣ) въ началѣ 4-го вѣка. Оказывается, что въ Персіи были совершенно такіе же порядки, какъ въ римской имперіи. Въ 18-й годъ правленія царя персидскаго Саборія, чи-

1) Acta Sanct. April. II, 974—975.

2) Н. Успенск. Acta S. Marinae, p. 15.

таемъ мы въ мартиріи Іоны и Варахисіа, самъ Саборій произвелъ гоненіе на церкви Христовы и на почитающихъ Бога Вседержителя. Два брата Іона и Варахисій совершаютъ подвигъ въ обычной для мученичествъ обстановкѣ. Придя въ селеніе Вардѣвохъ и приблизившись къ тюрьмѣ, гдѣ заключены были христіане, преданные суду, они обратились къ тюремщику и попросили у него позволенія войти въ тюрьму къ подсудимымъ христіанамъ. Войдя въ тюрьму, нашли они тамъ 9 мужей, преданныхъ суду за то, что они не повиновались повелѣнію нечестивѣйшаго царя Саборія. Увидѣвъ мужей, находившихся въ горѣ, святые Іона и Варахисій, облобызавъ ихъ, начали утѣпать ихъ и говорили: „Не будемъ страшиться, братья и отцы, но во имя Распятаго выдержимъ одно сраженіе, чтобы пріобрѣсти вѣчный вѣнецъ, какъ его пріобрѣли отцы наши и подвигъ совершившіе мученики. На судѣ архимаговъ мученики произносятъ длинныя рѣчи съ цитатами изъ Евангелія и ветхозавѣтныхъ книгъ. Процессъ въ Персіи ни чѣмъ не различается отъ римскаго въ изображеніи мартиріевъ. Маги говорятъ подсудимымъ Іонѣ и Варахисію: заклинаемъ васъ именемъ непобѣдимаго нашего царя царей Саборія отвѣчать правду на вопросы, которые будутъ вамъ сдѣланы. Исполните ли вы желаніе царя и повинуетесь ли повелѣнію его и поклонитесь солнцу, огню и водѣ согласно закону и указу царя нашего или нѣтъ? Такъ же, какъ и римскіе проконсулы, маги приглашаютъ мучениковъ принести жертвы языческимъ богамъ, грозя пытками въ случаѣ ихъ сопротивленія. Мы не желаемъ тебѣ зла, говорятъ магъ Іонѣ, если ты самъ не желаешь себѣ зла и не мѣшаешь своему спасенію. Іона отвѣчаетъ: „Я въ этомъ спасеніи не нуждаюсь вслѣдствіе жизни Іисуса Христа; я никоимъ образомъ не отрекусь отъ Господа моего Іисуса Христа во вѣки живого, такъ какъ онъ надежда всѣхъ христіанъ и не постыдятся вѣрующіе въ него, потому что самъ онъ возвѣстилъ намъ говоря: аминь, аминь говорю вамъ, кто отречется отъ Меня предъ людьми, отрекусь отъ того и я предъ Отцомъ моимъ небеснымъ (Матѣ. X, 33) и предъ святыми ангелами. „Ибо Онъ прійдетъ“ на облакахъ небесныхъ „во славу Отца своего и святыхъ ангеловъ и архангеловъ, тогда воздастъ каждому человѣку по дѣламъ его (Матѣ. XVI, 27). Итакъ мы выслушали это повелѣніе, которое вамъ приказано исполнить по отно-

шенію ко мнѣ, приведите же его въ исполненіе поскорѣе; ибо не думайте, что мы покидаемъ домъ Господа и въ чемъ-нибудь угрожаемъ ему, такъ какъ Онъ самъ сдѣлалъ насъ служителями дома его святого и сказалъ намъ: вы свѣтъ міра (Матѣ. V, 14), и еще сказалъ: вы соль земли, если же соль потеряетъ силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою (Матѣ. V, 13). Итакъ, если мы согласно вашему уговору послушаемся приказанія царя царей вашего и повелѣнія его исполнимъ, не только мы отречемся отъ Господа нашего, но наша отреченіе приведетъ къ отреченію воѣхъ, и кровь наша станетъ гибелью для всѣхъ¹⁾.”

Въ разсказѣ о трехъ лицахъ духовнаго званія епископѣ Акепсимѣ, пресвитерѣ Іосифѣ и діаконѣ Аиеалѣ, пострадавшихъ въ Персіи, находимъ протоколъ, соответствующій римскимъ. Магъ Адархосхаръ говоритъ Акепсиму: Ты христіанинъ? Тотъ громкимъ голосомъ отвѣчая, сказалъ: Я христіанинъ и поклоняюсь единому истинному Богу. Магъ сказалъ: Правда ли все то, что я слышалъ о тебѣ, будто ты все дѣлаешь въ противоположность царю Саборію, и учишь почитать одного Бога и ему одному поклоняться? Епископъ сказалъ: все, что ты слышалъ обо мнѣ, правда²⁾.

Во дни царствованія нечестиваго царя Саборія, говорится въ мартиріи Дады въ полномъ соответствіи съ мученичествами происходившими въ римскую эпоху, было гоненіе, и царь разослалъ грамоты по всѣмъ городамъ съ приказаніемъ предавать вѣрующахъ въ истиннаго Бога жестокимъ наказаніямъ и мученіямъ³⁾. Въ Персіи мучениковъ подвергали тѣмъ же пыткамъ, которыя описываются во множествѣ другихъ мартиріевъ, и допросъ велся тоже по римски. Въ мученичествѣ Акиндина и товарищей говорится, что во времена ненавистнаго царя персидскаго Саборія происходило гоненіе на христіанъ. Акиндина, Пигасія, Афѳонія и др. приводятъ на судъ царя. Несправедливѣйшій царь спрашиваетъ ихъ: гдѣ ваше отечество? откуда ведете свой родъ? и чѣмъ вы занимаетесь? Святые отвѣчаютъ: отечество наше векормившая насъ и даровавшая намъ жизнь Троица. Царь говоритъ:

1) *Patrol. Orientalis*, t. II, p. 421—425.

2) *Ibid.* II, p. 485.

3) *Acta Sanct.* Septembr. VIII, 129.

принесите скорѣе жертву богамъ. Слѣдуетъ ли и въ восточномъ допросѣ видѣть протоколъ? ¹⁾

Нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ свѣдѣніяхъ мученическихъ судебныхъ процессовъ велись совершенно одинаково во всѣхъ странахъ мира, цивилизованныхъ и варварскихъ. Въ этомъ отношеніи очень интересна исторія Аревы, пострадавшаго въ царствованіе Юстинна (528 г.). Тогда царемъ омиритовъ былъ Дуназанъ еврей, такой же беззаконнѣйшій и кровопійца (*παρὰνομώτατος καὶ αἱμοβόρος*), какими описываются римскіе императоры и администраторы. Этотъ омиритскій царь объявилъ жителямъ Неграполя повелѣніе по своимъ выраженіямъ очень напоминающее тѣ мнимые указы римскихъ императоровъ; какіе находимъ мы въ мученичѣхъ. „Если кто не будетъ богохульствовать на Распятаго (*εἰ τις μὴ βλασφημήσῃ τὸν ἐσταυρωμένον*) и уничтожать крестъ, символъ молитвы, тотъ долженъ погибнуть въ огнѣ и отъ казни мечомъ; если же кто будетъ отрекаться отъ такъ называемой Троицы Галилеянина, будетъ удостоенъ великихъ почестей въ моемъ царствѣ“. Когда Ареву съ товарищами привели на судъ царя омиритскаго, послѣдній сказалъ между прочимъ: Я не требую отъ васъ, о граждане Неграполя, чтобы вы отреклись отъ Бога, сотворившаго небо и землю, и поклонялись солнцу, лунѣ и блистающимъ на небѣ звѣздамъ, но прошу васъ только объ одномъ: отрекитесь отъ такъ называемаго Иисуса и скажите, что распятый — не Богъ, а человекъ ²⁾.

Въ коптскихъ рассказахъ о мученикахъ, совершенно легендарныхъ и фантастическихъ, мы находимъ сцены, вполнѣ соответствующія тому, въ чемъ хотятъ видѣть протоколы. Вали (= греческому игемону) приказалъ заключить въ тюрьму пастуха Шуру. На слѣдующій день его привели на судъ. Послѣ первыхъ вопросовъ о его имени, родинѣ и занятіи Арианъ спрашиваетъ его: почему привели тебя къ орудію пытки? Не знаю, отвѣчаетъ Шура, но готовъ узнать. Въ другомъ рассказѣ о коптскомъ мученикѣ Кау читаемъ: Встрѣтивъ эмира Кульціана Кау сказалъ ему: о сынъ грѣха, почему покинулъ ты Бога, чтобы по-

1) Ibid. Novembr. I, 461—489.

2) Voissonade, Anecdota graeca, t. V.

клоняться идоламъ? Кульціанъ спросилъ: Кто ты? Откуда ты? Какъ тебя зовутъ? Святой отвѣтилъ: Прежде всего я христіанинъ и служитель Мессіи. Ты знаешь также, что нѣтъ другого Бога, кромѣ него. А затѣмъ я происхожу изъ окрестностей Фаюма изъ деревни Бимаи. Въ сказаніи о братьяхъ Пироу и Атомѣ рассказано слѣдующее. Пироу сказалъ брату: зачѣмъ намъ оставаться здѣсь, когда борьба все больше распространяется, вѣнцы готовы и ихъ раздаютъ даромъ? Они роздали свое имущество бѣднымъ и отправились въ Александрію, чтобы сдѣлаться мучениками. Они нашли Арменія сидящимъ на каеедрѣ и судящимъ христіанъ. Правитель, воскликнули они, выслушай насъ со вниманіемъ. Мы открыто признаемъ себя христіанами, мы вѣруемъ въ Господа нашего Иисуса Христа, сына Бога живого. Братьевъ посадили въ тюрьму. На слѣдующій день ихъ привели на судъ. Откуда вы, какъ васъ зовутъ? спросилъ Арменій¹⁾.

Защитники документальности мучениковъ возражаютъ, конечно, что въ болѣе поздніе рассказы о мученикахъ внесены поддѣльные судебные протоколы, а въ ранніе подлинные. Но, какъ мы видѣли, и въ древнѣйшихъ мученичѣскихъ протоколахъ чрезвычайна сомнительна. По какимъ же признакамъ проведемъ мы линію, отдѣляющую несомнѣнные протоколы отъ выдуманныхъ? Если мы пойдемъ назадъ отъ явно фантастическихъ мученичествъ къ болѣе достовѣрнымъ, мы такихъ объективныхъ признаковъ не найдемъ. Если мы признаемъ, что такъ называемые протоколы только рассказы, болѣе или менѣе отдаленный отзвукъ процессовъ, дѣйствительно имѣвшихъ мѣсто, намъ не зачѣмъ ихъ искать. Самыхъ авторовъ интересовалъ не судебный протоколъ, а драматическій разговоръ судьи съ подсудимымъ. Въ видѣ рассказа переданъ судебный протоколъ въ одномъ мученичѣ. Къ начальнику Пирру, сидѣвшему на высокомъ мѣстѣ, привели Мину. Ласковымъ голосомъ спросилъ его судья, кто онъ и откуда происходитъ? Когда мученикъ далъ свѣдѣнія о своемъ отечествѣ и родѣ и рассказалъ о своей военной службѣ и какъ онъ бѣжалъ, судья тотчасъ перемѣнилъ кротость на свирѣпость и велѣлъ связать Мину и посадить его въ тюрьму²⁾. Здѣсь нѣтъ выраженій

1) E. Amélineau. Les actes des martyrs de l'église copte, p. 35, 69, 107—108. Paris 1890.

2) Anal. Bolland. III, 261.

„судья сказалъ“, „подсудимый сказалъ“, которыя считаются признаками протокола.

Въ тѣхъ мѣстахъ рассказовъ о мученикахъ, гдѣ чередуются слова судившаго начальника со словами подсудимаго-христіанина, усматриваютъ протоколъ, потому что такой видъ, по мнѣнію современныхъ ученыхъ, должна была имѣть запись, которую вели стенографы во время судебного разбирательства. Но совершенно такую же по формѣ запись находимъ мы въ повѣствованіи о страданіи апостоловъ Петра и Павла, которое всеми считается апокрифическимъ и которое никто не рѣшится помѣстить среди историческихъ источниковъ. „Неронъ велѣлъ привести ихъ къ себѣ. На слѣдующій день, когда вошли къ Нерону Сѣмонъ магъ, Петръ и Павелъ, апостолы Христа, Сѣмонъ сказалъ: вотъ ученики Назаряя. Неронъ сказалъ: что такое Назарянинъ? Сѣмонъ сказалъ: есть городъ іудейскій, называемый Назаретомъ, изъ него родомъ ихъ учитель. Неронъ сказалъ: Богъ увѣщаетъ любить всякаго человѣка, почему же ты ихъ преслѣдуешь? Вслѣдъ затѣмъ Неронъ сказалъ: кто такое Христосъ? Петръ сказалъ: если ты, добрый царь, желаешь знать содѣянное въ Іудеѣ Христомъ, возьми посланіе Понтія Пилата, посланное Клавдію, и все узнаешь. Неронъ велѣлъ привести его и прочтено было письмо Пилата. Такъ творился фантастическій судъ императора Нерона надъ апостолами и Сѣмономъ¹⁾.

Мы имѣемъ очень любопытный примѣръ, какъ простой разговоръ принимаетъ форму, называемую протоколомъ. Сохранилось два рассказа о мученичествѣ Игнатія, епископа антиохійскаго: одинъ болѣе короткій и ранній, другой распространенный и болѣе поздній, оба совершенно не историческіе. Въ первомъ рассказѣ читаемъ, что Игнатій, испугавшись за судьбу своей церкви, отправился къ императору Траяну, находившемуся тогда въ Антиохіи. Траянъ говоритъ ему: ты, злой демонъ! Игнатій отвѣчаетъ: никто богоносца не называетъ злымъ демономъ. Когда Игнатій назвалъ Иисуса Христа, Траянъ замѣчаетъ: это ты говоришь о Распятомъ при Понтіи Пилатѣ? Въ распространенномъ сказаніи Игнатія требуютъ на судъ въ Римъ. Въ присутствіи сената императоръ спрашиваетъ его: это ты — Игнатій, который

1) В. Lipsius. Acta apostolorum apocrypha I, 133—134.

возмущаетъ Антиохію? Дальше идетъ фантастическій судебный допросъ ¹⁾.

Доискиваясь происхожденія діалога между проконсуломъ и мученикомъ, мы придемъ не къ записи стенографовъ. Мнимые судебные протоколы въ мартиріяхъ по внѣшнему виду ни чѣмъ не отличаются отъ сцены, описанной Харитомомъ въ романѣ о Хереѣ и Каллирроѣ. Связаннаго Фирона приводятъ въ театръ, за нимъ несутъ орудія пытки. Когда сталъ онъ на средину, одинъ изъ начальниковъ спрашиваетъ его: кто ты? Димитрій, сказалъ онъ. Откуда? Критянинъ ²⁾.

Происхожденіе „протокола“ тутъ же обнаруживается. Митридатъ допрашиваетъ Полихарма. Не бойся, говоритъ онъ, душа у меня человѣколюбивая, говори все откровенно, кто ты и откуда, и какъ пришелъ въ Карію, особенно же разкажи мнѣ о Каллирроѣ ³⁾.

Если пойдѣмъ мы вглубь вѣковъ, то начало протокола найдемъ, можетъ быть, у Гомера:

Тутъ осторожно сказалъ Телемахъ свѣтлоюкой Аѳинъ:

Ты же теперь мнѣ скажи, ничего отъ меня не скрывая,

Кто ты? какого ты племени? гдѣ ты живешь? кто отецъ твой? ⁴⁾

ГЛАВА VI.

Эволюція и классификація.

Гарнакъ, много занимавшійся опредѣленіемъ времени, когда были написаны произведенія древне христіанской литературы, совершенно отказался примѣнить тотъ же методъ къ мартиріямъ и расположить ихъ хронологически. Думается, что кропотливая работа надъ двумя сотнями мартиріевъ не дала бы результатовъ, соответствующихъ затраченному труду. Въ большинствѣ сказаній о мученикахъ имѣются нѣкоторыя указанія, по которымъ удастся установить *terminus post quem*, время, раньше чего разсказъ не могъ быть написанъ. Хронологическому разсмотрѣнію подвергнуты были напр. повѣствованіе о Ниреѣ и Ахиллесѣ и

1) Patrum apostol. opera (ed. Zahn) II, 302, 308.

2) Scriptor. erotici (ed. Didot), p. 445.

3) Ibid. p. 455.

4) Одиссея, I, 165—166.

мартирій Херсонскихъ мучениковъ. Занимаясь первымъ изъ этихъ произведеній, Ахелись указалъ на то, что церковь Петро-нииллы, тутъ упоминающаяся, была построена послѣ 390 г., а другіе довольно неопредѣленные признаки ведутъ къ 5-му, можетъ быть даже къ 6-му вѣку¹⁾. В. В. Латышевъ обратилъ вниманіе на нѣкоторыя географическія и этнографическія подробности (названіе Днѣпра Данаприсомъ, а не Борисоеномъ, терминъ Турція), которыя не позволяютъ приурочить мартирій Херсонскихъ мучениковъ ко времени раньше 5-го вѣка²⁾. Въ большинствѣ случаевъ хронологическіе признаки чрезвычайно расплывчаты. Мы находимъ слѣды развитой монастырской жизни, читаемъ символъ вѣры никейскій и константинопольскій, встречаемъ упоминаніе о той или иной церкви. На этомъ основаніи мы почти всегда въ правѣ сказать, что мартирій не могъ быть написанъ раньше 5-го вѣка, но этимъ и приходится ограничиваться. Церковная жизнь 7—10-го вѣковъ въ своихъ существенныхъ проявленіяхъ, почитаніи святыхъ, догматикѣ, строительствѣ храмовъ не отличалась отъ вѣковъ предшествующихъ; и монастыри, и іерархія, и поклоненіе иконамъ существовали уже въ 5-мъ вѣкѣ, а потому приходится сказать, что начиная съ этой эпохи могли появиться рассказы о мученичествѣ, а *terminus ante quem* будетъ время рукописей, которыя рѣдко бываютъ раньше 10—11-го вѣка. Такимъ образомъ хронологическія рамки для каждаго мартирія будутъ очень широкія и установить ихъ послѣдовательность по вѣкамъ и десятилѣтіямъ не удалось бы. Изъ всего значительнаго количества рассказовъ о мученикахъ мы можемъ выдѣлить только нѣкоторыя, которые во всякомъ случаѣ выходятъ изъ рамокъ римской эпохи. Это мученичество Ареѣы, пострадавшаго при Юстинѣ I, Голиндухи въ царствованіе Маврикія, 60 мучениковъ, 63 мучениковъ, Или Новаго и монаховъ, избіенныхъ сарацинами въ Палестинской лаврѣ св. Саввы 8-го вѣка, аморійскихъ мучениковъ и жертвъ иконоборческой эпохи, Павла и Андрея въ Крисѣ. Особый циклъ составляютъ повѣствованія о лицахъ, претерпѣвшихъ мученичество въ Персіи во время гоненія царя Шапура (Саворія).

1) Н. Achelis. Acta Nerei et Achillei, p. 66. (Texte u. Untersuchungen Bd. 11).

2) В. Латышевъ. Житія св. епископовъ Херсонскихъ, стр. 14. (Зал. Имп. Акад. Наукъ, т. VII, № 3). Спб. 1908.

Внѣшнихъ признаковъ, по которымъ мы могли бы хронологически расположить мартиріи, мы не найдемъ, а приходится обратить вниманіе на ихъ внутреннее содержаніе. Не трудно подмѣтить, что этотъ литературный родъ претерпѣлъ извѣстную эволюцію. Отъ разсказа о мученичествѣ, авторы переходили постепенно къ сказочнымъ и романическимъ сюжетамъ. Подвигъ лица, пострадавшаго за вѣру, отступаетъ на задній планъ, выдвигаются приключенія, удивительныя происшествія и даже любовныя похождения въ своеобразной аскетической окраскѣ. Никакой предварительной работы по этой части не произведено, зависимость одного разсказа отъ другого не установлено и прослѣдить развитіе мартиріа довольно трудно. „Несомнѣннымъ, справедливо замѣтилъ акад. В. М. Истривъ, остается тотъ фактъ, что житія и особенно описанія мученій различныхъ мучениковъ вліяли другъ на друга, вслѣдствіе чего при одинаковомъ ограниченномъ матеріалѣ многія частности стали становиться общими мѣстами. Сказать, поэтому, что такое-то житіе составлено подъ вліяніемъ такого-то слишкомъ рискованно, потому что сходныя мѣста находятся въ очень многихъ описаніяхъ, и возникаетъ вопросъ, почему именно это, а не другое оказало вліяніе“¹⁾. Въ настоящую минуту исследователю приходится быть осторожнымъ, но иногда всетаки удается открыть источники того или иного мартиріа. Такъ напр. письмомъ смирнской церкви о мученической кончинѣ Поликарпа неоднократно пользовались впоследствии составители мартиріевъ, а въ повѣствованіи о Ниреѣ и Ахиллесѣ замѣтны позаимствованія изъ апокрифовъ. При болѣе пристальномъ изученіи византійской литературы найдутся по всей вѣроятности и нѣкоторыя другія указанія на зависимость мартиріевъ другъ отъ друга, хотя не слѣдуетъ думать, что авторы мученичествъ были такими же компиляторами, какихъ находимъ мы среди лѣтописцевъ. Такъ какъ мартиріи, по нашему мнѣнію, не принадлежатъ къ историческимъ памятникамъ, то и работали надъ ними иначе, чѣмъ работаютъ историки. Вліяніе сказателей другъ на друга менѣе уловимо и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ выражается буквальными выписками.

Мѣста, буквально позаимствованныя изъ Смирнскаго посланія,

1) Лѣтопись Истор.-Филол. Общества при Новороссійскомъ Университетѣ, т. VII, стр. 236.

находимъ мы въ повѣствованіи о Θεодорѣ Тиронѣ¹⁾ и Гликеріи²⁾. Въ нихъ повторена молитва Поликарпа такъ же, какъ въ разсказѣ о 10 мученикахъ, пострадавшихъ на Критѣ³⁾.

Авторъ разсказа о Савѣ Готскомъ позаимствовалъ изъ Смирнскаго посланія заглавіе и послѣднія фразы⁴⁾. Буквальное сходство замѣчается между мѣртвами Варлаама съ одной стороны и мѣртвами Анеусы и Прокопія съ другой. Допросъ Харисима въ мѣртвѣ Анеусы буквально совпадаетъ съ частью допроса Варлаама; дуксъ въ первомъ случаѣ говоритъ тѣми же словами, какъ судья во второмъ⁵⁾. Оба разсказа отличаются легендарными подробностями и происходятъ „въ тѣ дни.“ Неизвѣстный администраторъ въ Антиохіи, называемый просто судьей и начальникомъ, поступилъ съ Варлаамомъ такъ же жестоко, какъ Флавіанъ, проконсулъ въ Кесаріи, въ царствованіе Діоклеціана съ Прокопіемъ. Обои мученикамъ насыпали на руки горящія уголья, а поверхъ угольевъ положили ливанъ⁶⁾.

Эволюцію мѣртваго можно прослѣдить по разсказу о Прокопѣ, дошедшему до насъ въ трехъ редакціяхъ (четвертой Метафрастовой я не касаюсь). Въ сочиненіи Евсевія о палестинскихъ мученикахъ находится слѣдующее короткое сообщеніе: Итакъ первымъ палестинскимъ мученикомъ былъ Прокопій. Раньше чѣмъ пройти опытъ тюремнаго заключенія, онъ тотчасъ же при первомъ своемъ появленіи предсталъ на судъ игемона и получилъ приказаніе принести жертву такъ называемымъ богамъ, но сказалъ, что знаетъ единого Бога, которому подобаетъ приносить жертву, какъ онъ того хочетъ. Когда ему приказали совершить возліянiе четыремъ императорамъ, онъ произнесъ нѣкое слово, которое имъ не нравится, и тотчасъ же ему отрубили голову. Онъ

1) Въ новѣйшемъ изданіи отмѣчены мѣста, позаимствованныя изъ Смирнскаго посланія. Буквально совпадаетъ разсказъ о томъ, какъ готовили костеръ, какъ мученики вошли на костеръ (ихъ привязали, но не пригводили), молитва и чудо огня. H. Starck. Theodorus Teron, p. 52—56.

2) Acta Sanct. Mai III, p. 12 (прил.) ἀνέτεινε τὸ δίκαια εἰς τὸν σὸρανὸν καὶ σείασα τὴν χεῖρα τῷ δὲχλφ. Ср. Mart. Polyc. p. 5.

3) А. Пападопуло-Керамевсъ. Ἀνάλεκτα, IV, p. 224—237.

4) Anal. Boll. XXXI, 216, 221.

5) Anal. Boll. XII, 40—41 = Anal. Boll. XXII, 140—141. Издателями это сходство не отмѣчено.

6) Anal. Boll. XXII, 145 = H. Delehaye. Les légendes des saints militaires, p. 225.

сказалъ слѣдующій стихъ: Не хорошо многовластіе, долженъ быть одинъ повелитель, одинъ царь (Иліада II, 204). Въ 7 день мѣсяца Десія (у римлянъ сказали бы за 7 дней до іюньскихъ идъ), (*ἡμέρα τετράδι σαββάτου*) въ 4-й день недѣли, т. е. среду, это первое знаменіе совершено было въ Кесаріи Палестинской ¹⁾. Изъ этой короткой замѣтки мы не узнаемъ ни времени, когда пострадалъ Прокопій, ни его общественнаго положенія. Въ другомъ сочиненіи Евсевія, сохранившемся только въ сирійскомъ переводѣ, сказано, что Прокопій поселился въ Скиѳополѣ, гдѣ исполнялъ обязанности чтеца и переводчика съ греческаго языка на арамейскій. Онъ велъ аскетическій образъ жизни, питался исключительно хлѣбомъ и водой, иногда не ѣлъ по два дня. Онъ имѣлъ власть надъ бѣсами, которые дрожали передъ нимъ. Прокопія отправили въ Кесарію, гдѣ судья приговорилъ его къ смертной казни, послѣ того какъ онъ произнесъ стихъ Гомера ²⁾.

Вторую редакцію издалъ Дельгэ ³⁾, третью Пападопуло-Керамевсъ ⁴⁾. Обѣ редакціи въ значительной степени совпадаютъ, но въ редакціи, сохранившейся на Аѳонѣ и изданной Керамевсомъ, есть новое наслоеніе, отсутствующее въ парижскомъ кодексѣ IX вѣка, по которому его напечаталъ болландистъ Дельгэ. Начинается парижская редакція предисловіемъ, частью совпадающимъ съ мартиріемъ Перпетуи ⁵⁾. Далѣе говорится, что тиранъ Діоклеціанъ опустошалъ Христовы церкви и издалъ по всей вселенной (*κατὰ πάσης τῆς οἰκουμένης*) указъ, направленный противъ рода христіанскаго и приведенный цѣликомъ. Тотъ же апокрифическій указъ, только въ сокращенномъ видѣ, помѣщенъ и въ аѳонской редакціи. Въ Кесаріи жилъ свирѣпый начальникъ, по имени Флавіанъ. Прокопій происходилъ изъ города Эліи и выросъ въ мѣстахъ всечестнѣйшаго креста; вслѣдствіе своей ангельской жизни онъ былъ почтенъ благодатью чтеца и заклин-

1) Eusebii (ed. Schwartz) III, 607—608. Grapin, p. 172.

2) Texte und Untersuch. Bd. XIV, 3—6.

3) H. Delahaye. Les légendes grecques des saints militaires, p. 214—227 Paris 1909.

4) Ἀνάλεκτα ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας V, 1—27.

5) Mart. Procop. p. 214 *εἰ τὰ παλαιὰ τῆς πίστεως δόγματα δόξαν Θεοῦ φανεροῦντα καὶ οἰκοδομὴν ἀνθρώποις ἀποτελοῦντα πεφανέρωται.* Mart. Perpet. p. 61 *εἰ τὰ παλαιὰ τῆς πίστεως παραδείγματα καὶ δόξαν Θεοῦ φανεροῦντα, καὶ οἰκοδομὴν ἀποτελοῦντα, διὰ τοῦτο ἔστιν γεγραμμένα.*

нателя (*ἐποροιστῶν χάριτι*) и былъ онъ богоносцемъ по тому зна-
нію, съ которымъ читалъ книги пророковъ и апостоловъ и укрѣ-
плялъ слушающихъ въ вѣрѣ. Рѣчь его была медоточива и прель-
щала слушателей своей сладостью, сверхъ того онъ укрѣпился
постомъ и молитвой. Прокопій оправдывалъ свое имя (р. 217
ἦν Προκόπιος ἐν προκοπῇ, προέκοπτεν οὖν ζήλω καὶ ἀνδρείῳ). Онъ
изгонялъ бѣсовъ изъ людей ими одержимыхъ. Все это зналъ
Флавіанъ, считавшій, что блаженный Прокопій — источникъ
распространенія христіанства. Поэтому онъ приказалъ схватить
Прокопія и привести къ нему. Люди, которымъ поручено было
арестовать борца Христова, отправились за ворота Кесаріи, гдѣ
находился Флавіанъ, надзирая за постройкой храма. Вводятъ
блаженнаго и при неистовыхъ крикахъ толпы, напоминающихъ
смирское посланіе о Поликарпѣ, Флавіанъ предлагаетъ ему при-
нести жертву богамъ. Прокопій отвѣчаетъ длинной рѣчью, въ
которой проявляетъ большую ученость и знакомство съ христіан-
ской догматикой, еще не выработанной во время Діоклеціана;
онъ указываетъ на то, что Эрмъ Трисмегистъ, Гомеръ, Платонъ,
Аристотель, Сократъ, Галенъ и Скамандръ провозглашали еди-
наго Бога и что, согласно съ Никейскимъ символомъ вѣры, хри-
стіане поклоняются единосущному Сыну, вѣчно съ Отцомъ со-
царствующему. Послѣ длиннаго богословскаго разсужденія Про-
копія, его принялись пытать. Флавіанъ приказалъ служителямъ
привязать его къ дереву и наносить ему нестерпимые удары.
Служители строгали всѣ его члены волосяными тканями (*ξέροντες
τριχῶν ὑφάσματα*), раны посыпали солью и желѣзными руками
(*χερσὶν αἰδηραῖς*) раздирали ему глаза, такъ что кровь лилась и
нельзя было отлечить человѣческаго лица. Послѣ этого Флавіанъ
приказалъ палачу (спекулятору) Архелаю мечомъ убить блажен-
наго; но рука у служителя вдругъ сдѣлалась парализованной.
Тогда Флавіанъ сказалъ: надѣньте ему кандалы, на шею, на
руки и ноги и стерегите его въ тюрьмѣ, не позволяйте никому
за нимъ ухаживать, чтобы онъ вслѣдствіе страданій, какія бу-
дутъ причинять ему раны, поклонился богамъ, и никому не по-
зволяйте видѣться съ нимъ, чтобы онъ былъ лишенъ утѣшенія.
Блаженный Прокопій мужественно переносилъ невыносимыя стра-
данія и лежа на полу молился (приведена длинная молитва, за-
нимающая въ изданіи Дельгэ 1½ страницы). Послѣ молитвы

явился ему Господь въ образѣ ангела и, возложивъ на него руки, исцѣлилъ его говоря: Благодать моя да будетъ съ тобою. На третій день Флавіанъ призываетъ вновь въ свое судилище Прокопія, убѣждаетъ его и грозитъ пытками. Онъ приказываетъ разложить его, бить воловьими жилами и на спину насыпать горящіе уголья. Претерпѣвъ это, Прокопій говоритъ: о дѣлатель всяческой несправедливости и лица вѣчнаго огня, ты меня наказываешь словно безумнаго, я же борясь за благочестіе охотно всякое страданіе выношу ради воздаянія вѣчныхъ благъ, превышающихъ всякое человѣческое представленіе, и я почтѣ себя блаженнымъ, если каждый изъ членовъ моего тѣла будетъ свидѣтельствовать о благочестіи. Флавіанъ отвѣчаетъ: я не пощажу тебя, преступающаго законъ, отвратительнѣйшій изъ людей. Прокопій говоритъ: а я со своей стороны не перестану свидѣтельствовать объ истинѣ, беззаконнѣйшій человѣкъ и врагъ небесной правды, защитникъ демоновъ и поборникъ безбожныхъ царей. Флавіанъ приказываетъ жечь Прокопію раны раскаленнымъ железомъ. Сожигаемый Прокопій говоритъ: звѣрообразнѣйшій и всякаго безумія преисполненный, тѣмъ, что ты считаешь наказаніемъ, я тебя поражу и своимъ терпѣніемъ доставлю мученіе, ибо одна только есть въ жизни высочайшая философія, презирать тѣло ради Бога. Флавіанъ приказываетъ разжечь копья и еще разъ вонзить ихъ въ прижженные раны, чтобы онъ пересталъ хулить боговъ. Наконецъ Флавіанъ придумываетъ еще новую и безчеловѣчную пытку. Онъ велитъ принести алтарь (*βωμὸν*) и на ладонь правой руки наложить горящіе угли и сверхъ нихъ ливанъ. Сдѣлано это было съ цѣлью принудить Прокопія сбросить ливанъ съ горячей руки на алтарь, и тогда оказалось бы, что онъ воскурилъ еиміанъ языческому богу. Но мученикъ забылъ даже, что у него есть рука. Судья, раздающій награды, радовался, Богъ прославлялся, Христосъ провозглашался, демоны посрамлялись, впустѣ лежалъ алтарь, удивленъ былъ начальникъ, поражены присутствующіе. Блаженный стеная сказалъ: Десница твоя, Господи, прдславилась въ крѣпости, правая рука твоя, Господи, поразила враговъ, десница Господа возвеличила меня. Флавіанъ спрашиваетъ: безбожнѣйшій, ты говоришь, что остаешься не чувствительнымъ къ страданіямъ, такъ почему же ты громко стонешь? Прокопій отвѣчаетъ: развѣ тебѣ, неразум-

150

нѣйшій, не хорошо, что я плачу душой; ибо это тѣло — глина, глина же соприкасаясь съ огнемъ извергаетъ все сырое (*бурбѣ*); въ то же время я оплакиваю твою душу, потому что ты сталъ служителемъ безбожныхъ царей и вмѣстѣ съ демонами пьешь кровь человѣческую. Флавіанъ приговорилъ святого къ смертной казни, боясь, какъ бы онъ не наговорилъ чего-нибудь хуже о богахъ и царяхъ, ибо и онъ и служители устали, мучая святое тѣло, и вывели его за городъ назначенныя для этого лица. Онъ попросилъ дать ему часъ времени и произнесъ молитву. Перекрестившись онъ наклонилъ голову, и она была отрублена, когда въ устахъ ея еще звучалъ голосъ, произносившій гимнъ Богу. Пришли христіане, взяли его святое тѣло и положили его въ почетномъ мѣстѣ, прославляя Отца и Сына и Св. Духа.

Сравнительно съ краткимъ сообщеніемъ рассказъ о Прокопѣ значительно распространился. Прокопій изъ лица, пострадавшаго за вѣру, превратился въ ученаго ритора, который могъ заинтересовать читателя своими богословскими разсужденіями. Благочестивое настроеніе поддерживалось длинными молитвами. Но въ то же время легендарныя краски сгущались. Прокопій не только мужественно выносить страданія, но и дерзко обращается съ судьей. Последній представленъ не въ мѣру жестокимъ, пытки принимаютъ сказочный характеръ. Появляется чудесное исцѣленіе ранъ, и не менѣе чудесная способность переносить такія физическія страданія, отъ которыхъ человѣкъ долженъ очень скоро умереть. „Редакторъ этой легенды, замѣчаетъ Дельгэ, очевидно имѣлъ въ рукахъ рассказъ Евсевія. Онъ удержалъ отъ него какъ можно меньше, но все же можно признать перваго палестинскаго мученика въ этомъ Прокопѣ, уроженца Эллі, исправлявшемъ церковныя обязанности и приговоренномъ къ смертной казни судьей Флавіаномъ. Правда, что для этого нужно присматриваться и что длинная исторія мученика совсѣмъ не похожа на исторію, извѣстную намъ изъ Евсевія и занимающую всего нѣсколько строкъ. Она выдумана съ начала до конца агіографомъ, позаимствовавшимъ важнѣйшія черты изъ другихъ легендъ и прибѣгнувшимъ къ обычнымъ риторическимъ приемамъ (стр. 82—83). Трудно согласиться съ тѣмъ, что агіографъ выдумалъ цѣлое сказаніе; легенды вообще не выдумываются, а передаваясь отъ одного къ другому бессознательно украшаются

новыми подробностями. Первый рассказъ о Прокопіи слышалъ Евсевій и записалъ его безъ прикрасъ. Въ теченіе 4-го и 5-го вѣка легенда распространялась и осложнялась. Въ концѣ 6-го вѣка гробницу Прокопія показывали въ Кесаріи¹⁾. Въ шестомъ же вѣкѣ существовалъ храмъ его имени въ Скиеополѣ²⁾.

Послѣ парижской редакціи появляется аеонская редакція мартирія³⁾. Въ ней съ небольшими измѣненіями изложено выше приведенное повѣствованіе, но появилось и новое наслоеніе. Редакція, пзданная Пападопуло-Керамевсомъ не могла быть написана раньше 7—8 вѣка; въ ней упоминаются сарацины и встрѣчается терминъ дукать, появившійся только послѣ византійскаго провинціального устройства (нѣкоторыя еемы управлялись дукатами и назывались дукатомъ). Вся первая часть аеонской редакціи занята рассказомъ, котораго нѣтъ въ парижской. Послѣ указа Діоклеціана мы читаемъ слѣдующее: Въ то время жила нѣкая Θεοδοσία, первая женщина сенаторскаго званія (*συγκλητικῆ πρόβη*) города Эліи, мужъ которой Христофоръ умеръ. Эта вдова была язычницей. Узнавъ, что прибылъ царь, она очень обрадовалась и взявъ своего единородного сына, по имени Неавію (*νεαβίας*, юноша); и золото и серебро, отправилась въ Антиохію. Она бросила предъ царемъ золото и серебро и ставъ на колѣни, обратилась къ нему съ просьбою. Царь спросилъ у своей свиты, зачѣмъ она пришла? Та отвѣтила: она пришла изъ города Эліи. Онъ спросилъ, кто ея мужъ и какой онъ вѣры? Узнавъ, что мужъ ея Галилеянинъ умеръ, она же покланяется языческимъ богамъ, царь обрадовался и велѣлъ ей встать. Онъ спросилъ ее, съ какой цѣлью она пришла къ нему? Она отвѣтила: Царь во вѣки живи! Я привела въ твой дворецъ сына моего, твоего раба, чтобы ты далъ ему военное назначеніе, какое хочешь. Царь велѣлъ ввести его и видя, что онъ молодъ, далъ ему Александрійскій дукать и слѣдующее порученіе: такъ называемыхъ Гали-

1) Паломникъ Автонинъ сообщаетъ: *deinde veni Caesaream, in qua requiescit sanctus Procopius*. Пр. Палест. Сборн. вып. 39, стр. 22.

2) Житіе Савы Освящен. гл. 75 (изд. Помяловскаго, стр. 434).

3) Аеонская редакція переведена В. В. Латышевымъ. Въ предисловіи онъ указываетъ, что эта редакція была составлена раньше 7-го вселенскаго собора (787 г.), на которомъ діакномъ Стефаномъ было прочитано одно мѣсто. Палестинскій Патерикъ, вып. 16. Спб, 1908.

леянъ и вѣрующихъ въ Распятаго уничтожай и имущество ихъ отбирай въ казну. Неанія отвѣтилъ: Царь, я слышалъ о нихъ, что они поклоняются вѣкоему Сыну Бога, именуемому Христомъ; люди они упрямые и твердые, и никто не можетъ подчинить ихъ себѣ. Открывъ свои гнусныя уста, Діоклеціанъ началъ изрекать хулу на Господа нашего Иисуса Христа. Богъ ихъ, сказалъ императоръ, не ваялъ жены; сколько я не углублялся въ ихъ писанія, я никакой пользы отсюда не извлекалъ. Изложивъ вкратцѣ исторію Спасителя, Діоклеціанъ повторяетъ свое приказаніе истреблять христіанъ. Поцѣловавъ свою мать, Неанія отправляется съ даннымъ ему отрядомъ въ Александрію съ цѣлью воевать съ христіанами. Отъ сильной жары лошади падали, поэтому Неанія двигался ночью. Когда онъ входилъ въ Апамею Сирійскую, его встрѣтилъ весь городъ еще до восхода солнца. Когда онъ вышелъ вечеромъ изъ этого города, около 3-го часа ночи, приблизительно въ 30 стадіяхъ отъ Апамеи, произошло большое землетрясеніе и сверкнула страшная молнія, такъ что всѣ стали какъ бы мертвыми и раздался голосъ съ неба: Неанія, ты умрешь и куда ты идешь? Въ отвѣтъ Неанія сообщаетъ свою краткую біографію и говоритъ, что идетъ истреблять христіанъ. И вновь говоритъ голосъ: Неанія, и ты идешь противъ меня! Неанія говоритъ: Господи, кто ты? Явись мнѣ, ибо я не въ силахъ видѣть тебя. Тотчасъ увидѣлъ онъ кристалло-образный крестъ и раздался голосъ изъ креста: Я Иисусъ распятый, Сынъ Божій. Неанія говоритъ ему: Я слышалъ отъ царя, что Богъ не ваялъ жены, какимъ же образомъ говоришь ты, что ты Сынъ Божій? Голосъ изъ креста разъясняетъ его недоумѣніе и раскрываетъ ту истину, что Христосъ пострадалъ для спасенія людей. Преисполнивъ Неанію радости, Господь вознесся на небо, сказавъ: Симъ знаменіемъ побѣдишь всѣхъ враговъ и миръ мой будетъ съ тобою. Неанія, преисполнившись вѣрой, въ ту же ночь вернулся со своимъ отрядомъ въ Скиеополь и, тайно созвавъ всѣхъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, спросилъ ихъ: Можете ли вы изготовить мнѣ вещь по моему указанію? Они поставили передъ нимъ самаго искуснаго мастера, по имени Марка, и сказали: Вотъ этотъ исполнитъ твое желаніе. Порфирій заказалъ ему такой крестъ, какой онъ видѣлъ. Маркъ отвѣтилъ: не сумѣю я этого сдѣлать, такъ какъ это галилейская тайна, и если

узнаеть объ этомъ царь, онъ меня уничтожить. Съ большимъ трудомъ удалось Прокопію уговорить Марка, который изготовилъ ночью крестъ изъ серебра и золота. Въ то время вошло въ обычай у Сарациновъ похищать дѣвушекъ изъ городовъ, лежавшихъ вокругъ Іерусалима, и дѣлать ихъ своими женами. Неанія сообщили, что Сарацины окружили эти города, и къ нему обратились съ просьбой, чтобы онъ выступилъ противъ нихъ въ походъ. Неанія пошелъ съ крестомъ, надѣясь такимъ образомъ испытать, правду ли ему вѣщаль голосъ свыше. Онъ вновь услышалъ голосъ съ неба, говорившій ему: Неанія, мужайся, ибо я Господь Богъ съ тобой. Услышавъ этотъ голосъ, онъ сказалъ войнамъ: Станьте справа и слѣва, обнаживъ мечи, съ помощью Распятаго, мы уничтожимъ всѣхъ враговъ. Они окружили Сарациновъ и перебили 6 тысячъ человѣкъ въ то время, какъ изъ отряда Неанія ни одинъ воинъ не палъ. Неанія пришелъ въ свой домъ, его встрѣтила сильно обрадованная мать и сказала ему: Сладчайшее дитя мое, ты знаешь, что я во дворцѣ облекла тебя въ воинское званіе. Въ тотъ часъ, когда ты выступилъ въ походъ, я, взявъ въ руки кадилаицу, молилась богамъ, чтобы они помогли тебѣ, и вотъ ты побѣдилъ. Неанія отвѣтилъ: Ты хорошо сдѣлала, помолившись за меня, мнѣ же помочь Богъ мой. Мать говоритъ ему: Не призывай единаго Бога, чтобы остальные разсердившись не отомстили тебѣ. Неанія поспорилъ съ матерью и войдя въ ея спальню разбилъ серебряныхъ и золотыхъ идоловъ и отдалъ ихъ сиротамъ и вдовамъ. Мать же видя, что сдѣлалъ ея сынъ, отправилась къ царю Діоклеціану и говоритъ ему: Царь, обращаюсь къ тебѣ съ просьбой. Сынъ мой впалъ въ большое заблужденіе; увѣровавъ въ Распятаго, онъ разбилъ на куски моихъ боговъ и роздалъ ихъ бѣднымъ. Въ тѣ дни въ Кесаріи находился суровый начальникъ, по имени Улькіонъ. Этому Улькіону царь послалъ письмо, въ которомъ приказывалъ, собравъ изъ окрестныхъ городовъ сенатъ, отправиться къ дукѣ Неаніѣ, сыну Θεодосіи, и постараться убѣдить его не измѣнять языческой религіи, если же это не удастся, уничтожить его. Игемонъ собралъ сенатъ и вельможъ и отправился въ домъ дукы. Онъ отправилъ къ нему одного изъ своихъ подчиненныхъ, который сказалъ отъ его имени: Такъ какъ ты выше меня родомъ и должностью, я пришелъ къ тебѣ, чтобы воздать тебѣ цѣлованіе.

Неанія велѣлъ ему войти. Подѣловавшись игемонъ передалъ ему письмо царя, и когда они усѣлись, игемонъ началъ говорить Неаніѣ: Вотъ царь прислалъ это письмо мнѣ и тебѣ. Неанія взялъ письмо, разорвалъ его на клочки и разсѣялъ его по воздуху. Онъ сказалъ: Я христіанинъ, а теперь дѣлай то, что тебѣ приказано. Игемонъ сказалъ: Я и царя боюсь и къ тебѣ отпущу, какъ къ другу, и не знаю, что мнѣ дѣлать. Послушайся меня и всего сената и соверши жертвоприношеніе богамъ. Неанія на отрѣзъ отказывается вступать въ какую бы то ни было сдѣлку съ Улькіономъ, и снявъ поясъ, бросаетъ его въ лицо игемону. Тотъ разсердился и, вставъ со всѣмъ сенатомъ, приказалъ схватить его и отвести въ городъ Кесарію, гдѣ онъ жилъ, наблюдая за постройкой храма. Неанію подвергаютъ пытки и отправляютъ въ тюрьму. Капикларій (тюремщикъ) Терентій, другъ Неаніи, старался облегчить его страданія въ тюрьмѣ. Когда наступала ночь, приблизительно въ шестомъ часу произошло въ городѣ великое землетрясеніе (*ἐγένετο σεισμός μέγας ἐν τῇ πόλει*)¹⁾. И вотъ Иисусъ Христосъ съ четырьмя архангелами явился въ тюрьмѣ; двери растворились, у заключенныхъ цѣпи спали съ рукъ и, когда вошли они во внутреннюю темницу, гдѣ содержался Неанія, ангелы сказали: Неанія, возари на насъ. Неанія, увидѣвъ ихъ, спросилъ: Кто вы? Они говорятъ ему: Мы ангелы и посланы къ тебѣ Господомъ Иисусомъ Христомъ. Неанія говоритъ имъ: Если вы ангелы, сдѣлайте земной поклонъ и перекреститесь, и я повѣрю вамъ. Послѣ разговора ангеловъ съ Неаніей, ему является Христосъ и говоритъ ему: Ты будешь называться Прокопіемъ, а не Неаніей. Бодрись и мужайся, ибо ты преуспѣвая (*προκόπτων*) приведешь паству Отцу моему, существу на небѣ. Вслѣдъ затѣмъ игемонъ посылаетъ узнать, не умерли ли Прокопій отъ пытокъ и, когда онъ оказывается живымъ и здоровымъ, начинаются новый судъ и новыя пытки.

Въ изданіи Пападопуло-Керамевса пропущенъ одинъ существенный эпизодъ, который возстановилъ Дельгэ по парижской рукописи 12-го вѣка. Въ тюрьму къ Прокопію приходятъ двѣнадцать женщинъ сенаторскаго званія и сообщаютъ, что онѣ тоже рабы распятаго Христа и готовы за него пострадать. Услышавъ

1) Ев. отъ Матѣ. XXVIII, 2 *καὶ ἰδοὺ σεισμός ἐγένετο μέγας.*

объ этомъ, игемонъ посадилъ ихъ въ ту же тюрьму, гдѣ сидѣлъ Прокопій, который ихъ ободряетъ. Женщинъ вызываютъ на судъ. Приходитъ и Θεодосία, желая узнать, что будетъ съ ними. Судья приказалъ бичевать ихъ и жечь. Θεодосία горько заплакала, и бросивъ все имущество и сорвавъ съ себя сенаторское одѣяніе закричала: и я раба распятаго Христа. Разсердившись посадилъ игемонъ ее въ тюрьму вмѣстѣ съ тѣми мужественными женщинами. Отправляясь въ тюрьму, Θεодосία захватила съ собой простыню и ухаживала за ихъ тѣлами, такъ какъ она посвящена была въ медицинскую мудрость. Мученикъ, увидѣвъ свою мать, обрадовался и говоритъ ей: Госпожа мать моя, почему пришла ты сюда, или что увидѣвъ покинула ты своихъ боговъ? Говоритъ ему мать: Увидѣвъ мужество этихъ женщинъ, я рѣшила бросить пустыхъ идоловъ, которые не боги. Въ ту же ночь Прокопій отвелъ свою мать къ епископу Леонтію, который ее крестилъ. Всѣхъ женщинъ призываютъ опять на судъ. Онѣ просятъ Прокопія помолиться за нихъ. Онъ отвѣчаетъ: Матери и сестры, я молюсь, чтобы вы раньше меня вошли въ царство небесное. Женщинъ сначала пытаютъ, потомъ предають смертной казни. Игемонъ Улькіонъ призываетъ Прокопія и укоряетъ его за то, что онъ погубилъ столько душъ. Среди пытокъ Прокопій молится и проситъ Бога доказать слабость Улькіона. Пораженный игемонъ пришелъ въ свой преторій, легъ и цѣлый день не говорилъ; онъ страдалъ отъ горячки и въ малодушіи своемъ не понималъ, что ударъ нанесенъ ему Господомъ. Наконецъ онъ умеръ и послѣ этого паства Христова все ширилась.

Не слѣдуетъ думать, что въ редакціи, изданной Пападопуло-Керамевсомъ, механически соединены два разсказа, одинъ о Неваніи, другой о Прокопіи. Между обоими разсказами есть внутренняя связь, проявляющаяся и формально. Объ Улькіонѣ говорится то же самое, что о Флавіанѣ¹⁾. Въ разныхъ мѣстахъ обѣихъ редакцій повторяются одинаковыя слова. Съ Прокопіемъ случилась нѣкоторая метаморфоза, изъ чтеца и заклинателя онъ превратился въ полководца на подобіе другихъ стратиговъ (напр.

1) Изд. Папад. стр. 10 *ὁ δὲ ἡγεμὼν ἐκέλευσεν συλληφθέντα αὐτὸν ἄγεσθαι ἐπὶ τὴν Καισαρέων πόλιν, ἔνθα ἦν τὴν οἰκοδομὴν τοῦ ναοῦ ἐποπτεύων.* Delehaye, p. 217 *οἱ δὲ συλλαβόμενοι ἦλθον πρὸ τῶν πύλων Καισαρείας, ἔνθα ἦν ὁ Φλαβιανὸς ἐποπτεύων τὴν οἰκοδομὴν τοῦ ναοῦ.*

Теодора страгилата), но черты заклинателя въ немъ сохранились. Въ парижской редакціи о немъ говорится, что онъ повелѣвалъ демонамъ какъ неразумнымъ животнымъ, и буквально тоже повторяется въ эпизодѣ, который надо вставить въ редакцію Пападопуло. Прокопій, превратившійся изъ Неаліи, не новое лицо, а новый вариантъ личности, не измѣняющій сущности сказаза и разговоръ дѣйствующихъ лицъ. Въ аѳонской редакціи повѣствованіе о мученикѣ Прокопій получило расширение и развитіе фактическихъ и психологическихъ подробностей. Въ прежнемъ рассказѣ ничего не говорилось о происхожденіи Прокопія, теперь даются новыя біографическія подробности, вводятся новыя лица, мать, двѣнадцать женщинъ, два пострадавшихъ воина, Никостратъ и Антіохъ. Усиливаются элементы ужаса и чуда. Сцены, рисующія самыя невѣроятныя пытки, повторяются въ большемъ количествѣ. Чудеса не ограничиваются голосами съ неба, они облакаются болѣе реальными чертами. Повѣствованіе приближается къ роману. Создается драматическая коллизія. Мать — язычница, сынъ — христіанинъ. Мать доноситъ на сына, но затѣмъ и сама обращается въ новую вѣру. Такъ постепенно простой рассказъ о подвигѣ мученика украшается сказочными подробностями, превращается въ легенду и затѣмъ въ христіанскій романъ.

Сообразно съ общей эволюціей мартиріевъ можно установить три главнѣйшихъ типа. Въ сказаніяхъ перваго рода мученичество остается на первомъ планѣ, сколько бы оно не осложнялось невѣроятными подробностями и чудесами. Во второмъ типѣ преобладаютъ сказочные мотивы и заслоняютъ собой рассказъ о мученикѣ. Въ третьемъ разрабатывается беллетристическая тема въ своеобразной преимущественно аскетической окраскѣ. Строго разграничить эти три типа невозможно; между ними существуютъ переходныя ступени, которыя по желанію могутъ быть отнесены къ тому или иному роду. Кроме того, въ одномъ и томъ же рассказѣ переплетаются легендарныя, сказочныя и беллетристическія подробности. Въ средневѣковой литературѣ вообще легенда сливается съ сказкой, апокрифомъ и романомъ; и классификація мартиріевъ имѣетъ только условное значеніе.

Примѣромъ очень простаго по формѣ мартирія можетъ слу-

жить разсказъ о епископѣ Несторѣ¹⁾. Изъ этого не слѣдуетъ однако, чтобы онъ вполне соответствовалъ исторіи. Мы даже не знаемъ въ точности, гдѣ былъ іерархомъ Несторъ. Въ заглавіи мученичій онъ названъ епископомъ Перги Памфилійской, а въ самомъ разсказѣ Сиды. Начало довольно обыкновенное: Въ дни императора Деція было гоненіе на христіанъ по всей вселенной и всѣхъ принуждали совершать жертвоприношенія нечистымъ идоламъ. Игемономъ Ликии, Памфилии и Фригии состоялъ тогда Еполій, которому довели на Нестора, распространившаго христіанство. За нимъ посланъ былъ, какъ за Поликарпомъ, иривархъ съ отрядомъ солдатъ, которые должны были связать его и привести на судъ. Когда собирались его увести, произошло сильное землетрясеніе, и послышался голосъ съ неба, говорившій: мужайся и крѣпись, служитель Несторъ, ибо я съ тобой, ты побѣдишь Еполія своимъ мужествомъ и получишь отъ меня вѣнецъ правды²⁾ и отправишься съ ангелами въ безконечныя вѣка. Отъ этого голоса потрясены были и испугались воины и даже иривархъ (голоса съ неба становятся слышимыми не только вѣрующимъ, но и язычникамъ), и Нестора повели не связаннымъ. Изъ дальнѣйшихъ словъ видно, что Несторъ находился за городомъ, хотя и онъ и Еполій жили въ Сидѣ. На судъ его приводятъ въ городъ Сиду. Тутъ замѣтна также тенденція, что и въ посланіи Смирнской церкви, слѣлать мученичество евангельскимъ (а можетъ быть и подражаніе этому посланію). Поликарпъ слышалъ тоже голосъ съ неба, который сказалъ ему только два слова: Крѣпись и мужайся. Въ мученичій Нестора находимъ развитіе этихъ двухъ словъ³⁾. Далѣе слѣдуетъ фантастическій протоколъ, о которомъ рѣчь была выше. Наконецъ судья проявляетъ свою кровожадность; онъ желаетъ, чтобы казнь была длительна и жестока. Несторъ висѣлъ много часовъ и въ это время обращался съ рѣчью къ собравшимся христіанамъ и наставлялъ ихъ, затѣмъ

1) Его надалѣ въ первый разъ Обэ, *Revue archéologique* 1884, t. III, 224—234.

2) II Тимое. IV, 8 а теперь готовится мнѣ вѣнецъ правды, который дастъ мнѣ Господь.

3) *Martyr. Nest.*, p. 228 *καὶ φωνὴ οὐρανόθεν ἐνέχθη αὐτῷ λέγουσα· ἀνδρίζου καὶ ἴσχυε. Martyr. Polyc.*, p. 5, 4 *φωνὴ ἐξ οὐρανοῦ ἐγένετο· ἴσχυε καὶ ἀνδρίζου. Ев. отъ Луки III, 22 καὶ φωνὴν ἐξ οὐρανοῦ γενέσθαι λέγουσαν. Ев. отъ Іоанна XII, 28 ἦλθεν οὖν φωνὴ ἐκ τοῦ οὐρανοῦ.*

помолившись и сказавъ „аминь“, отдалъ душу Богу. Къ протѣйшему типу мучениковъ принадлежитъ нѣсколько произведеній, которыя однако были написаны гораздо позже описанныхъ въ нихъ событій. Къ нимъ относится разсказъ о Никандрѣ и Маркіанѣ, изобличающій свое позднее происхожденіе слѣдующей подробностью: раньше чѣмъ отсѣчь голову мученикамъ, воинъ закрываетъ имъ глаза ораремъ (*περικλυθεὶς ὄραριον τοῖς ὀφθαλμοῖς τῶν μακαρίων*), т. е. частью діаконскаго облаченія. Игемонъ Максимъ, судившій Никандра и Маркіана, представляетъ сколокъ съ Пилата. Онъ говоритъ мученикамъ: Не я преслѣдую васъ, а повелѣніе императора, такъ что я неповиновенъ въ вашей крови и ей не запятнанъ. Мученики отвѣчаютъ ему: миръ тебѣ, человѣколюбивый игемонъ, и удаляются, радуясь и благословляя Бога¹⁾. Въ повѣствованіяхъ о Савѣ Готскомъ и 10 критскихъ мученикахъ имѣется та особенность, что къ обычнымъ пыткамъ присоединяется еще раздѣваніе голыми. Въ первомъ мученичествѣ, происходящемъ при императорахъ Валентиніанѣ и Валентѣ въ 372 г., преслѣдуетъ христіанъ безбожный готъ Аваридъ, сынъ царька Ровестея (*Ῥοῦστέου τοῦ βασιλικου*). Написанъ онъ съ позаимствованіями изъ Смирискаго посланія о Поликарпѣ. Саву отпраздновалъ Пасху въ деревнѣ за городомъ; въ третью ночь послѣ Пасхи появляется фаланга разбойниковъ, Саву голого схватываютъ на его ложѣ, связываютъ и нещадно бьютъ палками и бичами²⁾. Разсказъ о 10 мученикахъ, пострадавшихъ на Критѣ при Деціи, былъ написанъ тогда, когда время гоненій было давно позабыто. Тутъ повторена молитва Поликарпа, но къ ней прибавлено: прими нашу кровь, проливаемую за отечество и его обитателей. Подробность оголенія пріобрѣтаетъ здѣсь новый видъ: проконсулъ приказываетъ мученикамъ явиться на судъ голыми, разрѣшивъ прикрыть только нѣкоторую часть тѣла (*ἤμιν γυμνοὺς ἐπι τὸ βῆμα, τὴν αἰδοῦ μόνην μικροῖς ῥάμεισιν καλύπτουσας*)³⁾.

Разсказъ о епископѣ Аеиногенѣ начинается слѣдующими словами, очень мало подходящими къ исторической обстановкѣ:

1) Acta Sanct. Junii IV, 217—219 *οὐδὲ γὰρ εἰμι ἐγὼ ὁ διώκων ὑμᾶς, ἀλλὰ τὸ πρόσταγμα τοῦ βασιλέως, ὥστε ἀθῶός εἰμι καὶ καθαρὸς ἀπὸ τοῦ αἵματος ὑμῶν*. Ев. отъ Мате. XXVII, 24 *ἀθῶός εἰμι ἀπὸ τοῦ αἵματος τοῦ δικαίου τούτου*.

2) Anal. Bolland. XXXI, 219.

3) А. Пападопуло-Керамевсъ. *Ἀνάλεκτα* IV, 228.

При царѣ Діоклеціанѣ было большое бѣшенство противъ христіанъ, такъ что грозила опасность всѣмъ благочестиво жившимъ по Богѣ. Вся вселенная потрясена была отъ проявленія этого страшнаго бѣшенства. Большинство предавало другъ друга на смерть, отецъ сына, братъ брата, друзья друзей изъ за страха передъ царемъ ¹⁾. Въ городѣ Севастіи пребывалъ игемонъ по имени Филимархъ, и велѣлъ онъ флейтщикамъ и цимбалистамъ итти передъ нимъ и жрецамъ съ вѣнками на головѣ совершать жертвоприношенія идоламъ. И сидя на каедрѣ, объявляетъ онъ чрезъ глашатаевъ: повинуйтесь, граждане, повелѣнію императора и подойдя принесите жертвы богамъ. И закричала вся толпа горожанъ: мы христіане и не приносимъ жертвъ идоламъ. Много народа онъ уничтожилъ, святые же, претерпѣвшіе мученіе ради Христа, приобрѣли награду на небесахъ. Аѣиногенъ былъ хорепископомъ и жилъ въ монастырѣ. Не смотря на свой высокій санъ, онъ говоритъ проконсулу: беззаконнѣйшій и безстыднѣйшій пещь, ты не испугаешь насъ своими угрозами, дѣлай что хочешь, ибо мы готовы все претерпѣть ради Бога ²⁾. Разсказъ о пресвитерѣ Василии, пострадавшемъ при Юліанѣ, не заключаетъ въ себѣ никакихъ существенныхъ отличій отъ обыкновенныхъ мартиріевъ, написанныхъ по шаблонной программѣ. Его приводятъ прежде всего къ игемону Сатурнину, который обвиняетъ его въ томъ, что онъ возмущаетъ городъ и хулитъ императора, всѣмъ возвѣщая, что онъ отступникъ отъ бога (*παράβητη τῶν καλῶν γενόμενος*), а затѣмъ приказываетъ повѣсить его и строгать (*κρεμασθέντα ξέσσαι*). Василий же молится: Благодарю тебя, Господи Боже вѣковъ, что ты удостоилъ меня чрезъ это мученіе увидѣть путь жизни. Игемонъ доложилъ о влонамѣренномъ Василии императору. Тотъ посылаетъ двухъ отступниковъ отъ христіанской вѣры Ельпидія и Питасія, которые въ Никомидіи встрѣчаютъ Аскливія, жреца Асклепія, берутъ его съ собой и идутъ дальше три стратига діавола. Придя въ Анкиру, они спрашиваютъ, гдѣ Василий, и узнаютъ, что онъ въ темницѣ и что день и ночь онъ не пере-

1) Ев. отъ Мате. X, 21. Предастъ же братъ брата на смерть и отецъ сына.

2) А. Пападопуло-Кераменсъ. *Ἀνάλεκτα* IV, 252—257. Это подражаніе повелѣнію царя Навуходоносора: въ то время какъ услышите звукъ трубы, свирѣли, цитры и всякихъ музыкальныхъ орудій, падите и поклонитесь золотому истукану. Прор. Давіил. III, 5.

стаеть воспѣвать и прославлять Бога. Вторично приводятъ Василія, къ Сатурнину. Тотъ приказываетъ надѣть ему на шею и руки тяжелые кандалы, чтобы въ такомъ видѣ представить его императору, и отвести опять въ тюрьму. Юліанъ отправляется на Востокъ, вступивъ въ Анкиру ведетъ длинный разговоръ съ Василиемъ, стараясь убѣдить его въ истинѣ язычества. Въ концѣ концовъ его подвергаютъ пыткамъ раскаленнымъ желѣзомъ. Въ этомъ мартиріи есть одна черточка, которая получаетъ въ послѣдствіи дальнѣйшее развитіе. Василій умираетъ не въ страданіяхъ, а словно въ сладкомъ снѣ (*ὄσπυρ ὑπὸ ἡδέως ἕλνου ληφθῆναι ἀπέθανε τὴν ψυχὴν*)¹⁾. Повѣствованіе о Донатѣ, поаднее какъ видно изъ предисловія (молитвенное обращеніе къ святому *μεγάλῃ τῶν ἁγίων ἡ δόξα, θβοφιλέστατε ἀδελφέ*), осложняется нѣкоторыми приключеніями. Послѣ допроса, учиненнаго Діоклеціаномъ, и неизмѣнной пытки Донатъ бѣжитъ въ Египетъ, тамъ дѣлается епископомъ и кончаетъ жизнь мученической смертью уже при Лициніи²⁾. Никакихъ особенностей нельзя найти въ мартиріи Эпимаха, вполне подходящемъ къ первому типу³⁾, а въ мартиріи Зиновія замѣтно развитіе въ сторону количественную, и сверхъ того появляются характерныя черты житія, въ большинствѣ случаевъ отсутствующія въ разказахъ о мученикахъ. Онъ начинается такъ: Въ заливѣ страны Киликійской лежитъ городъ Эгасъ (*Ἐγὰς*), тамъ жилъ Зиновотъ, мѹжъ благочестивый и богобоязненный, онъ женился на Θεκλῆ, и у нихъ родились дѣти Зиновій и Зиновія. Зиновій сдѣлался знаменитымъ врачомъ, онъ вылѣчилъ отъ рака нѣкоего Инда и вообще творилъ чудеса исцѣленія. Когда вступилъ на престолъ Діоклеціанъ, начальникомъ Киликіи былъ Лициій. Придя въ Мопсуестію, онъ началъ гоненіе, трехъ юношей исаврскаго племени Клавдія, Астерія и Неона онъ распялъ внѣ стѣнъ г. Мопсуестіи и тѣла ихъ бросилъ на съѣденіе звѣрямъ. Зиновій самъ на себя донесъ и добровольно претерпѣлъ мученичество, примѣру его послѣдовала сестра⁴⁾. Епископъ Садовѣ имѣлъ страшное видѣніе, и онъ созвалъ свой клиръ, пресвитеровъ и діаконовъ, попрятавшихся отъ страха предъ персид-

1) Acta Sanct. Mart. III (стар. изд.), 15—17 (прилож.).

2) Ibid. Mail V, 145—151.

3) Ibid. Octobr. XIII, 712—718.

4) Ibid. Octobr. XIII, 259—263.

скимъ царемъ Шапуромъ, и сказалъ имъ: „Этой ночью видѣлъ я сонъ, именно лѣстницу, поставленную съ большой славой (*κλίμακα μετὰ δόξης πολλῆς ἱσταμένην*), начало которой было въ небѣ (лѣстница привидѣлась и Перпетуѣ). На ней стоялъ съ великой славой св. епископъ Симеонъ, я же стоялъ внизу, на землѣ. И позвавъ меня съ великой радостью сказалъ: „Поднимись ко мнѣ, Садовъ, не бойся, ибо вчера я поднялся, а ты сегодня“. Это означало, что вслѣдъ за Симеономъ предстоитъ пострадать Садову. Царь персидскій схватилъ его вмѣстѣ съ его клиромъ и другими клириками изъ сосѣднихъ мѣстъ, монахинями и монахами, всѣхъ числомъ 128. На нихъ надѣли желѣзныя цѣпи и заперли въ тюрьмѣ, въ мѣстѣ темномъ и горькомъ. Всѣ они присуждены были къ смертной казни чрезъ отсѣченіе головы мечомъ, и казнь приведена была въ исполненіе за городомъ¹⁾. Простой воинъ Дасій излагаетъ предъ легатомъ Бассомъ богословское ученіе о Троицѣ, сообразно съ Никейскимъ символомъ, и доказываетъ этимъ тотъ фактъ, что авторъ мартирія былъ ученымъ человекомъ и не могъ писать раньше Никейскаго собора. Этотъ мартирій интересенъ тѣмъ, что говоритъ о празднованіи Сатурналіи христіанами. Авторъ мартирія сообщаетъ, что въ римской имперіи празднество въ честь Кроноса продолжалось 30 дней, что въ это время происходили игры и выбирали шуточного царя. Дѣйствительно Кроносъ отождествленъ былъ съ Сатурномъ и уже въ 217 г. до Р. Х. Сатурналіи приняли греческій характеръ²⁾. Этотъ отвратительный обычай, говорится въ мартиріи Дасія, дошелъ до нашихъ дней и до сихъ поръ соблюдается; въ день январскихъ календъ пустые люди, слѣдующіе эллинскому обычаю, но именующіе себя христіанами, выступаютъ въ торжественномъ шествіи, имѣняя свою природу и надѣвая на себя обликъ дьявольскій; облакаясь въ шкуры козлиныя, они отбрасываютъ добро, въ которомъ родились, и удерживаютъ зло, въ которомъ родились. Это отступленіе напоминаетъ 62-й канонъ Трулльскаго собора, направленный противъ празднованія календъ³⁾, и указываетъ на то, что мартирій Дасія написанъ былъ вѣроятно не

1) *Patrologia Orientalis* II, 445—450.

2) G. Wissowa. *Religion und Kultus der Römer* (2 Aufl.), p. 205.

3) А. Веселовскій. Разысканія въ области духовнаго стиха, стр. 97 (Прилож. къ 45 т. Зап. Акад. Наукъ).

раньше 6-го вѣка¹⁾. Дасій пострадалъ за то, что отказался принять участіе въ Сатурналіяхъ. Другой Дасій покончилъ дни свои въ Никомидіи въ неизвѣстное царствованіе вмѣстѣ съ Гаиемъ и Зотикомъ. Этотъ Дасій былъ брошенъ въ море, которое однако вынесло его на берегъ. О второмъ Дасіи сохранился только короткій разсказъ, но, повидимому, между одноименными мучениками и общая основа. Во второмъ случаѣ происходило тоже всенародное празднество и мученики погибли, потому что протестовали противъ языческихъ обычаевъ²⁾.

Образцомъ простаго распространеннаго мартирія можетъ служить разсказъ о Провѣ и его товарищахъ. Тутъ появляются три мученика, Провъ, Тарахъ и Андроникъ, кромѣ игемона Киликійскаго Максима, еще три игемона Флавій, Гай и Нумеріанъ; судятъ мучениковъ безъ всякой причины три раза въ трехъ городахъ Тарсѣ, Анаварбѣ и вѣроятно въ Мопсуестіи (*ἐν Μοψουστοῖς*). Такимъ образомъ впечатлѣніе усиливается, потому что сцены мучительства повторяются три раза и трехъ христіанъ истязуютъ язычники³⁾.

Сохранились разсказы о двухъ Кононахъ, но оба по своимъ фактическимъ и психологическимъ подробностямъ совсѣмъ не соотвѣтствуютъ эпохѣ римской имперіи. Первый происходитъ въ царствованіе Авреліана тирана. Былъ посланъ *comes* Домеціанъ съ цѣлью принудить всѣхъ поклоняться и совершать воаліянія идоламъ. Придя въ Иконію, городъ Исавріи, онъ нашелъ тамъ Конона, покинувшаго жену и жившаго праведной жизнью, друга Бога, наслѣдника Христа, собесѣдника ангеловъ, гонителя бѣсовъ, сокрушителя идиоловъ, руководителя мучениковъ. Какъ Моисей, онъ остановилъ воду и, проложивъ черезъ нее дорогу, провелъ народъ, ибо кто живетъ по Богу, тому повинуетъ не только вода, но и вся тварь. Судья Домеціанъ спрашиваетъ Конона: кто ты въ твоёмъ нечестивомъ служеніи, священникъ или діаконъ? Когда оказалось, что сжечь его невозможно, Домеціанъ велитъ отпилить ему руку⁴⁾. Второй Кононъ былъ садовникомъ,

1) Anal. Bolland. XVI, 11—15. R. Knopf. Ausgewählte Märtyreracten, p. 86—90.

2) Anal. Bolland. XX, 247—248.

3) Acta Sanct. Octobr. V, 566—584.

4) Acta Sanct. Maii VII, 6—7.

пострадавшимъ въ г. Магидо въ Памфилии. Нѣкій Наодоръ, онъ же Апеллесъ, отецъ города, а также неокоръ просили игемона дать имъ помощь, чтобы разыскать христіанъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они ихъ подоврѣвали. Оригенъ отправился съ вышеупомянутымъ Наодоромъ съ отрядомъ принарховъ и нѣкоторыми другими людьми, и нашли они Конона въ мѣстѣ, именуемомъ Кармена, поливающимъ царскій садъ. Подойдя къ нему, они сказали (какъ Иуда Христу): радуйся (будь здоровъ), Кононъ. И рабъ Христовъ, чистая душа говоритъ имъ: будьте здоровы и вы, дѣти. Оригенъ говоритъ ему: отецъ, тебя зоветъ игемонъ. Кононъ отвѣчаетъ: какая надобность игемону во мнѣ, чужестранцѣ, главное, христіанинѣ? Видя со стороны Конона противодѣйствіе, Наодоръ велитъ привязать его къ своей лошади и такимъ образомъ влечь его за собой. Они приводятъ его къ игемону, и Оригенъ говоритъ: мы обошли много окрестностей города, но мы никого не нашли, кромѣ этого старика въ одномъ саду. Игемонъ говоритъ мученику: скажи мнѣ, человекъ, откуда ты, какого рода и какъ тебя зовутъ? Кононъ отвѣчаетъ: я прихожу изъ города Назарета Галилейскаго, сродство у меня съ Христомъ, которому служили и предки мои, котораго я позналъ Богомъ надъ всѣмъ. Говоритъ ему тираннъ: если ты позналъ Христа, познай и нашихъ боговъ. Игемонъ страшаетъ Конона всевозможными пытками, а тотъ въ свою очередь грозитъ ему: смотри, какъ бы судья не предалъ тебя тартару (*ταρτάρω ἀνυπερέδεται*)¹⁾ или огню во вѣкъ неугасимому, гдѣ червь не умираетъ и огонь не угасаетъ (Ев. отъ Марка IX, 48). Умирая Кононъ молится: Господи Иисусе Христе, прими дупу мою, избавь меня отъ кровожадныхъ псовъ и упокой меня со всѣми праведниками твоими, исполнившими волю твою²⁾.

Къ типу простыхъ мартиріевъ, не осложненныхъ ни сказочными, ни романическими мотивами, но довольно позднихъ; риторически обработанныхъ принадлежитъ и рассказъ о Херсонскихъ епископахъ. Василей произноситъ рѣчь, которая въ подражаніе древнимъ начинается словами: мужи — граждане. Заканчивается повѣствованіе обращеніемъ къ святому и молитвой за пра-

1) Петр. II, 4 *εἰ γὰρ ὁ θεὸς ἀγγέλων ἀμαρτησάντων οὐκ ἐρέσαστο, ἀλλὰ σειραῖς ζόφου ταρταρώσας, παρέδωκεν εἰς χεῖρας κόλαζομένους τηρεῖν.*

2) Gebhardt. *Ausgewählte Märtyrerenacten*, p. 129—133.

вославаго царя, т. е. пріемами, неизвѣстными ранней агиологіи¹⁾. Позднимъ характеромъ отличается и мартирій Аванасія, пострадавшаго въ городѣ Клиамѣ на Красномъ морѣ при императорахъ Діоклеціанѣ и Максиміанѣ; явными признаками поздней эпохи служатъ упоминаніе о праздникѣ Рождества (25 декабря), законство римскаго проконсула съ Евангеліемъ и слова молитвы мученика: возстанови, Господи Іисусе Христе, скипетръ христіанскихъ царей въ столицѣ римлянъ и въ Эѳіопіи, даруй, Господи Іисусе Христе, призвавшій меня въ число мучениковъ, наслажденіе вѣчными благами, всякому человѣку, справляющему память мою въ день моей кончины²⁾. Недавно изданное болландистами повѣствованіе о Никитѣ Готскомъ вслѣдствіе ошибки въ заглавіи отнесено къ мартиріямъ, тогда какъ это панегирикъ въ честь мученика (то, что они въ своемъ каталогѣ называютъ *laudatio*). Какъ видно изъ предисловія слово было произнесено въ церкви во имя Никиты, въ ежегодный храмовой праздникъ, при чемъ ораторъ много пользовался церковной исторіей Сократа, написанной въ 5-мъ вѣкѣ³⁾.

Къ первоначальному типу относятся рассказы о египетскихъ отшельникахъ Патермуѳи и Копри, которыхъ судилъ прибывшій въ Египетъ императоръ Юліанъ⁴⁾, и объ Урсикинѣ, пострадавшемъ при Максиминѣ⁵⁾. Нѣсколько мартиріевъ еракійскихъ мучениковъ, изданныхъ въ первый разъ болландистами всего 4 года тому назадъ, принадлежатъ къ сравнительно позднимъ сказаніямъ, не заключающимъ въ себѣ никакихъ историческихъ чертъ. Отъ болѣе древнихъ рассказовъ они отличаются дерзостью подсудимыхъ и жестокостью пытокъ. Таковы мартиріи Лукиллиана, Мокія, Севера и др.⁶⁾

Лукиллианъ говоритъ судѣ Сильвану: Жестокая и нечестивѣйшая собака, бѣснующійся и сумасшествующій, дѣлай, что хочешь, ибо я не приношу жертвъ глухимъ и нѣмымъ камнямъ. Ты гровишь мнѣ огнемъ въ теченіе времени погашаемымъ, я же

1) В. Латышевъ. Житія епископовъ Херсонскихъ, стр. 58—62 (Записки Имп. Академіи Наукъ, т. VIII № 3).

2) А. Пападопуло-Керамевсъ. *Ανάλεκτα*, V, 360—367.

3) *Anal. Bolland.* XXXI, 209—215.

4) *Acta Sanct. Julii II*, 703—709.

5) *Ibid.* August. III, 158—163.

6) *Anal. Bolland.* XXXI, 161—221.

угрожаю тебѣ огнемъ неугасимымъ и червемъ не умирающимъ (Ев. отъ Марка IX, 48). Съ Лукиллианомъ пострадали четыре мальчика, и они также бранятся: глупая, безбожная, бѣснующаяся собака. Лукиллиана бьютъ сначала по щекамъ, а потомъ четыре человѣка раздѣвши бьютъ его палками. Северъ обратился въ христіанство центуріона Мемнона. На него доносятъ проконсулу Апеллиану, и тотъ передаетъ его Мемнону, не зная, что онъ христіанинъ. На слѣдующій день оба являются къ Апеллиану и объявляютъ себя христіанами, ихъ нещадно бьютъ по щекамъ. Мемнона вытягиваютъ на два столба и желѣзными клещами съ головы до ногъ сдираютъ три полосы кожи. Мемнонъ говоритъ, что онъ радуется пыткамъ и даже позволяетъ себѣ каламбуръ, на русскій языкъ не переводимый (троица клочковъ, вырванная изъ моего тѣла, приносится въ даръ св. Троицѣ, *Τριάς λόρων δῶρον προσφέρειται τῇ ἀγία Τριάδι*). Затѣмъ ему отрубаютъ ноги и руки и бросаютъ ихъ въ печь. Севера строгали желѣзными рукавицами, затѣмъ надѣли ему на пальцы раскаленные перчатки, его растянули на четырехъ бревнахъ, и четыре слугителя принялись его пилить. Вслѣдъ затѣмъ на него надѣли раскаленный желѣзный поясъ. Такъ какъ и послѣ этого онъ не отсекся отъ Христа, ему отрубили голову. Въ мартиріи Мокія, лишенномъ по словамъ болландистовъ всякой исторической основы, пытки еще болѣе преувеличены. Пресвитеръ Мокій проповѣдовалъ христіанство въ Амфиполѣ. На четвертый годъ царствованія Діоклеціана Лаодикій, проконсулъ Европы (!), усѣвшись на высокой каедрѣ потребовалъ къ отвѣту Мокія. Повѣсьте его, распорядился Лаодикій, и скребите отъ висковъ до подбородка и боковъ, пока не обнажатся его кости. Затѣмъ смолой и хворостомъ раскалили печь, куда бросили Мокія. Огонь не тронулъ его, а вмѣсто того пожралъ судью и 9 жрецовъ Діониса; даже тѣлъ ихъ нельзя было собрать, такъ какъ они испепелились. Черезъ 26 дней появился вмѣсто Лаодикія новый проконсулъ по имени Максиминъ. На третій день сидя на высокомъ мѣстѣ, называемомъ Форумъ (вѣроятно это давно позабытое на Востокѣ слово „форумъ“), онъ велитъ привести Мокія и подвергаетъ его колесованію. Съ удовольствіемъ перенося боль, мученикъ говоритъ: Проконсулъ, да будетъ тебѣ вѣдомо, что какъ тебѣ пріятно ѣсть плоть человѣческую, такъ и мнѣ пытки укрѣпляютъ душу предъ

лицомъ Господа. Кровь мученика залила полъ, но послѣ молитвы колеса остановились, и онъ вышелъ невредимымъ. Черезъ три дня Мокія отдають на съѣденіе дикимъ звѣрямъ. Но звѣри не тронули его и его приговаривають къ смертной казни чрезъ отсѣченіе головы мечомъ.

Въ нѣкоторыхъ мученичествахъ появляются двойники. Таковы Нирей и Ахиллесъ, Козьма и Даміанъ, Сергій и Вакхъ, Флоръ и Лавръ. Козьма и Даміанъ — врачи ничѣмъ другъ отъ друга не отличающіеся; ихъ судить римскій императоръ Каринъ обоихъ вмѣстѣ, и они вмѣстѣ отвѣчаютъ¹⁾. Сергій и Вакхъ — военные, первый — примикирій въ полку гентиліевъ, второй — секундокирій. Разказъ о нихъ ничѣмъ особеннымъ отъ другихъ подобныхъ же разказовъ не отличается и наполненъ, какъ большинство мартиріевъ, легендарными подробностями. На Сергія и Вакха, какъ на христіанъ, доносятъ императору Максиміану. Онъ лишаетъ ихъ воинскаго званія и отправляетъ затѣмъ-то къ дуксу Антіоху въ Сирію (онъ явился вѣроятно вмѣсто библейскаго царя Антіоха, отъ котораго пострадали маккавейскіе мученики). Приведено и фантастическое письмо, въ которомъ императоръ проситъ начальника отдаленной провинціи расправиться съ Сергіемъ и Вакхомъ. Слѣдуютъ обычныя пытки, видѣнія, чудесное исцѣленіе отъ ранъ. Въ концѣ мы узнаемъ, что 15 епископовъ построили въ замкѣ Росафонѣ церковь въ память св. мучениковъ²⁾. Флоръ и Лавръ — художники, которые прямо названы близнецами. Они въ царствованіе Адріана удалились изъ Византіи въ Иллирію. Но вскорѣ послѣ того Лицивій, сынъ царицы Ельпидіи, требуетъ, чтобы присланы были въ столицу Флоръ и Лавръ, такъ какъ нужно было росписать храмъ. Они испровергли идоловъ, ихъ отдали подъ судъ и бросили въ колодець³⁾. Есть даже тройня Спевсипъ, Еласипъ и Мелесипъ, названные мальчиками и уроженцами Каппадокіи. Гдѣ они пострадали и въ какое время не указано. Въ ихъ составныя имена входитъ слово конь (*Σλεύς-ιππος*, *Ἐλάσ-ιππος*, *Μελέσ-ιππος*), и они обучались

1) L. Deubner. Kosmas und Damian, p. 208—217. Leipzig. 1907. По другой редакціи они пострадали при Діоклеціанѣ и Максиміанѣ. Подробнѣе придется мнѣ говорить о врачахъ-безсребренникахъ во второй части моего труда.

2) *Analecta Bolland.* v. 14, p. 375—395.

3) *Acta Sanct.* August. III, 522—524.

искусству править лошадьми. Судятъ ихъ три лица, Палмать, Ермогенъ и Кодратъ. Бабушка мальчиковъ, акушерка Неовилла, произноситъ на судѣ длинную риторическую рѣчь, а Палмать говоритъ: Ты, Спевсиппъ, надѣешься на распятого человѣка, котораго родила Марія, на іудея. Ты ошибаешься, отвѣчаетъ Спевсиппъ, Христосъ Богъ — Сынъ Бога живого¹⁾.

Мартирій Агафоника²⁾ чрезвычайно любопытенъ въ одномъ отношеніи; изъ него видно, какъ рассказъ о мученичествѣ превращается въ чистѣйшую легенду, какъ исчезаютъ послѣдніе историческіе признаки. Онъ начинается слѣдующимъ предисловіемъ. „Въ началѣ поучая своихъ учениковъ благой Іисусъ Христосъ говорилъ: взываетъ ко мнѣ праведная кровь Авеля, перваго принесеннаго въ жертву, и пророковъ до крови Захаріи и моей святой крови изъ божественнаго бедра моего, имѣющей пролиться на крестѣ вмѣстѣ со святой кровью истинныхъ учениковъ моихъ и мучениковъ. Это Онъ гадательно давалъ разумѣть въ священныхъ Евангеліяхъ, видя будущее, какъ настоящее, Онъ все ясно знающій. Святые же апостолы и слѣдовавшіе за ними по пятамъ святыя мученики, видя исходъ предсказаннаго, вслѣдствіе горячей своей вѣры и любви къ Богу съ готовностью предавали себя пыткамъ и избрали себѣ смерть за пострадавшаго и умершаго за насъ. Поэтому, когда въ разныя времена калдвигались на церковь Божию многія гоненія, они какъ поборники и борцы за благочестіе сражались противъ нечестія. Предисловіе это сближаетъ мартирій съ апокрифами, въ уста Спасителя вложены здѣсь слова, которыхъ въ Евангеліи не имѣется³⁾.

Центральнымъ лицомъ разсказа является *comes* Евтолмій, злодѣй, который въ угоду императору Максиміану повсюду разыскиваетъ христіанъ. Царемъ дана ему была такая власть, потому что онъ былъ язычникомъ и бѣшеннымъ любителемъ идоловъ. Къ нему привели Зотика, мужа благочестиваго и богобоязненнаго. На предложеніе принести жертвы богамъ Зотикъ отвѣчаетъ: „Отрекшись отъ Бога, творца неба и земли, я нико-

1) *Revue de l'Orient chrétien*, v. IX (1904), p. 453—490.

2) *Anal. Bolland.* II, 99—115. Короткій разсказъ въ *Acta Sanct. August.* IV, 522—523.

3) *Матѣ.* XXIII, 35 да придетъ на васъ вся кровь праведная, пролитая на землѣ отъ крови Авеля праведнаго до крови Захаріи, сына Варахіяна, котораго вы убили между храмомъ и жертвенникомъ.

имъ образомъ не стану приносить жертвъ идоламъ вполне безчувственнымъ подобнымъ вамъ, въ нихъ вѣрующимъ. Я готовъ умереть, дѣлай что хочешь". Сомес приказалъ отрубить голову Зотику ¹⁾ и двумъ его ученикамъ. Начальникъ съ людьми, жестокими какъ звѣри, рыскалъ и избивалъ христіанъ. Узнавъ, что императоръ отправился во Фракію, направился и Евтолмій по тому же нечестивѣйшему пути, какъ левъ алчущій добычи и рыкающій, по словамъ псалмопѣвца (Псал. XXI, 14). Ему сообщили, что одинъ мудрецъ Агаѳоникъ обратилъ въ христіанство перваго рѣцера (ὁ πρῶτος πρῆξερ) и что живетъ онъ въ селеніи Кивенонъ. Придя въ ярость отъ пребывающаго въ немъ діавола, Евтолмій приказываетъ значительному воинскому отряду отправиться и привести Агаѳоника съ принцепсомъ. Увидѣвъ пламенную вѣру Агаѳоника и его готовность пострадать, солдаты, которые должны были схватить Агаѳоника, обратились въ христіанство. Входя въ Никомидію, Агаѳоникъ воскликнулъ: радуйся, городъ Никомидія, дочь матери нашей, вышняго Іерусалима, давшій Христу множество мучениковъ. Сидя въ базиликѣ въ мѣстѣ, называемомъ Лампсо, сомес производилъ дознаніе. Онъ сказалъ: гдѣ лица, неисполняющіе повелѣній царей? Его подчиненные отвѣтили: предъ свѣтлостію твоею стоитъ Агаѳоникъ, глава христіанъ, знатнаго рода, потомокъ великаго Иппасія, сынъ ипарха и правителя Асклепіада, который, живя съ матерью своею въ селеніи Кивенонъ, убѣдилъ перваго члена здѣшняго сената (τῆς ἐνθάδε, σινηλῆτου προϋμιλλῆ) служить тому, кого они называютъ Христомъ. Начальникъ сказалъ: сознайся, Агаѳоникъ, если это такъ. Агаѳоникъ произноситъ въ отвѣтъ цѣлую рѣчь. Что слѣдуетъ повиноваться Богу, а не людямъ, учить насъ пророкъ Давидъ, говоря: лучше уповать на Господа, нежели надѣяться на человѣка (Псал. 117, 8), и мы научились надѣяться на Господа, а не на тлѣнныхъ начальниковъ. Ибо поистинѣ безсмысленный вмѣстѣ съ тобой царь, вручившій тебѣ такую власть противъ христіанъ. Мученикъ Христовъ и епископъ Вавила, обличая въ безуміи бывшаго до этого царя Нумеріана, предсказалъ, что преемникомъ его царства будетъ другой такой же, какъ онъ, безсмысленный. И Романъ, знаменитый мученикъ, откровенно говоря, пристыдилъ отца моего

1) О Зотикѣ, пострадавшемъ тоже въ Никомидіи, упоминается въ краткомъ разсказѣ о Дасіи (Anal. Voll. XX).

Асклепада и парха; я былъ тогда младенцемъ и стоялъ тогда рядомъ со своимъ отцомъ и пархомъ и то, что мученикъ говорилъ моему отцу, я твердо помню.

Такъ какъ онъ былъ безсмысленнымъ, хотъ и былъ моимъ отцомъ, онъ приказалъ отрѣзать мученику святой языкъ, громко кричавшій, что только одного Христа Бога надо бояться и Ему одному служить и не быть жестокосердыми, грабя другъ друга, и не быть надменными и звѣрообразными, и многое другое сказалъ онъ ему раньше, чѣмъ отрѣзали ему языкъ. Боясь какъ бы и мнѣ не подвергнуться подобной участи, со всѣмъ домою отца моего стали мы изыскивать писанія и нашли: мужъ, находившійся въ чести, не уразумѣлъ и былъ уравненъ съ неразумными животными и уподобленъ имъ. Однимъ изъ нихъ былъ и Навуходоносоръ, сильно огорчившій пророковъ и рабовъ Христа. Я же, охотно занимаясь Священнымъ Писаніемъ, если видѣлъ заблуждающагося, старался по ученію апостола обратить его съ ложнаго пути къ Богу живому достойными дѣлами покаянія, помня слова апостола Іакова: обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ (V, 20). Если бы и ты послушался меня, говорящаго: будьте подражателями мнѣ, какъ я Христу (I Коринѣ. XI, 1). Такъ какъ мы ничего не внесли въ міръ, ясно, что мы ничего не можемъ изъ него унести.

Тогда начальникъ и всѣ съ нимъ находившіеся стояли въ оцѣпенѣніи (Дѣян. Апост. IX, 7) и говорятъ: Ты поразилъ насъ, Агаеоникъ, намъ нужны мудрецы, могущіе возразить тебѣ на основаніи древнихъ документовъ. Такъ какъ наиболѣе мудрые изъ нихъ говорили, что святой по промыслу Божію происходитъ изъ рода Августа, приведеннаго изъ Никеи въ Римъ, а въ Римѣ обучившіеся предки его пришли сюда, Агаеоникъ сказалъ: я съ дѣтства изучилъ Свящ. Писаніе и знаю, что боящіеся Христа презираютъ мудрость міра сего (I Коринѣ. III, 19), какъ научилъ насъ апостоль Павелъ, и мы научились, что Христосъ сила Божія и мудрость Божія. Зачѣмъ ты допытываешься отъ скриніевъ (т. е. отъ канцеляріи) Никомидійскихъ, кто я и откуда? Мы говоримъ предъ лицомъ Бога, пѣвшаго въ Давидѣ и провозгласившаго себя чрезъ пророковъ, чрезъ котораго престолы поставлены и книги раскрыты, дѣла каждаго записаны, и рѣка огненная влекущая,

170

кипящая¹⁾, и голосъ говорящій: ибо сила Бога и твоя, Господи, милость, ибо Ты воздаешь каждому по дѣламъ его²⁾. Пораженный начальникъ говоритъ: Скажи намъ, Агаѳоникъ, о себѣ, ты превосходишь всѣхъ риторовъ и мудрецовъ, такъ что ты и меня чуть было не сдѣлалъ христіаниномъ. Святой сказалъ: я молился бы Богу, чтобы не только ты, но какъ говоритъ великій апостоль Павелъ, и всѣ слушающіе меня сдѣлались такіе же, какъ я. Что же касается меня, я рода и сѣмени Давида³⁾, который позвалъ тайну мудрости Христа, котораго взялъ Господь отъ овецъ отца его и привелъ на царство. И опять началъ говорить начальнику изъ христоносныхъ писаній такъ: Хотя я происхожу изъ знатнаго рода, какъ знаешь ты и знаятъ всѣ, тѣмъ не менѣе я предпріимъ чель быть брошеннымъ въ домъ Божій, чѣмъ жить въ шатрахъ грѣшниковъ, такъ какъ и владыка нашъ Иисусъ Христосъ говоритъ: аминь говорю вамъ, всякій кто оставитъ домъ, или родственниковъ, или поля, или виноградники, или имущество ради Евангелія, получитъ востократъ и наслѣдуетъ жизньъ вѣчную (Матв. XIX, 29 не вполне точно). Начальникъ не въ состояніи былъ отвѣтить, но припертый мудростью святого сказалъ: Съ этимъ человѣкомъ я не въ состояніи буду сдѣлать ничего больше, но наказавъ его плетями отправлю его къ императору, какъ къ человѣку знатнаго рода; остальнымъ же христіанамъ приказываю отрубить голову.

Великій Агаѳоникъ оставался въ Никомидіи и приготовилъ много другихъ мучениковъ Христа. Первые лица въ городѣ отправились къ начальнику и донесли ему, что всѣ Никомидійцы обратятся въ христіанство, если онъ не отправитъ Агаѳоника къ императору, ибо среди нашихъ мудрецовъ, говорили они, не находится ни одного, кто хоть сколько-нибудь могъ бы противостоять мудрости Агаѳоника. Уходя Агаѳоникъ ободрялъ лицъ, обращенныхъ имъ въ христіанство. Евтолмій пыталъ и казнилъ Зинона, Теопрепа и Акиндина, облеченныхъ трибунскою властью въ Кесаріи. Вынужденный отправиться къ царю начальникъ

1) Объ огненной кипящей рѣкѣ въ мѣстѣ, гдѣ наказываются грѣшники, говорится въ Апокалипсисѣ Анастасія (ед. Nornburg), стр. 16 *εἰσα ποταμὸν πύρινον . . . ἐκόχλασε δὲ ὁ ποταμὸς.*

2) Псал. 61, 12—13. Однажды сказалъ Богъ, что сила у Бога и у Тебя, Господи, милость, ибо Ты воздаешь каждому по дѣламъ его.

3) Апок. XXII, 16. Я есмь корень и потомокъ (γένος) Давида.

прибыль въ окрестности Халкидона. Нѣкоторые негодные люди и тюремщипки донесли на старца Северіана, что онъ и великодушную Евфимію совратилъ въ христіанство и хотя содержится въ тюрьмѣ продолжаетъ поучать народъ. Северіана казнили. Остальные святые пришли въ Византію и были допрошены въ сенатъ (*βουλεύθησιον*). Когда же начальникъ велѣлъ допросить Агаеоника, сенатъ говорить: знатность происхожденія твоего всѣмъ извѣстна и мудрость твоя неизреченна, намъ остается только увидѣть твое послушаніе. Св. Агаеоникъ съ великимъ дерзновеніемъ говорить имъ: Мы научились не ходить на совѣтъ нечестивыхъ, не стоять на пути грѣшныхъ и не сидѣть въ собраніи развратителей (Псал. 1), но умреть въ вѣрѣ Христовой. Сенатъ сказалъ: Если Богъ и царь тотъ, кого ты исповѣдуешь, какимъ образомъ былъ онъ уничтоженъ іудеями? послушайся и не дѣлай глупостей. Святой сказалъ: такъ какъ вслѣдствіе вкушенія отъ древа (отъ плода древа) Адамомъ вплоть до появленія Христа властвовалъ надъ людьми грѣхъ и они подлежали смерти, ради этого благой нашъ Богъ Иисусъ Христосъ принялъ на себя страданіе за неслѣдующихъ и притвожденіе къ древу Креста, дабы какъ грѣхъ вошелъ въ міръ чрезъ вкушеніе отъ древа, такъ вновь міръ освобожденъ былъ отъ грѣха черезъ древо. Тогда судьи византійскіе вслѣдствіе рѣшенія начальника, выведя Агаеоника за городъ, велѣли палачамъ заколотъ его мечомъ. Плоть святого, котораго жестоко кололи мечами, падала клочьями на землю вмѣстѣ съ кровью, такъ что оставались у него голыя кости, но борецъ Христовъ, укрѣпляемый пламенной любовью къ Богу, выдерживалъ пытку, и рѣчью своею выказывалъ свою стойкость. Ибо онъ говорилъ христіанамъ, бывшимъ съ нимъ: Страданія теперешняго времени не могутъ сравниться со славой, имѣющей открыться въ будущемъ; если мы умремъ въ вѣрѣ Христовой, мы въ будущей жизни будемъ съ Христомъ. Видя его примѣръ, многіе византійцы повѣрили въ Христа, какъ военные, такъ и сенаторы.

Узнавъ, что императоръ находится далеко, начальникъ поспѣшилъ къ нему и, прибывъ въ окрестности Селимвріи, доноситъ ему все о св. Агаеоникѣ и привелъ пострадавшихъ отъ пытки. Увидѣвъ Агаеоника, Максиміанъ призналъ въ немъ своего родственника, и игемонъ сказалъ ему: Если бы-я не при-

зналъ въ немъ также родственника твоей державы, я не считалъ бы его достойнымъ пощады, такъ какъ я казнилъ большое количество христіанъ согласно божественному твоему повелѣнію. Императоръ сказалъ: Въ чемъ дѣло, Агаѳоникъ? Тотъ отвѣтилъ: ради Христа, Спасителя нашего стали мы зрѣлищемъ для міра, для ангеловъ и для людей (I Коринѳ. IV, 9) и переходили мы отъ народа къ народу и изъ одного царства въ другое. Написано, что дѣла каждаго явятся въ истинномъ своемъ свѣтѣ, когда пройдутъ чрезъ огонь. И невѣрные скажутъ въ тотъ страшный день: горе намъ, что будемъ мы дѣлать? если во влажномъ такъ уничтожаетъ огонь, что будетъ онъ дѣлать въ сухомъ? ибо всепожирающимъ называется тотъ огонь и неугасимымъ, и нескончаемымъ. Поэтому, царь, послушайся меня и спасись отъ лукаваго рода сего, ибо смерть нечестныхъ, какъ написано, зла, смерть же благочестивыхъ честна. Когда ради Христа обезглавленъ былъ апостоль Павелъ, вмѣсто крови потекло молоко на хитоны, обезглавившихъ его. Изслѣдуй, каковъ былъ конецъ Фараона, Ирода и остальныхъ царей, жившихъ въ нечестіи, и найдешь, что они достойны плача и рыданій, потому что не только здѣсь подверглись наказанію, какъ не познавшіе истиннаго Бога, но и въ будущемъ вѣкѣ осуждены на вѣчную муку.

Услышавъ отъ Агаѳоника и еще многое другое болѣе страшное, царь Максиміанъ неохотно произнесъ противъ него приговоръ, говоря: такъ какъ сказанное нами ты ставишь ни во что и называешь честной смертью, которой умираютъ почитающіе такъ называемаго Христа, прими и ты такую смерть по желанію твоему, и теперь я прекращу гоненіе на христіанъ до тѣхъ поръ, пока не узнаю, что тѣ страшныя слова, которыя ты сказалъ, истинны. Получивъ такой приговоръ, св. мученикъ Христовъ пошелъ радуясь и воспѣвая съ сопутствующими ему мучениками въ мѣсто кончины, говоря: благословенъ Господь, который не далъ насъ въ добычу зубамъ ихъ¹⁾; душа наша, какъ малая птица, освободилась изъ сѣти охотниковъ, сѣть разорвалась, и мы освободились; помощь наша во имени Господа, сотворив-

1) Молитва Іисуса, сына Сирахова. Прославляю имя Твое, ибо Ты былъ мнѣ покровителемъ и помощникомъ и избавилъ меня ради имени Твоего отъ скрежета зубовъ, готовыхъ пожрать меня.

шаго небо и землю. Агаеонику отрубили голову вмѣстѣ съ рипсерт'омъ и многими другими христіанами, имя которыхъ въ книгѣ жизни.

Сказаніе объ Агаеоникѣ не могло быть написано раньше того времени, когда восточно-римская имперія окончательно отдѣлилась отъ западной, и столица перенесена была въ Константинополь. Римскій императоръ Максиміанъ оказался въ Византіи. На позднее происхожденіе указываетъ и воспоминаніе о Вавилѣ и Романѣ. Въ рассказѣ о Вавилѣ и трехъ отрокахъ говорится, что царь Нумеріанъ, принеши жертву нечистымъ демонамъ, пожелалъ войти въ домъ Божій, но Вавила, бывшій епископомъ католической церкви въ Антиохіи, не пустилъ его въ храмъ, и царь промолчалъ¹⁾. О мученикѣ Романѣ Евсевій сообщаетъ, что онъ пострадалъ въ Антиохіи и что ему вырѣзанъ былъ языкъ²⁾. Въ сказаніи объ Агаеоникѣ передается сирійская легенда, распространявшаяся въ М. Азіи, гдѣ, по всей вѣроятности, она была записана. Рассказъ о Романѣ приведенъ въ странную связь съ Агаеоникомъ; отецъ его былъ тѣмъ и пархомъ (проконсуломъ), который отрѣзалъ языкъ Роману. Генеалогія Агаеоника очевидно легендарная. Отецъ его Асклепиадъ, предокъ Иппасій, кромѣ того онъ рода Давидова. Цѣлый рядъ мифологическихъ личностей носили имя Иппаса. Асклепиадами назывались и потомки бога Асклепія и его жрецы. Впрочемъ были и слѣдующіе Асклепиады: поэтъ 3-го вѣка до Р. Х., врачъ 1-го вѣка до Р. Х., епископъ антиохійскій и еретики, упоминаемые Евсевіемъ.

Въ концѣ оказывается сверхъ того, что Агаеоникъ родственникъ императора Максиміана. Весь рассказъ происходитъ въ фальшивой римской обстановкѣ, при чемъ римская эпоха окончательно позабыта. Сенатъ засѣдаетъ въ Константинополь, Агаеоника судья отпускаетъ на свободу въ то время, какъ приговариваетъ къ смертной казни его товарищей, Навуходносоръ живетъ въ христіанскую эпоху.

Тѣмъ не менѣ легенда объ Агаеоникѣ не лишена серьезнаго значенія. Она можетъ оказать существенную услугу для критики нѣкоторыхъ мартиріевъ, считающихся подлинными и древними,

1) Пр. Палест. Сборн. вып. 57, стр. 86.

2) Eusebe (ed. Grapin), p. 176.

особенно для мученичества Аполлонія. Между послѣднимъ и легендарнымъ разсказомъ объ Агаеоникѣ есть несомнѣнное сходство. Агаеоникъ — мудрецъ, такой же философъ, какъ Аполлоній. Онъ тоже произноситъ двѣ защитительныя рѣчи, одну прелъ провинціальнымъ начальникомъ, другую предъ императоромъ и сенатомъ. На основаніи совершенно недостаточномъ Агаеоника отправляютъ на судъ императора; Евтолмій объявляетъ: потому что онъ знатнаго происхожденія; это вѣроятно отголосокъ забытыхъ привилегій римскихъ гражданъ. Агаеоника судитъ такой же фантастическій сенатъ¹⁾, какъ Аполлонія. Послѣ этого приговоръ надъ Агаеоникомъ постановляетъ самъ императоръ. Настроеніе судей одинаковое. Перенній говоритъ Аполлонію, что онъ охотно оправдалъ бы его, если бы не постановление императора; Максиміанъ съ сожалѣніемъ постановляетъ приговоръ и рѣшаетъ прекратить гоненіе. Это напоминаетъ исторію Поликарпа, послѣ страдальческой кончины котораго прекратилось гоненіе²⁾.

Разказы о мученикахъ развиваются въ сторону торжества христіанства. Язычники присоединяются къ тому или иному мученику и страдаютъ вмѣстѣ съ нимъ; толпа убѣждается въ правотѣ христіанской вѣры. Народъ требуетъ освобожденія іерея Мирона, котораго безуспѣшно пытались казнить огнемъ. Власть испугалась и его отправляютъ на новое разбирательство въ Кизикъ³⁾. Фалелей предсталъ на судъ игемона Федора въ городѣ Уги и говоритъ: Я происхожу изъ Ливана, отецъ мой Вереккакій, стратигатъ, христіанинъ, мать Ромбиліана, было гоненіе и меня предали суду игемона Тиверія въ Едессѣ, а теперь вновь отдають подъ судъ тебѣ. Федоръ отвѣчаетъ: отъ Тиверія ты убѣжалъ, такъ думаешь и отъ меня убѣжать, скверный человекъ? Ни отъ какихъ пытокъ Фалелей не умираетъ, хотя его бросаютъ и въ море и звѣрямъ. Видя такое чудо, народъ восклицаетъ: великъ Богъ христіанскій⁴⁾. Въ царствованіе Проба,

1) *βουλευτήριον*. Терминъ этотъ означалъ и курію, муниципальный совѣтъ и римскій сенатъ. Какъ архаизмъ, онъ употребляется даже въ 11-мъ вѣкѣ Михайломъ Алталіатомъ. Ch. Lécrivain. Le sénat romain, p. 229.

2) Mart. Polyc. p. 1, 8 *Ἦτοις διὰ τῆς μαρτυρίας αὐτοῦ κατέπαυσε τὸν διωγμὸν*. Acta Agathon. p. 115 *παύσῃ τὸν κατὰ χριστιανῶν διωγμὸν*.

3) Acta Sanct. August. III, 421—422.

4) Ibid. Mai V, 12—14 (прилож.).

когда произошло великое гоненіе по всей вселенной, въ Антиохіи Писидійской праздновали день рожденія Аполлона. Войдя въ городъ, Трофимъ и Савватій увидѣли, что отъ жертвенныхъ животныхъ поднимается густой дымъ. Они выразили протестъ и ихъ отдали подъ судъ. Затѣмъ ихъ безъ достаточнаго основанія отправляютъ въ сосѣднюю провинцію Фригію *Salutaris*. Черезъ три дня приходятъ они въ г. Синнаду, и тутъ вновь судить ихъ ижемонъ. Трофимъ объявляетъ, ссылаясь на никейскій символъ вѣры, что онъ повинуется только царю, грядущему судить живыхъ и мертвыхъ. За Трофима заступается сенаторъ Доримедонтъ, объясняющій, что идолы не живые боги, а сдѣланы изъ металловъ, не говорятъ и не слышатъ. Доримедонта пытаются и приговариваютъ къ смертной казни вмѣстѣ съ Трофимомъ¹⁾.

Уже въ древнѣйшихъ мартиріяхъ, особенно въ посланія Галльскихъ церквей, находимъ мы сообщенія о пыткахъ, совершенно невыносимыхъ для обыкновенныхъ смертныхъ. Въ дальнѣйшемъ краски еще болѣе стущаются, потому что необходимо было поразить воображеніе читателя и сообщить ему факты необычайные. Меркурія судить и подвергаетъ пыткамъ самъ императоръ Децій. Онъ приказываетъ рѣзать ему тѣло острыми ножами и подложить подъ него огонь, чтобы понемножку сжечь его; но пламя погасло отъ потока крови (такъ же, какъ во время казни Поликарпа), и Меркурій мужественно выносилъ эту пытку. Децій приказалъ остановиться, боясь, какъ бы онъ не умеръ, и запереть его въ темномъ домѣ. Всѣ были увѣрены, что онъ вскорѣ умретъ. Но ночью явился къ нему ангелъ и исцѣлилъ его раны. На слѣдующій день Децій приказалъ Меркурію явиться вновь, и всѣ были поражены, замѣтивъ, что на тѣлѣ его нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ пытки. Разсердившись императоръ приказываетъ приложить къ щекамъ его раскаленное желѣзо. Когда это сдѣлали, вмѣсто запаха жаренаго мяса, стало исходить изъ его тѣла благовоніе. Затѣмъ Децій велѣлъ повѣсить его внизъ головой и привязать къ шеѣ громадный камень, чтобы онъ умеръ, удавленныи камнемъ. Очень долго выносилъ Меркурій эту пытку, и Децій, видя, что страданія на него не дѣйствуютъ, приказалъ отвязать камень и бить его мѣднымъ бичомъ, пока кровь его не

1) Ibid. Septembr. VI, 12—20.

зальеть полъ. Все это стойко переносилъ Меркурій. Появивъ, что мученика невозможно переубѣдить и спѣша изъ первой Арменіи, гдѣ происходилъ судъ, въ Римъ, Децій собираетъ совѣтъ и выноситъ такой приговоръ: отправить Меркурія въ Каппадокію и тамъ предать смертной казни чрезъ отоѣченіе головы мечомъ¹⁾. Ореста Максимъ, бывшій при Діоклеціанѣ ижемономъ всей Киликіи и Каппадокіи, велѣлъ бить нещадно палками. Такъ какъ мученикъ взывалъ къ небу о помощи; начальникъ, бѣснуясь все больше, приказалъ бить еще сильнѣе по спинѣ, бокамъ и по всему тѣлу, при чемъ по очереди било множество сотниковъ, пока его внутренности не рассыпались по землѣ. Но словно бездушная статуя выносилъ онъ нестерпимую боль. Послѣ этого Ореста засадили въ тюрьму и морили голодомъ, цѣлыхъ семь дней онъ ничего не ѣлъ и даже воды ему не давали. На восьмой день начальникъ безчестія призвалъ его вновь и сталъ кричать на него. По приказанію Максима служители принесли громадныя желѣзные гвозди и вбили ихъ въ бока и ноги мученика, и потекли изъ него потоки крови. Наконецъ руки Ореста привязали цѣпями къ дикой лошади и солдаты погнали ее бичами, чтобы она неслась очень быстро. Лошадь пробѣжала приблизительно 180 стадій (80 верстъ) отъ г. Тианъ до селенія Вата, гдѣ мученикъ предалъ духъ свой въ руки Бога²⁾. Подобнаго же рода пытки претерпѣлъ въ царствованіе Діоклеціана и Максиміана египетскій уроженецъ Мина. Сначала четыре человека бьютъ его воловьими жилами, такъ что земля обагрилась кровью. Видя, что онъ мужественно переноситъ боль, судья приказываетъ подвязать его къ древу и рвать ему тѣло желѣзными когтями. Этого показалось мало, и Минѣ растираютъ пораненныя мѣста жесткой власяницей, затѣмъ жгутъ его факелами. Ничего не дѣйствуетъ на мученика, и судья вступаетъ съ нимъ въ богословскія пренія и спрашиваетъ между прочимъ, извѣстно ли было заранѣе Христу, что они будутъ такъ страдать? Мина назвалъ языческихъ боговъ бѣсами, ижемонъ разгнѣвался больше прежняго и велѣлъ разбросать по землѣ желѣзныя колючки; связавъ ему руки и ноги, его влекли съ великой жестокостью по

1) H. Delahaye. Les légendes grecques, p. 239—242.

2) Θεοφίλου Ἰωάννου. Μνημεῖα ἀγιολογικά, σ. 333—337.

этимъ колючкамъ; въ то же время его нещадно били по затылку и зубамъ. Много часовъ били Мину, и тогда пришелъ подчиненный Минѣ Иліодоръ и сказалъ ему: Господишь игемонъ, я думаю ты замѣтилъ, что такъ называемые христіане тверже статуи, безпрекословно выносятъ пытки и считаютъ смерть сладкимъ напиткомъ, а потому вынеси скорѣе смертный приговоръ¹⁾. Если вѣрить рассказамъ о мученичествѣ, персидскіе администраторы прибѣгали къ такимъ же мѣрамъ воздѣйствія, какъ и римскіе. Въ 53-ій годъ царствованія Шапура (310—379) этотъ царь отправился въ походъ противъ римлянъ и завладѣлъ замкомъ Визаидеонъ. Тутъ перебилъ онъ 50 тысячъ мужчинъ и женщинъ и взялъ въ плѣнъ епископа Иліодора и много священниковъ и діаконовъ. Иліодоръ смертельно заболѣлъ и рукоположилъ Доссу. Иліодора торжественно похоронили и каждый день совершали богослуженіе. Маги же очень разсердились, что поютъ и служатъ Иисусу Христу, и стали жаловаться архимагу Адельферу. Послѣдній отправился къ царю и донесъ ему, что Досса многихъ обращаетъ въ христіанство и хулитъ персидскихъ боговъ. Царь велѣлъ отрубить Доссѣ голову. Вслѣдъ затѣмъ оказалось, что плѣнница Іа многихъ персидскихъ женщинъ обучала Священному Писанію и обращала въ христіанство. Этимъ остались очень недовольны мужья и пожаловались царю. Шапуръ очень разсердился и призвалъ двухъ архимаговъ, изъ которыхъ одного звали Адерсаворомъ, а другого Адельферомъ. Маги схватили ее и послѣ ея признанія объявили ей, что она заслуживаетъ смертной казни, такъ какъ она христіанка. Ее раздѣли, къ ногамъ и рукамъ привязали веревки и пять очень сильныхъ мужчинъ стали вытягивать каждый ея членъ, другіе же юноши били ее плетьюми. Когда избili ее до того, что она перестала говорить, ее посадили въ тюрьму. При слѣдующемъ допросѣ ее избивали спереди и сзади 12 человекъ, такъ что кровь текла по землѣ и клочьями отдѣлялось мясо. Ее вновь заключили въ тюрьму и чрезъ 6 мѣсяцевъ потребовали опять на судъ. Придумали новую пытку, разрѣзали большія трости, стали втыкать ихъ по всему тѣлу и перевязали тонкими веревками; вслѣдъ затѣмъ начали вытаскивать куски трости одинъ за другимъ. И плоть съ кровью лились по землѣ

1) Anal. Bolland. III, 263—268.

(*ἡ σὰρξ μετὰ τοῦ αἵματος κατέρρει ἐπὶ τὴν γῆν*), пока не показались кости и внутренности. Она лежала передъ ними на полу какъ бы мертвая; принесли машину, которой, какъ прессомъ, сдавливали тѣло; мужчины со всѣхъ силъ нажимали ее, пока члены ея, отдѣлившись другъ отъ друга, не упали на землю. Видя, что она безмолвна и члены ея разрушившись распались, маги приказали отрубить ей голову мечомъ¹⁾. Особенно изысканныя пытки находимъ мы въ другомъ сказаніи о мученикахъ, пострадавшихъ тоже въ Персіи. Въ 18-й годъ царствованія Шапура жили въ персидской деревнѣ Іаса два праведника, братья Іона и Варахисій. Услышавъ о гоненіи на христіанъ, эти святые, покинувъ свое мѣстожителство, отправились туда, гдѣ маги жестоко мучили всѣхъ христіанъ. Это происходило въ тотъ самый 18-й годъ царствованія Шапура какъ и мученичество Іи. Маги донесли на братьевъ тремъ архимагамъ Масдраеу, Сироеу и Маарниси. Іону сѣкли сначала колючими вѣтвями и били его до тѣхъ поръ, пока не обнажились ребра. Варахисію лили расплавленный свинецъ въ глаза, ноздри, горло и уши. На второмъ допросѣ Іонъ отрѣзали на ногахъ и рукахъ пальцы и разбросали ихъ передъ Іоной. Вслѣдъ затѣмъ въ большомъ мѣдномъ котлѣ растопили смолу, съ головы содрали кожу со всего того мѣста, гдѣ растутъ волосы, отрѣзали языкъ; кожу съ головы и языкъ бросили въ котелъ съ горячей смолой, а затѣмъ и самого святого посадили въ смолу. Какъ только святой былъ посаженъ въ котелъ, смола убѣжала изъ котла и его не тронула, и нисколько ему не повредила. Въ заключеніе Іону распяли на куски и бросили въ глубокое озеро. Варахисію переломали всѣ кости и налили въ горло раскаленной смолы²⁾.

Какъ видно, пытки имѣютъ свою эволюцію. Онѣ начиваются съ предисловія къ Смирнскому посланію о Поликарпѣ, гдѣ мы читаемъ: Кто не удивится мужеству, терпѣнію и преданности своему владыкѣ мучениковъ? Избиваемые плетьюми до такой степени, что видно становилось строеніе тѣла вплоть до внутреннихъ жилъ и артерій (*μέχρι τῶν ἕσω φλεβῶν καὶ ἀρτηριῶν*), они терпѣли, такъ что присутствовавшіе жалѣли ихъ и оплаки-

1) *Patrologia orientalis*, II 453—460.

2) *Anal. Bolland.* XXI, 396—407. *Patrol. orient.* II, 421—436.

вали¹⁾. Мы имѣемъ еще болѣе раннее свидѣтельство въ томъ мѣстѣ Посланія къ евреямъ (XI, 34—37), гдѣ указывается на силу вѣры: „Они угашали силу огня, избѣгали острія меча; одни были избиты, не принявъ избавленія, другіе же приняли искушеніе ругательствъ и плетей, а также узъ и темницы; они были побиты камнями, распилены, умирали убійствомъ меча“. Сначала отъ избіенія обнаруживаются внутренности, потомъ внутренности вываливаются, наконецъ мученику переламываютъ всѣ кости, ему сдираютъ кожу съ головы, и онъ всетаки остается живъ. Такія преувеличенія свойственны легендѣ вообще. Въ пѣснѣ о Роландѣ говорится, что внутренности выскочили изъ тѣла архіепископа и вылившіеся мозги трепещутъ на его лбу; самъ Роландъ чувствуетъ приближеніе смерти, мозгъ выходитъ у него изъ ушей.

Постепенно душевное мужество принимаетъ матеріалистическій оттѣнокъ. Мученики не претерпѣваютъ страданій, а становятся физически нечувствительными къ боли. Съ другой стороны чудесное вмѣпательство исцѣляетъ ихъ раны. Жестоко избиваемая Феодота не чувствуетъ мученій²⁾. Воина Зосима приводятъ къ Демеціану, игемону Антиохіи Писидійской (въ царствованіе Траяна). Ты такъ называемый Зосимъ? спрашиваетъ судья. Я Зосимъ, рабъ Иисуса Христа, отвѣчаетъ подсудимый. Почему ты объявляешь себя рабомъ? недоумѣваетъ игемонъ и велитъ отвести его въ тюрьму. На слѣдующій день Зосима привязываютъ къ дереву, и четыре челоуѣка бьютъ его; затѣмъ кладутъ на мѣдную кровать, которую раскаляютъ, подложивъ подъ нее огонь. Но Богъ превратилъ огонь въ росу, ангелы сняли его съ кровати. Зосима сажаютъ въ тюрьму и морятъ голодомъ; чрезъ три дня приходятъ въ тюрьму ангелы въ видѣ мальчиковъ, одинъ приноситъ хлѣбъ, другой сосудъ съ водой. Мученика подвергаютъ всевозможнымъ пыткамъ, но игемонъ убѣждается, что такимъ путемъ его невозможно уничтожить, и приказываетъ отрубить ему голову³⁾. Такое же чудодѣйственное спасеніе испытала Акилина, дочь Евтолмія, жителя палестинскаго Вивла. Въ этомъ городѣ проживали христіане, которыхъ научили благо-

1) *Martyr. Polyc.* I, 24—2, 2.

2) *Acta Sanct.* Octobr. X, 12—16.

3) *Ibid.* Junii IV, 676—679.

честью апостолы. Мать принесла 4-мѣсячную Акилину енискеву Евевалію и сдѣлала ее оглашенной. Въ 7-й годъ царствованія Діоклеціана проконсуломъ былъ Волусіанъ, отпрыскъ діавола. Акилина, которая была тогда 12-лѣтней дѣвочкой, говорила подругамъ: какая вамъ польза отъ идоловъ, которыхъ вы чтите? Призываніе ихъ бесполезно, и приносящіе имъ умиловительныя жертвы труждаются всуе. Никодимъ, услышавъ, что Акилина излагаетъ и распространяетъ ученіе Христова, донесъ на нее проконсулу. Послѣдній велѣлъ немилосердно бить дѣвочку. Затѣмъ раскалели шиломъ и вонзили ей въ уши настолько, что паръ сжегъ мозгъ ея и напелъ себѣ выходъ сквозь ноздри ея. Послѣ долговременнаго жженія раскаленнымъ желѣзомъ Акилина сдѣлалась полумертвой. Волусіанъ подумалъ, что она скончалась, и приказалъ выбросить ее за городъ. Акилина весь день до вечера пролежала на дорогѣ. Около полуночи сошелъ ангелъ, коснулся ея и сказалъ: Возстань здоровою и обличи Волусіана. Акилина, тотчасъ вставши здоровою, возблагодарила Господа (переводъ В. В. Латышева). Проконсулъ понялъ, что не стоитъ подвергать ее пыткамъ, и велѣлъ отсѣчь ей голову¹⁾. Не чувствующими страданія оказываются Акидинъ, Пигасій, Афѳоній, Елпидифоръ и Анемподистъ, которыхъ подвергали пыткамъ и наконецъ въ мѣшкахъ бросили въ море²⁾. Варлаамъ, пострадавшій въ Антиохіи, объявляетъ судья, что онъ не чувствуетъ мученій. Повѣсьте его внизъ головой, приказываетъ проконсулъ, и пустите въ дѣло жестокаго плети, чтобы выгнать изъ него бѣса. Варлаамъ отвѣчаетъ: бѣса во мнѣ нѣтъ, и пытки твоей не чувствую. Проконсулъ говоритъ: Я готовъ пощадить твою старость, послушайся меня и принеси жертву богамъ, ибо оттого, что повѣсили тебя, перевернулись твои ребра и связки тѣла твоего распались. Варлаамъ все повторяетъ: я не чувствую пытки³⁾.

Конкретныя формы приняла мысль, что праведники способны выносить пытки, благодаря своей пламенной вѣрѣ и содѣйствію Бога. Мысль эта въ посланіи Смирнской церкви выражена такими словами: Мученики дошли до такой степени мужества,

1) Ibid. Junii II, 167—171. Русскій переводъ В. В. Латышева. Палестинскій Патерикъ, вып. 17.

2) Ibid. Novembr. I, 461—480.

3) Anal. Bolland, XXII, 142—144.

что никто изъ нихъ не стоналъ, доказывая всѣмъ намъ, что въ часъ пытокъ мученики Христовы выходили изъ плоти или скорѣе, что Господь представъ бесѣдовалъ съ ними (*παρστώως ὁμιλεῖ αὐτοῖς*)¹⁾. Представленіе о томъ, что языческая вѣра должна была рухнуть и судьи неправедные должны будутъ получить заслуженную кару въ загробной жизни, приняло тоже очень реальный характеръ. Благодаря содѣйствію небесныхъ силъ или прямому вмѣшательству мученика испровергаются идолы. Императоръ Діоклеціанъ обратился въ Никомидіи съ рѣчью къ народу, направленной противъ христіанъ. Аникита прорвался черезъ толпу, осмѣялъ императора и громко призналъ себя христіаниномъ. Когда Аникита помолился, произошло землетрясеніе, упалъ идолъ Иракла и превратился въ пыль²⁾. Орестъ произнесъ молитву, въ которой говорилъ между прочимъ: Господи, ты, спасій служителей своихъ отъ нужды и бѣдствій, отъ огня и дикихъ звѣрей, ты, владыка, покажи на мнѣ знаменіе во благо, да видятъ ненавидящіе меня и устыдятся, да погибнуть и познаютъ, что Господь, Всевышній надъ землею (Псал. 85, 17. 82, 19). Послѣ этой молитвы Орестъ дунулъ въ лицо идоловъ, и упавъ они разбились тотчасъ же, превратившись въ пыль, согласно Писанію, „какъ прахъ, возметаемый вѣтромъ съ лица земли“ (Псал. 1, 4).³⁾

Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ не столько борются и перетерпѣваютъ, сколько сознаютъ себя побѣдителями. Евтропія преслѣдуетъ игемонъ Асклиподотъ на основаніи кодипеллъ (*εἶχε κωδικέλλους βασιλικούς*) императоровъ Максиміана и Максимиана. Воинъ Евтропій ведетъ себя на судѣ самымъ вызывающимъ образомъ. Онъ раздражается такой бранью: Перестая, сынъ діавола и наслѣдникъ геенны, перестань, по своему поведенію отвратительный, врагъ Божій, отверженецъ рая, вождь злыхъ дѣлъ, начальникъ обмана. Тебѣ читали записку о Теодорѣ, такъ знай же, что испыталъ бывший до тебя начальникъ, развѣ не слышалъ ты, что онъ лежитъ подъ землею безъ погребенія, и надъ тобой не замедлитъ разразиться гнѣвъ Божій и расправится съ нечестивымъ и беззаконнымъ твоимъ тѣломъ. Будешь ли ты грозить мнѣ страшными карами, огнемъ и звѣрями? Но какой же звѣрь

1) Martyr. Polyc. 2, 2—6. 2 Тим. IV, 17 *ὁ δὲ κύριός μοι παρῆσθη.*

2) Acta Sanct. August. II. 707—709.

3) Θεοφίλου Ἰωάννου, р. 334.

безчувственнѣе тебя? Неужели ты, бессмысленный человекъ, думаешь убѣдить меня лъстивыми обѣщаніями или испугать угрозами? Мое богатство, имущество и сила — Исусъ Христосъ. Ибо терпѣніе, нашъ спаситель, избавившій насъ отъ многихъ искушеній, въ силахъ избавить насъ и отъ незаконныхъ твоихъ рукъ. Услышавъ это, игемонъ приказалъ бить его по рту свинцовыми палками. Однако у тѣхъ, кто принялись бить его, засохли руки. вмѣстѣ съ Евтропиемъ приведенъ былъ на судъ его братъ Клеоникъ и племянникъ Теодора Василискъ. Ихъ били съ четырехъ сторонъ воловьими жилами. Но когда они помолились, бывшіе люди впали въ параличное состояніе и перестали бить. вслѣдъ затѣмъ произошло землетрясеніе, такъ что затрясъ весь преторій, святые оказались развязанными и стояли невредимы. Имъ явился Господь съ отрядомъ ангеловъ со св. Теодоромъ. И сказалъ Евтропій Господу: Благодарю тебя, владыка Христосъ, что ты такъ быстро услышалъ меня; кто я, что пришелъ ко мнѣ Господь мой? И онъ сказалъ находившимся при Клеоникѣ и Василискѣ: смотрите, вотъ царь нашъ съ Теодоромъ стоитъ въ великой славѣ. А блаженный Теодоръ сказалъ: Братъ Евтропій, молитва твоя услышана и поэтому пришелъ Спаситель на помощь намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и благовѣствовать о жизни вѣчной. Господь сказалъ: Когда вы приняли искушеніе пытокъ, я сталъ предъ лицомъ вашимъ, воспринимая ваше терпѣніе; такъ какъ вы черезъ меня терпите пытки, я буду помощникомъ вашимъ, пока не завершите мученичество и имена ваши не будутъ записаны въ книгѣ жизни¹⁾. Тотчасъ послѣ этого прекратился трудъ избіевія и занимавшіеся этимъ воины сказали начальнику: Молимъ тебя, игемонъ, мы не въ состояніи пытать ихъ. Тотъ отвѣтилъ: они чародѣи и зачаровали воиновъ. Но толпа закричала: это не чародѣйство, Богъ христіанскій помогаетъ этимъ мужамъ, ибо мы обрѣли ликъ Его и слышали голосъ ангеловъ, и видѣли недавно скончавшагося блаженнаго Теодора. Игемонъ возразилъ: я не обрѣлъ лика его и не слышалъ голоса. Евтропій говоритъ: истинно сказалъ ты, что не обрѣлъ, ибо ты не глядишь душевными очами, князь вѣка сего ослѣпилъ сердце твое, и исполнилось пророчество Исаи: Слухомъ услышите и не

1) Филип. IV, 3 *ὡν τὰ δυνάματα ἐν βίβλῳ ζωῆς.*

уразумѣете, и очами смотрѣть будете и не увидите (VI, 9). Игемонъ, очень огорченный крикомъ толпы, велѣлъ отвести ихъ связанными въ тюрьму. На слѣдующій день собрался весь городъ, и игемонъ чрезъ глашатая велѣлъ всеѣмъ итти для торжественнаго жертвоприношенія. Съ этой цѣлью приводятъ и святыхъ. Послѣ молитвы Евтропія грянулъ громъ, произошло землетрясеніе, и Артемида упала и разбилась¹⁾.

Пострадалъ и игемонъ Иларіонъ, судившій Киріаку, отличавшюся умѣньемъ произносить во время пытки риторическія фразы. Грянулъ громъ, поднялась буря, уничтожавшая идоловъ, и молнія убила Иларіона²⁾. Воина Исидора приводятъ на судъ къ стратиглату Нумерію. Это ты не повинуюешься законамъ императора Декія? спрашиваетъ судья. Послѣ длиннаго отвѣта, въ которомъ подсудимый сообщаетъ свѣдѣнія о сотвореніи міра и человѣка, Нумерій приказываетъ вырѣзать Исидору языкъ, но тутъ же падаетъ на землю безъ чувствъ (*ἄφωνος*)³⁾.

Въ одной изъ редакцій апокрифическихъ дѣяній ап. Іоанна повѣствуется совершенно такъ же, какъ въ мученичествѣ Евтропія, что послѣ молитвы апостола произошло землетрясеніе, блеснула страшная молнія, и рухнулъ храмъ Артемиды, при чемъ всеѣ идола обратились въ прахъ⁴⁾. Нѣкоторыя слова Псалтири, понятыя буквально, могли привести къ представленію о реальной гибели палачей: убьетъ грѣшника зло и ненавидящіе праведнаго погибнуть (Псал. 38, 22); но поразить ихъ Богъ стрѣлою, внезапно будутъ они уязвлены (Псал. 63, 8).

Разказъ о Филетерѣ принадлежитъ къ тому типу мученичествъ, гдѣ язычество выставляется безсильнымъ. Филетера судить сначала самъ императоръ Діоклеціанъ, а затѣмъ послѣ его смерти Максиміанъ. Сооружена была специальная печь, чтобы ежедневно сажать туда христіанъ; но она внезапно рухнула и Діоклеціанъ приходилъ смотрѣть на это чудо. Когда палачъ собирался отрубить голову Филетеру, его не подпустилъ левъ. Филетеръ отогналъ льва, чтобы принять мученичество.

1) H. Delehaye. Les légendes, p. 202—211.

2) Acta Sancti Julii II, 272—278. Киріака говоритъ: *ὁ τάξις ἄτακτος καὶ νόμος ἄνομος ἐπὶ διαβόλου, πεμπόμενος καὶ ἐπὶ βασιλέων γραφόμενος καὶ ἐπὶ Μαξιμιανοῦ ἐκφωρούμενος καὶ ἐπὶ μάγων διακονούμενος.*

3) Acta Sancti Maii III, 72—73 (прилож.).

4) Acta apost. apocr. II, 1, p. 171.

Тогда рука палача повисла въ воздухѣ съ мечомъ. Палачъ обратился за помощью къ мученику. Тотъ посоветовалъ ему увѣрять во Христа и громко говорить: Боже Христе, спаси меня. Такимъ путемъ палачъ излѣчивался отъ паралича руки. Въ повѣствованіи о Филетерѣ, написанномъ несомнѣнно послѣ торжества христіанства (упоминается благочестивый и боговѣнчанный царь Константинъ), много чудесъ и обращеній язычниковъ въ христіанство¹⁾. Къ тому же типу принадлежитъ разсказъ о Геликонидаѣ, очень искусственный, названный болландистами *acta suspecta*. Онъ написанъ въ видѣ подражанія апостольскимъ посланіямъ: Лукіанъ и Павелъ всѣмъ единовѣрнымъ братьямъ въ Азіи, Фригии, Понтѣ и Памфилии радоваться. Гоненіе происходило въ царствованіе Гордіана и Филиппа по всей вселенной, а въ Коринѣ подъ руководствомъ проконсула Перинія. Геликонида явилась въ зданіе суда и закричала: мужи Коринѣяне, вы покинули истиннаго Бога. Геликонида играетъ словами, объясняя при помощи очень натянутой филологіи свое имя и имя проконсула²⁾. Огонь еѣ не трогаетъ, а выпущенный противъ нее левъ уничтожаетъ вмѣсто нея 120 язычниковъ³⁾.

Въ очень длинномъ разсказѣ о походженіи Мелетія, который даже болландисты называютъ *acta fabulosa*, краски стущены до крайнихъ предѣловъ⁴⁾. Начинается онъ такими словами: Въ то время происходило гоненіе на христіанъ при царѣ Автоинѣ, бывшемъ язычникомъ, при посредствѣ дукса египетскаго Максима. Онъ посланъ былъ въ область Галатскую, потому что тамъ дѣйствовалъ и обращалъ населеніе въ христіанство стратилатъ Мелетій. Повѣствованіе распространено и усилено всѣми средствами, доступными въ ту эпоху. Привлекается къ отвѣтственности цѣлый рядъ лицъ. Вмѣстѣ съ Мелетіемъ страдаютъ его товарищи по оружію Іоаннъ и Стефанъ. Злодѣи Максимъ не падитъ никого. Онъ считаетъ нужнымъ пытатъ даже дѣтей. Допросу подвергаются два ученика христіанскаго учителя; имъ всего два и три года, но говорятъ они, какъ взрослые. Одного изъ нихъ

1) Acta Sanct. Mai IV, 311—327.

2) *Εὐὸ δικαιῶς ἐκλήθην Ἐλικονίς ἕλεος αἰτοῦσα παρὰ τοῦ Θεοῦ καὶ δεικνῶσα βέλη κατὰ τοῦ πατρὸς σου τοῦ διαβόλου. Σὺ δὲ κατὰ τὴν γνώμην κέκλησαι Περίσιος, περὶναὶ γὰρ ἐπουράνιοι κύριοι μέλλονσι σου τὸ ἄθλιον καὶ ἄσεβες σῶμα καθέλειν.*

3) Acta Sanct. Maii VI, 730—735.

4) Acta Sanct. Maii V, 430—458.

зовутъ Кириакомъ. Это конечно тотъ же самый мальчикъ, который выведенъ въ сказаніи о Юлиттѣ и сынъ ея Кириакъ. Пытки повторяются множество разъ. Начинается съ того, что Мелетія бьютъ палками въ теченіе 5 часовъ (отъ 1-го часа до 6-го); для византійскаго судьи это наказаніе мало чувствительное. Максимъ приказалъ вскипятить масло и лить его въ уши мученикамъ. Но пытки верѣдко причиняли вредъ самимъ палачамъ. Такъ и въ этомъ случаѣ. Отъ пара, выходявшаго при кипяченіи елеса, погибли палачи и плоть ихъ разлагалась (*αι σαρκες αυτων διεσκορπισθησαν*), Мелетій же съ товарищами не чувствовалъ мученія. При видѣ этого чуда толпа повѣрила въ Христа. Обращается въ новую вѣру даже архимагъ Каллиникъ; онъ становится мученикомъ, и въ лицѣ его христіанская чудодѣйственная сила торжествуетъ надъ языческимъ волшебствомъ, повторяется мотивъ, извѣстный изъ апокрифовъ (побѣда ап. Петра надъ Симономъ волхвомъ). Мелетій творитъ чудеса, возвращаетъ зрѣніе лицамъ, ослѣпленнымъ Максимомъ (это признакъ византійской эпохи). Оригиналенъ въ этомъ сказаніи конецъ. Максимъ объявляетъ Мелетію: я распну тебя, какъ сына Маріи распяли іудеи. Ему собираются вонзить три гвоздя въ тѣ мѣста, которыя онъ освящаетъ крестнымъ знаменемъ, въ лобъ, грудь и животъ. Мелетій проситъ этого не дѣлать, такъ какъ онъ не достоинъ уподобиться Христу. Слѣдуетъ длинный разговоръ о томъ, какъ язычникамъ не удается вбить гвозди. Вся исторія кончается посрамленіемъ злодѣя. Послѣ казни Мелетія, Максимъ хвастался, что онъ побѣдилъ Бога мучениковъ. Но началось землетрясеніе, рухнули идолы, находившіеся вокругъ него, и самъ онъ погибъ.

Въ мученичествѣ Георгія, изданномъ по вѣнской рукописи А. Н. Веселовскимъ, чудесный элементъ достигаетъ крайнихъ предѣловъ¹⁾. Въ видѣніи св. Георгія повѣствуется, что онъ услышалъ голосъ съ неба, говорившій: три раза умертвятъ тебя и три раза я воскрещу тебя на радость народамъ, и станетъ имя твое извѣстнымъ отъ края до края вселенной²⁾. Согласно мартирію это пророчество и было приведено въ исполненіе. По своему внѣшнему виду разговоръ о страданіяхъ Георгія побѣдоносца мало

1) Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ. Прилож. къ 37 т. Записокъ Имп. Академіи Наукъ (1880 г.).

2) *Miracula S. Georgii* (ed. Aufhäuser), p. 143.

чѣмъ отличается отъ другихъ сказаній, считающихся историческими. Въ то время, когда преобладало сатанинское идолопоклонство, царствовалъ беззаконный Діоклеціанъ. По всѣмъ областямъ разосланъ былъ царскій указъ, текстъ котораго тутъ же приводится и который постановлялъ казнить христіанъ. Узнавъ, что происходитъ гоненіе, Георгій нисколько не испугался, но явился добровольно къ царю. Представъ предъ императорскій судъ, гдѣ собрались сенатъ, войско и всѣ власти, онъ закричалъ: Я, царь, христіанинъ, я надѣюсь на истиннаго и небеснаго царя Христа, я удивляюсь, что вы пребываете въ такомъ заблужденіи и поклоняетесь идоламъ, не зная единаго истиннаго Бога нашего, создателя вселенной, давшаго тебѣ царство. Затѣмъ начинается допросъ, въ которомъ при желаніи находятъ судебный протоколъ. Магненцій сказалъ: какъ зовутъ тебя и кто ты, столь дерзновенный? Георгій отвѣчаетъ тѣми же словами, какъ мученикъ Карпъ: Первое и избранное мое имя — я христіанинъ, а среди людей я называюсь Георгіемъ¹⁾. Въ своихъ отвѣтахъ мученикъ, пропешій всѣ стѣпени эволюціи, не стѣсняется. „Я имѣю, говоритъ онъ императору, на небѣ царя Христа, доставляющаго мнѣ славу и побѣду надъ тобой, сатана, и служителями твоими“. Послѣ обыкновенной пытки Георгія отводятъ въ тюрьму, и тамъ, вытянувъ ему ноги и руки, ставятъ ихъ въ колодки, а на грудь кладутъ такой тяжелый камень, который едва въ состояніи были поднять четыре человекъ. Вслѣдъ за тѣмъ колесо, къ которому приделаны были мечи, разрѣзало мученика на 10 частей (*εις μέρος δέκα ἐκόπη*). Но ангелъ Господень исцѣлилъ мученика, и онъ отправился въ то мѣсто, гдѣ стояла статуя Аполлона и гдѣ находился царь. Георгія распілили на двѣ части, и онъ вторично воскресъ. Въ третій разъ является Георгій на судъ царя и въ третій разъ послѣ пытокъ отдаетъ Богу душу. Тѣло его бросаютъ въ горы на съѣденіе звѣрямъ и птицамъ, и въ третій разъ воскресаетъ мученикъ. Дальше некуда итти въ области чудеснаго, и самое мученичество доведено до полнѣйшей бессмыслицы. Нѣчто подобное находимъ мы въ рассказѣ о Пафнугіи, изданномъ болландистами только по латыни и названномъ

1) *Γεώργιος εἶπεν τὸ μὲν πρῶτον καὶ ἐξαιρετὸν ὄνομα μου, χριστιανός εἰμι, τὸ δὲ ἀνθρώποις Γεώργιος λέγομαι* = *Matth. Cap. p. 13, v, τὸ πρῶτον καὶ ἐξαιρετὸν ὄνομα χριστιανός, εἰ δὲ τὸ ἐν τῷ κόσμῳ ζητεῖς, Κάροπος.*

ими *acta fabulosa*; разсѣченный на четыре части Пафнуцій тоже воскресаеть на подобіе Георгія¹⁾.

Коптскій мартирій св. Георгія имѣеть ту же основу, что и греческій, но осложненъ нѣкоторыми эпизодами и чудесами и еще болѣе уходитъ въ сказочный мѣръ. Христіанъ гонитъ фантастическій царь Татіанъ (или Дадіанъ). Въ греческомъ разсказѣ Діоклеціанъ созываетъ сенатъ, людей, власть имущихъ и войско. Коптскій авторъ сообщаетъ, что Татіанъ велѣлъ явиться къ нему всѣмъ царямъ земли и всѣмъ провинціальнымъ правителямъ; явилось 80 царей, одинъ изъ нихъ Магненцій (въ греческомъ разсказѣ это второе лицо послѣ царя) допрашиваетъ Георгія. Въ коптскомъ разсказѣ вставленъ эпизодъ о состязаніи мага Аванасія съ св. Георгіемъ, при чемъ беретъ верхъ конечно послѣдній. Это соревнованіе между искусствомъ языческаго волшебника и чудесами, творимыми христіаниномъ, надо поставить въ связь съ борьбою между ап. Петромъ и Симономъ магомъ, составляющимъ существенное содержаніе апокрифа²⁾.

Среди мартиріевъ, изобилующихъ чудесами и слишкомъ реально повѣянными задачами борцовъ за вѣру, выдѣляется чудовищностью измышленныхъ подробностей разсказъ объ Іеронѣ, составленный по словамъ анонимаго автора на основаніи болѣе древнихъ записей. Разсказъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что Іеронъ, занимавшійся земледѣліемъ и пострадавшій, якобы при Діоклеціанѣ, оставилъ завѣщаніе такого содержанія: сестрѣ виноградникъ въ мѣстѣ Педисія съ тѣмъ, чтобы она совершала память о моемъ мученичествѣ, брату Киріаку 180 золотыхъ, а руку, отрѣзанную у меня бѣсновавшимся противъ насъ жестокимъ дуксомъ, матери моей Стратоникѣ съ тѣмъ, чтобы останки мои положили въ мѣстѣ Кодессани³⁾. До каррикатуры доведено мученичество Никиты въ разсказѣ, изданномъ В. М. Истринымъ. Никитѣ вбиваютъ гвозди въ голову, даютъ 600 плетей. Затѣмъ приносятъ раскаленное желѣзное ложе, имѣющее 900 колесъ, ставятъ его на очень высокомъ мѣстѣ, кладутъ на него мученика, и нечестивый царь приказываетъ съ высоты бросить кровать внизъ вмѣстѣ съ мученикомъ, чтобы разсыпались его члены. Мученикъ

1) *Acta Sanct.* VI, 683—688.

2) E. A m é l i n e a u. *Les actes des martyrs de l' église copte*, p. 241—313.

3) *Acta Sanct.* Novembr. III, 329—335.

перекрестилъ ложе, на немъ выросла трава и падая онъ пѣлъ Богъ Господь явился намъ, благословенъ грядый во имя Господне. Послѣ этого Никита говоритъ царю: видишь, безсердечный, какова сила Бога моего. Царь приказалъ разрубить Никиту на четыре части и разбросать его на четыре стороны земли. Хотя Никитѣ отрѣзали голову, онъ остался живъ, и его вслѣдъ затѣмъ безуспѣшно распилываютъ и столь же безуспѣшно бросаютъ въ огонь¹⁾.

Въ рассказы, въ которыхъ мученичество остается на первомъ планѣ, проникаютъ сказочныя и беллетристическія элементы. Подвигъ антиохійскаго епископа Вавилы происходитъ въ сказочной обстановкѣ при римскомъ императорѣ Нумеріанѣ, фактически не царствовавшемъ²⁾. Его и трехъ отроковъ царь послѣ пытокъ приговорилъ къ смертной казни. Ваявъ приговоръ, Вавила заклиналъ стоявшихъ тамъ людей (очевидно христіанъ), говоря: Заклинаю васъ Богомъ всевидящимъ, положите меня съ цѣпами на ногахъ моихъ и на шеѣ моей въ свидѣтельство тирана сего, имѣющаго вѣчно казниться и пребывать въ огнѣ нескончаемомъ, вѣчно наказующемъ ослужившихся Христа и прилѣпившихся къ демонамъ нечистымъ, т. е. къ идоламъ. Мартирій кончается такими словами: у него была отрублена голова и положена (т. е. положена въ раку) съ цѣпами шейною и ножными³⁾. Когда епископъ Авиногенъ подходилъ къ монастырю, говорится въ рассказѣ о его мученичествѣ, его встрѣтилъ олень и поклонился ему въ ноги. Святой сказалъ ему: Ты лишился братьевъ, а теперь лишишься и вскормившаго тебя, но Богъ да не дастъ ни тебѣ ни потомству твоему пасть отъ руки охотниковъ. Олень съ плачемъ палъ къ ногамъ святого и, осѣнивъ себя крестнымъ знаменемъ (*ὁ δὲ ἔλαφος κατασφραγίσας αὐτὸν*), сказалъ: иди съ миромъ⁴⁾. Когда отрубили голову Ермію, потекла кровь и вода; когда же казнили такимъ же способомъ Акилину, потекло молоко. Воины слышали голосъ, исходившій изъ мертваго тѣла, говорится въ мартиріи Ка-

1) Лѣтопись Истор.-Филол. Общ. при Новороссійск. Университетѣ, т. VII, 272—284.

2) Пр. Палест. Сборн. вып. 57, стр. 83—84.

3) А. Пападопуло-Керамевсъ. *Ἀνάλεκτα IV*, 256.

4) Въ коптскихъ актахъ Нумеріаномъ навывается персидскій царь. *Athélineau*, p. 187.

ріаки. Въ разсказѣ о трехъ мученикахъ выведены три старца, годы которыхъ уменьшаются сообразно съ духовнымъ саномъ: епископъ Акепсимъ 80 лѣтъ, пресвитеръ Іосифъ 70 лѣтъ и діакопъ Аивала 60 лѣтъ. Мученичество Дады отличается такими сказочными элементами, что можетъ быть отнесено и ко второму типу мартиріевъ. Во дни вѣчестиваго царя Савора послѣдовало гоненіе и разосланы были по всѣмъ городамъ грамоты царя съ повелѣніемъ предавать пыткамъ всѣхъ вѣрующихъ въ истиннаго Бога. Видя прославленіе Бога, совершаемое многими мучениками, первый членъ сената обратился въ христіанство. Это былъ родственникъ царя Дада. Савору донесли объ этомъ, и онъ очень испугался, такъ какъ Дада былъ посланъ имъ начальствовать надъ чужими странами (*ἀρχὴν εἰς τὰς ἐτέρας χώρας*). Царь велѣлъ Андрамелеху провѣрить доносъ и оказалось, что дѣйствительно Дада принялъ христіанство. Тогда велѣли изготопить громадную печь и бросить въ нее Даду. Мученикъ перекрестился, пламя внезапно погасло и вмѣсто огня показалась вода. Это чудо увидѣлъ сынъ царя Говделаа и былъ пораженъ. Онъ спросилъ: кто научилъ тебя такому чародѣйству? Тотъ сослался на силу вѣры. Нѣсколько дней подрядъ зажигали печь и каждый разъ, что Дада призывалъ имя Христа, огонь погасалъ. Тогда Говделаа увѣровалъ въ Христа. Андрамелехъ донесъ объ этомъ царю. Саворъ приказалъ бить его колючими вѣтвями. Четыре человѣка сѣкли такъ долго, что обезсилѣли, и ихъ смѣнили другіе. Нѣкій Гаргаль получилъ отъ царя власть преслѣдовать христіанъ. По его приказанію Даду били воловьими жилами, а затѣмъ отправили связаннѣмъ въ тюрьму. Гаргаль сообщаетъ царю, что Дада чудеснымъ образомъ освободился отъ оковъ. Наконецъ Гаргаль подъ вліяніемъ чудесъ, происходящихъ передъ его глазами, тоже обращается въ христіанство. Саворъ посылаетъ дочь свою Касдію уговорить брата, но и она измѣняетъ вѣрѣ отцовъ и становится христіанкой. Передъ нами сказанье о томъ, какъ постепенно всѣ дѣйствующія лица переходятъ въ христіанство¹⁾.

Къ сказкѣ подходитъ разсказъ о сорока мученикахъ, пострадавшихъ въ Севастіи при Лициніи. Это были 40 воиновъ (всѣ ихъ имена перечислены), которыхъ принуждали приносить жертвы

1) Acta Sanct. Septembr. VII, 129—134.

языческимъ богамъ. Ихъ судилъ въ Каппадокіи жесточайшій и отвратительный Агриколай. Онъ говоритъ имъ: такъ какъ вы служили въ войскѣ, то и теперь выкажите ваше согласіе съ властью, повинуйтесь законамъ царя и принесите жертвы богамъ. Отвѣчаютъ святые и говорятъ тиранну: если сражаясь за смертнаго царя мы побѣждали, какъ ты свидѣтельствешь, тѣмъ болѣе борясь за безсмертнаго царя, мы побѣдимъ твои злыя намѣренія. Судья отправляетъ ихъ въ тюрьму, а на слѣдующій день старается прежде всего уговорять ихъ и убѣждаетъ ихъ не превращать въ ненависть любовь, которую власть питаетъ къ войску. Кандидъ, говорящій за всѣхъ, отвѣчаетъ: Имя твое Агриколай очень къ тебѣ подходитъ, ибо ты дѣйствительно дикій льстець (обычная игра словъ: *Ἀγριόβλαος ἀγρίως ἐὶ κολακηντής*). Игемонъ говоритъ: развѣ не сказалъ я, что въ васъ ненависть и любовь? Такъ какъ въ насъ ненависть и любовь, отвѣчаетъ Кандидъ, мы тебя ненавидимъ, а Бога нашего любимъ. Ты, дикій, Богомъ нашимъ ненавидимый, не смѣй любить насъ, нечестивецъ, клеветникъ, тьмою покрытый, дикимъ прозываемый. Услышавъ такія слова, игемонъ зарычалъ, какъ левъ, и велѣлъ связать ихъ и отвести въ тюрьму. Киріонъ, который запѣвалъ псалмы, заявилъ: ты не имѣешь права наказывать насъ, а только допрашивать. Испугавшись игемонъ велѣлъ отвести ихъ въ тюрьму несвязанными. Черезъ 7 дней пришелъ изъ Кесаріи дуксъ (неизвѣстно, почему Агриколай называется игемономъ) и на 8-й день сидя на каедрѣ вмѣстѣ съ игемономъ велѣлъ привести святыхъ. Послѣ отказа подчиниться дуксъ приказываетъ камнями содрать имъ кожу съ глазъ. Кандидъ говоритъ: Вождь тьмы и всякаго беззаконія учитель, попробуй это сдѣлать и увидишь, какъ ты будешь наказанъ. Зарычавъ игемонъ говоритъ прислуживавшимъ воинамъ: О скверные служители, почему вы быстро не дѣлаете того, что вамъ приказываютъ? А служители, поднявъ камни, стали избивать другъ друга. Вскипѣвъ отъ гнѣва, дуксъ поднималъ камень, чтобы сокрушить одного изъ святыхъ, но вмѣсто того бросилъ камень въ глаза игемона и ослѣпилъ его. Игемонъ говоритъ: клянусь богами, тутъ совершилось какое то чародѣйство. Клянусь Богомъ, говоритъ Домнъ, выступилъ вашъ Богъ, развѣ ты не чувствуешь этого, въ безднѣ находящійся темный дьяволъ, чуждый истинѣ? Ты, Агриколай, источникъ соблазна и

глава діавола, и хвостъ діавола дуксъ Лисій, который съ тобой вмѣстѣ, вы оба служители сатаны. Утромъ на девятый день святыхъ опять привели на судъ тиранновъ. Тутъ появился діаволь, держа въ правой рукѣ мечъ, а въ лѣвой дракона, и шепнулъ ему на ухо: ты мой, борись. Игемонъ велѣлъ связать ихъ и къ шеѣ привязать веревку и свести ихъ всѣхъ вмѣстѣ къ озеру (въ Севастіи есть большое озеро). Въ то время, когда святые претерпѣвали мученичество, было очень холодно. Ихъ поставили среди озера голыми. Воздухъ былъ зимній и часъ самый холодный ибо день склонялся уже къ вечеру. По близости отъ озера была баня, которую растопили съ тѣмъ, чтобы могли туда убѣжать, кто откажется отъ христіанства. Въ первый часъ ночи заоченѣли отъ холода святые, и тѣла ихъ разорвались. Одинъ же изъ сорока дезертировалъ и убѣжалъ въ баню, но охваченный тепломъ тотчасъ же умеръ. Въ третій часъ ночи засвѣтило солнце такое же горячее, какъ лѣтомъ, и вода стала теплой. Сторожившіе ихъ люди всѣ заснули и бодрствовали одинъ капикларій (смотритель тюрьмы); онъ посмотрѣлъ на небо и увидѣлъ, что оттуда спускаются 39 вѣнковъ, и онъ разсуждалъ съ самимъ собой: ихъ сорокъ, почему же недостаетъ одного вѣнка? И онъ повялъ, что убѣжавшій въ баню не причисленъ къ сорока. Онъ разбудилъ стражу и сбросивъ съ себя одежду передъ ихъ глазами вошелъ въ озеро и закричалъ: и я христіанинъ. Побѣжденный сатана, превратившись въ человѣка и схватившись руками за колѣна, сказалъ передъ всѣми: Увы, я побѣжденъ святыми мужами и сталъ всеобщимъ посмѣшищемъ; а теперь я погублю сердце начальниковъ и сожгу тѣла ихъ и брошу въ рѣку, и сдѣлаю это, чтобы не нашли ихъ остатковъ. На утро пришла нечестивѣйшіе тиранны и приказали палками перебить имъ голени. Одною изъ нихъ ободряла мать, такъ какъ сынъ ея былъ моложе всѣхъ, она боялась, какъ бы онъ не оробѣлъ. Избиваемые всѣ вмѣстѣ, сказавъ послѣ молитвы „аминь“, они отдали Богу души. Живымъ оставался одинъ Мелитонъ, котораго ободряла мать. Тѣло святыхъ, по приказанію тиранновъ, нагрузили на повозки и отправили къ устью рѣки, покинувъ самаго молодого, который еще былъ живъ. Видя, что онъ одинъ покинутъ, мать его, отбросивъ женскую слабость и воспріявъ мужской разумъ и мужскую силу, поднявъ своего

сына къ себѣ на плечи, мужественно шла за повозками. Несомнѣй матерью юноша съ радостью отдалъ душу свою. Мать бросила его поверху другихъ, и разложивъ костеръ сожгли тѣла святыхъ (*κατέκαυσαν τὰ σώματα τῶν ἁγίων*). Совѣщаясь другъ съ другомъ, тиранны сказали: Если мы оставимъ такъ эти останки, ихъ возьмутъ христіане и наполнятъ ими весь міръ, а потому бросимъ ихъ въ рѣку. И они бросили ихъ въ сосѣднюю рѣку. Останки святыхъ отнесло къ скалѣ, и рѣка ихъ нисколько не испортила. Черезъ три дня епископу того города Петру было раскрыто: останки наши стерегутъ въ той рѣкѣ, приди ночью и вынь насъ изъ рѣки. Епископъ, взявъ съ собой благочестивыхъ клириковъ, отправился къ устью рѣки, и засвѣтились въ водѣ останки святыхъ словно свѣтила, и такимъ образомъ взяли останки святыхъ мучениковъ и положили ихъ въ ковчезцы¹⁾. Дулѣ клали раскаленные угли на голову, поливъ ее предварительно масломъ, а когда онъ умеръ, тѣло его бросили собакамъ. Но одна собака стерегла его тѣло, а другая отправилась за пастухомъ и привела его. Такимъ образомъ были спасены останки мученика²⁾.

Къ сказкѣ приближается мученичество діакона Аммона и сорока женщинъ. Дѣйствіе происходитъ въ царствованіе Лицинія въ городѣ Иракліи (древнемъ Перинѣѣ), главномъ городѣ никогда не существовавшей провинціи Европы (*ἐν μητροπόλει τῆς Ἐδρόπης*). Разказъ этотъ не могъ быть написанъ раньше 4-го вѣка, потому что Перинѣѣ уже переименованъ въ Ираклію, и того времени, когда создались женскіе монастыри и установленъ былъ чинъ богослуженія. Игемонъ Баудусъ (*Βαυδος*) привлекаетъ къ отвѣтственности Цельсину, жившую въ обители съ 40 святыми дѣвами. Во главѣ ихъ стояла діаконисса Лаврентія, а наставлялъ ихъ діаконъ Аммонъ. Игемонъ повелъ монахинь въ храмъ Зевса съ тѣмъ, чтобы онѣ совершили тамъ жертвоприношеніе. Цельсина отвѣтила: Мы имѣемъ свои жертвы, которыя ежедневно приносимъ нашему Богу. Когда она произнесла эти слова, появился передъ нею діаконъ Аммонъ, держа св. Евангеліе. Дѣвы сотворили молитву, кончавшуюся словами: Владыко, пошли ангела твоего и разбей на куски нѣмыхъ и безчувственныхъ истукановъ,

1) Gebhardt. Ausgew. Märtyreracten, p. 171—181.

2) Acta Sanct. Junii III, 520—525.

именуемыхъ богами Зевсомъ, Ареемъ и Діонисомъ. Послѣ ихъ молитвы потряслось то мѣсто и весь городъ, храмъ развалился, идолы упали, разбились на куски и превратились въ песокъ. Игемонъ же и всѣ стоявшіе тамъ пали лицъ. Жрецъ Зевеса повисъ въ воздухѣ и молилъ, говоря: Прикажите освободить меня, святыя дѣвы, и поставить на землю; и я увѣрю въ то же, во что вѣруете вы, ибо меня висящаго мучаютъ огненные ангелы. Игемонъ очень испугался и отправился въ преторій. Жрецъ же, долго провисѣвъ въ воздухѣ, упалъ на землю и умеръ. Смысль мученичества въ этомъ разсказѣ утрачивается; въ сказочной обстановкѣ мучителями становятся сами христіане и подвергають судью пыткамъ. Привлеченный къ допросу діаконъ Аммонъ, воздѣвъ руки къ небу, молится такъ: Господи, Иисусе Христе, свѣтъ истинный, источникъ жизни, пошли ангела твоего и укрѣпи раба своего, повѣсь злонамѣреннаго тирана, дабы звали всѣ, что ты единый истинный Богъ. Послѣ этой молитвы раскаленный мѣдный щитъ, который положили на голову Аммона, поднялся и опустился на голову игемона, и огненные ангелы повѣсили его въ воздухѣ. Не будучи въ состояннн переносить боль, онъ кричалъ: сжальтесь надо мной, рабы Божіи! Послѣ того какъ эта пытка игемона продолжалась много часовъ, діаконъ посовѣтовалъ дѣвамъ помолиться, и они опять поставили его на землю¹⁾.

Въ этомъ разсказѣ имѣется еще одно указаніе на время его составленія. Въ Иракліи монахини молились у мощей мученицы Гликеріи. Мы знаемъ, что императоръ Маврикій посѣтилъ въ этомъ городѣ храмъ св. Гликеріи въ 591 г.²⁾ Въ краткой редакціи мартирія Гликеріи (пространная редакція не издана)³⁾ говорится, что Гликерія пострадала въ первый годъ царствованія Антонина, когда игемономъ Европы былъ Сабинъ⁴⁾. Въ этомъ сказаннн, которое не можетъ быть особенно древнимъ, и по нѣкоторымъ внутреннимъ признакамъ и потому что въ немъ встрѣча-

1) Anal. Bolland. t. 31 (1912), p. 194—207.

2) Acta Sanct. Mai III, 12—15 (прилож.).

3) Martyr. Polyc. p. 5, 15 *εις πάντα τὸν ὄχλον, ἐμβλέψας καὶ ἐπισείσας αὐτοῖς τὴν χεῖρα, ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανόν* = Martyr. Glycer. *ἀνέτειλε τὸ ὄμμα εἰς τὸν οὐρανὸν καὶ σείσασα τὴν χεῖρα τῷ ὄχλῳ*. Гликерія повторяетъ молитву Поликарпа.

4) Th. Büttner-Wobst. Die Verehrung der heil. Glykeria (Byzant. Zeitschr. VI, 96). Автоинъ Пій умеръ въ 161 г., въ этомъ году легатомъ Фракіи былъ М. Понтій Сабинъ.

ются заимствования изъ Смирнскаго посланія о Поликарпѣ, язычники тоже несутъ заслуженную кару. Отъ молвіи падаетъ Зевсъ и разбивается на куски, потому что онъ былъ каменный, ангелы парализовали слугителей, бывшихъ мученицу, и они стали какъ бы мертвыми.

Въ нѣкоторыхъ мартиріяхъ слышатся беллетристическіе мотивы. Значительную роль играютъ злодѣи-доносчики, описываются трогательная привязанность рабовъ къ господамъ и материнская любовь. Храбрый воинъ Зиновъ отпустилъ на волю своихъ рабовъ, среди которыхъ былъ мальчикъ Зина, пожелавшій принять христіанство. Когда Зинона заключили въ тюрьму и привязали къ колодезю, къ нему пришелъ его рабъ Зина и цѣловалъ его узы. Тюремщикъ сообщилъ игемону, что Зиновъ склоняетъ своего раба къ христіанству, послѣдняго тоже привлекли къ отвѣтственности и такъ били, что онъ не въ силахъ былъ держаться на ногахъ¹⁾. Когда засадили Капитолину и морили ее голодомъ, ея раба Эротіида принесла ей въ тюрьму хлѣбъ, но Капитолина отвѣтила ей евангельскими словами: не единымъ хлѣбомъ живъ будетъ человекъ, отдай его тѣмъ, кто въ немъ нуждается. За свою преданность Эротіида пострадала; ее заключили въ тюрьму и тоже не давали ѣсть; зато ее кормилъ ангелъ²⁾. Императоръ Юліанъ привлекъ къ отвѣтственности Анну, мать Киріяка. Она приходитъ къ нему въ тюрьму и говоритъ ему: Добре подвизался ты, сынъ мой, за владыку нашего Христа. Помяни отца твоего и мать твою и искупи грѣхи отцовъ твоихъ. Помяни меня, ибо я въ болгаряхъ родила тебя и молокомъ вскормила. За это и Анну подвергли пыткамъ³⁾.

Въ фантастической обстановкѣ романа происходитъ мученичество Эмилиана. Въ царствованіе Юліана мѣсто префекта въ г. Доростолѣ занималъ Капетулинъ, очень желавшій проливать христіанскую кровь. Сидя въ своемъ преторіи, онъ спросилъ своихъ подчиненныхъ, есть ли въ городѣ христіане, отказывающіеся приносить жѣрты богамъ? Ему отвѣтили: всѣ жители нашего города поклоняются нашимъ богамъ. Капетулинъ очень этому обрадовался и пригласилъ всѣхъ вельможъ на пиръ. Восполь-

1) Acta Sanct. Junii V, 406—411.

2) Ibid. Octobr. XII, 202—217.

3) Прав. Палест. Сборн., вып. 57, стр. 189.

зовавшись этимъ обстоятельствомъ, Эмилианъ вошелъ въ храмъ и перебилъ всѣхъ находившихся тамъ идоловъ и вылилъ всѣ чаши съ возліяніемъ. Увидѣлъ это случайно помощникъ Капетулина и сообщилъ ему о томъ, что сдѣлали въ храмѣ. Капетулинъ сказалъ: приведите его, и я погублю его, кто бы онъ ни былъ. Солдаты отправились на поиски и, встрѣтивъ одного землевладѣльца, шедшаго съ горъ, повели его въ преторій. Къ нимъ подошелъ Эмилианъ и говорить: пощадите этого человѣка, прошу васъ, пощадите, такъ какъ онъ ни въ чемъ не погрѣшилъ, я тотъ, кого вы ищете. Воины Валеріанъ и Максентій, издѣваясь надъ нимъ, повели его въ преторій. Префектъ Капетулинъ спрашиваетъ: въ чемъ повиненъ этотъ человѣкъ? Чиновники префекта отвѣчаютъ: мы просимъ подвергнуть его самымъ жестокимъ пыткамъ за то, что совершилъ онъ въ храмѣ. Капетулинъ подвергаетъ его допросу, и между отдѣльными вопросами его цѣлыми часами подвергаютъ избіенію. Наконецъ префектъ спрашиваетъ: ты рабъ или свободный? Эмилианъ отвѣчаетъ: я рабъ Христа и сынъ префекта этого города Савватіана. Капетулинъ говоритъ: ты будешь брошенъ въ огненную печь, а отецъ твой заплатитъ казнѣ литру серебра, такъ какъ вслѣдствіе его небрежности ты вышелъ такимъ сквернымъ. Его вывели за городъ къ устью Дуная, гдѣ приготовлена была печь, куда его и бросили, однако безъ всякаго успѣха. Видя, что огонь не тронулъ его и онъ остался цѣлъ, Эмилианъ прославилъ Бога и, повернувшись къ востоку, осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ и сказалъ: Господи, Иисусе Христе, прими духъ мой, и сказавъ это, тихо скончался (*ἐκοιμήθη ἐν κρῆρῃ*)¹⁾.

Разказы о Никонѣ и Кодратѣ имѣютъ черты общія съ романами путешествій. Красивый воинъ Никонъ происходилъ изъ страны Неаполитанской (*ἐκ Νεαπολιτῶν χωρᾶς*), мать его была христіанкой, отецъ язычникомъ. Передъ сраженіемъ онъ, будучи еще язычникомъ, осѣнялъ себя крестнымъ знаменемъ и молился. Все воинство удивлялось, что Никонъ побѣждалъ крестомъ. Онъ отправился на гору Ганосъ. Тутъ встрѣтилъ онъ авву въ одеждѣ епископа и съ нимъ 15 монаховъ и поселился въ пещерѣ. Епископъ спросилъ его, зачѣмъ онъ пришелъ? Никонъ отвѣтилъ:

1) Acta Sanct. Julii IV, 373—375.

я переселился изъ Италіи и желаю сдѣлаться христіаниномъ. Епископъ крестилъ Никона, и онъ подвизался три года въ пещерѣ, отличался терпѣніемъ и постами. Ангелъ явился во снѣ епископу Θεодосію и сообщилъ ему, что онъ долженъ назначить своимъ преемникомъ Никона. Поэтому Θεодосій рукополагаетъ Никона и передаетъ ему 190 монаховъ. Епископа Θεодосія, убѣжавшаго изъ Кизика вслѣдствіе происходившихъ тамъ ежедневно безпорядковъ (*διὰ τὰς ἀταξίας τὰς γινόμενας καθ' ἡμέραν ἐξ ἡμέρας*), похоронили возлѣ пещеры. Никонъ отправился послѣ этого на родину, онъ поплылъ въ Митилину, оттуда въ Наксію и черезъ 22 дня прибылъ въ Неаполь. Мать его сначала не узнала и спрашиваетъ: гдѣ мой сынъ? Онъ отвѣчаетъ: это я Никонъ. Тогда мать умираетъ. Изъ Неаполя Никонъ отправляется въ Сицилію, въ городъ Тавроменію; онъ беретъ съ собой солдатъ, которыхъ обращаетъ въ христіанство и которые постригаются. Объ этомъ доносятъ игемону Квинтіану, который постановляетъ отрѣзать голову 199 солдатамъ и бросить головы въ огонь. Никона же велѣно поднять на древо и поджечь съ четырехъ сторонъ. Вслѣдъ за тѣмъ привязываютъ его къ дикимъ конямъ, чтобы они растерзали его, но они дѣлаются болѣе кроткими, чѣмъ овцы. Игемонъ говоритъ ему: видишь, какъ враждебно относятся къ тебѣ боги и не желаютъ погубить твое тѣло, такъ соверши жертвоприношеніе богамъ. Никонъ отвѣчаетъ: анаема тебѣ. Ему избиваютъ камнями глаза и вырѣзаютъ языкъ. Никона свезли въ то мѣсто, гдѣ онъ жилъ близъ рѣки Азина, и отрубили голову. Трупъ бросили на съѣденіе звѣрямъ. Черезъ два дня пастухъ наткнулся на тѣло Никона, и одинъ человекъ исцѣлился отъ болѣзни. Узнавъ объ этомъ, епископъ Θεодосій въ сопровожденіи духовенства со свѣчами и кадилами пошелъ на розыски и нашелъ остатки епископа Никона и 199 съ нимъ пострадавшихъ. Θεодосій положилъ ихъ въ раки; тѣла оказались невредимыми, но безъ головъ¹⁾.

Кодратъ безъ всякой видимой причины путешествуетъ изъ города въ городъ по желанію судьи или вѣрнѣе сочинителя. Сначала онъ въ Никомидіи посѣщаетъ христіанъ, заключенныхъ въ тюрьму, и тамъ его судятъ проконсулъ Периній и игемонъ

1) Acta Sancti Martini III, 18—22 (прил. стар. изд.).

Максимъ. Отправившись въ храмъ, находившійся въ Никеѣ, и принеся жертвы богамъ, проконсулъ велитъ явиться туда Кодрату и его спутникамъ; тутъ вторично подвергается онъ пыткамъ. Проконсулъ постановляетъ отвести каждаго въ его родной городъ и селеніе и тамъ сжечь живымъ; Кодрата же, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими святыми, отвести въ Елиспонтъ (*ἐπὶ τὴν Ἐλισπόντου*). Придя въ городъ Апамею и принеся жертвы идоламъ, проконсулъ велитъ явиться мученикамъ. Тутъ въ третій разъ пытаются Кодрата на лиеостротонѣ¹⁾. Когда же толпа братіи (*τὸ πλῆθος τῶν ἀδελφῶν*) сказала „аминь“ послѣ молитвы Кодрата, проконсулъ велѣлъ схватить двухъ изъ нихъ и привести къ себѣ; то были Сатурнинъ и Руфинъ. Ихъ повѣсили и строгами ногтями, пока внутренности не грозили выпасть на землю. Проконсулъ велѣлъ вывести ихъ на дорогу Елиспонта (*κατὰ τὴν ὁδὸν Ἐλισπόντου*) и тамъ отсѣчь имъ головы. Кодрату же, вмѣстѣ съ остальными, проконсулъ велѣлъ слѣдовать въ Аполлонію. Войдя въ храмъ Аполлона, онъ велѣлъ привести Кодрата съ остальными и здѣсь пытается его въ четвертый разъ. Кодрата сажаютъ въ тюрьму и на слѣдующій день ведутъ его на островъ Елиспонтъ. Когда перешелъ онъ рѣку Риндакъ, встрѣтилъ его тамошній игемонъ и собравшійся народъ, желая его привѣтствовать, въ дѣйствительности же желая видѣть борца Христова, ибо слава о немъ распространилась не только по всей Азіи, но и почти по всему міру. Проконсулъ велѣлъ всѣхъ свести въ деревню Серукоми (*εἰς κώμην Σερονκώμην*), такъ какъ тамъ было воздвигнуто много идоловъ. Привели Кодрата, и народъ пришелъ смотрѣть на подвигъ блаженнаго мужа. Явился Кодратъ обогранный кровью, но все же съ веселымъ лицомъ. Онъ улыбался, хотя отъ перенесенныхъ имъ пытокъ онъ не могъ ходить и его везли на повозкѣ. Поставили на огонь сковороду, налили на нее смолы и масла и положили Кодрата. Онъ пѣлъ псаломъ и, когда кончилъ его въ теченіе двухъ часовъ, началъ издѣваться надъ проконсуломъ, говоря ему: огонь твой холоденъ (*τὸ πῦρ σου τοῦτο ψυχρὸν ἐστίν*)²⁾ и желѣзо твоей сковороды легче моего сердца. Много времени прошло, и огонь не причинилъ вреда

1) Ев. отъ Іоанна, XIX, 13 *Πιλάτος ἐκάθισεν ἐπὶ τοῦ βήματος εἰς τόπον λευόμενον Λιθόστρωτον.*

2) Въ предисловіи къ мартирію Поликарпа (2, 9): *τὸ πῦρ ἦν αὐτοῖς ψυχρὸν*

Кодрату. Тогда проконсулъ велѣлъ вывести Кодрата за городъ (авторъ забылъ, что онъ находится уже за городомъ) и отсѣчь ему голову на сосѣдномъ холмѣ¹⁾.

Нѣкоторые мученики всего ближе подходятъ къ апокрифическимъ дѣяніямъ апостоловъ. Таковъ напр. рассказъ о Киріакѣ, Ипполитѣ, Максимѣ и Хрисѣ²⁾. Онъ начинается словами: во дни царя Клавдія въ присутствіи викарія Вулпія Ромулла началось величайшее гоненіе на христіанъ. Ценсуринъ объявляетъ императору: въ наши дни родился Христосъ отъ дѣвы и т. д. Клавдіей велѣлъ посадить его въ тюрьму въ г. Остіи. Тамъ жила Хриса (*χρυσή*, золотая), домовладычица senatorскаго званія (*οικονομική* *οικοδέσπονα*), происходившая изъ царскаго рода и вынесшая уже много гоненій. Она приняла на свое попеченіе Ценсурина и кормила его, пока онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Тамъ же жили діаконъ Архелай и пресвитеръ Максимъ. Послѣдній обладалъ чудодѣйственной силой, по его молитвѣ съ узника Ценсурина спали кандалы. Тогда цѣлый рядъ лицъ палъ къ ногамъ Максима и былъ имъ окрещенъ, а епископъ Киріакъ ночью помазалъ ихъ миромъ. Всѣ эти лица были подвергнуты пыткамъ и приговорены къ смертной казни. Хрису бросили въ море, предварительно подвѣсивъ къ ней камни. Послѣ всѣхъ пострадалъ еще Сабиніанъ по особенному поводу. Онъ не пожелалъ отдать викарію сокровища, оставшихся послѣ смерти Хрисы. Въ сказаніи о Діонисіи, Рустикѣ и Елевѣеріи, пострадавшихъ при Домиціанѣ въ Парижѣ, говорится, что ап. Павелъ, находясь въ Афинахъ, обратилъ въ христіанство Діонисія³⁾. Сюда же относится повѣствованіе о евангельскомъ сотникѣ Лонгинѣ, голову котораго приносятъ Пилату⁴⁾.

Немногіе рассказы о мученичествахъ, происшедшіе въ византійскую эпоху, по существу ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ. Гонителями являются вмѣсто римскихъ императоровъ или византійскіе или восточные цари. Изъ иконоборческой эпохи имѣется всего два мученика: Павла и Андрея въ Крисѣ. Павла приводятъ на судъ императора, и послѣдній спрашиваетъ

1) *Analect. Bolland. I, 448, 456, 462, 464—465, 467—469.*

2) *Patr. gr. t. 10, p. 552—570.*

3) *Ibid. t. 4, p. 669—684.*

4) *Ibid. t. 93, p. 1545—1560.*

его, кто онъ и откуда. На подобіе римскихъ судей Константинъ Копронимъ сначала убѣждаетъ Павла перейти на его сторону, а затѣмъ, когда тотъ упорно отъ этого отказывается, велитъ вырвать ему ноздри и отвести въ тюрьму. Черезъ три дня (какъ это часто повторяется въ мученичествѣхъ) его вновь приводятъ на судъ. Павелъ все стоитъ на своемъ. Царь, исчадіе демона, приходитъ въ бѣшенство и велитъ лить на голову мученика расплавленную смолу. Съ готовностью и мужествомъ выноситъ мученикъ эту пытку. Наконецъ царь постановляетъ выколоть ему глаза, связавъ ноги веревкой влечь его по площади и послѣ смерти бросить на сѣденіе собакамъ. Такъ и поступили. Но благочестивые люди взяли его тѣло и хранили его, пока не наступили вновь благочестивыя времена¹⁾. При томъ же Константинъ пострадалъ Андрей въ Крисѣ, разсказъ о мученичествѣхъ котораго изложилъ X. М. Лопаревъ, ошибочно назвавъ его житіемъ. Андрея бьютъ такъ сильно по спинѣ и груди, что отлетали куски мяса и земля обогрѣлась кровью. Полумертваго его, какъ Павла, связываютъ веревкой и влечутъ по площадямъ. Тѣло его бросаютъ, но православные похищаютъ его²⁾.

Длинный разсказъ о мученичествѣхъ Аремы³⁾, пострадавшемъ при царѣ Юстинѣ въ странѣ омиритовъ, наглядно доказываетъ, что подобныя разсказы составляли нѣкоторый литературный родъ и что ихъ авторы пренебрегали исторической обстановкой. Царемъ омиритскимъ былъ въ тѣ времена Дунаанъ, такой же беззаконный кровопійца, какъ римскіе императоры. Онъ издаетъ повелѣніе, очень похожее на указы римскихъ императоровъ: Кто не будетъ хулить Распятаго, тотъ погибнетъ отъ меча и въ огнѣ. Вслѣдствіе сопротивленія жителей города Негра сжигаютъ 427 человекъ. Городскихъ старшинъ и въ томъ числѣ Арему заковываютъ въ цѣпи. Глашатаи кричатъ на омиритскомъ языкѣ: отрекайтесь отъ такъ называемаго Христа. Тогда погибло 4252 человекъ, не соглашавшихся отказаться отъ своей вѣры, въ томъ числѣ 227 женщинамъ отрубили голову мечомъ. Одна знатная женщина, не названная по имени, выражается такъ, какъ это вообще принято въ мученичествѣхъ. „Ты, царь, совѣтуешь мнѣ, го-

1) Пападопуло-Керамевсъ. *Аνάλεκτα*. IV, 247—251.

2) X. Лопаревъ. *Греческія житія святыхъ*, стр. 43—47.

3) Voissonade. *Anecdota graeca* V, 1—62.

ворить она, отречься отъ вѣчной жизни и жить временной, но я боюсь вѣчнаго огня и не умирающаго червя (Марк. IX, 44; гдѣ червь не умираетъ и огонь не угасаетъ) и стыда отреченія, намъ предпочтительнѣе умереть, чѣмъ послушаться тебя, ибо если умремъ въ этомъ исповѣданіи, будемъ жить. Призываютъ на судъ Арею съ 340 вмѣстѣ съ нимъ заключенными, и царь омиритскій учиняетъ ему такой же допросъ, какъ римскіе администраторы. Арею напоминаетъ Поликарпа; онъ тоже глубокой старецъ, ему 95-й годъ, и онъ выражаетъ свою радость по поводу того, что Христосъ удостоилъ его умереть за его имя и что онъ пьетъ чашу мученичества¹⁾.

Въ византійскую эпоху названіе мучениковъ присвоили монахамъ, пострадавшимъ отъ мусульманъ. Въ сказаніи о мученичествѣ св. отцовъ, избіенныхъ варварами въ Савинской лаврѣ (Палестинской), повѣствуется о нашествіи арабовъ 788 г. Авторъ, не жалѣя красокъ, рассказываетъ, какъ „жестокіе, звѣровидные и безчеловѣчные варвары безжалостно поражали ударами тѣла отцовъ, однихъ рубили мечами по шеѣ, другимъ разбивали головы тяжелыми камнями, инымъ ломали голени, иныхъ били по лицу палками, и нельзя было видѣть кого-нибудь, не истекающаго кровью“. Хотя монахи прятались въ горахъ и пещерахъ, но ихъ и тамъ разыскивали. Схватили напр. игуменіарха (приставленнаго для приѣма останавливавшихся въ игуменскомъ домѣ прѣзжихъ) Іоанна „копьеносцы діавола, и нанесли ему тьму побоевъ и ударовъ камнями, подрѣзали жилы и, оставивъ полумертвымъ, не позволили гонимому сойти въ церковь на собственныхъ ногахъ (хотя не совсѣмъ понятно, какъ могъ это сдѣлать полумертвый съ подрѣзанными жилами), но, стаскивая его за ноги, по скаламъ и острымъ камнямъ влекли его съ вершины горы до самой церкви. Содравъ всю кожу со спины, они бросили его еле дышащаго на церковномъ дворѣ“. Злодѣйскіе поступки со стороны непріятеля составляли въ то время обычное явленіе, и необходимо было оправдать причисленіе къ лику мучениковъ пострадавшихъ монаховъ. Мы это и находимъ въ пале-

1) Арею говоритъ: *μακάριός εἰμι διὰ κατηξίωσεν μου Χριστός ἀποθανεῖν ὑπὲρ τοῦ ὀνόματος αὐτοῦ . . . νῦν τὸ ποτήριον τοῦ μαρτυρίου πίωμαι. Mart. Polyc. 7, 23 Κύριε ἐδόξω σε, διὰ κατηξίωσάς με τοῦ λαβεῖν μέρος ἐν ἀριθμῶ τῶν μαρτύρων ἐν τῷ ποτηρίῳ τοῦ Χριστοῦ.*

стинскомъ сказаніи, и съ этой стороны оно для насъ всего интереснѣе. Выставляется слѣдующій подвигъ Сергія. „Онъ зналъ потаенное мѣсто, гдѣ были спрятаны священные сосуды, и убоявшись, что онъ, какъ человѣкъ, не вынесетъ мученій, укажетъ это мѣсто и за это подпадетъ суду, какъ предавшій святое псамъ и принесенное Богу предоставившій слугамъ сатаны, онъ подумалъ, что лучше бѣжать и снискать бѣгствомъ избавленіе отъ такого суда“. Его однако схватили и принуждали уколами мечей возвратиться опять въ лавру. „Растягивая его обнаженнаго, варвары грозили, что отрѣжутъ ему голову, если не побѣжитъ назадъ“. Сергій упорно отказывался исполнить требованіе сарацинъ. Нѣкій отступникъ, извлекши мечъ у товарища, ударилъ его по шеѣ. Не насытивъ этимъ своего безумія, онъ нанесъ ему второй и третій ударъ. Затѣмъ, столкнувъ его въ потокъ, они забросали его большими камнями, такъ что разбили почти все его тѣло. „Такъ доблестно боролся онъ противъ коварства врага, возсталъ противъ грѣха до крови, нисколько не отступилъ отъ высочайшей доблести, не допустилъ ради трусости или страха смерти никакой низкой страсти, но явившись во истину благороднымъ, богоподобнымъ душою и крѣпчайшимъ, первый стяжалъ вѣнецъ мученическій“. Далѣе слѣдуетъ длинное разсужденіе въ доказательство, что избитые монахи достойны мученическаго вѣнца. Авторъ спрашиваетъ: развѣ только убиваемые за отказъ служить идоламъ и отречься отъ Христа должны называться мучениками? И отвѣчаетъ такъ: Я же говорю, слѣдуя словамъ мудрыхъ и богоглаголивыхъ учителей, что и всякій убиваемый за малѣйшую изъ заповѣдей Христовыхъ есть совершенный мученикъ. Авторъ доказываетъ, что монахи соблюдали величайшую заповѣдь. любовь къ ближнему и душу свою положили за друзей своихъ. „Я же утверждаю, продолжаетъ авторъ, что имъ надлежитъ надѣть тройной вѣнецъ подвижничества и мученичества, во-первыхъ, потому что они убиты за Христа; ибо, если они ради Христа жили въ сей пустынѣ, то все, что терпятъ въ ней, очевидно, претерпѣваютъ за Него; во-вторыхъ, потому что они предали себя за лавру, ея состояніе и за спасающихся въ ней; въ-третьихъ, потому что они предпочли умереть за своихъ братьевъ и отцовъ“. Авторъ старается подкрѣпить свою мысль примѣрами, которые въ свою очередь требовали бы дока-

зательствъ. Причтены къ лику мучениковъ святыя отцы, убіенныя на Синаѣ, а они развѣ не были неправедно зарѣзаны варварами, требовавшими денегъ, которыхъ они не имѣли? Здѣсь мученичество получаетъ новое и специально монашеское толкованіе¹⁾.

Мученичество Иліи Новаго, пострадавшаго въ 779 г. отъ арабовъ, составлено по типу древнихъ мартиріевъ. На Илію, державшаго мастерскую, донесли, будто онъ отступилъ отъ христіанской вѣры, и его привлекли къ суду эпарха. Илія отвѣчаетъ, что онъ никогда отъ Христа не отрекался. Идетъ допросъ въ той же формѣ, которую принимаютъ за судебный протоколъ. Эпархъ сказалъ, святой отвѣтилъ и т. д. Илія нѣсколько разъ повторяетъ: я христіанинъ. Эпархъ уговариваетъ Илію отречься отъ Христа. „Мы совѣтуемъ тебѣ, говоритъ онъ, приступить къ служенію арабовъ и получить отъ насъ всякую честь“. Это въ высшей степени невѣроятно, потому что арабы отличались, какъ извѣстно, вѣротерпимостью. Крімъ того въ рассказѣ о мученичествѣ Иліи Новаго замѣтно вопіющее противорѣчіе. Арабскій эпархъ привлекаетъ его сначала къ отвѣтственности за то, что онъ отрекся отъ христіанства; а потомъ подвергаетъ его пыткамъ за то, что онъ не хочетъ отречься отъ Христа. Судья приказываетъ подвергнуть раздѣтаго святого бичеванію, пока онъ, принужденный силою, не придетъ къ отреченію, въ которомъ обвиняется. Слѣдуютъ тѣ же самыя пытки, о которыхъ приходится читать столько разъ въ рассказахъ о мученикахъ, пострадавшихъ въ римскую эпоху. Илію бьютъ воловьими жилами, заковываютъ въ кандалы и приказываютъ стащить за ноги въ темницу. Черезъ нѣсколько дней Илію опять приводятъ къ судѣ Лиеви. Эпархъ приказываетъ снова бить его воловьими жилами; такъ какъ плоть была сгнившей, она разорвалась и выпустила много сукровицы, при чемъ выпадали черви и распространялся смрадъ. Тогда эпархъ, не вынесши зрѣлища гніенія, приказываетъ бить святого, поверженнаго лицомъ на землю, палками отъ бедеръ до ногъ съ обѣихъ сторонъ, надѣясь или покорить мужественнаго подвижника, или умертвить его“. Илію опять тапчатъ въ тюрьму; когда влекли его, собралась толпа, одни топтали его, другіе пле-

1) Прав. Палестин. Сборн. вып. 57, стр. 32—35.

вали, третьи бросали въ него чѣмъ попало. Послѣ этого Леиеи отправляется къ Мухамадѣ, который называется тетрархомъ (какъ Иродъ) и игемономъ (какъ Пилатъ). Илію подвергаютъ новымъ пыткамъ. Авторъ подражалъ древнимъ мартиріямъ, и рассказъ его можно разсматривать лишь съ точки зрѣнія литературной, но никакъ не исторической¹⁾. Къ подобнаго же рода произведеніямъ принадлежатъ рассказы о 63 воинахъ, пришедшихъ на поклоненіе Гроба Господня въ царствованіе Льва Исавра и казенныхъ послѣ пытки арабскимъ тиранномъ кесарійскимъ Соломономъ Милхинымъ²⁾, и о 60 мученикахъ, распятыхъ въ Іерусалимѣ въ то же царствованіе совѣтникомъ кесарійскимъ³⁾. Сюда же относятся сказанія о 42 аморійскихъ мученикахъ (9-го вѣка), прекрасно изданныя нашими первоклассными учеными В. Г. Васильевскимъ и П. В. Никитинымъ и не нуждающіяся ни въ какихъ дополнительныхъ разъясненіяхъ⁴⁾.

1) Тамъ же, стр. 42—59.

2) Тамъ же, стр. 136—172.

3) Прав. Палест. Сборн. вып. 34.

4) Записки Имп. Академіи Наукъ, т. VII, № 2 — 1905 г.

ГЛАВА VII.

Сказочные мотивы.

Въ разсказѣ о приключеніяхъ мученика Маманта, на первый планъ выдвигаются фантастическіе элементы, а самое мученичество отступаетъ назадъ и представляется не нужнымъ. Это смѣшанный типъ сказанія, гдѣ житійныя черты соединяются со сказочными. Мамантъ не только мученикъ, но и сынъ мучениковъ. Родители его Θεодотъ и Руфина, христіане благороднаго происхожденія, пострадавшіе отъ римской власти. Александръ, начальникъ города Гангры, принуждалъ сначала Θεодота поклоняться идоламъ, а затѣмъ отослалъ его къ Фаусту, игемону Кесаріи Каппадокійской. За нимъ послѣдовала жена, несмотря на свою беременность, и вмѣстѣ съ нимъ посажена была въ тюрьму. Послѣ казни Θεодота Руфина не вынесла тяжкихъ тюремныхъ условій и преждевременно родила сына. Она молилась, чтобы Богъ, создавшій человѣка и изъ ребра его жевцину, сподобилъ и ее пойти по тому же пути, по которому пошелъ ея мужъ. Вслѣдъ затѣмъ Руфина умерла. Нѣкая благочестивая жевцина Аммія испросила у игемона позволеніе взять тѣла умершихъ и усыновить младенца. Когда ему шелъ второй годъ, онъ назвалъ Аммію маммой (*μάμμα*), что на латинскомъ языкѣ значитъ мать (*τοῦτο δὲ τῆ Ῥωμαίων διαλέκτῳ τὴν μητέρα δηλοῖ*), поэтому и его самого назвали Мамой (*Μάμας*). Аммія, прозывавшаяся также Матроной,

умерла, когда Маманту было 15 лѣтъ, и передала ему по наслѣдству все свое имущество. Димокритъ, преемникъ Фауста въ Кесаріи, считалъ нужнымъ принять мѣры противъ христіанина Мамы, но не рѣшался сдѣлать это безъ позволенія императора и отправилъ юношу къ Аврелиану въ городъ Эги (т. е. чрезъ всю Малую Азію). Римскій императоръ требовалъ, чтобы Мамантъ принесъ жертву какому-то Сарапіону (*Sarapion*) и за отказъ подвергъ его жестокому наказанію. Затѣмъ императоръ приказываетъ привязать ему къ шеѣ свинцовый шаръ и бросить въ море. Но по слову псалмопѣвца (Псал. 90, 11 ангеламъ своимъ заповѣдаетъ о тебѣ охранять тебя на всѣхъ путяхъ твоихъ) Богъ послалъ ангела во образѣ челоуѣка, видъ котораго испугалъ воиновъ, ведшихъ Маманта, и принудилъ ихъ бѣжать. Мученикъ же Мамантъ пошелъ на гору въ Кесаріи. Мы имѣемъ дѣло со сказочной географіей, ему ничего не стоило перелетѣть нѣсколько сотъ верстъ съ берега Эгейскаго моря. Мамантъ провелъ на горѣ 40 дней безъ пищи, а затѣмъ построилъ храмъ. Такъ какъ онъ долженъ былъ и руками работать, по ученію ап. Павла¹⁾, онъ приручилъ всякихъ дикихъ звѣрей, доилъ животныхъ женскаго пола и дѣлалъ сыръ; излишки онъ относилъ въ Кесарію и раздавалъ нуждающимся. Разнеслась слава о Мамантѣ, и другой Александръ, назначенный тогда игемономъ Кесаріи, послалъ всадниковъ разыскать Маманта и привести къ нему. Посланцы, увидѣвъ Маманта, нарочно поспешаго къ нимъ на встрѣчу, и не зная его въ лицо, спросили его, гдѣ находится Мамантъ. Тотъ пригласилъ ихъ сначала поужинать, обѣщая послѣ того указать имъ Маманта. Онъ угостилъ ихъ сыромъ и хлѣбомъ. Въ это время по обыкновенію подошли къ Маманту звѣри женскаго пола, и онъ началъ доить ихъ. Всадники отъ испуга бросили ужинъ и просили защиты у Маманта. Тогда онъ объяснилъ имъ, что онъ и есть тотъ челоуѣкъ, котораго они ищутъ, и что онъ скоро явится. Всадники, посланные жестокимъ Александромъ, повѣрили ему на слово и отправились во свояси. Мамантъ помянулъ къ себѣ одного изъ жившихъ на горѣ львовъ и приказываетъ ему прибѣжать вслѣдъ за нимъ на стадій и растерзать еллиновъ и іудеевъ, хулящихъ Христа. Отдавъ такое приказаніе

1) II Фессал. III, 8 ии у кого не ѣли хлѣба даромъ, но занимались трудомъ и работою. III, 10 если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь.

льву, онъ спѣшитъ къ городскимъ воротамъ, гдѣ соединяется съ поджидавшими его всадниками. Маманта приводятъ къ Александру, который спрашиваетъ его, онъ ли знаменитый магъ? Послѣ пытки Маманта отводятъ въ тюрьму, и тамъ онъ чудеснымъ образомъ снимаетъ кандалы съ 40 христіанъ, отпираетъ имъ двери и даетъ имъ возможность убѣжать. Маманта сажаютъ въ огненную печь, и сидитъ онъ въ ней три дня безъ всякихъ послѣдствій, ни одинъ волосъ на немъ не сгорѣлъ. Вслѣдъ затѣмъ отправленъ онъ быть на стадіи, гдѣ долженъ былъ быть съѣденъ звѣрями. Не тронули его выпущенные на него пантера и медвѣдь (это тѣ самые звѣри, которые дѣйствуютъ въ мартиріи Перпетуи). Но не такъ поступилъ левъ, вызванный Мамантомъ съ горы. Съ рычаніемъ набросился онъ на язычниковъ и многихъ растерзалъ когтями и зубами. Наконецъ желѣзнымъ трезубцемъ (оружіемъ бога Посейдона) пронзили Маманту внутренности, а онъ неся въ рукахъ свои внутренности (*διαβαράζει τὰ ἔντερα*) и гордясь своей ношей выходитъ за городъ. Пройдя два стадія, мученикъ ложится въ пещеру и тамъ умираетъ¹⁾.

Сказаніе о Мамантѣ интересно въ томъ отношеніи, что смыслъ мученичества позабытъ. Мученикъ также враждебно относится къ язычникамъ, какъ къ нему римскіе администраторы; по его желанію левъ терзаетъ людей изъ толпы, которые ничѣмъ не провинились и страдаютъ за грѣхи правительства. Очень замѣтны отзвуки Гомера и сказокъ о благодарныхъ животныхъ. Циклопъ Полифемъ жилъ, какъ и Мамантъ, въ уединеніи, готовилъ сыръ и, когда появился въ его пещерѣ Одиссей, „сѣлъ онъ и матокъ добить привидѣся надлежащимъ порядкомъ, козъ и овецъ (Одис. IX, 244)“. Въ древности пользовался большимъ распространѣніемъ анекдотъ о благодарномъ львѣ, спасшемъ Андрокла, рассказанный Эліаномъ (VII, 48) въ слѣдующемъ видѣ. Рабъ Андроклъ, принадлежавшій римскому сенатору, убѣжалъ отъ своего господина и попалъ въ Ливію. Тамъ встрѣтился онъ со львомъ, въ котораго попала заноза; онъ протянулъ лапу юношѣ и попросилъ вынуть у него заносу. Андроклъ оказалъ эту услугу льву и прожилъ съ нимъ въ дружбѣ три года. Въ одинъ прекрасный день Андрокла схватили и связаннымъ отправили въ

1) Θεοφίλου Ἰωάννου. *Μνημεῖα ἀγιολογικά*, p. 338—351.

Римъ къ его господину, который приказалъ отдать его на сѣдѣніе звѣрямъ. Въ то же время поймали и этого льва и доставили его въ театръ. Когда Андроклъ вышелъ на арену, онъ не узналъ льва, но левъ узналъ его. Въ благодарность за оказанную ему услугу, онъ не только не тронулъ Андрокла, но и растерзалъ пантеру, которая выпущена была противъ него¹⁾.

Въ той же Кесаріи Каппадокійской и при томъ же Авреліанѣ происходитъ разсказъ о мимѣ Порфиріи, въ которомъ самое важное состязаніе между языческими богами и Богомъ христіанскимъ. Язычники чудеснымъ образомъ убили быка, нашептавъ ему въ ухо (*πρὸς τὸ οὖς αὐτοῦ λαλήσαντες*). Игемонъ говоритъ: ты видишь, Порфирій, непобѣдимую силу боговъ и поклонись имъ. Порфирій отвѣтилъ: пусть быкъ живетъ призываніемъ вашихъ боговъ, и тогда сила ихъ будетъ непобѣдима. Жрецы сказали: мы чрезъ боговъ нашихъ убили, ты же чрезъ Христа твоего воскреси, и мы ему повѣримъ. Слово это понравилось народу и игемону. Павъ на землю, Порфирій помолился и, поднявъ руки къ небу, онъ сказалъ: Услышь меня, Господи Іисусе Христе Боже, котораго я хоть и недостойный позналъ, и покажи силу Твою здѣсь присутствующимъ и внуши вѣру въ воскресеніе мертвыхъ чрезъ этого быка. И обратившись къ быку сказалъ: говорю тебѣ во имя Отца, Сына и Святого Духа, возстань. И быкъ всталъ и ушелъ мыча. Послѣ того Порфирій низвергъ идоловъ, изъ которыхъ одинъ падая убилъ жреца. За это онъ былъ присужденъ къ смертной казни²⁾.

На сказаніяхъ о Θεодорахъ можно прослѣдить развитіе христіанской легенды. Повѣствованіе о Θεодорѣ Тиронѣ сохранилось въ двухъ редакціяхъ, простой и распространенной³⁾. И въ простой, очевидно болѣе древней, сказочные мотивы заслоняютъ мученичество. Θεодоръ Тиронъ служилъ въ легіонѣ Мармариновъ, стоявшемъ въ г. Амасіи подъ начальствомъ препозита Вринги. Этотъ послѣдній приглашаетъ Θεодора принести жертву богамъ. Присутствовавшій при этомъ дукинарій или дуденарій Посидо-

1) Marx. Griechische Märchen von dankbaren Tieren. S. 58—59, Stuttg. 1889.

2) Θεοφίλου Ἰωάννου. Μνημεῖα ἀγιολογικά, p. 357—369.

3) Обѣ редакціи напечатаны: H. Delehaye. Les légendes grecques des saints militaires, p. 126—150. Paris 1909. Новое изданіе, первой редакціи: H. Stargck. Theodoros Teron. Frelsing. 1912.

ній (такой должности не было) спросилъ: правда, что твой богъ имѣетъ сына? Затѣмъ Θεодоръ былъ отпущенъ и училъ пути спасенія и терпѣнію. Но онъ этимъ не удовольствовался и ночью поджегъ храмъ матери боговъ. Его увидѣли, и Кронидъ схватилъ его и привелъ къ судѣ Публію Стратону. Судья сказалъ ему: почему ты вмѣсто того, чтобы совершить воляніе богинѣ и привести ей виміамъ, принесъ огонь? „Что сдѣлалъ, того не скрываю, я поджегъ дерево, чтобы сжечь камень“. Зарычавъ, какъ левъ, судья велѣлъ отвести Θεодора въ тюрьму и запечатать дверь, чтобы онъ умеръ отъ голода. Θεодора же кормилъ Духъ Святой, и ночью явился ему Господь и сказалъ: мужайся, ибо я съ тобой, ѣды и питья отъ этихъ людей не принимай, ибо будетъ тебѣ жизнь нетлѣнная со мной на небесахъ. Когда ушелъ Господь, блаженный Θεодоръ началъ пѣть и радоваться, и слушала его большая толпа. Тюремщики подбѣжали къ двери тюрьмы и увидѣли, что дверь заперта и печать цѣла, и чрезъ дверь они замѣтили, что большая толпа поетъ вмѣстѣ съ Θεодоромъ. Испугавшись они сообщили объ этомъ игемону; тотъ всталъ, подбѣжалъ къ двери, увидѣлъ, что она заперта, и услышалъ голосъ людей, пѣвшихъ вмѣстѣ съ Θεодоромъ. Когда же онъ вошелъ въ тюрьму, оказалось, что никого нѣтъ, кромѣ раба Θεодора. Страшно перепугался судья и велѣлъ блаженному взять хлѣба и воды, но тотъ не пожелалъ взять ни хлѣба, ни питья, сказавъ: меня питаетъ мой владыка и царь Христосъ. На слѣдующій день судья вновь призываетъ Θεодора и приговариваетъ его предать огню. Далѣе слѣдуетъ буквальная выписка изъ мартирія Поликарпа.

Въ распространенной редакціи сказочные элементы получаютъ дальнѣйшее развитіе. Вводятся новыя лица и новыя эпизоды. Θεодоръ вступаетъ въ борьбу съ дракономъ, который мечетъ глазами огонь и выпускаетъ ядъ изъ пасти. Это чудовище пугало жителей мѣста, называвшагося Евхаитами ¹⁾, и Θεодоръ отправился разыскивать его. Уставъ отъ поисковъ въ густомъ лѣсу, онъ слѣзъ съ коня и заснулъ. Его разбудила знатная женщина словами: встань скорѣе, если хочешь жить; со сви-

1) Въ г. Евхаитахъ, гдѣ была епископская кathedra, особенно почитался Θεодоръ Тиронъ.

стомъ выпелъ драконъ съ цѣлью пожрать многихъ людей. Такъ говорила христіанская женщина, жалѣя Теодора, и изъ ея глазъ текли слезы состраданія. Она объяснила, что зовутъ ее Евсеіей, что она христіанка, а ту мѣстность, гдѣ они находились, она получила по наслѣдству отъ отца. Евсеія упоминается и въ первой редакціи, но въ гораздо болѣе скромной роли. Она взяла тѣло мученика и обвила его новымъ полотномъ. Въ распространенной редакціи она вдохновляетъ Теодора. Евсеія молится Богу, чтобы онъ избавилъ ихъ отъ дракона, и ободренный Теодоръ говоритъ ей: ты сегодня будешь освобождена отъ злого сосѣда. Онъ садится на коня и убиваетъ дракона.

Борьба съ дракономъ довольно распространенный сказочный мотивъ, герой обыкновенно освобождаетъ отъ чудовища женщину. Теодоръ Тиронъ спасаетъ помѣщицу Евсеію отъ страннаго сосѣда, Георгій побѣдоносецъ освобождаетъ дочь царя¹⁾, тотъ же Теодоръ Тиронъ въ отдѣльномъ разсказѣ о совершенномъ имъ чудѣ является спасителемъ своей матери, которую драконъ увелъ къ себѣ въ пещеру²⁾.

Во второй редакціи такъ же, какъ въ первой, Теодоръ поджигаетъ языческій храмъ. По этому поводу происходитъ пререканіе между судьей и препозитомъ, которое въ первой редакціи лишь слабо намѣчено. Въ обѣихъ редакціяхъ сохраняется общая основа и мѣстами повторяется буквально. И тутъ, и тамъ Теодоръ бравитъ судью такими словами: нечестивѣйшій и всякаго беззаконія преисполненный, сынъ діавола, ты не боишься Бога, даровавшаго тебѣ такую власть — ибо чрезъ него цари царствуютъ (Притч. Солом. VIII, 16) и властелины повелѣваютъ землей —, но принуждаешь меня покинуть Бога живого и поклоняться бездушнымъ камнямъ. Во вторую редакцію тоже вставлено мѣсто, выписанное изъ мартирія Поликарпа.

Разсказъ о Теодорѣ Стратилатѣ, изданный о. Дельгэ въ двухъ редакціяхъ, близко подходитъ къ мученичеству Теодора Тирона. Это варианты одной и той-же легенды. По словамъ о. Дельгэ, въ эпоху, которую трудно опредѣлить въ точности, появляется вслѣдъ за Теодоромъ Тирономъ второй Теодоръ, начинаютъ от-

1) *Miracula S. Georgii* (ed. Aufhäuser), p. 113—129.

2) А. Веселовскій. Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 14—22 (Прилож. къ 36 т. Зап. Имп. Академіи Наукъ).

личать генерала (стратилата) Теодора отъ рекрута (тирона). Это раздвоеніе можно замѣтить начиная съ IX вѣка гораздо раньше новеллы Мадуила Комнина, упоминающей о памяти Теодора Стратилата 7 февраля и 8 июня и о праздникѣ въ честь Теодора Тирона 17 февраля. „Существованіе второго Теодора (Стратилата) исторически не установлено“¹⁾. Въ мартиріи этого второго Теодора видное мѣсто занимаетъ эпизодъ объ евхаетскомъ драконѣ, изукрашенный разными подробностями. Тирона, какъ и Стратилата, предостерегаетъ отъ опасности Евсевія. Ободренный молитвой Евсевія, Теодоръ тоже проситъ Бога даровать ему побѣду надъ чудовищемъ и славу, соединенную съ побѣдой. Затѣмъ онъ внушаетъ коню, какъ бы понимающему человѣческую рѣчь: поспѣши и ты, такъ какъ Господь укрѣпляетъ тебя. Благодаря содѣйствію коня, Теодоръ одолѣлъ дракона и сравнялся съ Иракломъ. Разказъ о Стратилатѣ продолжается въ сказочномъ тонѣ. Въ Ираклію отправляется императоръ Лициній; къ нему навстрѣчу выѣзжаетъ Теодоръ на конѣ въ златотканной одеждѣ и въ хитонахъ, сдѣланныхъ изъ виссона. Императоръ говоритъ рѣчь, начинающуюся классическимъ воззваніемъ (о мужи граждане), въ которой восхваляетъ Теодора, цвѣтъ тамошней страны. На приглашеніе принять участіе въ празднествѣ въ честь Аполлона, Теодоръ двусмысленно отвѣчаетъ: Дай мнѣ, царь, прежде всего помолиться по-своему и умилоустивить божество своеобразными жертвами, а потомъ уже я принесу жертву съ тобой и со всѣмъ народомъ. Вслѣдъ затѣмъ ночью онъ ломаетъ золотыхъ и серебряныхъ идоловъ и куски драгоценнаго металла раздастъ бѣднымъ. Максентій донесъ, что Теодоръ разбилъ голову богини Артемиды. Послѣдовавшія затѣмъ пытки и самая смерть Стратилата отличаются тоже сказочнымъ характеромъ. Распятый на крестѣ Теодоръ молится слѣдующимъ образомъ: Почему Ты, Господи, отступился отъ меня? зачѣмъ Ты предсказалъ мнѣ, что Ты всегда будешь со мной и ничего со мной не случится? Виждь, Господи, виждь. Черезъ Тебя дикіе авѣри растерзали меня и тѣло, Тобой созданное, злые волки раздѣлили между собой, глаза у меня выкололи, плоть бичами, огнемъ и мечами уничтожили, волосы выпали на землю, зубы выбили стрѣлами, лицо совершенно исчезло,

1) H. Delehaye. Les légendes des saints militaires, p. 15.

ничего не остается отъ тѣла, отъ кожи, только голыя сухія кости колеблются на крестѣ, прими духъ мой въ руки Твои. Ночью явился къ нему ангелъ, сдѣлалъ тѣло его нечувствительнымъ ко всякой боли, и всю ночь Теодоръ бесѣдовалъ съ Богомъ. Утромъ Лициній послалъ Антиоха и Патрикія за тѣломъ мученика, желая поглумиться надъ нимъ и послѣ смерти и бросить его въ море. Они не нашли его на крестѣ и увидѣли, что онъ сидитъ неподалеку. Убѣдившись, что несмотря на ужасныя пытки онъ нисколько не пострадалъ, они громко закричали: есть только одинъ истинный Богъ, Богъ христіанскій. Чудо распространилось, и въ христіанскую вѣру обратилось больше 80 человекъ. Тогда Лициній отправилъ воинскій отрядъ съ Цельсомъ во главѣ и велѣлъ имъ убить Теодора и отступниковъ отъ языческой вѣры. Но весь отрядъ принялъ христіанство. Лициній выслалъ цѣлое войско и несмотря на то, что весь народъ взбунтовался, Теодоръ подставилъ голову воину, предварительно завѣщавъ положить свое тѣло въ Евхаитахъ.

Настоящія сказки мучирии Ирины, Варвары, Христины и Екатерины. Первые три принадлежатъ къ одному циклу сказаній. Разсказъ о великомученицѣ Варварѣ начинается такъ: Въ то время, когда царствовалъ беззаконнѣйшій и безбожнѣйшій Максиміанъ, а ижемономъ былъ Маркіанъ, происходило большое гоненіе на христіанъ. Вслѣдъ за этими будто бы историческими словами идетъ легендарный разсказъ. Въ восточной области, называемой Геліополемъ, въ селеніи Геласіи, въ 12 стадіяхъ отъ Евхаитъ, проживалъ чрезвычайно богатый человекъ Діоскоръ, придерживавшійся эллинской религіи. У него была единородная дочь Варвара. Діоскоръ построилъ высокую башню и заперъ въ ней дочь, чтобы люди не видѣли ея выдающейся красоты. Вельможи приходили къ отцу и просили у него руки Варвары. Діоскоръ, войдя въ башню, говоритъ ей: Дочь моя сладчайшая, нѣкоторые вельможи желаютъ жениться на тебѣ, какъ ты смотришь на это, сердце мое? Варвара отвѣтила: отецъ, не принуждай меня дѣлать это, потому что я въ такомъ случаѣ покончу съ собой. Діоскоръ пошелъ посмотрѣть на строившуюся баню и, уплативъ рабочимъ, ушелъ вглубь страны, гдѣ провелъ не мало времени. Вскорѣ Варвара пошла посмотрѣть на строившееся зданіе и, увидѣвъ на южной сторонѣ только два окна, говоритъ рабочимъ: почему вы продѣ-

лали только два окна? Рабочіе отвѣчаютъ: такъ приказалъ твой отецъ. Варвара говоритъ: сдѣлайте еще одно окно. А тѣ отвѣчаютъ: мы боимся твоего отца. Продѣлали третье окно. Возвращается отецъ и, увидѣвъ три окна, спрашиваетъ рабочихъ: почему продѣлали вы три окна? Тѣ отвѣчаютъ: такъ приказала твоя дочь. Варвара объясняетъ: три окна просвѣщаютъ всякаго человѣка, проходящаго въ міръ¹⁾, два же окна темны. Скажи мнѣ, дитя, спрашиваетъ Діоскоръ, почему три окна свѣтятъ больше, чѣмъ два? Отвѣчаетъ ему раба Божія Варвара: Ты видишь Отца, Сына и Духа Святого. Разсердившись, отецъ схватилъ мечъ и хотѣлъ зарѣзать ее. Варвара помолилась, разсѣлся камень²⁾ и принялъ ее внутрь и выгналъ на гору. Тамъ пастухи пасли овецъ и увидѣли, что она бѣжитъ. Пришелъ на гору отецъ ея и сталъ спрашивать пастуховъ, гдѣ Варвара? Первый, желая спасти ее, отвѣтилъ, что не знаетъ. Второй-же указалъ на нее пальцемъ. Варвара прокляла его, и овцы его превратились въ кантаридъ, а пастухъ окаменѣлъ. Разыскавъ дочь, Діоскоръ бичевалъ ее и схвативъ ее за волосы тащилъ по горамъ и затѣмъ заперъ на ключъ въ грязной келліи; онъ приставилъ къ ней стражу, и самъ отправился донести на нее игемону Маркіану. Отецъ проситъ игемона подвергнуть Варвару строжайшему наказанію. На допросъ она, какъ и Аполлоній, повторяетъ слова псалмопѣвца, изобличая языческихъ боговъ: есть у нихъ уста, но не говорятъ и т. д. (Псал. 113). Варвару и внезапно появляющуюся сестру ея Юліанію подвергаютъ всякимъ пыткамъ. Игемонъ приказываетъ вести обнаженную Варвару по всей области и бичевать ее. Господь посылаетъ ангеловъ, которые надѣваютъ на нее свѣтлую одежду. Маркіанъ присуждаетъ ее къ смертной казни чрезъ отсѣченіе головы мечомъ. Преисполненный гнѣва отецъ отнимаетъ Варвару у игемона и отводитъ ее на гору. Тамъ Діоскоръ собственноручно совершаетъ надъ нею казнь³⁾. Коптскій пересказъ о св. Варварѣ почти ничѣмъ не

1) Іоан. I, 9. Былъ свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, проходящаго въ міръ.

2) Мате. XXVII, 51, и камни разсѣлись.

3) J. Vite a. c. Passions des saints Ecaterine etc., p. 89—90. Paris 1897. Г. Якушевъ поставилъ себѣ неблагоприятную задачу установить историческую достовѣрность сказанія о жизни и мученіяхъ св. Варвары. Исполнить эту задачу ему конечно не удалось. Труды Кіевской Духовн. Академ. 1916 г. кн. I—II.

отличается отъ греческаго. Разница только въ томъ, что Маркіаномъ называется не ягемонъ, а отецъ Варвары¹⁾).

Сказаніе объ Иривѣ, подходящей къ Варварѣ, заключаетъ въ себѣ еще болѣе сказочныхъ чертъ. Первоначально она звалась Пенелопой. Въ старое время жилъ царь Лицивій, жену котораго звали Лицивіей. У нихъ была дочь Пенелопа; пяти лѣтъ она отличалась такой поразительной красотой, что всѣ знатные люди чувствовали къ ней безумную любовь. Замѣтивъ, что красота дѣвочки значительно превосходитъ красоту солнечныхъ лучей, Лицивій сказалъ царицѣ: я рѣшилъ построить башню, имѣющую 14 крышъ, 12 дверей, 60 оконъ, 15 покоевъ и кругомъ 14 стѣнъ; въ каждой стѣнѣ будутъ ворота и у каждыхъ воротъ 30 стражей, а всего будетъ 400 человѣкъ, охраняющихъ башню. Мы соорудимъ дочери нашей золотой столъ, она будетъ ѣсть на золотѣ, служить ей будутъ 18 избранныхъ служанокъ, отменныхъ красавицъ. вмѣстѣ съ дочерью пусть войдетъ въ башню и старецъ Ампеліанъ, который долженъ научить ее грамотѣ. Царь назначилъ 300 распорядителей, 210 плотниковъ, 3050 рабочихъ и приказалъ имъ окончить башню въ 9 мѣсяцевъ. Камни привозили на 10 тысячахъ повозокъ, и когда зданіе было готово, Лицивій пригласилъ на ея освященіе пять царей (Севастіана, Седекію, Савора, Даціана и Адріана, сына Лисія) и громадную толпу, для угощенія которой зарѣзали 7000 быковъ и 9000 овецъ. Царь сообщаетъ дочери, что онъ собирается засадить ее въ башню вплоть до брака и прибавляетъ: не огорчайся, дитя, 98 боговъ сойдутся у тебя, и на крышѣ я помѣщу семь боговъ, которые будутъ охранять тебя. Черезъ 6 лѣтъ и 3 мѣсяца царь входитъ въ башню и говоритъ дочери: скажи мнѣ, какой царскій сынъ нравится тебѣ, чтобы я могъ дать отвѣтъ женихамъ. Пенелопа обращается къ одному изъ 7 боговъ, поставленныхъ отцомъ, съ такими словами: если ты Богъ, котораго почитаютъ Галилеяне, скажи мнѣ, Господи, слѣдуетъ ли мнѣ выйти замужъ? Къ ней приходитъ Тимофей, ученикъ ап. Павла, и креститъ ее, такимъ образомъ Пенелопа становится Ириной. Царь Седекія отправляется въ г. Магеддо и спрашиваетъ старца Ампеліана, что дѣлаетъ Ирина? Тотъ отвѣчаетъ: въ день съѣдаетъ только

1) E. A mélineau. Les actes des martyrs de l'église copte, p. 188.

унцію хлѣба и выпиваетъ чашу воды, спитъ на голомъ полу; Седекія требуетъ, чтобы Ирина принесла жертву богамъ и подвергаетъ ее пыткамъ. Седекія названъ эллинскимъ царемъ, но затѣмъ противъ него поднимается возстаніе и на престолъ сажаютъ сына его Сабора, который титулуется великимъ царемъ Персіи. Ирину отправляютъ въ Персію, и Саборъ разсердившись произаетъ ее копьемъ. Ангелъ воскресилъ Ирину, и она творила чудеса; чрезъ нее обратилось въ христіанство 113 мириадъ. Туча унесла ее въ Ефесъ. Тамъ встрѣтилъ ее Ампеліанъ и, взявши съ собой 6 человекъ, идутъ они за городъ до нѣкоего мѣста. Тамъ увидѣли они мраморную гробницу, въ которую еще никто не былъ положенъ. Ирина легла въ гробницу и запретила своимъ спутникамъ появляться равьше, чѣмъ черезъ четыре дня. Когда пришелъ Ампеліанъ, онъ увидѣлъ, что гробница пуста, и понялъ, что Ирину взялъ Господь¹⁾. Коптскій рассказъ о св. Иринѣ близко подходитъ къ греческому. Ее также креститъ ученикъ ап. Павла и тѣло ея чудеснымъ образомъ переносится въ Ефесъ. Но страдаетъ она не въ Персіи, а въ Салоникахъ. Цари тоже перепутаны. вмѣсто Седекіи царемъ персидскимъ оказывается не существовавшій въ Персіи Нумеріанъ, вслѣдъ за которымъ вступаетъ на престолъ Сапоръ²⁾.

Въ мартиріи Христини мучителемъ является также ея отецъ. Въ небольшомъ отрывкѣ, сохранившемся въ одномъ папирусьѣ, мы читаемъ слѣдующее. И говоритъ ей отецъ ея: Христина, не избавить тебя изъ рукъ моихъ умершій отъ іудеевъ. Говоритъ ему святая: Что ты говоришь хулу, беззаконный и проклятый! Отецъ ея, не вынеся обиды, приказалъ ей взойти на колесо и разжечь внизу огромный костеръ и возливать елей въ огонь, чтобы сжечь ее. Тирскій игемонъ Урванъ засадилъ свою 11 лѣтнюю дочь Христину въ высокую башню, потому что онъ не хотѣлъ выдать ее замужъ, а собирался слѣлать ее жрицей. Съ нею помѣстили въ башню рабынь и поставили золотые и серебряные идолы для поклоненія. Ведя созерцательную жизнь, она пришла къ познанію истиннаго Бога, при чемъ ниспосланный Богомъ ангелъ вразумилъ ее въ Богопознаніи и предвозвѣстилъ

1) A. Wirth. Danae in christlichen Legenden, p. 116—148. Wien 1892.

2) E. Amélineau. Les actes des martyrs de l'église copte, p. 186—187.

мученическій подвигъ. Она разбила идолы на мелкіе куски и выбросила ихъ черезъ окно на улицу, гдѣ прохожіе подобрали эти кусочки золота и серебра. Узнавъ объ этомъ, отецъ подвергъ ее разнообразнымъ мученіямъ, во время которыхъ самъ скоропостижно умеръ. Затѣмъ ее жестоко мучили преемникъ его Діонъ, также скоропостижно умершій, и прибывшій на его мѣсто Юліанъ, по приговору котораго Христина была изрублена мечами¹⁾.

Въ сказаніяхъ о Варварѣ, Христинѣ и Иривѣ соединены два сказочныхъ мотива: дѣвушка въ башнѣ и отецъ, преслѣдующій дочь. Чтобы предохранить женщинъ отъ постороннихъ взоровъ, запираютъ и женъ и дочерей. Въ романѣ Фламенки Арпамбо въ первый же день брака воспымалъ страшной ревностью и прямо съ брачнаго торжества переселяетъ жену въ башню, гдѣ она вмѣстѣ съ двумя подругами принуждена вести затворническую жизнь. Въ романѣ Франческо Белли рассказана новелла о королѣ Кипра Ликанорѣ, заключившемъ въ башню свою дочь Альченію. Въ одной сказкѣ изъ Палермо говорится о царѣ, державшемъ свою дочь въ подземельи, о которомъ никто не зналъ; кто найдетъ ее, получить ея руку²⁾. По италіянской легендѣ венгерскій король, задумавшій выдать свою дочь за наследника византійскаго престола, заключилъ ее въ башню, чтобы уберечь ее отъ опасностей, грозившихъ ея красотѣ. Мотивъ этотъ можно найти и на Востокѣ. Хунскій ханъ держалъ свою дочь въ теченіе трехъ лѣтъ запертою въ башнѣ. Въ бурятскихъ легендахъ рассказывается, что Тайфи-ханъ заточилъ въ башню свою дочь, то же сдѣлалъ Агъ-Богдоръ³⁾.

Древнѣйшій отецъ - язычникъ, преслѣдующій дочь - христианку, находится въ мартиріи Перпетуи. Онъ хотѣлъ выпарить ей глаза. Отецъ Марины, Θεодосій или Эдесій, ненавидитъ свою дочь - христианку и удаляетъ 15-лѣтнюю красавицу изъ своего дома къ ея кормилицѣ, гдѣ она пасетъ овецъ. Въ духовныхъ пѣсняхъ о св. Георгіи, русскихъ и болгарскихъ, встрѣчается общая черта, враждебное отношеніе отца-язычника къ дочери-

1) В. Латышевъ. Замѣтки по Палестинской агиографіи, стр. 38—43.

2) А. Веселовскій. Сказаніе о красавицѣ въ теремѣ, стр. 186, 201, 203 (Журн. Мѣс. Нар. Пр. часть 196).

3) Г. Потанинъ. Восточные мотивы, стр. 26, 28.

христіанкѣ, которую онъ потому и предоставляетъ въ жертву змѣю ¹⁾).

Мученичество Екатерины издано въ трехъ редакціяхъ; всѣ три относятся событіе къ царствованію Максентія, двѣ указываютъ на 305 г. Существенной разницы между редакціями нѣтъ. Во всѣхъ сказочный характеръ чрезвычайно яркій. Царь чрезъ глашатаевъ велитъ собираться всѣмъ въ храмъ идоловъ и сдѣлать отъ его имени жертвоприношеніе въ 130 быковъ. Въ Александріи проживала благочестивая Екатерина, единородная дочь нѣкоего царя. Когда онъ умеръ, осталась она во дворцѣ одна со всѣмъ имуществомъ, съ рабами и слугами, которымъ не было конца. Она была дѣвицей необыкновенно образованной, знала 72 языка, одолѣла искусство Асклесія, Гиппократы и Галены, Аристотеля, Гомера и Платона и прорицанія Сибиллы. Она была необыкновенно красива и возвышалась, какъ цвѣтушій кипарисъ. Екатерина отправилась въ языческій храмъ и стала укорять царя за то, что онъ служитъ идоламъ. Царь, разсердившись, велѣлъ схватить ее и привести во дворецъ. Лицо ея словно испускало лучи солнца, и царь говоритъ ей: Солнцеподобная, возвѣсти намъ, кто ты и какъ тебя зовутъ? Блаженная отвѣчаетъ: Развѣ ты не знаешь меня? Я дочь Коста порфирородная, а среди людей имя мое Екатерина. Царь говоритъ, что не можетъ вести преній съ такой ученой женщиной, и созываетъ риторовъ и философовъ. Екатерина споритъ съ риторами о вѣрѣ и приводитъ мѣсто изъ того же псалма, который часто повторяется въ мученичествѣхъ. Первый риторъ былъ посрамленъ, остальные отказались говорить, и царь приказалъ сжечь ихъ живыми. Послѣ этого царь говоритъ Екатеринѣ: мудрейшая, исповѣдуй боговъ и сегодня же будешь со мной во дворцѣ, царство приличествуетъ тебѣ, и я поставлю твою статую во всѣхъ городахъ, чтобы тебѣ поклонялись. Екатерина отвѣчаетъ: безстыднѣйшій песь, я тебѣ сказала, что хочу быть невѣстой Христа. Разсердившись царь велѣлъ снять съ нея царскую порфиру и бить ее воловьими жилами, а затѣмъ отвести въ тюрьму. Царица Августа, жена Максентія, очень желала увидѣть Екатерину, и стратопедархъ

1) А. Веселовскій. Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 79, 131.

Порфиріонъ тайно провель ее въ тюрьму. Царица пала къ ногамъ Екатерины и сказала ей: блаженна ты въ женахъ, ибо лицо твое не похоже на женщинъ, живущихъ на землѣ, но преисполнено славы небесной. Екатерина отвѣчаетъ: блаженна ты, царица, потому что я вижу, какъ двѣнадцать ангеловъ держатъ вѣнецъ, который они собираются возложить на тебя. Августа и Порфиріонъ съ 200 воинами обращаются въ христіанство. Двѣнадцать дней провела Екатерина въ тюрьмѣ, и кормилъ ее голубь. По прошествіи 12 дней явился ей Иисусъ Христосъ съ толпой ангеловъ и сказалъ ей: Блаженна ты въ женахъ, потому что чрезъ тебя многіе увѣровали въ имя мое. Но ничего не бойся, я съ тобой и тебя не тронетъ пытка. На слѣдующій день Екатерину приводятъ къ царю, и онъ опять восхищается ея красотой и предлагаетъ ей царствовать съ нимъ. Максентій хочетъ убѣдить ее пыткой, но колесо уничтожаетъ вмѣсто нея 14 тысячъ язычниковъ. Прибѣгаетъ царица Августа съ распущенными волосами и заступаетъ за Екатерину. Царь казнить жену и Порфиріона, который приходитъ и сознается, что онъ христіанинъ. Екатерину тоже присуждаютъ къ смертной казни, и когда палачъ отрубилъ ей голову вмѣсто крови потекло молоко. Четыре ангела подняли тѣло ея и отнесли на Синай¹⁾.

На сказаніи о Кирикѣ и Юлитѣ, написанномъ послѣ того какъ Константинъ В. былъ признанъ святымъ, можно прослѣдить, какъ рассказъ о мученичествѣ превращается въ волшебную сказку.

Начинается это сказаніе такими словами: Въ царствованіе Діоклеціана, нечестивѣйшаго и беззаконнѣйшаго царя, было большее гоненіе на христіанъ. Онъ назначилъ игомномъ Ликаоніи Домиціана, мужа жестокаго и свирѣпаго и по звѣриному обычаю чрезвычайно радовавшемуся пролитію крови мучениковъ. Отъ преслѣдованія этого тирана знатная дама Юлитта покидаетъ Ликаонію со своимъ сыномъ Кирикомъ, еще маленькимъ мальчикомъ, и отправляется въ Селевкію. Но тамъ распоряжается не менѣе звѣрообразный Александръ. Юлитта переселяется въ Тарсъ, главный городъ Киликіи, и вслѣдъ за ней туда переходитъ Александръ специально для преслѣдованія христіанъ. Тутъ схва-

1) J. Viteau. Passions des saints Ecaterine etc., p. 5—23.

тываютъ ее съ сыномъ Кирикомъ, котораго она держитъ на рукахъ. На первый планъ выступаетъ теперь материнское чувство въ борьбѣ съ преданностью религіи. Александръ отличается сказочной кровожадностью. Онъ велитъ вырвать мальчика изъ рукъ матери. Положивъ Юлитту на землю, ее нещадно бьютъ на глазахъ у сына. Такъ какъ Кирикъ провозглашаетъ себя христіаниномъ, „дикій звѣрь недостойный называться христіаниномъ“ хватаетъ младенца за ноги и бросаетъ его въ пропасть (*κατὰ τοῦ κρημνοῦ*); черепъ его разбился объ углы ступеней — ибо каеэдра судилища стояла очень высоко — и все пространство передъ каеэдрой было залито кровью, и онъ въ руки Божія предалъ духъ, какъ говорить, великій во пророкахъ Давидъ: души праведниковъ въ рукъ Божіей. Юлитта, увидѣвъ это и преисполнившись несказанной радостью, что она принесла такой даръ Богу, сказала: Благодарю Тебя, Господи, что ты удостоилъ меня увидѣть сына моего умершимъ раньше меня и удостоеннымъ неувядаемаго вѣнца благодати Твоей¹⁾. Мотивъ материнской любви встрѣчается и въ сказочномъ мучирии Вавилы. При матери Феодулѣ царь Нумеріанъ избиваетъ ся трехъ сыновей. Царь разгнѣвавшись велѣлъ дать первому 12 ударовъ, второму 9, а третьему 7 по числу лѣтъ. Мать сказала: Благословенъ еси, Боже, что за Христа Твоего претерпѣваемъ мы сіе, что и каждаго изъ сыновей моихъ повелѣлъ онъ такъ бить по количеству лѣтъ за Тебя, вѣнчающаго и совершенствующаго ихъ²⁾.

Сохранился сирійскій и арабскій текстъ, представляющіе передѣлку какой-то греческой редакціи, но во всякомъ случаѣ не той, которая издана болландистами. Юлитта бѣжала изъ Иконія въ Тарсъ и тамъ попала въ руки игемона Александра. Она проситъ привести ея малолѣтняго сына, не имѣющаго еще 3 лѣтъ, и обѣщаетъ принести жертву тому, кого мальчикъ признаетъ Богомъ. Мальчика долго разыскивали, потому что всѣ жители отъ страха попрятали своихъ дѣтей, но наконецъ нашли его за городомъ и пригнали къ суду. Игемонъ благосклонно привѣтствуетъ младенца, но тотъ надменно отвѣчаетъ на привѣтствіе словами пророка Исаи: у меня постоянно миръ, нечестивымъ

1) Anal. Boll. t. I, p. 194—200.

2) Пр. Палест. Сборн. вып. 57, стр. 92.

же вѣтъ мира (Ис. XLVIII, 22). На предложеніе сдѣлать его жрецомъ, богатымъ и знатнымъ челоѣкомъ, мальчикъ отвѣчаетъ дерзостью. За это ему даютъ 145 ударовъ. Но мальчикъ помолдился и на немъ не остается ни малѣйшихъ слѣдовъ истязанія. Призываютъ Юлитту и увѣряютъ ее, будто сынъ ея призналъ языческихъ боговъ. Она не вѣритъ, и Кирикъ торжественно удостовѣряетъ свою готовность претерпѣть мученичество. Игемонъ приказываетъ впустить въ носъ обоимъ подсудимымъ соль съ горчицей и уксусомъ. На угрозы дальнѣйшихъ пытокъ младенецъ отвѣчаетъ словами псалмопѣвца: твоя смерть — наша жизнь. Судья приказываетъ имъ обоимъ выколоть раскаленнымъ желѣзомъ глаза, уши, ротъ и сердце, но по повелѣнію Божію желѣзо становится холоднымъ, какъ снѣгъ. Мать съ сыномъ отводятъ въ тюрьму. Ночью является сатана и искушаетъ младенца. Діаволь грозитъ, что онъ повліяетъ на судью, и Кирикъ не получитъ вѣнца мученическаго. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, судья вновь призываетъ Кирика и подъ вліяніемъ сатаны предлагаетъ ему только произнести слова: я воскуриваю ѳиміанъ Серапису. Мальчикъ и это предложеніе отклоняетъ и молится о сокрушеніи капища идоловъ; тотчасъ-же появляется ангелъ и разрушаетъ идолы. Судья посылаетъ за кузнецомъ, который долженъ изготовить орудія пытки, но сатана, желая лишитъ святыхъ мученичества, отнимаетъ у судьи языкъ. Мальчикъ самъ заказываетъ орудія пытки, но для изготовленія ихъ требуется 40 дней. Это время Кирикъ проводитъ въ тюрьмѣ и обращаетъ въ христіанство 400 заключенныхъ. Затѣмъ судья приказываетъ содрать Юлиттѣ и Кирику кожу съ головы и положить на голову горячіе уголья, но уголь по слову Божію остываетъ и образуетъ надъ ихъ головами лучистый вѣнецъ. Чудеснымъ образомъ открываются двери темницы, выходятъ 400 заключенныхъ, при видѣ вѣнца признаютъ себя христіанами и предаются смертной казни. Самыя ужасныя пытки не дѣйствуютъ. Мальчика хотятъ распилить, но пила не работаетъ. Наконецъ они по собственному желанію умираютъ и потомъ опять воскресаютъ. Игемонъ заявляетъ, что онъ увѣруетъ въ ихъ Бога, если по ихъ молитвѣ кожа его сапога превратится вновь въ то животное, съ котораго она была снята. По молитвѣ младенца сапогъ сходитъ съ ноги судьи, и передъ нимъ стоятъ волъ съ козленкомъ. Подозрѣвая простое волшебство

игемонъ говорить, что онъ повѣритъ, если животныхъ заколютъ и окажется, что ихъ можно съѣсть, и это приводится въ исполненіе. Къ судѣѣ являются 11 тысячъ человѣкъ прежде преданныхъ казни и теперь воскресшихъ. Толпа насыщается и остаются еще корзины съ мясомъ. вмѣсто того, чтобы увѣровать, игемонъ призываетъ хирурга и приказываетъ вырѣзать мальчику языкъ, но Кирикъ продолжаетъ говорить языкомъ духа. Врачъ, обвиненный въ небрежномъ исполненіи своей обязанности, пзбѣгаетъ смертной казни тѣмъ, что совершаетъ такую же операцію свинѣ, которая отъ этого умираетъ. Мученики прыгаютъ въ котелъ, гдѣ кипятъ смола, воскъ, сѣра, мѣдъ, желѣзо, и остаются невредимы¹⁾.

Разсказъ о Θεодотѣ Анкирскомъ можетъ служить нагляднымъ доказательствомъ, съ какимъ поразительнымъ легковѣріемъ даже современные ученые относятся къ мартиріямъ. Послѣдній издатель этого мученичества Франки полагаетъ, что оно дѣйствительно написано было очевидцемъ, и присоединяясь къ нему Гарнакъ счелъ возможнымъ описать положеніе Анкирской церкви въ эпоху гоненій на основаніи такого сомнительнаго источника. Между тѣмъ мартирій Θεодота отличается сказочнымъ характеромъ; въ немъ даже двѣ сказки, одна о самомъ Θεодотѣ, другая о семи дѣвахъ. Разсказу предпослано длинное предисловіе риторическаго свойства. Слѣдовало бы, говорить авторъ, выдающій себя за Нида, сидѣвшаго яко бы въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ Θεодотомъ, не только на словахъ восхвалять подвиги Θεодота, но и отвѣтить ему на дѣла; такъ какъ однако мы не въ силахъ этого сдѣлать, мы почли нужнымъ хоть разсказать о борьбѣ, какую велъ Θεодотъ; хотя боимся, что и тутъ не хватитъ нашего дарованія, мы все же рѣшили описать мужество мученика, которое видѣли собственными глазами. Не смотря на такое авторитетное заявленіе мученичество Θεодота лишено даже обычной исторической декорации; не упомянуто при какомъ императорѣ пострадалъ Θεодотъ и надо думать, что его мнимый современникъ этого не зналъ. Въ качествѣ алодѣя выведенъ проконсулъ анкирскій Θεотекнъ, преслѣдующій христіанъ.

Θеодотъ — анкирскій трактирщикъ, занимавшійся не торгов-

1) A. Dillmann. Ueber die apokryphen Märtyrergeschichten des Cyriacus mit Julitta und des Georgius (Sitzungsberichte der Preussisch. Akademie der Wissenschaften, 1887, p. 339—356).

лей, а благотворительностью и распространеніемъ христіанской вѣры. Однажды Θεодотъ отправился въ селеніе Малъ въ пяти миляхъ отъ Анкиры. Онъ подобралъ тамъ останки мученика Валента, брошеннаго въ рѣку Галисъ. Недалеко отъ Мала онъ встрѣтилъ нѣсколько друзей изъ христіанъ. Сѣли на траву и принялись закусывать. Θεодотъ послалъ за священникомъ Фронтономъ, жившимъ въ Малѣ, и пригласилъ его принять участіе въ ихъ трапезѣ. Увидя посланныхъ Θεодота, Фронтонъ былъ потрясенъ. Онъ сказалъ, что онъ узнаетъ ихъ; онъ видѣлъ ихъ во свѣ, и они обѣщали ему сокровище. Гдѣ же сокровище? спросилъ Фронтонъ. Ему отвѣчаютъ, что сокровище это мученикъ Θεодотъ. Тогда Фронтонъ рѣшается идти съ отправленными за нимъ людьми. Послѣ ѣды Θεодотъ говоритъ Фронтому: Это пустынное мѣсто очень подходящее, чтобы построить тутъ часовню и положить въ ней останки мучениковъ. Фронтонъ съ ними соглашается. Недостааетъ только мощей. Постройте часовню, говоритъ Θεодотъ, а я берусь доставить вамъ останки. И въ залогъ своихъ словъ онъ отдаетъ священнику свое кольцо. Возвратившись въ Анкиру, онъ застаетъ городъ въ большомъ смятеніи¹⁾.

Тутъ въ мартиріи Θεодота вставлено сказаніе о 7 дѣвахъ. Текусѣ и ея пріятельницамъ, подвижавшимся съ юныхъ лѣтъ, грозилъ страшная судьба. Тиранинъ Θεотекнъ велѣлъ предать ихъ растлѣнію. Текуса сказала юношамъ, которые должны были учинить столь жестокую расправу: Мнѣ 70 лѣтъ и моимъ подругамъ столько же, какое вамъ удовольствіе завладѣть нашими, такъ сказать, мертвыми тѣлами. Тогда юноши освободились отъ любовнаго бѣшенства и, заплакавъ отъ состраданія къ дѣвамъ, ушли. Отказавшись отъ своего первоначальнаго плана, Θεотекнъ велитъ христіанскимъ дѣвамъ сдѣлаться жрицами Артемиды и Аѳины. Онѣ должны принять участіе въ отвратительной процессіи и мыть въ озерѣ статуи богинь. Съ этой цѣлью дѣвъ раздѣваютъ голыми и ведутъ въ видѣ менадъ къ озеру. Туда собирается толпа, чтобы посмотрѣть на нихъ, приходитъ и порожденіе дракона Θεотекнъ. Семь дѣвъ рѣшительно отказались

1) Acta Sanct. Mali IV, 149—164. Новымъ изданіемъ я не могъ пользоваться. Studi e testi VI, 61—84 (Roma 1901).

принять участіе въ языческой церемоніи и ихъ бросили въ озеро, привязавъ къ шеѣ камни.

За судьбою дѣвъ слѣдилъ Θεодотъ, скрывшись въ маленькомъ домикѣ бѣдняка Θεохарида. Съ нимъ былъ Полихроній, племянникъ Текусы, и другой Θεодотъ малый, его родственникъ. Они молились до 6-го часа, а въ 6-мъ часу пришла жена Θεохарида и объявила, что тѣла дѣвъ погружены въ воду. Θεодотъ рѣшилъ отыскать тѣла мученицъ. Послѣ нѣсколькихъ видѣній онъ утвердился въ своемъ намѣреніи и воспользовался тѣмъ обстоятельствомъ, что воины, охранявшіе тѣла, ушли на праздникъ.

Полихроній оказался предателемъ. Къ Θεодоту пришли и сказали ему: тебя обвиняютъ въ томъ, что ты убѣждаешь не поклоняться бездушнымъ камнямъ и похитилъ тѣла мученицъ, а потому бѣги. Но Θεодотъ отвергъ этотъ совѣтъ. Онъ простился съ друзьями, попросилъ ихъ отдать его тѣло Фронтону, когда онъ явится съ кольцомъ, и отправился на судъ. Θεотекуъ предложилъ ему сдѣлаться жрецомъ Аполлона, если онъ отречется отъ христіанства. Но Θεодотъ отвѣтилъ длинной рѣчью, въ которой обвинялъ греческихъ боговъ въ безнравственности. Θεодота подвергаютъ страшнѣйшимъ казнямъ и наконецъ отрубаютъ ему голову. Тѣло его пробовали сжечь, однако безуспѣшно. Палачи принесли много дровъ и положили Θεодота на костеръ. Но надъ костромъ появилось кругомъ пламя, которое не позволяло палачамъ подойти, тѣло же мученика осталось нетронутымъ. Служители доложили объ этомъ Θεотеку, и тотъ приказалъ сторожить тѣло Θεодота. Появляется Фронтонъ съ ослицей, на которую нагружено вино, и съ даннымъ ему мученикомъ кольцомъ. Вечеромъ входитъ онъ въ городъ, и ослица повернула какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ лежали останки мученика. Увидѣвъ ослицу, воины, сторожившіе тѣло, подбѣжали къ священнику и сказали ему: Куда идешь ты, чужестранецъ, въ такой поздній часъ? Останься съ нами, и ослица твоя будетъ отлично накормлена, какъ видишь, здѣсь много травы. Воины раздѣлили съ Фронтонемъ свой ужинъ, а тотъ со своей стороны угостилъ ихъ виномъ, и когда они удивились, что оно такъ хорошо пахнетъ, пресвитеръ пояснилъ, что оно старое и ему уже 5 лѣтъ. Священникъ напоилъ стражу и воспользовался этимъ обстоятельствомъ; онъ положилъ тѣло Θεодота на ослицу и, присоединивъ

къ нему кольцо, сказалъ: исполняй, блаженный, данное тобой обѣщаніе. Ослица отправляется самостоятельно въ Малъ, а Фронтонъ поднимаетъ шумъ и вопить: Я потерялъ свою ослицу. Все кончается благополучно. Приходятъ изъ селенія Мала и сообщаютъ, что ослица принесла св. останки и ждетъ его. Тогда и священникъ возвращается во свояси и оказалось, что умное животное остановилось какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ построили церковь въ память Феодота.

Автора интересовала преимущественно фантастическая фабула, а не подвигъ мученика. Сказочность мартирія раскрыта о Дельгэ на страницахъ журнала болландистовъ, и едва-ли кто-нибудь станетъ защищать его достовѣрность¹⁾. Дельгэ указалъ на то, что наряду съ 7 анкирскими дѣвами встрѣчаются въ агиографическихъ памятникахъ 7 жевцинь въ Амисѣ, имена которыхъ почти совпадаютъ. По словамъ автора эпизодъ о 7 дѣвахъ носить на себѣ слѣды легендарной и даже мифологической традиціи. И дѣйствительно семь — сказочное число, встрѣчающееся очень часто. Минусинскіе татары насчитываютъ семь боговъ „кудаевъ“, у кудаевъ семь дочерей, которыя въ видѣ лебедей летаютъ на золотое озеро. У Джедай-хана семисаженный конь и семь собакъ. Въ одной монгольской повѣсти Гесеръ обдѣлалъ черепа 7 братьевъ кузнецовъ въ чаши и поднесъ въ нихъ вино своей бабушкѣ, жившей на небѣ. Головы эти понадобились ему, чтобы спастись отъ казней, которыя грозили ему со стороны Гуменъ-хана. Киргизское повѣріе видитъ въ Большой Медвѣдицѣ семь братьевъ — разбойниковъ, которые ночью воруютъ, а днемъ каются. Семь небесныхъ дѣвъ въ видѣ куколъ напиваются на плащѣ алтайскихъ шамановъ²⁾. Царевичъ въ одной итальянской повѣсти тоскуетъ по потерянной любовницѣ и выздоравливаетъ, прослушавъ семь рассказовъ семи красавицъ, для которыхъ онъ построилъ семь дворцовъ. Семь играетъ видную роль и въ греческой мифологіи. Число это преимущественно аполлоновское. Аполлону посвящены были первые 7 дней мѣсяца Таргелія и первыя седмицы остальныхъ мѣсяцевъ, на праздникахъ въ честь Аполлона принимали участіе хоры, состоявшіе изъ 7 че-

1) *Analect. Bolland.* XXII, 320—328.

2) Г. Потавинъ. Восточные мотивы въ европейскомъ эпосѣ, стр. 118—119, 442, 449, 582.

ловѣкъ. Было семь музъ, семь плеядъ, семь піобидъ, семь циклоповъ, построившихъ Тиринъ. Изъ мифологическихъ лицъ по семи сыновей было у Эола, Птерелая и Нестора, семь сыновей и дочерей у Геліоса. Въ Иліадѣ Агамемнонъ говоритъ о семи красавицахъ-лесбіянкахъ, знающихъ военное дѣло (IX, 128)¹⁾. Въ раннихъ христіанскихъ произведеніяхъ мы также находимъ число семь: въ книгѣ Пастыря Эрмы 7 женщинъ олицетворяющихъ 7 добродѣтелей, въ Апокалипсисѣ 7 ангеловъ семи церквей, 7 звѣздъ, 7 свѣтильниковъ, книга, запечатанная 7 печатями, 7 духовъ, 7 громовъ, драконъ съ семью головами.

Въ современной Греціи недалеко отъ города Калимна имѣется пещера подъ названіемъ „Семь дѣвъ“, а на о. Критѣ въ округѣ Риеимна стоитъ церковь, посвященная семи св. дѣвамъ; по близости оттуда источникъ, находящійся подъ ихъ покровительствомъ и носящій одинаковое съ ними наименованіе. Происхожденіе этихъ христіанскихъ дѣвъ видятъ въ языческихъ наядахъ; параллель можно найти въ морскихъ нимфахъ Нереидахъ, память о которыхъ сохраняется въ греческомъ народѣ²⁾.

Хитрость Фронтона напоминаетъ очень древній сказочный сюжетъ. Извѣстно много сказокъ объ искусномъ ворѣ. Самый старинный рассказъ находимъ у Геродота. Два вора пробрались въ сокровищницу египетскаго царя Рампсинита. Отворивши кладовую, царь съ изумленіемъ замѣтилъ, что въ сосудахъ не доставало сокровищъ и не зная, кого обвинять въ кражѣ, такъ какъ печати на дверяхъ были цѣлы и кладовая оставалась запертой. Онъ поставилъ капканы, и одинъ изъ воровъ попалъ въ капканъ. Сознавши свою бѣду, воръ окликнулъ брата и посоветовалъ отрубить ему голову; иначе, если его увидятъ и узнаютъ, кто онъ, то долженъ будетъ погибнуть вмѣстѣ съ нимъ и братъ. Царь велѣлъ повѣсить трупъ вора на стѣнѣ и подлѣ него поставить стражу, обязанную арестовать всякаго, у кого она замѣтитъ слезы или состраданіе. Воръ, оставшійся въ живыхъ, прибѣгъ къ такой хитрости; онъ навьючилъ ословъ виномъ и подошелъ къ повѣшенному трупу. Онъ напоилъ стражу и ночью

1) W. Roscher. Die Siebenzahl im Kultus der Griechen. Leipz. 1904. (Abhandl. der sächs. Gesell. der Wiss. Bd. 24).

2) B. Schmidt. Das Volksleben der Neugriechen, p. 46—47.

связалъ трупъ брата, положилъ его на осла и погналъ домой¹⁾. Сюжетъ о хитромъ ворѣ встрѣчается и въ разныхъ европейскихъ сказкахъ²⁾.

Разсказъ о мученичествѣ Филимона съ Аполлономъ драматическая сказка, вся въ разговорахъ со множествомъ чудесъ³⁾. Онъ начинается такими словами: въ третій годъ царствованія Діоклеціана, послѣ того какъ упокоились Аскла и Леонидъ, замученные при Аріанѣ, игемонѣ Фиваиды, этотъ самый Аріанъ приказалъ схватить другую кучу городскихъ старѣйшинъ изъ христіанъ и поставить орудія пытки. „Принесите жертвы богамъ, сказалъ онъ имъ, если же вы откажетесь, умрете скверной смертью“. Всѣхъ приведенныхъ христіанъ было 37. Одинъ изъ нихъ Аполлоній, чтецъ церкви Автинойской, увидѣвъ значительное количество орудій пытки, испугался. Въ томъ же мѣстѣ былъ нѣкто Филимонъ, музыкантъ, увеселявшій Аріана. Къ нему обратился Аполлоній и предложилъ ему четыре золотыхъ, если онъ принесетъ за него жертву. Филимонъ отвѣтилъ: дай мнѣ твой плащъ, я закрою имъ свое лицо и принесу жертву вмѣсто тебя. Игемонъ грозно спросилъ: что это такое? Ему отвѣтили: это христіанинъ, желающій принести жертву богамъ. Филимонъ, исполнившись Духа Святого⁴⁾, измѣнивъ голосъ сказалъ: не совершаю жертвоприношеній, ибо я христіанинъ и рабъ Бога живого. Игемонъ сказалъ: ты видѣлъ пытки, какимъ подвергнуты были Аскла и Леонидъ, принеси жертву, чтобы спасишься. Филимонъ отвѣтилъ: нѣтъ спасенія въ жертвоприношеніяхъ, спасеніе въ томъ, чтобы умереть во Господѣ. Аріанъ сказалъ: позовите Филимона, чтобы онъ своей флейтой усладилъ слухъ этого христіанина, можетъ быть музыка убѣдитъ его. Обошли весь городъ, но Филимона нигдѣ не нашли. Игемонъ велѣлъ позвать Θεону, брата Филимона, и спрашиваетъ его: гдѣ братъ твой, Филимонъ? Θεона отвѣтилъ: онъ стоитъ противъ тебя. Аріанъ велѣлъ открыть ему лицо и, засмѣявшись горкимъ смѣхомъ, говоритъ ему: принеси жертву богамъ. Филимонъ отвѣчаетъ: дѣлай, что хочешь, ибо на меня нашла благодать. Аріанъ спра-

1) Геродотъ (переводъ Мищенка), I, 174—176.

2) E. Cosquin. Contes populaires de Lorraine, II, 277.

3) Acta Sanct. Mart. I (3 ed.), p. 887—890.

4) Дѣян. Апост. IV, 8. Петръ, исполнившись Духа Святого, сказалъ.

шиваетъ: ты отъ сердца говоришь, что ты христіанинъ, или ты обманываешь? Филимонъ отвѣчаетъ: клянусь, что Христосъ — истинный царь, которому подобаешь слава, честь и вѣнецъ. Разсердившись Аріанъ спрашиваетъ окружающую его толпу: что съ нимъ дѣлать, убить или оказать великодушіе. Толпа закричала: просимъ тебя, не губи радость города, ибо всѣ мы наслаждались его сладкогласіемъ. Игемонъ говоритъ: какъ видишь, народъ желаетъ имѣть тебя въ своей средѣ, онъ любитъ тебя и печалуется о тебѣ. Такъ ты уважь ихъ и принеси жертву, чтобы во время великаго праздника доставить имъ удовольствіе. Филимонъ отвѣчаетъ: земной праздникъ врагъ небесной радости. Въ этомъ мартиріи есть одна неожиданная черта: оказывается, что Филимонъ совсѣмъ не христіанинъ. Византійскаго читателя поражало конечно слѣдующее возраженіе Аріана: Твой подвигъ тебѣ не будетъ сочтенъ за мученичество по закону христіанскому, потому что ты не крещенъ, я слышалъ, что для принятія христіанства надо быть крещенымъ водою. Филимонъ столь же неожиданно отвѣчаетъ Аріану: о сколь великій огонь ты возжегъ въ сердцѣ моемъ. Обратившись къ толпѣ, онъ говоритъ: если есть среди васъ христіанинъ, пусть онъ креститъ меня. Изъ страха передъ пытками никто не рѣшился исполнить просьбу Филимона. Тогда Филимонъ помолился о чудѣ, и дѣйствительно съ неба сошла туча воды, окружила его среди толпы, окрестила его и затѣмъ вновь ушла туча. Послѣ этого эпизода продолжается разговоръ между судьей и Филимономъ. Аріанъ говоритъ: помни, что приближается праздникъ, народъ пойдетъ въ театръ и, если онъ увидитъ, что другой играетъ на флейтѣ, онъ будетъ стонать, лишившись тебя. Флейты его находились въ это время въ рукахъ Аполлонія. Филимонъ издастъ сильный стонъ и начнетъ молиться: да низойдетъ облако огня и сожжетъ флейты. Такъ и случилось и толпа съ удивленіемъ смотрѣла на поразительное чудо. Прибѣгаетъ Феона и говоритъ: не братъ мой виноватъ, вина падаетъ всецѣло на чтеца Аполлонія, который далъ Филимону свой хитонъ и попросилъ его обмануть тебя. Разсердившись Аріанъ велѣлъ схватить Аполлонія, укоряетъ его и говоритъ ему въ заключеніе: если ты испугался пытки, ты долженъ былъ сказать мнѣ это по секрету, и я освободилъ бы тебя. Подсудимыхъ бьютъ, а народъ за нихъ заступается.

Филимонъ обращается къ толпѣ съ такими словами: почему опечалились вы, что меня бьютъ по щекамъ? Раньше чѣмъ сдѣлался я флейтчикомъ, сотоварищи били меня по лицу, а вы смѣялись, теперь же, когда бьютъ меня ради Христовой вѣры, вы огорчаетесь, ангелы же радуются и веселятся. Филимона и Аполлонія связываютъ веревками и влечать по городу и приводятъ къ игемону. Онъ говоритъ имъ: вы видите, какъ тяжело начало пытокъ, не надѣйтесь на Бога, онъ не въ силахъ вырвать васъ изъ моихъ рукъ. „Выслушай меня, отвѣчаетъ Филимонъ, такъ какъ ты говоришь, что и ты и, всѣ граждане, вы любите меня. Аріанъ и народъ очень обрадовались и спросили Филимона: чего ты просишь у насъ? Филимонъ отвѣтилъ: сдѣлайте мнѣ мѣдную трубу. Если бы тебѣ потребовалось серебряная поволоченная труба, то и это мы исполнили бы, говорятъ игемонъ и граждане. „Знаю ваше человѣколюбіе, говоритъ Филимонъ, но приведите мнѣ и маленькаго мальчика и посадите его въ трубу, тогда я объясню вамъ, въ чемъ дѣло.“ Созываютъ всѣхъ стрѣлковъ города и со 2-го до 9-го часа непрерывно выпускаютъ стрѣлы въ трубу. Тѣмъ не менѣе мальчика оттуда извлекаютъ вполне невредимымъ. Филимонъ говоритъ игемону: вотъ тебѣ ясное доказательство, что и меня не тронутъ твои пытки. Очень разсердившись Аріанъ приказалъ привязать Филимона къ персиковому дереву и выпустить въ него огромное количество стрѣлъ, выпущенное въ трубу, пронизавъ его тѣло отъ головы до ногтей. Случилось однако слѣдующее непредвидѣнное обстоятельство: ни одна стрѣла не попала въ Филимона и ни одна не упала на землю, но всѣ стрѣлы повисли въ воздухѣ. Стрѣлки сообщили игемону, что у нихъ больше нѣтъ стрѣлъ. А онъ все еще живъ? спросилъ Аріанъ. Да отвѣтили стрѣлки. Игемонъ пошелъ къ персиковому дереву, чтобы въ этомъ убѣдиться. Аріанъ поднялъ голову, и вдругъ одна изъ стрѣлъ, остановившихся въ воздухѣ, попала ему прямо въ глазъ, и онъ ослѣпъ. Онъ призываетъ Филимона и говоритъ ему: гдѣ научился ты чародѣйствамъ христіанъ? Изъ-за тебя я потерялъ правый глазъ, и я увѣренъ, что ты можешь вернуть мнѣ зрѣніе. Филимонъ отвѣчаетъ: если я помолюсь и верну тебѣ зрѣніе, ты скажешь, что я совершилъ чародѣйство, но когда я умру, пойди туда, гдѣ будетъ лежать мое тѣло, возьми прахъ, приложи его къ глазу своему,

и ты увидишь. Услышавъ это, Аріанъ велѣлъ отрубить голову Филимону и Аполлонію. Благочестивые люди положили ихъ тѣла туда, гдѣ лежали останки Асклы и Леонида, Аріанъ исполнилъ совѣтъ Филимона; къ нему вернулось зрѣніе, и онъ увѣровалъ во Христа. Обвивъ тѣло мучениковъ новымъ полотномъ и умастивъ ихъ драгоценными ароматами, онъ приказалъ всѣмъ жителямъ своей области принять христіанство. Вѣсть объ этомъ дошла до императора Діоклеціана, и онъ отправляетъ четырехъ протекторовъ, которые должны были расправиться съ Аріаномъ. Въмѣсто того и они обращаются въ христіанство. Ихъ зашиваютъ въ пять мѣшковъ, наполовину наполненныхъ пескомъ, и бросають въ море. Дельфинъ выноситъ ихъ какъ разъ на то мѣсто берега, о которомъ Аріанъ сказалъ своимъ сыновьямъ: тамъ найдете вы мое тѣло.

Спасительный дельфинъ, встрѣчающійся и въ другихъ мартиріяхъ, извѣстенъ былъ въ глубокой древности. Геродотъ передаетъ по разсказамъ коринтянъ о чудѣ, совершившемся въ жизни Періандра. Съ Аріономъ, бывшимъ тоже музыкантомъ, какъ Филимонъ, случилось подобное же происшествіе. Этотъ Аріонъ, проводившій большую часть жизни въ Коринѣ у Періандра, пожелалъ однажды посѣтить Италію и Сицилію и, собравши тамъ большія богатства, намѣревался отплыть въ Коринѣ. Въ открытомъ морѣ коринтяне вознамѣрились выбросить Аріона въ море и завладѣть его имуществомъ. Чтобы не быть выброшеннымъ въ море, Аріонъ бросился самъ; перевозчики поплыли дальше въ Коринѣ, а дельфинъ взялъ Аріона на себя и вынесъ на Тенаръ¹⁾. Въ другихъ греческихъ сказкахъ мальчики Діонисій и Гермій катаются по морю верхомъ на дельфинахъ и Узенеръ сводитъ этихъ мальчиковъ къ богамъ²⁾. Ино бросилась въ море со своимъ сыномъ Меликертомъ; тѣло мальчика было вынесено на берегъ дельфиномъ. Сизифъ похоронилъ его и учредилъ въ его честь Истмійскія игры³⁾.

Эліанъ сообщаетъ о дельфинахъ любопытныя свѣдѣнія, ко-

1) Геродотъ кн. I, 23—24 (перев. Мищенко I, 11).

2) H. Usener. Religionsgeschichtliche Untersuchungen, Th. III, p. 166—167. Bonn. 1899.

3) R. Pfister. Der Reliquienkult im Altertum, p. 214 Pausan. Descriptio Graeciae (ed. Schubart, I, 102).

торыя прямо ведутъ насъ къ мартиріямъ. Дельфины выказываютъ почтеніе мертвымъ (XII, 6). Кромѣ того, они выказываются очень благодарными животными. Въ Византіи дельфины попались однажды въ сѣть. Нѣкій Койранъ далъ ловцамъ фунтъ серебра съ тѣмъ, чтобы они отпустили дельфиновъ на свободу. Когда вслѣдъ за тѣмъ случилось кораблекрушеніе, благодарные дельфины спасли Койрана, а всѣ его спутники погибли. Когда умеръ Койранъ, трупъ его сжигали на морскомъ берегу; замѣтивъ это, собрались дельфины, придя какъ бы на похороны (*ὄψαρ ἐπὶ τὸ κήδος ἤκοντες*), и пока продолжалось сожженіе, они присутствовали при немъ, какъ вѣрный другъ на похоронахъ друга, когда же погасъ огонь, они уплыли (VIII, 3)¹⁾.

Въ коптскомъ синаксарѣ видную роль играетъ губернаторъ Оиваиды Аріанъ, замучившій цѣлый рядъ лицъ и наконецъ самъ обратившійся въ христіанство. У него служили два музыканта, пѣвецъ Филимонъ и флейтистъ Аполлоній. Они рѣшили сдѣлаться мучениками. Филимонъ переодѣлся Аполлоніемъ. Далѣе идетъ приблизительно тотъ же рассказъ, что въ греческомъ мартиріи, только гораздо короче въ самыхъ существенныхъ чetraхъ²⁾. Но имѣется и подробная коптская повѣсть на ту же тему, которую Амелино помѣстилъ въ своемъ собраніи сказокъ и романовъ. У губернатора города Антиноэ было два воина, пѣвецъ Филимонъ и флейтистъ Аполлоній. Оба были пронзены стрѣлами (также какъ въ мартиріяхъ, греческомъ и коптскомъ). Одна стрѣла попала въ глазъ Аріану, и онъ сильно страдалъ; одинъ христіанинъ посоветовалъ ему взять крови обоихъ мучениковъ и помочить ею глазъ. Онъ сдѣлалъ это и сейчасъ же выздоровѣлъ. Аріана чудо поразило, въ немъ заговорила совѣсть и онъ сталъ размышлять о всѣхъ лицахъ имъ казненныхъ, въ томъ числѣ и о Филимонѣ и Аполлоніи. Очень пространно передаются раскаяніе Аріана и его размышленія. Узнавъ, что Аріанъ пересталъ преслѣдовать христіанъ, Діоклеціанъ разсердился и велѣлъ бросить его въ колодець и затѣмъ засыпать колодець. Но ангелъ вынулъ его оттуда и поставилъ среди дворца воелѣ ложа Діоклеціана. Его зашиваютъ въ мѣшокъ, бросаютъ въ море, откуда

1) Дельфинъ играетъ ту же роль въ западныхъ легендахъ. H. Günter. Die christliche Legende des Abendlandes, p. 17. Heidelb. 1910.

2) E. Amélineau. Les actes des martyrs de l'église copte, p. 63.

его выносить дельфинъ¹⁾. Въ основѣ греческаго и коптскаго разсказа та же легенда, передававшаяся вѣроятно устно, а потому осложненная разными подробностями.

Сказаніе о Севастіанѣ подходитъ къ апокрифамъ. Мученичество ея произошло въ 23-ій годъ гоненія, когда начальникомъ въ Маркіанополѣ былъ Сергій Іустъ. Войдя въ Маркіанополь, онъ зарычалъ, какъ дивій левъ, имѣя на себѣ одѣяніе діавола. Призвавъ трехъ жрецовъ Артемиды Сосипатра, Филита и Дмитрія, онъ сказалъ имъ: вамъ извѣстно, что императоръ Дометіанъ велѣлъ всемъ приносить жертвы богамъ, тѣхъ же, кто отъ этого отказывается, подвергать жесточайшимъ наказаніямъ, особенно Галилеянъ, такъ называемыхъ христіанъ. Монархъ Антоній привелъ на судъ діакоиссу и игуменью Севастіану, лицо которой сіяло, какъ восходящее солнце. Глашатаи кричали при звукахъ трубъ: пусть будутъ введены наслѣдники Распятаго, пусть войдутъ воины Назарянина. Пораженный красотой Севастіаны Сергій спрашиваетъ ее: Какъ тебя зовутъ? Севастіана отвѣчаетъ: Я христіанка и паствы Христовой діакоисса. Святые родители мои назвали меня Севастіаной, такъ какъ апостолы нарекли меня христіанкой. Ибо славнѣйшій изъ всѣхъ апостоловъ св. Павелъ, придя въ предѣлы Фракіи, крестилъ меня, научивъ меня слову Христову. Впрочемъ, дѣлай что хочешь, жесточайшій и нечестивѣйшій изъ всѣхъ людей. Мой Богъ сдѣлаетъ тебя безсильнымъ, такъ какъ ты дерзашь опустошать паству Христову, грязнѣйшій тиранъ. Убѣжденія не дѣйствуютъ на Севастіану. Послѣ ея молитвы, заблестѣла молнія и упалъ градъ. Въ ужасѣ убѣгаетъ игемонъ и кричитъ: единъ Богъ Севастіаны и Павлы и Іоанна, спасающій теперь нашъ городъ чрезъ Севастіану. Сергій вновь призываетъ Севастіану и опять спрашиваетъ ее, кто она, откуда и т. д. Къ явно апокрифическимъ подробностямъ прибавляется элементъ, преобладающій въ романахъ путешествій. Сергій отправляетъ Севастіану въ Ираклею съ письмомъ къ тамошнему игемону, которое тутъ же приведено. Въ Ираклеѣ на нее выпущенъ былъ левъ, который вмѣсто того, чтобы растерзать ее, заговорилъ съ ней на человѣческомъ языкѣ. Народъ заступился за нее и кричалъ: Отпусти праведницу. Услышавъ это, игемонъ

1) E. A. Mélineau. Contes et romans de l'Égypte chrétienne, p. 81—96.

велѣлъ прочесть ея протоколъ, въ которомъ значилось: нашъ судъ приговорилъ отсѣчь ей голову мечомъ. Однимъ ударомъ отрубили Севастіанъ голову и вмѣсто крови потекло молоко. Узнавъ это, игемонъ велѣлъ бросить ее въ море. Ее подобрали моряки и услышали голосъ, исходящій изъ ея тѣла: не плачьте, ибо мѣсто моего упокоенія въ Рисисѣ. Моряки опять бросили ее въ море. Севастіану подобрали три ангела и отнесли ее въ мѣсто Рисисъ, гдѣ и положили близъ еврейской синагоги¹⁾.

Нѣсколько разъ повторяется въ мученичествахъ, что при отсѣченіи головы потекло вмѣсто крови молоко. Такое происшествіе было съ Акилиной и Екатериной, и въ мартиріи Агаеоника вспоминается, что такое чудесное явленіе случилось во время казни ап. Павла. И дѣйствительно мы находимъ это въ апокрифѣ. Когда палачъ отрубилъ апостолу голову, на хитонъ воина полилось молоко. Воинъ и другіе присутствовавшіе при этомъ люди изумились и прославили Бога, даровавшаго Павлу такую славу²⁾. Разъясненіе чудеснаго явленія надо искать въ мистеріяхъ. Молоко считалось магическимъ средствомъ безсмертія (*φάρμακον τῆς ἀθανασίας*). Такимъ оказывается оно въ восточныхъ мистеріяхъ. Египетская богиня Изида говоритъ царю Рамсесу: Изъ моего лона вышелъ ты, Хаторъ (богиня) твоя кормилица. Отсюда развивается представленіе, имѣющее важное сакральное значеніе: царь пьетъ молоко богини и получаетъ черезъ это безсмертіе. Этотъ взглядъ перенесенъ былъ и въ культъ покойниковъ; возрожденіе привязывается къ питію божественнаго молока. Такъ объясняется вѣроятно примѣненіе молока къ христіанскому крещенію въ Египтѣ³⁾.

Въ нѣкоторыхъ мартиріяхъ сказочные мотивы остаются неразвитыми. Въ Тарсѣ Киликійскомъ проживала Анеуса, она была дочерью перваго лица въ городѣ Антонина и жены его Мартирія. Послѣ смерти Антонина Мартирія вышла вторично замужъ за родственника царя язычника Павлина. Анеуса же придерживалась христіанской вѣры, какъ и отецъ ея Антонинъ.

1) Acta Sanct. Jun. II, p. 4—13 (прилож.).

2) Acta apost. apocr. I, 115.

3) R. Reitzenstein. Zum Asclepius des Pseudo-Apuleius (Archiv f. Religionswissenschaft, Bd. VII, 403). R. Reitzenstein. Die Hellenistischen Mysterienreligionen, p. 84, 157. Leipz. 1910.

Анеуса очень желала повидать епископа Аванасія, прославившагося благотворительностью и чудесными исцѣленіями, и она просила мать отпустить ее къ кормилицѣ. Сначала мать не соглашалась. Какъ разъ въ ту ночь Аванасій былъ похищенъ ангелами и отнесенъ въ Селевкию. Мать разсудила, что Анеуса отъ неисполненія ея настоятельной просьбы можетъ заболѣть, и принесла ей царскую порфиру и всякія другія платья и отослала ее со множествомъ рабовъ и евнуховъ, говоря: отправляйся, дитя, съ миромъ къ кормилицѣ твоей и кланяйся ей отъ меня. Аванасій постригъ Анеусу и она прожила въ пустынѣ 23 года, и тамъ дикіе звѣри служили ей. Діаволь въ образѣ монаха явился въ пещеру, гдѣ она подвизалась. Догадавшись она прогнала его. Вслѣдъ затѣмъ явился къ ней второй демонъ и говоритъ ей: Анеуса, иди, пей изъ рѣки текущей молоко и медъ. Анеуса спрашиваетъ его: кто ты? Демонъ отвѣчаетъ: я живу въ пустынѣ, какъ и ты. Анеуса говоритъ ему: заклинаю тебя великимъ именемъ Бога, возвѣсти мнѣ, кто ты? Демонъ отвѣчаетъ: я разжегшій Адама, дабы онъ вкусилъ отъ древа, и былъ изгнанъ изъ рая, я разжегшій Іуду Искаріота, чтобы онъ предалъ Сына Божія на распятіе. Анеуса сказала ему: Богъ Вседержитель упряднитъ тебя и ввергнетъ тебя въ тьму внѣшнюю (Матѣ. VIII, 12). Тотчасъ же діаволь исчезъ. Черезъ нѣкоторое время явился Анеусѣ ангелъ и объявилъ ей, что близится время ея упокоенія. Анеуса помолилась и съ великой радостью отдала душу Господу. Она пролежала въ пещерѣ четыре года и ея сторожили львы и другіе звѣри. Богобоязненная женщина Полихронія (такъ называется въ сказаніяхъ о Георгіи Побѣдоносцѣ его мать) увидѣвъ во снѣ, что скончалась Анеуса, отправилась разыскивать ея тѣло. Ее привѣтствовала пантера и, взявъ за власяницу, привела къ пещерѣ, гдѣ лежала Анеуса¹⁾. Такимъ образомъ мученичества не оказывается, но къ разсказу объ Анеусѣ присоединено сказаніе о пострадавшихъ рабахъ ея Харисимѣ и Неофитѣ и крестившемъ ее епископѣ Аванасіи.

Въ то время какъ въ Киликіи начальствовалъ Максиміанъ, въ Ликаоніи жилъ пастухъ Тарасій, названный въ св. крещенія Созаномъ, т. е. спасающимъ. Придя въ то мѣсто, гдѣ находился

1) Anal. Bolland. XII, 5—41.

источникъ чистой воды и большой дубъ, онъ захотѣлъ отдохнуть. Когда онъ заснулъ, явился ему Исусъ Христосъ и напутствовалъ его. Юноша вернулся въ Помпеіополь. Игемону донесли, что онъ христіанинъ. Войдя въ то мѣсто, гдѣ стоялъ золотой идолъ, Созонъ отрубилъ ему руку и, продавъ ее, роздалъ деньги бѣднымъ. Нѣсколько лицъ, заподозрѣнныхъ въ этомъ преступленіи, повели въ тюрьму. Созонъ подошелъ и сказалъ: зачѣмъ ведете вы ихъ въ темницу? Это я ввѣлъ руку вашего нечистаго бога и деньги роздалъ бѣднымъ. За это Созона привлекли къ суду игемона. Онъ объясняетъ, что отрубилъ руку идолу съ цѣлію изобличить язычниковъ. Поклонись богамъ, чтобы прощена была твоя дерзость, говоритъ Максиміанъ. Какому-же богу, спрашиваетъ Созонъ, однорукому? мнѣ стыдно назвать его богомъ. Когда послѣ пытокъ Созона предали казни, появилась страшная молвія и сильный дождь съ градомъ; отъ ужаса всѣ разбѣжались и бросили тѣло Созона¹⁾. Имя этого мученика совпадаетъ съ мѣстнымъ языческимъ богомъ Созономъ, котораго почитали внутри М. Азіи, преимущественно въ Писидіи, но также во Фригіи, Каріи и Памфіліи²⁾.

На почвѣ мученичества вырастаетъ сказка особаго рода. Евфимію судить въ царствованіе Діоклеціана Прискъ, проконсулъ не существующей провинціи Европы. У Приска былъ безчестнѣйшій другъ Апеліанъ, софистъ, поклонявшійся демону Аресу. Этотъ Апеліанъ постоянно доносилъ на христіанъ. Онъ сообщилъ, что въ одномъ домѣ тайно собираются христіане, въ числѣ которыхъ находилась и Евфимія, дочь сенатора Филофрона и благочестивой Теодорисіаны. Она была 50-й. Ихъ допрашивали и пытали нѣсколько разъ. Когда ихъ отвели въ тюрьму, туда пришелъ проконсулъ, какъ дикій волкъ въ стадо, и похитилъ Евфимію. Пытки, которымъ стараются ее подвергнуть, не удаются, благодаря небесному вмѣшательству. Ангелы парализуютъ служителей, намѣревавшихся колесовать ее. Прискъ приказываетъ бросить ее въ огонь, но палачамъ Сосеену и Виктору являються христіанскія видѣнія, и она проситъ освободить ихъ отъ тяжелой обязанности. Ихъ замѣнили служители со сказочными именами

1) Acta Sanct. Septembr. III, 15—19.

2) H. Usener. Götternamen, p. 174. Bonn 1896. Сохранилась надпись: *Σώζοντι εὐχὴν ἀνέστησα.*

Кесарь и Варварь и бросили Евфимію въ огонь, но ее приняли ангелы, разсѣяли пламя, а вмѣсто нея потибъ Кесарь. Призываютъ ослушниковъ Сосеена и Виктора, но и съ ними проконсулу не удается расправиться. Прискъ велѣтъ принести арену, съ тѣмъ чтобы они вступили на ней въ борьбу съ дикими звѣрями (*ἀρῆσαν ἀχθῆραι καὶ αὐτοὺς ἐμβληθῆραι ἐκεῖ, βλασ θηρομαχῆσασιν*). Они помолились, чтобы избавиться имъ отъ этой пытки, и послышался голосъ съ неба: молитва ваша услышана. Они умираютъ. Евфимія тоже отдала душу Богу безъ страданій, хотя ее подвергали всевозможнымъ пыткамъ. Родители взяли ее тѣло и похоронили въ одной миліи отъ Халкидона.

Не такъ давно изданное въ первый разъ мученичество Панкратія лишено исторической подкладки²⁾. Во времена императоровъ Діоклеціана и Максиміана происходило жестокое гоненіе. Въ одномъ фригійскомъ городѣ жилъ знатный мужъ Клеонъ съ женой Кириадой, у нихъ былъ единственный сынъ Панкратій. Мать умерла раньше; когда и отецъ сталъ умирать, онъ призвалъ Діонисія, брата жены, и поручилъ ему сына со всѣмъ имуществомъ его движимымъ и недвижимымъ, находившимся тамъ и въ Римѣ. Черезъ три года Діонисій переселился съ Панкратіемъ въ Римъ, и жили они на несуществующемъ островѣ Каминіанѣ. Когда началось сильное гоненіе, въ окрестностяхъ Рима скрывался папа Корнилій. Діонисій и Панкратій услышали, что онъ многихъ обратилъ въ христіанство, и пожелали познакомиться съ нимъ. Имъ удалось найти мѣсто, гдѣ скрывался папа. Они постучались въ ворота, вышелъ привратникъ, по имени Евсевій, мужъ, преисполненный святости. Они просили позволенія поклониться папѣ. Корнилій обучилъ ихъ и крестилъ. Черезъ нѣсколько дней Діонисій умеръ. Гоненіе продолжалось, язычники кричали: уберите изъ города маговъ и христіанъ, обманывающихъ весь міръ. О Панкратіи сообщили, что онъ очень знатнаго рода и очень богатъ. Діоклеціанъ велитъ привести его во дворецъ и начинаетъ уговаривать его, такъ какъ онъ еще очень молодъ, ему всего 15 лѣтъ, и онъ такого благороднаго происхожденія. Панкратій дерзновенно отвѣчаетъ: Царь, не воображай,

1) Acta Sanct. Septembr. V, 266—270.

2) F. Macler. Histoire de S. Azazail, p. 16—20. Paris 1902 (Biblioth. de l'école des hautes études, t. 141).

что ты меня, какъ мальчика, обманешь твоими льстивыми рѣчами и пустыми угрозами. Хотя, какъ видишь, мнѣ только 14 лѣтъ, однако я не лишенъ знанія и разумѣнія, Господь Иисусъ Христосъ даровалъ мнѣ благодать и пониманіе, такъ что я не боюсь властей и васъ судей. „Не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить“ (Матѣ. X, 28). Видя его упорство, Діоклеціанъ велѣлъ отвести Панкратія на Авреліеву дорогу и тамъ отрубить голову. Останки его взяла Октабилла, снесла въ свой домъ и похоронила въ новой гробницѣ. Издатель греческаго мученика Макла сближаетъ его съ сирійскимъ разсказомъ объ Азазаилѣ. Панкратій и Азазаилъ то же имя, означающее всеильнаго, того, кого Богъ дѣлаетъ всеильнымъ. Въ Самосатѣ нашли маленькаго мальчика Азазаила и отправили его въ Римъ. Его судилъ императоръ Максиминъ, предлагавшій сдѣлать его визиремъ своей имперіи. Азазаила бросили въ колодезь въ полнолуніе мѣсяца августа 304 г. по Р. X.¹⁾

ГЛАВА VIII.

Романы.

Одинъ мученикъ прямо приводитъ насъ къ роману. Это разсказъ о Галактіонѣ и Епистиміи, написанный якобы ихъ рабомъ Евтолміемъ²⁾. Въ городѣ Эмесѣ жилъ мужъ знатнаго происхожденія и очень богатый по имени Клитофонъ. Красивая жена его Левкиппа, дочь топарха Мемнона, была бесплодна, и мужъ ежедневно бранилъ ее. Монахъ Онуфрій ходилъ изъ одного мѣста въ другое, изъ дома въ домъ и собиралъ милостыню въ пользу бѣдныхъ. Онъ подошелъ и къ дому Клитофона. Въ тотъ день мужъ сильно побилъ Левкиппу, такъ какъ онъ ненавидѣлъ ее за бесплодіе. Левкиппа вступила въ бесѣду съ Онуфріемъ, приняла христіанство и забеременѣла. Она родила сына Галактіона. Когда ему исполнилось 25 лѣтъ, отецъ пожелалъ женить его и нашелъ ему невѣсту, Епистимію, дочь вельможки. Галактіонъ отказывается цѣловать ее, потому что она язычница. Тогда Епистимія принимаетъ христіанство и предлагаетъ мужу раздать все

1) Легендарный разсказъ о мученичествѣ Фоки (Acta Sanct. Julii III, 610—616) будетъ рассмотрѣнъ вмѣстѣ съ житіями св. Фоки.

2) Acta Sanct. Novembr. III, p. 35—41.

имущество бѣднымъ и спасаться, взявъ съ собой и раба Евтолмія. Въ то время свирѣпствовалъ игомонъ Секундъ, избивавшій христіанъ безо всякой причины, такъ что многіе убѣгали и многіе отрекались отъ вѣры. Началось гоненіе, и начальнику Урсу донесли, что на Синаѣ живутъ монахи. Воины отправились на гору и нашли тамъ подвижавшихся Галактіона и діакониссу Епистимію. Имъ отрубили голову, и Евтолмій похоронилъ ихъ.

Клитофонъ и Левкиппа дѣйствующія лица романа Ахилла Тація. Въ немъ на фонѣ язычества выдвигается цѣнность дѣвственности. Левкиппа остается вѣрна Клитофону; несмотря на всякія испытанія и приключенія тѣло ея сохраняетъ чистоту. Любовь торжествуетъ, и рассказъ завершается бракомъ любящихъ. Въ сказаніи о слѣдующемъ поколѣніи находимъ и дальнѣйшее развитіе морали. Въмѣсто плотскаго единенія въ любви является аскетическій бракъ христіанскихъ подвижниковъ, бракъ безплотный, въ которомъ языческое влеченіе любящихъ сердець и любящихъ тѣлъ замѣнено совмѣстнымъ постомъ и совмѣстной молитвой. Тѣмъ не мѣнѣе въ сказаніи о Галактіонѣ не вполнѣ еще порвана связь съ прошлымъ. Галактіонъ отказывается цѣловаться съ язычницей, но не съ христіанкой¹⁾.

Объ Онуфріи имѣется отдѣльное сказаніе. Нѣкій Пафнутій сообщаетъ, что онъ отправился во внутреннюю египетскую пустыню и встрѣтилъ тамъ блаженнаго старца, который оказался Онуфріемъ и рассказавъ ему подробности своей жизни. Настоящаго житія въ смыслѣ біографіи нѣтъ, мы узнаемъ только, что старецъ прожилъ въ пустынѣ 60 лѣтъ, страдалъ отъ жары и холода, голода и жажды, но Богъ, видя, какую борьбу онъ ведетъ, повелѣлъ ангелу приносить ему хлѣбъ насущный и воду²⁾.

Тему о дѣвственности затрагиваетъ и мартирій Нирей и Ахиллеса. Съ первыхъ-же словъ видно, что передъ нами фантастическій рассказъ. У благородной дѣвы Домитиллы, племянницы царя Домиціана, были евнухи — спальники (кубикуляріи) Нирей

1) Acta Sanct. Junii III, 24—30.

2) Связь между романомъ Ахилла Тація и сказаніемъ о Галактіонѣ была подмѣчена А. Н. Веселовскимъ. Но онъ пользовался Симеономъ Метафрастомъ, потому что въ то время мученичество Галактіона еще не было извѣстно. А. Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти, вып. I, стр. 35—36. Спб. 1886.

и Ахиллесъ, которыхъ окрестилъ апостолъ Петръ. Увидѣвъ, что она особенно заботливо изукрашена и одѣта въ порфиру и золототканная платья, сказали ей спальники: если бы ты съ такимъ-же стараніемъ украсила душу, какъ украшаешь тѣло, желая выйти замужъ за смертнаго человѣка, сына консула Аврелиана, ты могла бы имѣть женихомъ сына безсмертнаго царя. Домитилла защищаетъ бракъ. Какая любовь, отвѣчаетъ она, можетъ быть выше, чѣмъ имѣть мужа и производить дѣтей? и почему же не позволено пользоваться роскошью и сладостью жизни? Нирей замѣтилъ на это: ты видишь только минутную сладость, а не соображаешь, какія опасности слѣдуютъ за ней. Прежде всего ты потеряешь имя дѣвы и будешь называться женщиной, а не дѣвой, и затѣмъ ты жертвуешь своей свободой и дѣлаешь чужого человѣка господиномъ твоего тѣла, который будетъ пользоваться тобой, какъ служанкой. Домитиллѣ указываютъ на обычную ревность и подозрительность мужей. Ахиллесъ говоритъ ей: раньше чѣмъ соединиться бракомъ со своими невестами всѣ мужчины представляются смиренными и кроткими, но послѣ женитьбы лицемѣріе ихъ раскрывается, и они являются въ своемъ настоящемъ видѣ. Если они блудники, они любятъ рабынь и съ ними истлѣваютъ въ похотяхъ, а тѣ относятся пренебрежительно къ своимъ господамъ и ставятъ ихъ ни во что; если же жены начинаютъ ихъ бранить, мужья ихъ преслѣдуютъ и не только на словахъ, но и щедро награждаютъ плетьюми и часто та женщина, которая не выносила укоровъ благочестивой матери, вынуждена противъ своего желанія переносить побои. Допустимъ, что мужъ не блудникъ и не ревнивъ, а веселаго и льстиваго нрава, и посмотримъ, какія непріятности грозятъ женѣ. Зачавъ младенца, она должна носить бремя денно и ночью; отъ этого бремени она становится слабой, раздутой, блѣдной, едва въ состояніи передвигать ногами, хорошая пища ей непріятна, она скорѣе ѣсть вредную пищу и страдаетъ отъ нея, и отъ этого происходитъ, что родится младенецъ съ какимъ-нибудь недостаткомъ и даже одержимый бѣсомъ, такъ что приходится прибѣгать не къ кормилицѣ, а къ заклинателю. Нирей прославляетъ дѣвственность. О сколь блаженна святая дѣвственность, говоритъ онъ, желанная Богу, любимая ангелами, пріобрѣтшія которую становится подобенъ Богу. Отъ грѣха женщина можетъ отдѣлаться

покаяніемъ, цѣлость же дѣвственности она не можетъ возобновить. Увы, какая глупость желать подчинить себя чужому желанію, улы, какое легкомысліе не соображать, что она можетъ при радости и хвалѣ ангеловъ и людей принять искупленіе дѣвственности и украситься вѣнцомъ славы. Все утраченное можетъ быть восстановлено, только дѣвственность, разъ потерянная, не можетъ уже быть возобновлена. Какъ личность царицы возвышается надъ всѣми женщинами знатнаго происхожденія, такъ и дѣвственность надъ всѣми добродѣтелями, и она занимаетъ второе мѣсто послѣ мучениковъ. Ей служатъ всѣ добродѣтели, и повинуются какъ кубикюларіи (ж. р.) царидѣ. За ней слѣдуетъ вѣра, тянется надежда, любитъ ее любовь, и всѣ онѣ вмѣстѣ предстоятъ царю небесному, терпѣніе, мужество, выдержка, презрѣніе міра, ночное бдѣніе, милосердіе, знаніе, истина. Всѣ поименованныя добродѣтели сожителствуютъ съ дѣвственностью и находятся съ ней подъ одной сѣнью съ ангелами. Ахиллесъ прибавилъ къ этому: то, о чемъ упомянулъ мой братъ, немногое изъ многаго. Если ваять изъ величайшей рѣки, вѣчно текущей, кружку воды, ты будешь имѣть знакъ безмѣрности ея, но не въ состояніи будешь сосчитать мѣру воды, также слова не достаточно для разъясненія той вѣчной жизни, имѣющей дать радость и наслажденіе. Но не забудемъ того, что въ этомъ мірѣ дѣвственность не утрачиваетъ своей свободы, ибо она не боится мужской дерзости, марающей чистую, порабащающей свободную и благородную. Мужъ чрезъ свое непотребство дѣлаетъ ее рабой и въ стѣнахъ своего дома какъ бы въ собственной темницѣ держитъ ее взаперти, никому не позволяя съ ней разговаривать, мѣшая ей видѣться съ родителями, не допуская даже вскормившую ее рабыню и сосѣдей, какъ враговъ. Въ длинной рѣчи, занимающей болѣе двухъ страницъ, Ахиллесъ прославляетъ дѣвственность. Домитилла признаетъ правильность аскетической теоріи и говоритъ, что отказалась бы отъ брака, если бы знала, что такова воля Божія. Нирей и Ахиллесъ отправляются къ св. Клименту и сообщаютъ, что Домитилла желала бы дать обѣтъ дѣвственности. Отправившись къ Домитиллѣ св. Климентъ посвятилъ ее въ санъ дѣвственницъ. Обмагутый женихъ Авреліанъ проситъ императора Домиціана сослать Домитиллу на островъ Понтіану, надѣясь, что тогда святая дѣва откажется отъ своего намѣренія.

Аврелианъ попробовалъ подкупить Нирея и Ахиллеса, сосланныхъ вмѣстѣ съ Домитиллой, но они отвергли предложенные имъ дары и напротивъ укрѣпляли въ вѣрѣ невѣсту, разставшуюся съ женихомъ. Нирей и Ахиллесъ отправлены были въ Террацину и преданы консулу Меммию Руфу, потребовавшему отъ нихъ, чтобы они принесли жертву богамъ. Когда они отъ этого отказались, консулъ велѣлъ отрубить имъ голову. Послѣ этого Аврелианъ дѣлаетъ опять попытку вернуть себѣ невѣсту. Домитилла нашла опору въ лицѣ Евтихія, Викторина и Марона; по проiscaмъ Аврелиана и ихъ отдають подъ судъ какъ христіанъ и приговариваютъ къ смертной казни. Аврелианъ все еще не отказывается отъ своей невѣсты и прибѣгаетъ къ такому способу. Онъ обращается къ Сульпицію и Сервиліану съ просьбой отправить въ Кампанію своихъ невѣстъ, мудрѣйшихъ дѣвъ Евфросинію и Теодору, молочныхъ сестеръ Домитиллы. Туда же должна была быть переселена Домитилла и подруги должны были произвести на нее желательное вліяніе. Молодые дѣвушки дѣйствительно встрѣтились, однако Домитилла продолжала поститься и молиться. Подруги говорятъ ей: Развѣ потому что мы ѣдимъ и соединились съ мужьями мы не можемъ почитать Бога? Домитилла отвѣчаетъ: вы имѣете благородныхъ мужей, если же какіе-нибудь неблагородные мужчины пожелали бы отдѣлать васъ отъ ихъ любви, чтобы сдѣлать васъ своими сожителницами, развѣ вы охотно на это согласились бы? Онѣ отвѣтили: мы не желали бы претерпѣть ничего подобнаго. Домитилла сказала: такъ и я, имѣя великаго и чудеснаго жениха, никоимъ образомъ не могу выйти замужъ за другого. Ибо хранящимъ дѣвственность ради имени его онъ возвѣстилъ себя безпорочнымъ женихомъ и обѣщаль даровать имъ жизнь вѣчную, онъ, который возвратилъ зрѣніе слѣпымъ, очистилъ прокаженныхъ, воскресилъ мертвыхъ. Теодора сказала ей: у меня есть младшій братъ, котораго ты знаешь, по имени Иродъ, но годъ тому назадъ онъ ослѣпъ; если ты именемъ своего Бога вернешь ему зрѣніе, мы повѣримъ тому, что ты говоришь. Евфросинія сказала: Ты своего слѣпца брата оставила въ Римѣ, а у меня здѣсь есть дочка моей кормилицы, она отлично слышитъ, но не можетъ говорить. Привели дѣвочку. Домитилла помолилась и исцѣлила ее. Тогда обѣ подруги пали къ ея ногамъ и повѣрили въ Христа. При-

вели брата Феодоры, Домитилла вернула ему зрѣніе, и множество народа обратилось въ христіанство. Авреліанъ хотѣлъ въ одинъ и тотъ же день отпраздновать три свадьбы, но Сульпицій и Сервиліанъ подъ вліяніемъ чудесъ увѣровали въ христіанскаго Бога и отказались отъ брака. Авреліанъ велѣлъ запретить Домитиллу въ ея комнатѣ, намѣреваясь совершить надъ ней насиліе. Послѣ ужина Авреліанъ принялся плясать подъ звуки органовъ, какъ это принято дѣлать на свадьбѣ, и плясалъ онъ въ теченіе двухъ дней и двухъ ночей, пока обезсилѣвъ не умеръ. Увидѣвъ это, всѣ увѣровали во Христа.

Такимъ образомъ Домитилла избавилась отъ назойливаго жениха. Романъ конченъ, и конецъ сказанія представляется ненужной прибавкой. Братъ Авреліана Луксурій попросилъ императора Траяна принуждать всѣхъ приносить жертвы богамъ, отказывающихся же убивать посредствомъ пытокъ. Сульпицій и Сервиліанъ преданы были эпарху города Аніану, который приказалъ отрубить имъ головы. Луксурій отправился въ Терраципу къ Христовымъ дѣвамъ и велѣлъ запретить ихъ въ той комнатѣ, гдѣ онѣ воспѣвали Господа, и поджечь. На слѣдующій день пришелъ діаконъ Цесарій и напелъ ихъ тѣла не тронутыми огнемъ. Павъ ницъ и молясь, дѣвы отошли къ Господу¹⁾.

Липсеусъ, пользовавшійся латинскимъ пересказомъ мартирія Нирея и Ахиллеса еще до изданія греческаго текста, подмѣтилъ одинъ изъ источниковъ этого мартирія, именно апокрифическія дѣянія апостоловъ Петра и Павла²⁾. Дѣйствительно въ романъ Домитиллы вставлены эпизоды, имѣющіе отношенія къ дѣятельности апостоловъ. Первый эпизодъ относится къ магу Симону, который упоминается въ Дѣян. Апостол. (VIII, 9—24). Онъ былъ крещенъ ап. Филиппомъ, прекратилъ волхвованіе, но хотѣлъ купить за деньги даръ Духа Святого. Впослѣдствіи создалась цѣлая легенда о состязаніи между ап. Петромъ и Симономъ (*Actus Petri cum Simone*). Во время ссылки Нирея и Ахиллеса на островъ Понтіану, тамъ оказались ученики Симона Фурій и Пряскъ, которые волхвованіемъ ввели въ заблужденіе жителей острова и вмѣсто Сына Божія заставили ихъ поклоняться Симону и ап.

1) H. Achelis. *Acta Nerei et Achillei* (Texte und Untersuchungen, Bd. XI Hf. 2).

2) R. Lipsius. *Die apokryphen Apostelgeschichten*, Bd. I H. 1, p. 106, 200.

Петра называли своимъ врагомъ. Противъ послѣдователей Симона возстали Нирей и Ахиллесъ. Они обратились къ толпѣ со слѣдующими словами: знаете вы Марцелла, сына Марка, эпарха города Рима? Толпа отвѣтила: кто же его не знаетъ? Нирей и Ахиллесъ спросили: примете ли вы его свидѣтельство о Симонѣ и Петрѣ? Толпа отвѣтила: только безумецъ можетъ не повѣрить такой выдающейся личности. Этотъ Марцеллъ извѣстенъ намъ изъ мартирія Петра, написаннаго епископомъ Линомъ. Марцеллъ, сынъ префекта Марка, говорится въ апокрифѣ, отклонилъ вредоносное ученіе мага Симона и примкнулъ къ ап. Петру¹⁾. По предложенію Нирея и Ахиллеса островитяне отправляютъ письмо Марцеллу, въ которомъ просятъ изобличить заблужденіе Симона. Изъ Рима пришелъ отвѣтъ, озаглавленный такъ: Марцеллъ, рабъ Иисуса Христа, святымъ исповѣдникамъ Нирею и Ахиллесу. Въ длинномъ посланіи сообщается о томъ, какъ въ составаніи ап. Петръ одолѣлъ Симона, и дѣлается ссылка на мартирій, написанный на греческомъ языкѣ епископомъ Линомъ и отправленный церквамъ Востока.

Второй эпизодъ, вставленный въ мартирій Нирея и неимѣющей никакого отношенія къ Домитиллѣ, касается дочери ап. Петра Петронииллы. Для насъ однако эпизодъ этотъ имѣетъ внутреннюю связь съ романомъ, такъ какъ въ немъ отразился взглядъ на дѣвственность. Имя Петронииллы встрѣчается только въ мартиріи Нирея, но о дочери ап. Петра говорится въ дѣяніяхъ Филиппа. Апостолъ Петръ бѣжалъ отъ женщинъ, и такъ какъ дочь его была красивой, онъ помолился, чтобы она стала парализованной²⁾. Въ письмѣ Марцелла имѣется продолженіе этой исторіи. Титъ, ученикъ апостола, сказалъ ему: Ты исцѣляешь всѣхъ болящихъ, почему же оставляешь ты безъ вниманія парализованную Петронииллу? Апостолъ отвѣтилъ: потому что это клонится въ ея пользу. А что бы не думали, что онъ не въ силахъ вернуть ей здоровье, онъ сказалъ: Петрониилла, возстань и служи намъ. Она тотчасъ же встала и служила по слову апостола. Затѣмъ онъ велѣлъ ей вернуться на свое ложе, на которомъ она и пролежала вплоть до своей смерти. Такъ какъ Петрониилла была

1) Acta apostol. apocrypha (ed. Lipsius) I, 4.

2) Acta Philippi. Ibid. II, 80.

чрезвычайно красива, comes Флаккъ пришесть съ воинами, намѣреваясь похитить ее, чтобы на ней жениться. Но Петронилла отвѣтила ему: Съ какой дѣлю пришесть ты къ безоружной дѣвѣ съ вооруженнымъ отрядомъ? Если ты желаешь взять меня въ жены, ты долженъ прислать ко мнѣ чрезъ три дня благородныхъ женщинъ и честныхъ дѣвъ, чтобы я вошла съ ними въ твой домъ. Она назначила трехдневный срокъ, чтобы въ это время молитвами и постомъ умиловить Бога, дабы Онъ принялъ ее непорочной. При ней находилась и св. дѣва Филикула. На третій день пришесть къ ней пресвитеръ Никомидъ и приобщилъ ее св. таинъ. Петронилла скончалась. Флаккъ же предложилъ Филикулѣ выбрать одно изъ двухъ, или выйти за него замужъ или принести жертву богамъ. Св. Филикула отвѣчала: Я и замужъ за тебя не выйду, потому что я посвящена Христу, и идоламъ жертвъ не приношу, потому что я христіанка. Флаккъ передалъ ее викарію, ее заперли въ очень темный домъ и семь дней оставляли безъ пищи. Жены стражниковъ говорили ей: почему хочешь ты умереть дурной смертью? Послушайся насъ лучше и выходи замужъ за человѣка богатаго, знатнаго происхожденія, молодого, красиваго, вліятельнаго друга царя. Филикула не сдавалась и твердила все тоже: я христіанка, обручена Христу и помимо Него съ другимъ не соединюсь. Чрезъ семь дней ее вывели изъ тюрьмы и отправили къ весталкамъ, гдѣ она не ѣла еще семь дней, не желая принимать пищи изъ ихъ рукъ. Филикула, не пожелавшая отречься отъ Христа, была распята.

Въ мартиріи Нирея любопытна для насъ черта дважды повторяющаяся. И Домитилла и Филикула гибнутъ отъ мстительности жениховъ, которымъ отказываютъ. Борьба язычества съ христіанствомъ забыта. Она замѣнена борьбою аскетизма съ плотской любовью, монашества съ эллинской страстью. Авторъ слѣдитъ за романическими приключеніями, такъ что совершенно устраниваетъ обычныя пытки, и мученичествомъ интересуется всего меньше.

Напрасно стали бы мы отыскивать въ сказаніи о Ниреѣ историческіе факты, и этимъ бесполезнымъ дѣломъ занимается Ахелисъ только потому, что въ разказахъ о мученикахъ все еще видятъ историческіе документы. Историческую основу нѣмецкіи

ученый находитъ въ томъ, что авторъ не выдумалъ именъ тѣхъ 13 мучениковъ, о которыхъ онъ говоритъ. Въ честь Петроциаллы была построена въ Римѣ послѣ 390 г. базилика, въ которой сказалъ проповѣдь Григорій Великій. Въ VII вѣкѣ была реставрирована церковь св. Никомида въ катакомбахъ. Существованіе Нирея и Ахиллеса засвидѣтельствовано похвалою папы Дамаса, который однако сообщаетъ объ этихъ святыхъ другія свѣдѣнія, чѣмъ находящіяся въ мартиріи: Нирей и Ахиллесъ были преторианцами и въ силу своего вѣроисповѣданія вынуждены были бѣжать изъ отряда и такимъ образомъ сдѣлались мучениками. И Домитиллу можно найти въ источникахъ. Діонъ Кассій (LXVII, 14) сообщаетъ о ней слѣдующее: Въ 95 г. императоръ Домиціанъ казнилъ консула Флавія Климента, хотя онъ приходился ему племянникомъ и женатъ былъ на его родственницѣ Флавіи Домитиллѣ; имъ обоимъ, какъ и многимъ другимъ было предъявлено обвиненіе въ безбожьи, потому что они выказывали склонность къ обычаямъ іудеевъ. Домитилла была сослана на островъ Пандатерію. Евсевій въ своей Церковной исторіи рассказываетъ нѣчто другое. По его словамъ у языческихъ писателей имѣется повѣствованіе, что на 15-мъ году царствованія Домиціана вмѣстѣ со многими другими и Флавія Домитилла, племянница Флавія Климента, одного изъ тогдашнихъ римскихъ консуловъ, въ наказаніе за исповѣданіе Христа сослана была на островъ Понтію¹⁾. Согласовать эти извѣстія невозможно, но въ нихъ находятся нѣкоторыя данныя для апокрифическаго происхожденія Домитиллы. Нирей и Ахиллесъ рассказываютъ св. Клименту слѣдующее: Консулъ Климентъ былъ братъ твоего отца, сестра котораго Плавтилла купила насъ, бывшихъ тогда рабами; Плавтиллу крестилъ ап. Петръ и насъ съ ея дочерью Домитиллой онъ также освятилъ св. крещеніемъ. Тутъ слѣдовательно устанавливается двойное родство Домитиллы и съ консуломъ Климентомъ и со св. Климентомъ. Домитилла оказывается племянницей консула Климента и двоюродной сестрой св. Климента. Плавтилла встрѣчается въ мученичествѣ ап. Павла и называется тамъ благороднѣйшей римской матроной (*nobilissima matrona apostolorum ferventissima dilectrix*). Изъ жены консула Домитилла

1) Н. Е. III, 18 (ed. Schwartz II, 232).

превращается у Евсевія въ христіанку и дѣвушку, въ разсказѣ о Ниреѣ въ дѣвственницу, посвященную Христу¹⁾.

Хотя существовала историческая Домитилла, тѣмъ не менѣе въ повѣствованіи о Ниреѣ и Ахиллесѣ передъ нами легендарная Домитилла. Въ средневѣковыхъ романахъ встрѣчается много историческихъ именъ, Александръ Македонскій, Аристотель, Ираклій и т. п., и все же подъ этими именами выставлены не реальныя личности. Поэтому ошибочно опредѣлять хронологію фантастическихъ событій, при описаніи которыхъ сами авторы всего меньше думали о лѣтосчисленіи. По словамъ Ахелиса разсказъ о Ниреѣ и Ахиллесѣ происходитъ въ промежутокъ времени между 15-мъ годомъ царствованія Домиціана (эта дата устанавливается при помощи вышеуказаннаго мѣста Діона Кассія) и царствованіемъ Траяна. Упоминаются дѣйствительно три императора. Аврелианъ обращается къ Домиціану, а Луксурій совѣтуетъ Траяну начать гоненіе противъ христіанъ. Если бы мы могли довѣрять подобнымъ указаніямъ, мы должны были бы сказать, что между ссылкой Домитиллы и ея смертью прошло по крайней мѣрѣ три года, чего изъ разсказа совсѣмъ не видно (первый годъ царствованія Траяна 98 г.). Кромѣ того Аврелианъ обращался къ Нервѣ, который однако титулуется архонтомъ, какъ обыкновенно называются въ мартиріяхъ проконсулы. Всѣ эти три императора встрѣчаются въ апокрифическихъ дѣяніяхъ апостоловъ и никакъ не опредѣляютъ собой времени дѣяствія. По разнымъ другимъ признакамъ можно сказать, что вся обстановка не соотвѣтствуетъ началу II вѣка; отсутствіе исторической перспективы изобличаетъ писаніе той эпохи, когда христіанство давно уже стало государственной религіей. Явно выступаютъ римскіе святыя и тѣ мѣста, гдѣ имъ поклоняются. Св. Никомидъ пресвитеръ похоронилъ Филикулу въ 7 миляхъ отъ города Рима на Ардеатинской дорогѣ „въ томъ мѣстѣ, гдѣ возносятся молитвы до сегодня“. Никомидъ, пострадавшій за то, что оказалъ почести Филикулѣ, пресвитеръ Іустъ предалъ землѣ въ своемъ саду близъ римскихъ стѣнъ на дорогѣ Нументанской

1) Еп. Лайтфутъ указалъ на недостовѣрность актовъ Нирея, но старался всетаки возстановить исторію Домитиллы. S. Lightfoot. The apostolic fathers, p. 1 v. 1, p. 32—33, 42—51. London 1890.

въ мѣстѣ, гдѣ призываютъ имя мученика. Спеціосъ, рабъ Домитиллы, похитивъ ночью тѣла Нирея и Ахиллеса, положилъ ихъ на лодку, отвезъ въ Римъ и похоронилъ въ имѣніи Домитиллы на дорогѣ Ардеатинской недалеко отъ города близъ гробницы, куда положена была Петровилла, дочь ап. Петра.

Стараясь опредѣлить время, когда могъ быть написанъ мартирій Нирея и Ахиллеса, Ахелисъ указываетъ на 390 г. какъ *terminus a quo* (построеніе вышеуказанной базилики) и соглашается съ Росси, что его слѣдуетъ относить къ V—VI-му вѣку. Изъ его изысканій всего важнѣе тотъ фактъ, что въ древнѣйшемъ спискѣ римскихъ мучениковъ (*depositio martyrum* 354 г.) ни одинъ изъ 13 мучениковъ, упомянутыхъ въ сказаніи о Ниреѣ и Ахиллесѣ, не встрѣчается.

Очень вѣроятно, что мы имѣемъ въ этомъ романѣ переработку старинной легенды. Имена ведутъ насъ къ глубокой древности. Ахиллесъ изъ эпического богатыря превратился въ священнаго героя и полубога. Культъ бога Ахиллеса возникъ изъ культа героя. Гомеръ сообщаетъ, что Ахиллеса похоронили въ Троянской землѣ, онъ былъ огню торжественно переданъ и въ божественной ризѣ, помазанный сладкимъ медомъ и мазью душистой, былъ сожженъ; когда же Ифестово пламя пожрало трупъ его, собрали бѣлыя кости и положили въ драгоценную урну (Одиссея XXIV, 35—75). Аполлоній Тіанскій, какъ рассказываетъ Филостратъ, попавъ въ Трою, объявилъ своимъ товарищамъ, что намѣревается провести одну ночь на могилѣ Ахиллеса. Аполлонія старались напугать, ему говорили, что по ночамъ появляется страшная тѣнь Ахиллеса (кн. IV, гл. 11). Вообще вѣрили тому, что Ахиллесъ появлялся послѣ смерти, и голосъ его раздавался изъ гробницы. Культъ Ахиллеса былъ очень распространенъ по всей Греціи, въ Малой Азіи и особенно на Черномъ морѣ, ему поклонялись и въ Италіи, въ Тарентѣ ему сооруженъ былъ храмъ. Изъ историческихъ лицъ могилу Ахиллеса посѣщали Александръ Македонскій и Юліанъ¹⁾. Ахиллесъ со стороны божественнаго почитанія былъ извѣстенъ и христіанскимъ писателямъ. О немъ упоминаетъ авторъ Псевдо-Климентовыхъ *Recognitiones*, какъ о

1) F. Pfister. *Der Reliquienkult im Altertum*, p. 280, 468, 536.

лицѣ, которому воздавались божескія почести¹⁾. Съ Ахиллесомъ миеологія связываетъ Нерей. Онъ былъ сыномъ Фетиды, дочери Нерей, отца Нереидъ, тѣхъ прекрасныхъ нимфъ, которыя съ плачемъ окружили трупъ Ахиллеса и свѣтлобожественной ризой его облачили²⁾. Можетъ быть Нирей появился вмѣсто Нерей. Указаніе на эту пару находимъ въ романѣ Харитона. Херей былъ такимъ же красивымъ юношей, какъ скульпторы и живописцы изображаютъ Ахиллеса и Нирей (*Νιρέα*)³⁾. Нирей, сынъ Харопа и нимфы Аглаи, упоминается въ Иліадѣ (II, 67). Послѣ Ахиллеса онъ былъ самымъ красивымъ ахейцемъ. Могила его такъ же какъ Ахиллесова находилась въ Троѣ. Военское званіе Ахиллеса и Нирей указываетъ какъ будто на ихъ происхождение отъ этой миеической пары.

Въ концѣ этого разсказа упоминается діаконъ Цесарій (или по греческому произношенію: Кесарій). Онъ нашелъ въ Террацинѣ тѣла святыхъ дѣвъ и предалъ ихъ землѣ. Имя это известно изъ другихъ источниковъ. Апостоль Павелъ (конечно апокрифическій) прожилъ въ Террацинѣ семь дней въ домѣ діакона Цесарія, котораго рукоположилъ ап. Петръ⁴⁾. Цесарій, причисленъ былъ къ лику мучениковъ, и мы имѣемъ о немъ разсказъ, происходящій въ фантастической обстановкѣ во времена апостольскія. „Въ то время когда императоръ Клавдій (42—54 г.) умертвилъ мечомъ свою мать, онъ въ бѣшенствѣ издалъ повелѣніе, чтобы никто не уклонялся отъ служенія богамъ, но все приносили имъ обычныя жертвы. Въ то время въ городѣ Кампаніи, называемомъ Террациной, жилъ нѣкій архіерей идолослуженія по имени Фирминъ“⁵⁾. Онъ имѣлъ обыкновение праздновать январскія календы, и въ одинъ изъ такихъ праздниковъ пришелъ въ Террацину изъ Африки діаконъ Цесарій. Въ разсказѣ о немъ выставлена противоположность между смертью

1) Patr. Gr. I, 1434—1435. Apud Leuconessum Achillem... mortuis hominibus honorem contulisse divinum.

2) Въ апокрифическихъ дѣявіяхъ ап. Филиппа встрѣчается Нирей отецъ умершаго юноши, котораго воскресилъ ап. Филиппъ. Въ память объ этомъ событіи онъ построилъ синагогу и епископію во имя Христа. Acta apost. apocrypha (ed. Lipsius et Bonnet) II, 2, p. 33—34.

3) Script. erotic. (ed. Didot), p. 415.

4) Acta apostol. apocrypha (ed. Lipsius) I, 185.

5) Acta Sanct. Novembr. I, 106.

языческой и христіанской. Красивый юноша Лукіанъ кутилъ такъ сильно, что покончилъ жизнь самоубійствомъ. По этому поводу Цесарій выступилъ противъ язычниковъ. Онъ кричитъ, что они губятъ свои души, отдавая ихъ дьяволу. Услышавъ это, Фирминъ велѣлъ заключить Цесарія въ тюрьму. Черезъ 8 дней появляется первый гражданинъ Террацины Луксурій (въ сказаніи о Ниреѣ и Ахиллесѣ такъ зовутъ брата Авреліана) съ Фирминомъ. Діакона вывели изъ тюрьмы, поставили среди площади и потребовали, чтобы явился консулъ Кампаніи Леонтіи. Цесарій простоялъ три дня на площади безъ ѣды, явился Леонтіи и началъ его допрашивать. Это тоже своего рода протоколъ, хотя такой должности, какъ консулъ Кампаніи не существовало. Скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ? Слѣдуетъ отвѣтъ: зовутъ меня грѣшнымъ Цесаріемъ, я недостойный діаконъ. Леонтіи спрашиваетъ: рабъ ты или благородный? Цесарій отвѣчаетъ: я рабъ истиннаго Бога и сына Его единороднаго Іисуса Христа. Леонтіи объясняетъ, что для спасенія императоры приказали приносить жертвы богамъ. Цесарій возражаетъ: то, что ты называешь спасеніемъ, есть смерть всѣхъ васъ. Діаконъ произноситъ длинную рѣчь въ защиту христіанства. Я имѣю, говоритъ онъ, врага моего, отца твоего, дьявола подъ ногами своими, горе вамъ нечестивцамъ. Всѣ идутъ въ храмъ Аполлона. Цесарій молится со связанными руками, и вдругъ по молитвѣ его рухнулъ храмъ Аполлона и погибъ Фирминъ съ большимъ количествомъ язычниковъ.

Разсказъ о Цесаріи принадлежитъ къ тому же циклу, какъ сказаніе о Ниреѣ и Ахиллесѣ, въ нихъ много общихъ чертъ. Луксурій является доносчикомъ и тутъ и тамъ. Узнавъ о гибели Фирмина, Цесарій бѣжитъ къ консулу и говоритъ ему: послушай, какими магическими заклинаніями дѣйствуетъ нечестивый Цесарій. Послѣ этого Луксурій съ діаконъ возвращаются въ разрушенный храмъ Аполлона, становятся на то мѣсто, гдѣ лежитъ тѣло Фирмина. Оба говорятъ рѣчи къ народу. Верхъ беретъ Цесарій, призывающій поклониться Іисусу Христу. Толпа громко закричала: это добродѣтельный человѣкъ и то, что онъ говоритъ, справедливо. Луксурій разсердившись велѣлъ отвести діакона въ тюрьму, гдѣ онъ пробылъ годъ и мѣсяць. Въ обоихъ сказаніяхъ появляется нѣсколько новообращенныхъ мучени-

ковъ. Цесарія выводятъ на средину площади; онъ въ цѣпяхъ и проситъ солдатъ временно освободить его, чтобы онъ могъ помолиться. Ставъ на колѣни, онъ молится. Увидѣвъ это, консуль Леонтій закричалъ: по истинѣ есть одинъ Богъ, котораго провозглашаетъ Цесарій. Леонтій палъ къ его ногамъ и просилъ крестить его. Пришелъ пресвитеръ Юліанъ, приобщилъ его тѣла и крови Христовой, и помолившись Леонтій умеръ. Луксурій, неизвѣстно почему распоряжающійся, издалъ приговоръ: зашивъ Цесарія и Юліана въ мѣшокъ, бросить ихъ въ море. Черезъ три дня Цесарій сказалъ Луксурію: знай, что вода, возродившая меня, приметъ меня, какъ своего сына, и тотчасъ же сдѣлаетъ меня мученикомъ, тебя же съѣстъ змѣя. Дѣйствительно, когда Луксурій пошелъ обѣдать, его ужалила змѣя, а тѣло Цесарія благочестивые люди извлекли изъ моря. Вслѣдъ затѣмъ пострадали Евсевій, похоронившій мучениковъ, и пресвитеръ Феликсъ, многихъ окрестившій. Обоихъ ихъ казнили и тѣла ихъ бросили въ рѣку; по рѣкѣ они доплыли до моря, а море выбросило ихъ на берегъ. Священникъ Квартъ изъ Капуи нашелъ тѣла ихъ безъ головъ, отвезъ въ свой домъ и началъ искать головы. Онъ отыскалъ ихъ на слѣдующій день и похоронилъ мучениковъ рядомъ съ Цесаріемъ.

Тема о дѣвственности затронута еще въ двухъ сказаніяхъ о мученикѣ Тимоѳеѣ и женѣ его Маврѣ и о мученикѣ Картеріи. Время перваго мученичества не опредѣлено. Говорится просто: во время гоненія приведенъ былъ къ игемону Аріану отецъ Тимоѳеи изъ деревни Перапеонъ. Послѣ обычнаго вопроса судья спрашиваетъ: развѣ ты не видишь вокругъ себя орудій пытки? Тимоѳеи со своей стороны задаетъ вопросъ: развѣ ты не видишь ангеловъ Божіихъ вокругъ меня, укрѣпляющихъ меня? Игемонъ говоритъ: дай мнѣ твои книги, чтобы я позналъ ихъ силу. Безумный игемонъ и изобрѣтатель всяческаго беззаконія, отвѣчаетъ Тимоѳеи, кто предастъ смертной казни своихъ дѣтси? развѣ ты не понимаешь, что книги мои дѣти? когда я пользуюсь ими, меня тотчасъ же обступаютъ ангелы Божіи. Тимоѳею раскаленнымъ желѣзомъ выкальваютъ глаза. Воины говорятъ: вотъ ты потерялъ зрѣніе. Тимоѳеи отвѣчаетъ: спасительныя очи Іисуса Христа освѣщаютъ мнѣ душу. Игемону сообщили, что у Тимоѳеи есть молодая жена, только что съ нимъ повѣнчанная. Онъ велитъ

ее привести. Какъ тебя зовутъ? спрашиваетъ игемонъ. Та отвѣчаетъ: Мавра. Игемонъ говоритъ: я очень сожалѣю, что ты молодая, а уже вдова; надѣнь нарядныя платья, сдѣлай себѣ красивую прическу, пойдѣ къ мужу своему Тимошеею и убѣди его бросить христіанство. Между мужемъ и женою завязывается борьба. Мы женаты всего 20 дней, я еще дѣвица, а ты покидаешь меня, превращаешь въ вдову, жалуется Мавра. Въ тебѣ говоритъ дѣволъ, отвѣчаетъ Тимошеей. Наступитъ суббота и воскресенье, кто будетъ читать твои книги, продолжаетъ свою жалобу Мавра. Мужъ убѣждаетъ ее сдѣлаться мученицей. Мнѣ только 15 лѣтъ, отвѣчаетъ она, я не выдержу пытки. Надѣйся на Христа, совѣтуетъ Тимошеей, и пытки будутъ для твоего тѣла, что елей. Побѣждаетъ аскетизмъ Тимошеея. Мавра идетъ къ игемону и сообщаетъ ему, что готова пострадать. Игемонъ пришелъ къ выводу, что Тимошеей магъ и зачаровалъ жену, готовую сумашествовать вмѣстѣ съ нимъ. Онъ не теряетъ надежды ее образумить и предлагаетъ выдать ее за мужъ за сотника, получающаго хорошее жалованье. Мавра отвѣчаетъ: я обручена жениху Христу. Ее подвергли всякимъ пыткамъ, которыхъ однако она не чувствовала. Наконецъ Тимошеея и Мавру распяли. На десятый день, когда они все еще висѣли на крестѣ, Мавра обращаясь къ народу сказала: Братья, помните, что мы получимъ отъ Иисуса Христа истинный вѣнецъ, поэтому если и вы уподобитесь намъ, получите вѣнецъ Иисуса Христа, а кто получаетъ такой вѣнецъ, тому отпускаются грѣхи. И сказавъ это, они испустили духъ свой въ мирѣ¹⁾.

Въ царствованіе Діоклеціана, когда игемономъ Кесаріи Каппадокійской былъ Урбанъ, Картерій убѣждалъ въ одно селеніе между Галатіей и Каппадокіей, построилъ молитвенный домъ и училъ мѣстное населеніе Свящ. Писанію. Когда вслѣдъ затѣмъ Картерій спрятался въ лѣсу, ему явился Христосъ и сказалъ: иди въ городъ и претерпи мученичество. По дорогѣ ему встрѣтился Филуменъ и говоритъ: большая толпа діогмитовъ (о которыхъ говорится въ мартиріи Поликарпа) ищетъ тебя. Игемонъ созвалъ всѣхъ первѣйшихъ лицъ города, такъ какъ Картерій былъ знатнаго рода. Его перевели въ общественныя бани, подѣ

1) Acta Sanct. Maii I, 741—744.

названіемъ Плакисъ. Сбѣжался весь городъ съ женами и дѣтьми. Картеріи прочествуетъ: Величайшій твой богъ Сераписъ, въщаетъ онъ, въ этотъ часъ упавъ развалится. Прибѣгаетъ жрецъ и говоритъ: игемонъ, помоги, Сераписъ упалъ и развалился. Въ тюрьму къ Картерію приходитъ много народа. Подкупивъ стражу, его ежедневно посѣщаетъ Капитолика, жена нѣкоего Дросіона, которую онъ окрестилъ. Дросіонъ обращается къ игемону съ жалобой на Картерія: женъ нашихъ и дѣтей онъ сдѣлалъ христіанами, и вотъ почти весь городъ находится въ тюрьмѣ. Въ жалобѣ на жену интересна черта, прославляющая дѣвственность. Капитолина, говоритъ Дросіонъ, жена дѣвственно со мной сочетавшаяся, желаетъ отказаться отъ сожителства со мной и увѣряетъ, что сочеталась съ Христомъ и должна хранить Ему нерушимо цѣломудріе, она грозитъ даже, что на глазахъ у судьи заколетъ себя мечомъ¹⁾.

Такую же жалобу на жену находимъ мы въ очень повднемъ сказаніи о Голиндухѣ. Она жила въ Персіи въ царствованіе Маврикія и Хосроя. Она была замужемъ за персидскимъ магомъ, тайно отъ мужа приняла христіанство, получила имя Маріи и послѣ крещенія отказалась отъ плотского сожителства. Магъ пожаловался царю, и Хосрой подослалъ къ ней человѣка съ предложеніемъ сдѣлать ее своей женой, если она откажется отъ новой вѣры. Она конечно на это не соглашается и ее сажаютъ въ тюрьму, гдѣ она прожила 18 лѣтъ²⁾.

Среди героинь христіанскихъ романовъ есть и такія, за которыми ухаживали начальники. Тема эта развита въ двухъ сказаніяхъ о Кипріанѣ и Юстинѣ³⁾. Юстина, дочь Эдесія и Клидоны, жила въ Антиохіи. Вслѣдствіе чудеснаго видѣнія Эдесіей, бывший жрецомъ идоловъ, обратился въ христіанство вмѣстѣ съ женой и дочерью. Нѣкій схоластикъ Аглаій, человѣкъ знатнаго происхожденія и очень богатый, но въ то же время яростный поклонникъ идоловъ, влюбился въ Юстину и послалъ къ ней много женщинъ и мужчинъ, съ просьбою выйти за него замужъ. Но святая дѣва отвергла предложеніе и отвѣтила: я обручена Христу.

1) Acta S. Carterii, herausgeg. von J. Compennass. Kempen. 1902.

2) А. Пападопуло-Керамевсъ, *Ἀνάλεκτα*, IV 351—356.

3) M. Dunlop Gibson, *Apocrypha arabica*, p. 64—78. London 1901. (*Studia Sinaitica* № 8).

Аглаій собралъ большую толпу и велѣлъ сторожить ее, когда она пойдетъ въ церковь. Онъ собирався совершить надъ ней насиліе. Но тѣ, которые были съ ней, подняли крикъ; его услышали ея домашніе и вышли вооруженные мечами. Аглаій схватилъ дѣву, но она, осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, бросила его на землю и кулаками сокрушила ему бока и лицо, разорвала ему хитонъ и одержала надъ нимъ побѣду, послѣдовавъ примѣру учительницы своей Феклы. Аглаій очень разсѣрдился и обратился къ магу Кипріану. Онъ предложилъ ему два таланта золота и два таланта серебра, чтобы онъ своимъ волшебствомъ заполонилъ св. дѣву. Несчастный не зналъ, что сила Христа непобѣдима. Кипріанъ призвалъ на помощь діавола. Явившись діаволъ спрашиваетъ: зачѣмъ ты призвалъ меня? Кипріанъ отвѣчаетъ: Аглаій влюбился въ дѣву Галилеянь, если ты можешь доставить ее ему, объяви мнѣ это. Несчастный діаволъ обѣщаль доставить то, чего не имѣлъ. Говоритъ ему Кипріанъ: скажи мнѣ о дѣлахъ своихъ, тогда я тебѣ повѣрю. Діаволъ указываетъ на совершенные имъ подвиги. Онъ обманулъ Еву, лишилъ Адама райскаго наслажденія, научилъ Каина братоубійству, ввелъ на землѣ идолопоклонство и т. п. Діаволъ вручаетъ Кипріану магическую жидкость, которой онъ долженъ опрыскать снаружи домъ Юстины, и тогда она при содѣйствіи злого духа послушается его. Почувствовавъ нападеніе діавола, Юстина встала въ третьемъ часу ночи и проианесла молитву (первыя слова тѣ же, что въ молитвѣ Поликарпа). Закрѣпивъ все свое тѣло печатью Христа, она дунула на діавола и сдѣлала его безсильнымъ. Діаволъ удалился пристыженный. Онъ объясняетъ Кипріану, что увидѣлъ нѣкоторые знаменія и испугался. Кипріанъ посмѣялся надъ нимъ и призвалъ болѣе сильнаго діавола, который тоже вручаетъ ему магическую жидкость. Повторяется та же исторія. Дѣва молится въ шестой часъ и побѣждаетъ діавола. Въ третій разъ Кипріанъ призываетъ еще болѣе сильнаго діавола, отца всѣхъ демоновъ. Этотъ діаволъ прибѣгъ къ слѣдующей хитрости. Онъ принялъ видъ дѣвы, сѣлъ къ Юстинѣ на ложе и говоритъ ей: я тоже хочу подвизаться съ тобой, скажи мнѣ, какая награда за дѣвственность? Дѣва одерживаетъ побѣду и надъ сильнѣйшимъ діаволомъ, и онъ признается, что Распятый больше его. Послѣ этого Кипріанъ осѣнилъ себя зна-

252

меніемъ креста и сказалъ: слава тебѣ, Христосъ. Кипріянь перешелъ въ христіанскую вѣру и былъ посвященъ сначала въ чтецы, а потомъ въ епископы. Юстину онъ сдѣлалъ діаконой и настоятельницей монастыря. Это первое сказаніе называется Дѣяніемъ св. мучениковъ Кипріяна и Юстины. О мученичествѣ ихъ повѣствуется во второмъ сказаніи. Комитъ Востока привлекаетъ къ отвѣтственности Кипріяна и св. дѣву. Судъ происходитъ въ Дамаскѣ. Кипріянь объясняетъ, что и онъ прежде платилъ дань діавольскому волшебству, но что его спасла св. дѣва. Какимъ образомъ спасся ты чрезъ дѣву? спрашиваетъ комитъ. Кипріянь рассказываетъ вкратцѣ то, что мы находимъ въ первомъ сказаніи, какъ Аглантъ (*Ἀγλαῖδης*, въ первомъ сказаніи *Ἀγλαῖος*) влюбился въ Юстину, обратился къ нему и т. д. Кипріяна и Юстину подвергаютъ пыткамъ, которая не производитъ на нихъ никакого впечатлѣнія. Поэтому комитъ отправляетъ донесеніе императору Діоклеціану и спрашиваетъ, какъ ему быть. Приходитъ рѣшеніе: казнить Кипріяна и Юстину черезъ отсѣченіе головы мечомъ. Ихъ повели на казнь, и они остановились у рѣки Галла въ Никомидійской митрополіи. Тѣла ихъ бросили собакамъ, но они пролежали 6 дней на рѣкѣ и затѣмъ ихъ отправили въ Римъ.

Несомнѣнно, что оба рассказа записаны были тогда, когда выработано было послѣдованіе часовъ, когда существовали женскіе монастыри. Второй рассказъ поясняетъ, почему тѣла мучениковъ Кипріяна и Юстины оказались въ Римѣ. Первый рассказъ подходитъ къ апокрифамъ и на связь съ ними имѣется прямое указаніе. Фекла названа учительницей Юстины. Это надо понимать въ томъ смыслѣ, что въ апокрифическихъ дѣяніяхъ Павла и Феклы, послѣдняя является представительницей идеала дѣвственности. Въ рассказѣ о Кипріянѣ ясно отразилась борьба христіанства съ языческимъ волшебствомъ, представленная въ известномъ состязаніи Симона мага съ ап. Петромъ. Сказаніе о Юстинѣ имѣетъ параллель въ древнѣйшемъ житіи Антонія, написанномъ Афанасіемъ Александрійскимъ. И тутъ и тамъ плотская любовь является діавольскимъ навожденіемъ. Діаволь, увидѣвъ, что онъ повергается въ прахъ непрерывными молитвами Антонія, начинаетъ смущать его ночью, тревожить днемъ, и взаимная борьба ихъ сдѣлалась примѣтной и для постороннихъ. Одинъ влагалъ нечистые помыслы, другой отражалъ ихъ своими молит-

вами. Однажды явился къ Антонію демонъ очень большого роста. Антоній дунулъ на него, пропалъ имя Христова, и занесъ руку ударить его; при имени Христовомъ великанъ исчезъ. Въ концѣ концовъ діаволъ былъ посрамленъ и призналъ свое безсиліе.

Среди героинь христіанскихъ романовъ есть такія, которыя стали мученицами отъ сопротивленія ухаживанію судей. Къ нимъ относятся Фербута и Февронія. Причина, по которой привлекли къ отвѣтственности Фербуту, не обычная. Заболѣла царица персидская, благосклонно относившаяся къ іудеямъ, врагамъ христіанъ, и вотъ іудеи внушили ей слѣдующее: она заболѣла, потому что сестры убитаго епископа Симеона, по прозванію Гнафея (облильщика), подмѣшали ей яду, мстя за его смерть. На этомъ основаніи схватили Фербуту съ сестрой и служанкой и привели ее во дворецъ. Царь приказалъ мавиту (вѣроятно: моведу), т. е. архимагу и двумъ подчиненнымъ ему начальникамъ допросить ихъ. Увидѣвъ передъ собой красивую дѣвушку, судьи воспламенѣли къ ней нехорошимъ желаніемъ, но скрывали это другъ отъ друга. Они сказали подсудимымъ: Съ какой цѣлью подмѣшали вы яду царицѣ и владычицѣ всей вселенной? За это вы подлежите смертной казни. Фербута отвѣтила, что ихъ оклеветали и что, если судьи жаждутъ ихъ крови, имъ никто не мѣшаетъ пить ее. Слушая оправданіе подсудимой, судьи пришли въ такой восторгъ отъ ея красоты и ума, что не въ состояніи были говорить, и каждый думалъ про себя: я заступлюсь за нее предъ царемъ и, избавивъ ее отъ смерти, женюсь на ней. Послѣ допроса Фербуту отвели въ тюрьму и на слѣдующее утро архимагъ подослалъ къ ней тайно человека и предложилъ заступничество предъ царемъ, если она согласится выйти за него замужъ. Фербута очень испугалась и отвѣтила такъ: песь нечистый, врагъ Бога и всякой правды, не повторяй такихъ грязныхъ словъ, я храню свою дѣвственность для владыки моего Христа, а избавить меня отъ вашихъ нечистыхъ рукъ и грязныхъ помысловъ можетъ только единый Безгрѣшный. Два начальника прислали ей людей съ такимъ же предложеніемъ, но она и ихъ съ гнѣвомъ отвергла. Тогда судьи донесли царю, что она колдунья. Отъ нея потребовали, чтобы она поклонялась солнцу и послѣ ея отказа присудили къ смертной казни¹⁾.

1) *Patrologia orientalis* II, 439—444.

Длинный разсказъ о Февроніи начинается такъ. Въ царствованіе Діоклеціана эпархъ Авѣимъ смертельно заболѣлъ. Онъ призываетъ брата Селина и говоритъ ему: я поручаю тебѣ сына моего Лисимаха, жени его послѣ моей смерти на дочери сенатора Просфора. Черезъ три дня послѣ этого Авѣимъ умеръ. Діоклеціанъ призываетъ Лисимаха и говоритъ ему: памятуя о дружбѣ съ твоимъ отцомъ, я хотѣлъ назначить тебя на его мѣсто эпархомъ, но до моего слуха дошло, что ты христіанинъ, и я долженъ отложить твое назначеніе. Я рѣшилъ отправить тебя на Востокъ, чтобы ты тамъ отсталъ отъ вѣры христіанской. Лисимаху было всего 20 лѣтъ, и онъ не рѣшился отвѣтить царю. Селинъ же, павъ на колѣни, просилъ императора: дай мнѣ три дня отсрочки, чтобы я могъ женить Лисимаха. Діоклеціанъ отвѣтилъ, что онъ дастъ разрѣшеніе на бракъ лишь тогда, когда молодой человѣкъ броситъ христіанство. Съ большимъ войскомъ отправились они на Востокъ, и Лисимахъ ваялъ съ собой своего родственника соме'а-Прима и сдѣлалъ его начальникомъ войска. Они отправились въ Пальмиру и Месопотамію. Селинъ проявлялъ необыкновенную жестокость, предавая селенія огню и мечу и трупы убитыхъ бросалъ на съѣденіе собакамъ. Въ одну ночь Примъ призвалъ Лисимаха и говоритъ ему: хотя отецъ мой былъ язычникомъ, но мать моя умерла христіанкой, она преподала мнѣ не убивать христіанъ, и душа моя страдаетъ при видѣ, какъ злодѣй Селинъ истребляетъ христіанъ. Поэтому я хотѣлъ бы предупредить христіанъ о грозящей имъ опасности и освободить ихъ. Поэтому Примъ издалъ приказъ не трогать христіанъ. Весь разсказъ на столько фантастическій, что не извѣстно даже съ кѣмъ воевали полководцы императора Діоклеціана. Рѣшено было взять городъ Сиваполь, лежащій на границахъ ассирійскихъ и подчиненный римлянамъ. Тамъ находился женскій монастырь съ 50 монахинями. Игуменьей была Вріена, ученица діакониссы Платониды, соблюдавшая всѣ правила, введенныя этой послѣдней. У Вріены жили двѣ дѣвицы Прокла 25 лѣтъ и племянница ея Февронія 18 лѣтъ. Февронія была очень красива и игуменья особенно заботилась о томъ, какъ бы предохранить ее отъ всякой опасности. Плоть ея усиленно умерщвлялась. Всѣ монахини ѣли ежедневно, Февроніи же приказано было ѣсть черезъ день и спать на голомъ полу. Когда же слу-

чалось, что діаволъ искушалъ ее ночными видѣніями, она вставала и, проливая потоки слезъ, молила Бога отогнать искушающаго ее діавола и тотчасъ же открывала книгу и читала Свящ. Писаніе. Въ тѣ дни распространился по городу слухъ, что Селинъ и Лисимахъ собираются подвергать христіанъ пыткамъ. Одна изъ сестеръ Эверія требовала, чтобы всѣ монахини попрятались, какъ сдѣлали это епископъ и духовенство. Февронія ни за что не соглашается уйти изъ монастыря. Фомаида, написавшая будто бы этотъ рассказъ, ведетъ съ ней длинный разговоръ по поводу предстоящаго нашествія отряда и увѣщаетъ ее не поддаваться льстивымъ рѣчамъ воиновъ, которые будутъ ухаживать за ней, какъ за красивой дѣвушкой. Приходятъ Примъ и его спутники. Лисимаху сообщаютъ, что въ монастырѣ остались только двѣ старицы и одна молодая. Собирается толпа и судьи. Предсѣдательствуютъ Селинъ и Лисимахъ. Вводятъ Февронію со связанными руками. Толпа плачетъ, раздаются вздохи и стоны. Селинъ приказываетъ Лисимаху приступить къ допросу. Кто ты, спрашиваетъ онъ, раба или свободная? Раба, отвѣчаетъ Февронія. Чья же ты раба? спрашиваетъ Лисимахъ. Отвѣтъ: Христова. Какъ тебя зовутъ? Отвѣтъ: смиренная христіанка. Я желаю узнать твое имя, повторяетъ Лисимахъ. Я сказала тебѣ, что я смиренная христіанка, отвѣчаетъ Февронія, если же ты хочешь знать мое имя, Февроніей зоветъ меня моя госпожа. Селинъ предлагаетъ нарушить договоръ съ невѣстой Лисимаха и женить его на Февроніи, тогда царь сдѣлаетъ его епархомъ. Февронія отъ такой чести отказывается, и Селинъ подвергаетъ ее пыткамъ и смертной казни¹⁾.

Въ концѣ разсказа о Февроніи подробно описывается, какъ принесли въ монастырь ея останки и какъ празднуется ея память. Это очевидно монастырская легенда. Родственный съ этимъ сюжетъ находимъ въ мученичествѣ Марины, гдѣ сказочный элементъ переплетенъ съ романическимъ. Марина единственная дочь Эдесія, жреца демоновъ. Когда ей было 15 лѣтъ, она услышала о подвигахъ мучениковъ, проливавшихъ свою кровь, и молилась, чтобы и она удостоилась той же участи. Въ тѣ дни путешествовалъ епархъ Оливрій, онъ пришелъ изъ Азіи въ Антио-

1) Acta Sancti Junii VII, 16—31.

хію съ цѣлью причинить мученія христіанамъ. Увидѣвъ красавицу Марину, онъ разсудилъ такъ: если она свободная, возьму ее въ жены, если же раба, то куплю ее и сдѣлаю ее своей наложницей, потому что она чрезвычайно красива. Ее позвали на судъ, какъ христіанку. Начался обычный допросъ: какъ зовутъ тебя? Какому богу поклоняешься? Предъ красотой ея смягчилось сердце Оливрія, и онъ попробовалъ убѣдить ее лаской. Народъ говоритъ ей словно хоръ въ древнегреческой драмѣ: о дѣва, какую красоту губишь ты своимъ непослушаніемъ. Послѣ этого романическаго приступа начинается сказка. Марину отводятъ въ тюрьму, она молится, послѣ молитвы ея происходитъ землетрясеніе. Пошатнулась тюрьма, и вдругъ изъ угла выходитъ драконъ большой и очень страшный, разноцвѣтный съ золотыми волосами и бородой, зубы блестятъ, глаза словно жемчугъ, языкъ точно кровь, изъ ноздрей выходитъ пламя и дымъ, затылокъ его обвили змѣи. Драконъ остановился посреди тюрмы, кричитъ и свиститъ. Молитвой она уничтожаетъ дракона. Появляется діаволъ и говоритъ Маринѣ: я послалъ родственника своего Руфа во образѣ дракона, чтобы онъ убилъ тебя, ты же молитвами своими умервила его, и теперь хочешь меня уничтожить, но щади меня, Марина, не дѣлай мнѣ зла. Марина борется съ діаволомъ, вырываетъ ему бороду, выцарапываетъ глаза. На защиту дѣвы приходятъ небесныя знаменія въ видѣ голубей. Происходитъ длинный разговоръ Марины съ діаволомъ, онъ сообщаетъ, что его зовутъ Веельзевуломъ, и рассказываетъ о своемъ происхожденіи. Она попираетъ главу его ногами. Когда ее вновь призываютъ на судъ, ей предлагаютъ принести жертву богамъ Зевсу, Каландіону (произведенному отъ календы) и великому Руфу. Ее бросаютъ въ сосудъ съ водой, чтобы она тамъ задохлась. Опять появляется голубь, и Марина читаетъ апокрифическую молитву: Господь воцарился, Ты свѣтъ мой, Иисусъ Христосъ, о равви Адован, лохъ коріонъ ало ало¹⁾ и т. д. Слышится голосъ голубя, и тогда увѣровало 15 тысячъ мужчинъ и безчисленное количество женщинъ. Эпархъ приказалъ всѣмъ имъ отсѣчь голову мечомъ. Прилетѣли ангелы, взяли голову

1) Адованъ въ отреченныхъ молитвахъ означаетъ Бога и ангела. F. Gradel. Griechische und süditalienische Gebete, p. 47. Giessen 1907.

мученицы, отнесли ее къ Господу ¹⁾. Еще до изданія греческаго мартирія Марины А. Н. Веселовскій указалъ на сходство восточной Марины съ западной Маргаритой и Региной ²⁾.

Узненеръ нашелъ сходство между сказаніями о Маринѣ и Христофорѣ. Ихъ дѣйствительно связываетъ фантастичность и нѣкоторыя подробности. Однако въ мартиріи Христофора два сюжета: одинъ о немъ самомъ, другой о покалявшихся блудницахъ Аквилинѣ и Каллиникѣ. Мученичество Христофора произошло въ несуществовавшій четвертый годъ царствованія императора Деція (онъ сидѣлъ на престолѣ менѣе двухъ лѣтъ) ³⁾. Самъ Христофоръ герой сказки. Онъ происходилъ изъ земли людоѣдовъ изъ рода людей съ песьими головами (кинокефаловъ) и не умѣлъ говорить „на нашемъ нарѣчій“, т. е. на человѣческомъ языкѣ. Не смотря на песью голову онъ служилъ въ отрядѣ Мармариотовъ и былъ очень вѣрующимъ и разумнымъ человѣкомъ, доказывая, что богобоязненный человѣкъ угоденъ Богу во всякомъ народѣ. До крещенія звали его Репревомъ (Reprobus). Узнавъ, что происходитъ гоненіе на христіанъ, отправился онъ въ какой-то городъ, подошелъ къ тюрьмѣ и замѣтивъ, что тамъ мучаютъ христіанъ, началъ говорить (получивъ чудеснымъ образомъ даръ слова): о служители беззаконія и путеводители тьмы, зачѣмъ передали вы ваши души сатанѣ? Я христіанинъ и принести жертвы суетнымъ богамъ не могу. Нѣкій мужъ изъ служителей діавола, услышавъ эти слова, подошелъ къ нему и началъ бить его по лицу. А затѣмъ онъ отправился къ царю и сказалъ ему: царь во вѣки живи, появился предъ народомъ, мужъ юный, страшный на видъ, громаднаго роста и чрезвычайно толстый, глаза его словно свѣтило утромъ восходящее; онъ хулитъ боговъ и не повинуется повелѣнію твоей божественности. Царь послалъ 200 воиновъ, чтобы схватить Репрева, и сказалъ имъ: если онъ окажетъ вамъ сопротивленіе, разрѣжьте его на куски и только голову принесите мнѣ, я желаю посмотреть, какая она, такъ какъ онъ кажется вамъ такимъ чудес-

1) H. Usener. Acta S. Marinae, p. 15—46 (Festschrift zur fünften Säcularfeier der Universität zu Heidelberg. Bonn 1886).

2) Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, стр. 76 сл. (Прилож. къ 37 т. Записк. Акад. Наукъ).

3) J. Gregg. The Decian persecution, p. 15.

нымъ и необыкновенно сильнымъ. Тѣмъ временемъ Репревъ сѣлъ у дверей церкви, воткнулъ жезлъ свой въ землю, распустивъ волосы и положивъ голову на колѣни, молился, жезлъ его далъ ростки, какъ жезлъ Аароновъ. Въ то время, какъ онъ молился, вошла въ садъ нѣкая дѣва, имѣвшая обыкновеніе собирать тамъ розы, и увидѣвъ, что онъ сидитъ тамъ и плачетъ, ушла домой и сообщила сосѣдямъ: предъ храмомъ Божиимъ видѣла я страшнаго мужа плачущаго, я убѣждала отъ него, какъ отъ дракона. Высланные противъ Репрева войны попросили дѣвицу указать имъ то мѣсто, гдѣ она видѣла его. Но вслѣдствіе ходившихъ о немъ слуховъ войны не рѣшались подойти къ нему и только издали наблюдали за нимъ. Однако, увидя, что онъ плачетъ, они сказали другъ другу: почему мы такъ испугались этого мужа? вѣдь у него нѣтъ оружія. Подойдя къ нему, они спрашиваютъ его: кто ты, и почему ты такъ сильно плачешь? Послѣ длиннаго разговора Репревъ выражаетъ желаніе отправиться съ солдатами, хотя тѣ предлагаютъ ему отпустить его и донести императору, что они его не нашли. Ему явился ангелъ Рафаиль и говоритъ: мужайся, Репревъ, я посланъ на помощь тебѣ, чтобы исполнять всѣ твои просьбы. И тотчасъ же благословилъ хлѣбы, и они умножились. Репревъ сказалъ: примите, ѣдите и познайте силу Христа моего, ибо онъ не только земное даруетъ, но и небесное доставляетъ всѣмъ вѣрующимъ въ Него. Войны, увидѣвъ чудо, воскликнули: Слава тебѣ, Господи, и мы увѣровали въ Тебя, могущаго спасти надѣющихся на Тебя. Репревъ повелъ весь отрядъ въ Антохію къ епископу Вавилѣ, который крестилъ и его и 200 воиновъ. Солдаты разыграли маленькую комедію. По просьбѣ Репрева, ставшаго теперь Христофоромъ, они связали его и привели къ императору Децію. Увидя его страшное лицо императоръ такъ испугался, что упалъ бы съ трона, если бы его не поддержали копьеносцы. Христофоръ сказалъ ему: несчастнѣйшій царекъ, если ты такъ испугался меня, раба Божьего, какъ же ты защитишься передъ Богомъ, ты, загубившій столько святыхъ? За это Богъ подвергнетъ тебя вѣчному наказанію. Послѣ этого начинается вдругъ протоколъ. Императоръ спрашиваетъ: какой ты вѣры? какого происхожденія, какъ тебя зовутъ? Подсудимый отвѣчаетъ: я христіанинъ, родители назвали меня Репревомъ, а послѣ св. крещенія я получилъ имя Христо-

фора, роль же мой изобличаетъ мое лицо (намекъ на песью голову).

Христофоръ — богатырь. О немъ доносятъ царю: онъ страшный на видъ, онъ громаднаго роста и необыкновенно толстый, глаза у него точно восходящее свѣтило, зубы выдаются, какъ у кабана. Дѣвушка, собиравшая розы, рассказываетъ: передъ краемъ я увидѣла страшнаго человѣка, я очень испугалась и убѣжала, какъ если бы передо мной очутился драконъ. Въ латинской легендѣ, сказано, что Христофоръ былъ необыкновенно высокъ ростомъ, именно имѣлъ 12 локтей (*subitogum duodecim*). Солдаты не рѣшались подойти къ Христофору вслѣдствіе распространенной о немъ славѣ. Христофоръ напоминаетъ былинныхъ героев. Ксаеинъ такой же, какъ онъ, пристрашный, всюду прославленный (*πανδεινός και παντολαλεμένος*)¹⁾; у Дигена глазъ, словно молнія, а голосъ, что громъ. Въ былинѣ о Дигенѣ говорится: стоитъ и раздумываетъ самъ про себя, нѣтъ ли подт' камнемъ дракона, выйдетъ и съѣстъ дѣвицу²⁾. Драконъ — людоѣдъ, оттого и въ мартиріи драконъ сопоставляется съ Христофоромъ, вышедшимъ изъ страны людоѣдовъ. Дѣвица бѣжитъ отъ него, какъ отъ дракона, который можетъ съѣсть ее. Въ греческихъ былинахъ замѣтна помѣсь христіанскихъ элементовъ съ языческими. Дигенъ молится словами псалмовъ. Армуръ слышалъ ангельскій голосъ съ неба, говорившій ему: воткни свое копье въ корень финиковаго дерева, вложи одежду свою въ тотъ илъ, что впереди, бодни вороного своего, чтобы переѣхать на ту сторону³⁾.

О кинокефалахъ ходили разные рассказы. Эліанъ, писатель начала III-го вѣка, говоритъ о нихъ нѣсколько разъ. Въ Индіи водились такія существа, у которыхъ были песьи головы, а остальное тѣло было человѣческое. Они разводять козъ и овецъ и питаются ихъ молокомъ, но сами принадлежатъ къ неразумнымъ животнымъ, у нихъ нѣтъ человѣческаго голоса и говорить человѣческимъ языкомъ они не умѣютъ (*De natura animal. IV, 46*). Кинокефалы водятся также въ Египтѣ и тамъ ихъ при Птоле-

1) Г. Дестунисъ, О Ксаеинѣ, стр. 18 (Прилож. къ 39 т. Запис. Акад. Наукъ 1881 г.).

2) Г. Дестунисъ. Разысканія о греческихъ былинахъ, стр. 6, 27 (Сборн. отд. русск. яв. т. 34).

3) Г. Дестунисъ. Объ Армурѣ, стр. 6. СПб. 1877.

мѣяхъ обучали грамотѣ, танцамъ, пѣнію и музыкѣ (VI, 10). Отъ кинокефаловъ Эпанъ отличаетъ кинопросоповъ, существа съ песьимъ лицомъ. Это люди, живущіе въ Египтѣ, по пути въ Эіопію. Они черные, голова и зубы у нихъ песьи, человѣческой рѣчью они не обладаютъ (X, 25). Свѣдѣнія о кинокефалахъ были довольно распространены, и Артемидоръ (въ концѣ 2-го вѣка) счелъ нужнымъ включить ихъ въ свой синодологъ. Видѣть во снѣ кинокефала предвѣщало болѣзнь (II, 12). Въ сказкахъ и средневѣковыхъ романахъ встрѣчаются кинокефалы. Когда Симонъ магъ былъ посрамленъ ап. Петромъ, говорится въ повѣствованіи о Ниреѣ и Ахиллесѣ, онъ преобразился въ песью голову (*εἰς κερφαλὴν κύνος*) и убѣжалъ¹⁾.

Псевдокаллисоевъ рассказываетъ, что Александръ пришелъ въ мѣсто, гдѣ жили люди кинокефалы. Въ старославянскомъ житіи Макарія говорится, что иноки, направляющіеся къ св. Макарію, вступаютъ въ земли Песыихъ главъ. А въ латинскомъ текстѣ того же сказанія читаемъ: мы вошли въ землю хананеевъ, которыхъ другіе называютъ кинокефалами. Стало быть, заключаетъ А. Н. Веселовскій, хананей-кинокефалы, песьи главы. Онъ сопоставилъ разныя сказанія о Христофорѣ, западныя и восточныя, и изъ этихъ сближеній становится яснымъ, какъ мало значенія мы должны придавать историческимъ именамъ. Греческому Декію соответствуетъ латинскій царь Dagrus, котораго надо сопоставить съ Даціаномъ въ апокрифѣ о св. Георгіи, съ Даціаномъ-Декіемъ въ легендѣ о восьми спящихъ²⁾.

Къ сказкѣ присоединено обычное мученичество, судъ, пытки, смертная казнь, но давнопрошедшее время было забыто, и римскій императоръ представленъ не столько грознымъ тиранномъ, сколько трусливымъ монархомъ. Воины, отправленные на поимку Христофора, объявляютъ ему, что и они стали христіанами и питаются хлѣбомъ Небеснымъ. Царь испугался и обратился къ солдатамъ съ жалкими словами: Чѣмъ погрѣшилъ я противъ васъ, любезнѣйшіе мои воины, что вы отложились отъ меня; если я чѣмъ-нибудь огорчилъ васъ, прощу васъ, простите меня,

1) Acta Nerei, p. 12 (Texte und Untersuch. Bd. 11).

2) А. Н. Веселовскій. Изъ исторіи романа и повѣсти I, 315, 455—462. Еще до изданія греческаго текста легендой о Христофорѣ занимался И. Ждановъ. Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 173 сл. Кіевъ 1881.

если я чего не доплатилъ вамъ, я отдамъ вдвое. Только не покидайте меня. Солдаты отвѣтили ему: копей нашихъ держи у себя и хлѣбное содержаніе наше (аннову) съѣдай самъ и одѣяніе наше надѣнь на себя въ тартаръ, имѣющемъ принять тебя; мы исповѣдуемъ Бога и можемъ презирать тебя. Когда хотѣли съжечь Христофора и пламя не тронуло на немъ ни одного волоска, тысяча человѣкъ изъ толпы кричатъ: Слава тебѣ, Боже Христофора, царю небесный, слава тебѣ. Постыдись, Деций, Христосъ побѣдилъ тебя. Императоръ испугался этого крика и удалился во дворецъ. Къ царю вопелъ діаволъ въ видѣ человѣка и сказалъ ему: наша вѣра погибнетъ, если ты не вступишься за нее. На слѣдующій день отрубили голову всей кричавшей толпѣ. Въ концѣ концовъ послѣ чудовищныхъ пытокъ предають смертной казни Христофора, но палачъ тоже кончаетъ жизнь самоубійствомъ. Интересна молитва, которую читаетъ передъ смертью Христофоръ и въ которой находимъ извращеніе христіанскихъ чувствъ. Иисусе Христе, говоритъ Христофоръ, много разъ мнѣ помогавшій, воздай царю награду, чтобы мучимый діаволомъ и вмѣсто хлѣба съѣдая свое тѣло онъ погибъ такимъ образомъ. Молю тебя, единый Вседержитель, царь невидимый и любящихъ тебя Спаситель, помоги христіанамъ, стоящимъ здѣсь и повсемѣстно, и подай, Господи, благодать тѣлу моему, дабы всякій, имѣющій малую частицу останковъ моихъ, могъ посредствомъ ея отгонять бѣсовъ.

Въ повѣствованіе о Христофорѣ вставленъ эпизодъ о блудницахъ Аквилинѣ и Каллиникѣ. Царская свита заступаетъ передъ Дециемъ за Христофора и проситъ его о слѣдующемъ: прикажи привести красивыхъ женщинъ, и тогда онъ, воспламенѣвъ къ нимъ страстью, приноситъ жертвы богамъ. Мысль эта понравилась императору. Онъ велѣлъ найти двухъ блудницъ, разрядилъ ихъ и обѣщалъ имъ большую награду, если онѣ сумѣютъ убѣдить Христофора совершить жертвоприношеніе богамъ. Его заперли съ женщинами въ маленькомъ помѣщеніи. Христофоръ обратился къ блудницамъ со словами: чего вы хотите отъ меня? Посмотрѣвъ на его лицо (надо думать на песью голову), онѣ испугались и стали прятаться другъ за друга. Онъ опять спросилъ ихъ: зачѣмъ пришли вы ко мнѣ? Женщины отвѣчаютъ, что послалъ ихъ царь и онѣ должны обратить его въ языческую

262

вѣру. Христофоръ убѣждаетъ ихъ принять вѣру Христову. Блудницы оказываются въ трагическомъ положеніи. Если, говорятъ онѣ, мы не увѣруемъ въ Христа, насъ убьетъ этотъ человѣкъ; если же мы увѣруемъ, насъ убьетъ царь. Затѣмъ онѣ склоняются на сторону христіанства и говорятъ между собой: мы слышали отъ одного діакона, что Христосъ даруетъ не только земное, но и небесное и вѣрующимъ въ Него подаетъ жизнь вѣчную. Каллиника говоритъ Христофору, что онѣ готовы увѣровать въ Христа, если по его молитвѣ имъ отпустятся грѣхи, которыхъ у нихъ много. Христофоръ спрашиваетъ ихъ, не совершали ли онѣ убійства и колдовства. Онѣ отвѣчаютъ, что избавляли людей отъ убійства, которое тѣ намѣревались совершить, и золотомъ, добытымъ проституціей, выкупили на свободу рабовъ. Такой блудъ прощается. Аквиліна и Каллиника торжественно признаютъ себя христіанками предъ императоромъ и становятся мученицами.

Къ тому же циклу примыкаютъ романы покаявшихся развратницъ Пелагіи, Евдокіи, Маріи Египетской, которые будутъ рассмотрѣны во второй части моего труда. Ближе къ нимъ подходитъ другая тема — спасеніе дѣвъ отъ грозящаго имъ безчестія. Въ царствованіе Діоклеціана и Максиміана, когда игекономъ Александріи состоялъ Евстратій, привлечена была къ отвѣтственности Теодора. Почему ты, будучи благороднаго происхожденія, отказываешься выйти замужъ? спрашиваетъ ее судья. Теодора отвѣчаетъ: ради Христа, который родившись отъ вѣчной Дѣвы и Богородицы освободилъ насъ отъ гибели и возвѣстилъ жизнь вѣчную, поэтому я желаю оставаться незапятнанной въ вѣрѣ къ Нему. Судья говоритъ: императоры повелѣли вамъ, вѣчвѣмъ дѣвамъ, или приносить жертвы богамъ или предавать васъ безчестію. Въ виду упрямства Теодоры ее отводятъ въ лупанаръ. Тамъ она возноситъ слѣдующую молитву: Отче Господа нашего, Иисуса Христа, помоги мнѣ и изыми меня отъ этихъ собакъ, Ты, помогшій Петру въ темницѣ и выведшій его изъ нея не обезчещеннымъ, дабы всѣ видѣли и знали, что я раба твоя. Въ тюрьму проникаетъ воинъ Дидимъ и говоритъ Теодорѣ: „Я не тотъ, кого ты видишь, снаружи я кажусь волкомъ, а внутри я кроткая овца, не смотри на мое внѣшнее одѣяніе, а на мою внутреннюю готовность, я братъ въ чужомъ образѣ, я мудрецъ въ

видѣ діавола, я ношу одѣяніе его служителей, чтобы входя тайно спасать сокровище Владыки моего, голубку Божию. Обмѣняемся платьемъ, тебѣ Богъ дастъ побѣду, меня же увѣнчаетъ непорочный Агнецъ, взявшій на себя грѣхъ міра. Изыди къ Владыкѣ, а я останусь ради Владыки". Θεодора съ удовольствіемъ соглашается на это и переодѣвается въ костюмъ воина и уходитъ изъ тюрьмы, улетаетъ къ небу, какъ голубь, отъ клюва коршуна или бѣжитъ, какъ ягненокъ, отъ пасти льва. По прошествіи нѣкотораго времени пришелъ одинъ изъ служителей сатаны и, увидѣвъ вмѣсто дѣвы мужчину, былъ въ высшей степени пораженъ и сказалъ ему: Развѣ Иисусъ перемѣняетъ дѣвъ въ мужчинъ? Ушелъ вошедшій предо мной воинъ. Кто же это сидитъ тутъ? Гдѣ же запертая здѣсь дѣва? Слышалъ я, что Иисусъ претворилъ воду въ вино, теперь же я вижу больше, онъ дѣву претворилъ въ мужчину, боюсь, какъ бы онъ меня не передѣлалъ въ женщину. Дидимъ отвѣтилъ: Меня не измѣнилъ мой Владыка, но ту, кого вы имѣли, вы уже не имѣете, а кого не имѣли, взяли, дѣва осталась дѣвой, а воинъ сталъ борцомъ Иисуса Христа. Дидимъ привлекается къ допросу. На вопросъ, какъ могъ онъ совершить это, онъ отвѣчаетъ: меня послалъ Богъ. Судья спрашиваетъ: гдѣ Θεодора? Дидимъ отвѣчаетъ: Клянусь Христомъ не знаю, я убѣжденъ, что будучи рабой Божіей и исповѣдая Бога, она осталась незапятнанной, и Господь сохранилъ ее здоровой и невредимой. Послѣ пытки Дидима приговариваютъ къ смертной казни.¹⁾

1) Acta Sancti Aprilis III, p. LIII—LIV. — Аугаръ доказываетъ, что судья имѣлъ право отправлять дѣвушекъ въ лупанаръ въ видѣ наказанія. Если что-нибудь подобное дѣйствительно дѣлалось, это было во всякомъ случаѣ вопиющимъ злоупотребленіемъ. Доказательства Аугара не выдерживаютъ критики. Для подкрѣпленія своего вывода онъ пользуется и повѣствованіемъ о Θεодорѣ и Дидимѣ, которое по его мнѣнію состоитъ изъ двухъ неоднаковыхъ частей. Первая часть процесса Θεодоры вплоть до водворенія ея въ лупанаръ, бесспорно подлинная (въ 1905 г. повторяется Рюннаровское дѣленіе XVII-го вѣка мученическихъ актовъ на подлинныя и неподлинныя). Тутъ или точно переданъ дѣйствительный процессъ или использованы судебные протоколы. Вторую часть Аугаръ называетъ похожей на романъ и отказывается ей вѣрить. Очень странно, что тотъ же самый авторъ сначала заботился объ исторической точности и заглянулъ въ архивъ, а потомъ присочинилъ сказку. Аугаръ совершенно напрасно рассуждаетъ о томъ, на основаніи какого императорскаго указа фантастическій судья отправляетъ Θεодору въ лупанаръ. F. A u g a r. Die Frau im römischen Christenprozess (Texte und Untersuchungen, Bd. 28, Hft. 4. Leipzig. 1905).

По сюжету Антонина приходится сродни Теодорѣ. Повѣствованіе объ Антонинѣ не заключаетъ въ себѣ никакихъ хронологическихъ указаній. Въ дни гоненій къ игемону Фесту, неизвѣстно гдѣ начальствовавшему, привели христіанскую дѣвицу Антонину изъ селенія Вродѣмны. Фестъ говоритъ Антонинѣ: ты такая почтенная дѣвушка, что я желаю произвести тебя въ жрицы Артемиды, я поднесу тебѣ дары и сдѣлаю тебя госпожей въ своемъ домѣ. Антонина отвѣчаетъ: зачѣмъ сулишь ты мнѣ дары, повѣрь въ Христа и пріобрѣтешь вѣчное богатство. Фестъ возражаетъ: я не могу вѣровать въ распятаго. Антонину посадили въ тюрьму и затѣмъ вновь приводятъ на допросъ. Подойдя къ игемону, Антонина улыбнулась. Почему ты смѣешься? спрашиваетъ Фестъ. Я увидѣла, что твой тронъ уничтоженъ. Игемонъ приказываетъ отправить ее въ лупанаръ. Ее ведутъ въ маленькій домъ. По дорогѣ ангелъ шепнулъ одному изъ сопровождавшихъ ее воиновъ: надѣнь на Антонину твою хламиду, чтобы она могла незамѣтно ускользнуть отъ игемона. Александръ попросилъ у Феста позволенія пойти къ Антонинѣ и убѣдить ее перейти въ язычество. Въ дѣйствительности же онъ падаетъ къ ея ногамъ, переодѣваетъ ее въ воинскій костюмъ и даетъ ей возможность убѣжать. Александра пытаются и съ повѣствованіемъ о Теодорѣ разница только въ томъ, что Антонина добровольно появляется и вмѣстѣ съ Александромъ кончаетъ свою жизнь мученической смертью¹⁾. Въ коптскомъ синаксарѣ помѣщенъ рассказъ близко подходящій по своему сюжету. Абадиръ, принадлежащій къ военному сословію, какъ Александръ и Дидимъ, рѣшается стать мученикомъ вмѣстѣ съ сестрой своей Ираи. Дѣвушку солдатъ отводитъ въ публичный домъ, гдѣ двѣ женщины стараются соблазнить ее. Но солдатъ ослѣпъ, женщины окаменѣли и Ираи убѣгаетъ въ тюрьму къ брату. (E. Amélineau. Les actes des martyrs de l'église copte, p. 175—176). Подобный же рассказъ находится въ сборникѣ Палладія, и гораздо раньше Ксенофонтъ написалъ повѣсть о приключеніяхъ Антіи. Будучи невинной она была отдана въ публичный домъ и при помощи хитрости набавилась отъ разврата²⁾.

Переодѣваніе, къ которому прибѣгаютъ Теодора и Антонина,

1) Acta Sancti Mali I, 744—746.

2) Script. erotic. (ed. Didot), p. 216.

имѣеть скорѣе символическое, чѣмъ реальное значеніе. Въ обстановкѣ лупанара и гнуснаго издѣвательства помощники могли оказаться только волшебствомъ, и христіанскій рассказъ появился вѣроятно въ видѣ отавука древнихъ легендъ. Нѣкоторые свадебные обряды требовали (напр. въ Спартѣ), чтобы молодая переодѣвалась въ мужское платье. Такимъ путемъ думали избавиться отъ злой силы, скрытой въ женщинѣ. Въ народѣ долго сохранялось вѣрованіе, что переодѣвъ человека или давъ ему другое имя можно обмануть злого духа и отвясть у него жертву¹⁾.

Мартирій Пелагіи похожъ на сказаніе объ Анеусѣ, но тутъ изъ общей основы развился цѣлый романъ. Въ царствованіе Діоклеціана распростирая христіанство епископъ Клинонъ. Онъ пришелъ въ Тарсъ и крестилъ тамъ громадную толпу. Узнавъ объ этомъ, императоръ приказалъ запереть городскія ворота и схватить епископа. Но Клинонъ незамѣтно ушелъ изъ города и его не нашли. Клинону соотвѣтствуетъ въ сказаніи объ Анеусѣ епископъ Аванасій, также обращавшій въ Христову вѣру жителей Тарса и тоже скрывавшійся. Дѣва Пелагія, отличавшаяся богобоязненностью и неопикуемой красотой, пожелала увидѣть епископа и совершенно такъ же, какъ Анеуса, просила мать отпустить ее къ кормилицѣ. Наружность епископа была открыта ей въ видѣніи; то же самое рассказывается и объ Анеусѣ. Наслышавшись о красотѣ Пелагіи, сынъ императора Діоклеціана подослалъ къ ней протикторовъ съ предложеніемъ выйти за него замужъ. Пелагія, осѣнивъ себя крестомъ, отвѣтила: я обручена Сыну Божію. Мать, сначала не соглашавшаяся на просьбу Пелагіи, боясь какъ бы она не заболѣла, отпустила ее въ сопровожденіи рабовъ и воиновъ. По дорогѣ они встрѣчаютъ епископа, и Пелагія спрашиваетъ его: кто ты и какъ тебя зовутъ? Самое цѣнное, отвѣчаетъ епископъ, то, что я христіанинъ и пастухъ овецъ Христовыхъ, имя же мое Клинонъ. Пелагія поняла, что онъ пастухъ въ буквальномъ смыслѣ слова, и предложила ему за щедрую плату пасти овецъ ея отца. Я не пастухъ стада, какъ ты думаешь, отвѣтилъ Клинонъ, а пастырь мысленныхъ овецъ Христа, т. е. людей. Тогда Пелагія пала къ ногамъ епископа и говоритъ ему (какъ въ чинѣ крещенія): я отрицаюсь са-

1) M. Nilsson. Griechische Feste, p. 372. Leipz. 1906.

таны и ангеловъ его. Узнавъ правду, мать Пелагіи послала сказать сыну Діоклеціана, что его желаніемъ сочеталась съ Богомъ христіанскимъ. Сынъ императора грозилъ самоубійствомъ и восклицалъ: о ужасъ, какой красоты я лишился, о ужасъ, на какой груди я не могу отдохнуть, о ужасъ, любовью какого тѣла я не насладился. Въ отчаяніи онъ бросился на мечъ и умеръ. Узнавъ, что онъ покончилъ самоубійствомъ въ видствіе отказа ея дочери, мать Пелагіи перепугалась и довела объ этомъ до свѣдѣнія императора. Взявъ съ собою Пелагію, она отправляется во дворецъ и говоритъ Діоклеціану: вотъ дочь моя, изъ-за которой сынъ твой покончилъ жизнь самоубійствомъ; отомсти ей за него. Императоръ, находя, что Пелагія красивѣе всѣхъ его женъ и наложницъ, не желалъ мстить ей, а хотѣлъ, привудивъ ее отречься отъ христіанства, жениться на ней. Онъ велѣлъ принести груды золота, думая прельстить имъ дѣву, посвятившую себя Христу, а матери выдалъ сто талантовъ золота и она, покинувъ дочь, отправилась домой, радуясь дѣвольскою радостью. Діоклеціанъ говоритъ Пелагіи: я имѣю къ тебѣ только одну просьбу, отрекись отъ Христа и соединишь со мной бракомъ, родившійся отъ тебя сынъ мой будетъ царствовать вмѣстѣ со мной, я надѣну на твою голову діадему, которая на моей головѣ. Пелагія отвѣчаетъ: Въ безуміи ты говоришь это. Да будетъ тебѣ извѣстно, что я не исполню твоего желанія и діадему со своей головы ты не возложишь на мою, ибо я знаю, что на небѣ мнѣ приготовлены три діадемы и я ими уже украшена: первая діадема вѣры моей, вторая діадема преданія моего Богу, третья діадема предстоящаго мнѣ мученія. Діоклеціанъ велѣлъ пытаться Пелагію и, не будучи въ состояніи сдержать свою эротоманію, приказалъ раздѣть ее, какъ можно скорѣе. Пелагія добровольно обнажилась и, бросивъ императору въ лицо свое одѣяніе, сказала ему: ты лукавый змѣй, подкравшійся къ Евѣ и черезъ нее введенный въ грѣхъ Адама, такъ что оба были изгнаны изъ рая, ты злой духъ, вошедшій въ сердце Каина и побудившій его убить дѣвственнаго Авеля. Тѣло Пелагіи Діоклеціанъ велѣлъ бросить на гору Лянать. Четыре льва стерегли его отъ дикихъ звѣрей и птицъ, а затѣмъ пришелъ епископъ Клиновъ и предалъ мученицу землѣ¹⁾.

1) Н. Usener. Legenden der heil. Pelagia, p. 17—28. Bonn. 1879.

Повѣствованіе объ Адріанѣ и Наталіи христіанскій романъ на тему о супружеской любви въ обстановкѣ мучениковъ. Тиранпъ Максиміанъ прибылъ въ городъ Никомидію съ тѣмъ, чтобы перебить всѣхъ находившихся тамъ христіанъ. Ихъ привели въ городъ, и императоръ спросилъ ихъ, кто они? По вѣрѣ галилеяне, раздался отвѣтъ. Императоръ грозитъ уничтожить ихъ жесточайшими пытками и въ то же время Максиміанъ очень интересуется вопросомъ, что его ждетъ съ христіанской точки зрѣнія. На его вопросъ подсудимый отвѣчаетъ, что въ будущей жизни его ожидаютъ огонь неугасимый, червь неусыпный, вѣчное наказаніе, ровъ погибели, тьма вѣшная, гдѣ плачь и скрежетъ зубовой. Адріанъ заявляетъ, что онъ тоже христіанинъ. Его заковываютъ въ кандалы и сажаютъ въ тюрьму. Рабъ бѣжитъ въ его домъ и сообщаетъ женѣ Адріана Наталіи о случившемся съ нимъ несчастіи. Наталія обходитъ тюрьму, ободраетъ узниковъ, цѣдуетъ ихъ кандалы. Узнавъ, что черезъ нѣсколько дней состоится судъ, онъ говоритъ своимъ единомышленникамъ: поручите мнѣ привести мою сестру, чтобы она присутствовала при нашемъ мученичествѣ. Подкупивъ стражника, Адріанъ уходитъ. По дорогѣ его встрѣчаетъ одинъ знакомый и бѣжитъ къ Наталіи съ радостной вѣстью: ея мужа освободили. Она не повѣрила. Пришелъ рабъ и подтвердилъ это. Наталія была очень опечалена, думая, что мужъ отъ страха отрекся, и горько плакала. Увидѣвъ, что мужъ хочетъ отворить дверь, она начала кричать: отойди отъ меня, отпадшій отъ Бога, я не желаю разговаривать съ отрекшимся отъ Христа. Слѣдуетъ длинное причесаніе на тему: я не удостоилась называться женою мученика. Адріанъ очень удивился такимъ словамъ, потому что съ ихъ свадьбы прошло всего 13 мѣсяцевъ. Наталія его не выпускаетъ въ домъ. Отопри, говоритъ Адріанъ, я не убѣждалъ отъ мученичества, какъ ты предполагаешь, я пришелъ, чтобы взять тебя съ собой. Вотъ какъ лжетъ мнѣ, новый Іуда, отвѣчаетъ Наталія. Проходитъ довольно много времени, и Адріанъ обращается опять къ Наталіи съ такими словами: Открой мнѣ, госпожа, такъ какъ я ухожу, не повидавъ тебя, и всю жизнь ты будешь горевать, что не видѣла меня передъ моимъ исходомъ. Тогда она повѣрила, открыла дверь и мужъ съ женой поцѣловались. Въ тюрьмѣ Наталія пробыла семь дней, переодѣлась въ мужское платье и уха-

живала за узниками, которыхъ пытали. Цѣлуя другъ друга, они говорили: радуйся во Господѣ, братъ, ибо имя твое вписано въ число святыхъ мучениковъ. Палачи ходили по тюрьмѣ, ломали уانيкамъ ребра, отрѣзали имъ разныя части тѣла. Трупы казенныхъ императоръ приказалъ бросить въ огонь. Тогда разразились землетрясеніе и гроза, спланный дождь потушилъ пламя, и палачи въ ужасѣ разбѣжались. Наталія тайно взяла отрѣзанную руку Адріана и хранила ее. Вмѣстѣ съ другими благочестивыми женщинами подобрала она останки мучениковъ и отправила ихъ въ Византію. Однако тѣло Адріана осталось въ какомъ-то неизвѣстномъ ей мѣстѣ. Тысяченачальникъ (хиліархъ) пошелъ къ царю и просить руки Наталіи. Та обѣщаетъ дать отвѣтъ чрезъ 3 мѣсяца; ей нужна отсрочка, чтобы отыскать въ это время останки мужа. Наталія исчезаетъ, на морѣ съ ней происходитъ цѣлое приключеніе, наконецъ ей является св. Адрианъ и при его помощи она попадаетъ въ то мѣсто, куда ей нужно, и руку кладетъ рядомъ съ тѣломъ мученика. Вслѣдъ затѣмъ она умираетъ, призванная къ себѣ Адрианомъ¹⁾.

Своеобразная материнская любовь служитъ иногда сюжетомъ мартиріевъ. Таковы повѣствованія о Калліопіи и Варѣ. Благочестивая женщина Теокилія, отличавшаяся благотворительностью и происходившая изъ сенаторскаго званія, долго оставалась безплодной. Когда она, давъ обѣтъ, забеременѣла, мужъ ея умеръ. Своего сына она окрестила въ христіанскую вѣру и назвала его Калліопіемъ. Судьѣ въ Пергѣ Памфилійской это стало извѣстнымъ. Тогда Теокилія дала сыну золото и рабовъ и отправила его на суднѣ въ киликійскій городъ Помпеіополь. Тамъ юношу приглашали принять участіе въ пирушкѣ, но Калліопій отвѣтилъ: Я христіанинъ и, празднуя Христа, пощусь. Услышавъ объ этомъ игемонъ Максимъ и велѣлъ ему явиться. Весь міръ, говоритъ ему начальникъ, совершаетъ празднества въ честь боговъ, почему же ты держишься такого заблужденія? Вы находитесь въ заблужденіи и во тьмѣ, отвѣчаетъ юноша, покинувъ Бога живого, Творца неба и земли, единымъ словомъ все создашаго, вы поклоняетесь безчувственному дереву и гнилымъ камнямъ, твореніямъ безбожныхъ рукъ. Ты еще молодъ, говоритъ

1) Acta Sanct. Sept. III, 218—230.

игемонъ, а самъ готовишь себѣ пытку. Скажи изъ какого народа ты приходишь и изъ какого рода? Я принадлежу къ народу памфилійскому, отвѣчаетъ Калліопій, и къ сенаторскому роду Патровула. Клянусь богами и великимъ солнцемъ, говоритъ Максимъ, если бы ты пожелалъ стать благочестивымъ и принести жертвы богамъ, я выдалъ бы за тебя замужъ свою единственную дочь. На дальнѣйшія убѣжденія игемона юноша отвѣчаетъ: мать моя — православная церковь Христова, а отечество мое — небесный Іерусалимъ. Калліопій позволяетъ себѣ бранить начальника такими словами: безчувственный чело­вѣкъ и всякаго дикаго звѣря болѣе дикій, ты беззаконно подвергаешь меня пыткѣ точво убійцу. Узнавъ о судьбѣ, постигшей Калліопія, мать его отпустила на волю 250 рабовъ, роздала бѣднымъ золото, серебро и платье, имѣнія подарила церкви и отправилась въ Киликію къ сыну. Въ тюрьмѣ она бросилась на колѣни и стала цѣловать раны сына. Я блаженна, говорила она, и блаженъ плодъ чрева моего, какъ Анна Самуила, такъ и я посвятила Христу тебя, священное сокровище. Максимъ распорядился распять Калліопія въ четвергъ на Страстной недѣлѣ. Феоклія дала палачамъ 5 номизамъ съ тѣмъ, чтобы они распяли его внизъ головой, а не такъ, какъ Спасителя. Онъ провисѣлъ на крестѣ до пятницы и въ 3-мъ часу отдалъ Богу душу. Мать взяла его тѣло и тотчасъ же скончалась сама¹⁾.

Въ царствованіе Максиміана въ Египтѣ пострадали семь воиновъ, седьмой былъ Варъ. Нѣкая благочестивая женщина Клеопатра, пришедшая изъ Палестины, отправившись ночью вмѣстѣ съ рабами и 12-лѣтнимъ сыномъ, ваяла тѣло Вара и до поры до времени скрывала его. Когда прекратилось гоненіе, она перенесла останки мученика на свою родину и построила храмъ его имени въ селеніи Сирѣ у Фаворской горы. Сынъ Клеопатры заболѣлъ и умеръ. Надъ гробницей Вара Клеопатра молится, чтобы ей возвращенъ былъ сынъ. Ей является Варъ и ведетъ ея сына. Клеопатра поклоняется имъ, держа одной рукой ногу святого, другой ногу мальчика. Варъ говоритъ ей между прочимъ: если хочешь, получи обратно своего сына. Но мальчикъ вступается и заявляетъ, что не желаетъ появляться вновь

1) Acta Sanct. April. I, p. LXXXIII—LXXXV.

въ мірѣ неправды. Послѣ этого видѣнія Клеопатра успокоилась и похоронила сына рядомъ со св. Варомъ¹⁾).

Нѣкоторые мартірии имѣютъ семейный характеръ. Таковы рассказы объ Евлампіи и о Зоѣ. Въ 7-й годъ царствованія Максиміана, когда игомномъ Византіи былъ Максимъ, происходило жестокое гоненіе. Разосланы были объявленія по всѣмъ провинціямъ и повѣшены на городскихъ воротахъ. Такое объявленіе появилось и въ Никомидіи и въ немъ было сказано слѣдующее. Царь Максиміанъ всѣмъ жителямъ Никомидіи малымъ и большимъ, свободнымъ гражданамъ и пришлымъ людямъ. Постановлено мною вмѣстѣ со священнымъ сенатомъ согласно полученному мной отъ непобѣдимыхъ боговъ оракулу, чтобы въ третій день Арея всѣ мои подданные явились въ храмъ великой богини Деметры и жертвами умилоствовали богиню, кто же этого не исполнитъ, долженъ быть наказанъ игомномъ. Когда началось гоненіе, многіе убѣжали въ горы и укрылись тамъ въ пещерахъ. Эти бѣженцы послали юнаго Евлампія въ городъ купить съѣстныхъ припасовъ. У воротъ стояли мужчины, наблюдавшіе за приходившими. Они пригласили Евлампія идти въ храмъ, но онъ попробовалъ убѣжать, его связали и отправили въ тюрьму. На слѣдующій день привели къ игомону Евлампія закованнымъ. Увидѣвъ такого красиваго юношу, Максимъ сказалъ: зачѣмъ вы связали его? снимите съ него ручные кандалы, я долженъ узнать отъ него всю правду, потому что императоръ приказалъ мнѣ безпричинно не казнить. Игомонъ очень ласково допрашиваетъ Евлампія. Евлампій сообщаетъ, что онъ рабъ небснаго владыки, а по чловѣчеству свободный и сынъ знатныхъ родителей. Послѣ отказа повиноваться повелѣніямъ императора и приносить жертву богамъ, Евлампія бьютъ и онъ говоритъ Максиму: что сумасшествуешь ты, какъ собака, сражающаяся съ Христомъ. Игомонъ совѣтуетъ юношѣ поднять глаза и посмотреть на небо, на свѣтоносное солнце и на гряды звѣздъ, которыя онъ собирается покинуть. А тотъ отвѣчаетъ: ты это видишь и удивляешься, а Творца не позналъ. Послѣ пытокъ игомонъ снисходительно говоритъ Евлампію: я жалѣю твою красоту, но отъ страха предъ императоромъ не могу нарушить его повелѣнія, такъ лучше при-

1) Ibid. Octobr. VIII, 428—435.

песи жертву богамъ. Какимъ же? спрашиваетъ юноша. Слѣдуетъ отвѣтъ: Зевсу, Аполлону и Деметрѣ. Гдѣ они, говоритъ Евлампій, я хочу ихъ видѣть. Игемонъ этому очень обрадовался. Насталъ 3-й день Арел, Максимъ велѣлъ глашатаямъ идти по городу и окрестностямъ и вездѣ объявлять: Евлампій, бывшій поклонникъ Распятаго, теперь же другъ боговъ идетъ на холмъ совершить жертвоприношеніе. Въ храмѣ собирается большая толпа, игемонъ велитъ привести Евлампія, разыгрывается драматическая сцена. Юноша подходитъ къ статуямъ боговъ и наглядно доказываетъ, что они истуканы. „Тебя, спрашиваю я, каменный богъ, хочешь ты ѣсть? хочешь пить? хочешь одѣться“? Затѣмъ онъ говоритъ Максиму: смотри, твой богъ стоитъ безмолвно, хочешь, я сброшу его, и онъ не разсердится, не призоветъ императора. Евлампій ниспровергаетъ изображеніе Зевса, которое превращается въ пыль. Тогда многіе воскликнули: великъ богъ Евлампія. Внезапно появляется сестра Евлампія, тоже Евлампія, и говоритъ брату: помни, что насъ родила одна мать. На этомъ основаніи она изъявляетъ желаніе пострадать. Игемонъ объявляетъ въ драматической формѣ приговоръ: предать и брата и сестру смертной казнѣ чрезъ отсѣченіе головы мечомъ¹⁾.

Зоя, мужъ ея Эсперъ и сыновья Θεодуль и Кириакъ были рабами, купленными Катломъ и Терціей, переселившимися изъ Рима въ Памфілію въ городъ Атталію. Дѣти, бывшіе христианами, какъ Зоя, говорятъ матери, что они не могутъ жить въ домѣ язычника и просятъ мученичества. Встрѣтивъ Катла, мальчики говорятъ ему: ты владыка видимыхъ нашихъ тѣлъ, но владыка душъ нашихъ Иисусъ Христосъ. Въ день рожденія сына Катла Зою угощаютъ идоложертвеннымъ мясомъ. Она бросаетъ его собакамъ, объ этомъ доносятъ Катлу. Все семейство Зои послѣ пытки сжигаютъ²⁾.

Мартирій трехъ ювошей Алфія, Филадельфія и Квирина длинный романъ приключеній. Императоръ Лициній издалъ эдиктъ слѣдующаго содержанія: до священныхъ ушей нашихъ дошелъ слухъ, не мало насъ смутившій, что распространилась

1) Acta Sanct. Octobr. V, 69—78.

2) Ibid. Maii I, p. XVI—XVII (прилож.).

нечестивѣйшая ересь такъ называемыхъ христіанъ, которые поклоняются какъ Богу тому, кого родила нѣкая іудейская женщина Марія, именуемому Иисусомъ, Аполлона же великаго бога и Асклепія, Гермеса и Діониса, Геракла и Зевса, которые даруютъ миръ нашему государству, хулятъ, а какъ Богу поклоняются такъ называемому Христу, котораго іудеи распяли въ качествѣ злодѣя и волпебника. Поэтому мы постановляемъ разыскивать христіанъ, мужчинъ и женщинъ, по всеѣмъ городамъ и селамъ, предавать пыткамъ и казнить огнемъ и мечомъ тѣхъ, кто не согласится отречься отъ своего заблужденія. Въ то время нѣкій Онисимъ вошелъ въ страну басконцевъ въ городъ Префекты. Тамъ пріютилъ его въ своемъ домѣ и училъ слову Божію Виталій. У него было три сына, юноши Адфій, Филадельфій и Квиринъ, которыхъ отецъ обучилъ православной вѣрѣ. Однажды, когда Онисимъ находился въ городѣ и просвѣщалъ многихъ, явился посланецъ императора Лицинія Нигелліанъ съ вышеуказаннымъ эдиктомъ. Онъ вошелъ съ большимъ войскомъ и былъ онъ такимъ безчеловѣчнымъ и жестокимъ, что всѣ старались убѣжать отъ него (гл. 2—4). Призвавъ всѣхъ жившихъ тамъ начальниковъ большихъ и малыхъ, онъ отправился на высокое мѣсто, находившееся посреди города, и держа въ рукахъ письмо Лицинія съ страшными, беззаконными богохульными словами читаетъ его вслухъ (повторяется вышеупомянутый эдиктъ). Въ толпѣ, присутствовавшей при этомъ чтеніи, находились и Онисимъ и послѣдовавшіе за нимъ 14 мужей, пришедшихъ изъ окрестныхъ городовъ и селъ. Все населеніе города перепугалось (гл. 5). Виталій посылаетъ за своими сыновьями и сообщаетъ имъ о повелѣніи беззаконнаго Лицинія, присланномъ чрезъ нечестивца Нигелліана. Юноши отвѣчаютъ: мы, отецъ, объ этомъ слышали и готовы пролить кровь за вѣру. Возблагодаривъ Господа, Виталій поручаетъ сыновей Онисиму и проситъ его научить ихъ терпѣнію и способу, какъ избѣжать заблужденій міра сего. Эразмъ, внукъ Виталія отъ его дочери, проситъ, чтобы и его приняли въ число мучениковъ. Онисимъ дѣлаетъ имъ соответствующее поученіе и говоритъ: потерпимъ немного, и съ ангелами будемъ радоваться цѣлую вѣчность (гл. 6). Виталій былъ басконецъ и начальникъ г. Префекты. Нигелліану донесли, что въ домѣ Виталія находятся 14 человѣкъ, признающихъ себя

христіанами. Нигелліанъ очень разсердился и велѣлъ привести ихъ, влача ихъ за волосы. Допросъ сопровождается избіеніемъ, подсудимыхъ бьютъ по щекамъ камнемъ. Спутники Онисима кричатъ: мы христіане, дѣлай, что хочешь, безстыднѣйшій тираннъ. За это ихъ повѣсили за волосы, и въ такомъ положеніи висѣли они съ утра до захода солнца. Ихъ отводятъ въ тюрьму, ставятъ тамъ въ колодки и на слѣдующій день приводятъ опять въ преторій. Судья убѣждаетъ ихъ и спрашиваетъ: какая вамъ выгода въ томъ, что вы умрете? Они отвѣчаютъ: выгода наша въ томъ, чтобы по прошествіи этого міра быть вѣчно съ Христомъ (гл. 7). Теперь начинается путешествіе юношей. Ихъ отправляютъ подъ конвоемъ въ Римъ къ императорамъ Лицинію и Валеріану. Лициній собирался въ это время на Востокъ, чтобы истреблять тамъ христіанъ. Онъ говоритъ Валеріану: я иду на Востокъ, а ты, занимая второй престолъ, истребляй христіанъ здѣсь. Продержавъ подсудимыхъ 7 дней въ тюрьмѣ, ихъ приводятъ въ царское судилище, гдѣ засѣдали сенатъ, стратиги и всѣ другіе, власть имущіе. Святые сказали: мы христіане, мы, которыхъ ты, безчувственный Валеріанъ, залерь въ тюрьмѣ (гл. 9). Императоръ не желаетъ пользоваться своей властью. Онъ отправляетъ христіанъ въ г. ПUTEОЛИ съ препроводительнымъ письмомъ къ начальнику этого города Діомеду. Мы повелѣваемъ, пишетъ Валеріанъ, чтобы Онисимъ и 14 человекъ съ нимъ были казнены послѣ жестокихъ пытокъ, остальныхъ же трехъ юношей надо отправить къ Тертулле, начальствующему въ Сициліи. Ихъ привозятъ на суднѣ въ ПUTEОЛИ, гдѣ происходитъ новый допросъ. Діомедъ спрашиваетъ Онисима: не ты ли тотъ Онисимъ, который пустымъ и глупымъ ученіемъ вводитъ народъ въ заблужденіе? Судья говоритъ между прочимъ: отвратительный человекъ, какъ осмѣлился ты при мнѣ назвать имя Христа, о которомъ я не могу слышать равнодушно. Онисимъ отвѣчаетъ: безумный, безстыдный и врагъ правды, какъ же мнѣ не называть этого страшнаго имени, создавшаго и тебя и всякое дыханіе человѣческое. Онисиму положили на животъ громадный камень и такимъ образомъ его прикончили. Остальнымъ 13 и Эразму отрубили голову за городомъ (гл. 10). Въ живыхъ остаются три брата. Діомедъ говоритъ имъ: Вы дѣти богатаго мужа и друга императора, даю вамъ добрый совѣтъ, откажитесь отъ своей вѣры, и вы получите

важныя должности. Юноши отвѣчаютъ: нечестивѣйшій врагъ правды, дѣлай поскорѣе, что хочешь. Братьевъ подвергаютъ избиенію и затѣмъ отводятъ ихъ въ тюрьму, пока не будетъ готово судно, долженствующее отвести ихъ въ Сицилію (гл. 11). Черезъ 8 дней все было готово къ отплытію. Юношей поручили жестокому и звѣрообразному челоуѣку Сильвану. Прибыли въ Мессину, оттуда отправились въ Тавроменію. Сильванъ вручилъ Тертулле письмо Валеріана, который тутъ называется епархомъ (префектомъ) и помощникомъ Лицинія (гл. 12). Тертулла приходитъ въ изумленіе отъ красоты юншей и спрашиваетъ, откуда они, изъ какого города и какъ ихъ зовутъ, хотя все это объяснено въ письмѣ Валеріана. Кроуовійца Тертулла упражняется въ фантастическихъ пыткахъ. Онъ велитъ сбрить юношамъ волосы и лить на голову кипящую смолу. Затѣмъ надѣли на нихъ деревянные колодки и погнали въ г. Леонтину (гл. 13). По дорогѣ совершилось чудо, убѣдившее воиновъ, сопровождавшихъ трехъ братьевъ, что они поклоняются истинному Богу. Они пришли въ Катану, гдѣ ихъ заключили на ночь въ тюрьму. На слѣдующее утро ихъ повели въ Леонтину (гл. 14). Они подошли къ рѣкѣ Симиоу, сильно раздувшейся и волновавшейся. Они говорили, что потонутъ. Но солдаты били ихъ по головамъ и принудили войти въ воду. Съ помощью Божіей братья перешли рѣку, а 8 воиновъ погибло (гл. 15). По дорогѣ въ Леонтину встрѣчается имъ бѣсноватый іудей и родители его просятъ братьевъ исцѣлить его. Исцѣленіе дѣйствительно происходитъ и всѣ слышатъ, какъ кричитъ бѣсъ, исходя изъ іудейскаго юноши (гл. 16—17). Вслѣдствіе этого чуда 20 воиновъ обращаются въ христіанство. Когда они пришли въ Леонтину, толпа высыпала къ нимъ на встрѣчу, потому что слухъ о чудѣ распространился по всему городу. Ихъ передали Александру, совѣтнику Тертулла, вмѣстѣ съ 20 воинами, принявшими христіанство (гл. 18). Въ Леонтинѣ проживала богатая жепщина Фекла, лежавшая уже 6 лѣтъ въ параличѣ. Она говоритъ Александру: возьми у меня сколько хочешь денегъ, но пришли ко мнѣ юношей, сидящихъ въ тюрьмѣ. Александръ подтверждаетъ, что они исцѣлили бѣсноватаго іудея (гл. 19). Александръ соглашается на это за приличное вознагражденіе, юноши исцѣляютъ Феклу, и она посѣщаетъ ихъ въ тюрьмѣ (гл. 20—22). Черезъ три мѣсяца появляется

Тертуллъ, судить 20 воиновъ и предаеть ихъ смертной казни. Фекла, подкупивъ стражу, увозить ихъ тѣла на 10 повозкахъ въ свое имѣніе Анціани; тамъ построила она церковь и назвала его храмомъ св. двадцати стратіотовъ (гл. 24). Далѣе идетъ разсказъ о пыткахъ юношей, совершаемыхъ Тертуллою, о посѣщеніи ихъ Феклой, объ исцѣленіи ихъ ранъ ап. Андреемъ. Ихъ заставляють ходить въ желѣзной обуви, наполненной острыми гвоздями (гл. 25—30). Тертуллъ ходилъ въ баню помыться. Выйдя изъ бани и войдя въ преторій, онъ видитъ юношей, приведенныхъ палачами; лица у нихъ радостныя и свѣтятся, какъ солнце. Онъ измѣнился въ лицѣ и закричалъ: горе мнѣ, что буду я дѣлать? граждане, приходите посмотрѣть на новое чудо, какъ гвозди пронзили ноги этихъ несчастныхъ, и они себя не пощадили. Начальствующія въ городѣ лица говорятъ ему: вѣроятно, владыка, они маги и тотъ, кого они именуютъ Христомъ, снабжаетъ ихъ волшебными средствами, такъ что они не боятся пытокъ. Тертуллъ посадилъ юношей въ тюрьму и приказалъ 10 дней не давать имъ ни пищи, ни питья, грозя уморить ихъ голодомъ. Онъ велѣлъ Александру запечатать двери тюрьмы и убивать всякаго, кто попытался бы принести заключеннымъ ѣду. Мученики смѣялись надъ этимъ распоряженіемъ и молились: Господи Исусе Христе, Ты хлѣбъ истинный (гл. 31). Три дня прожили они безъ пищи, и вотъ ночью при запертыхъ дверяхъ появился въ тюрьмѣ старый мужъ, держа въ рукѣ три хлѣба и сосудъ съ водой. Въ тюрьмѣ засіялъ сильный свѣтъ, юноши пали къ ногамъ старца со словами: молись за насъ св. апостолъ. Приставленный къ тюрьмѣ Александръ, увидѣвъ свѣтъ и услышавъ разговоръ апостола съ заключенными, до того перепугался, что хотѣлъ бѣжать, но и этого не въ состояніи былъ сдѣлать. Когда настало утро, Александръ созвалъ своихъ сыновей и воиновъ, охранявшихъ тюрьму, и говоритъ имъ: вы слушайте новое и поразительное чудо, которое я видѣлъ въ эту ночь. Какой-то сильный и страшный мужъ помогъ юношамъ, не смотря на то, что двери тюрьмы были запечатаны, онъ принесъ имъ хлѣбъ и воду и убѣждалъ ихъ презирать пытки, которыя готовятъ имъ господинъ мой Тертуллъ. Не будучи въ состояніи перенести яркаго свѣта, заблеставшаго въ тюрьмѣ, я такъ перепугался, что хотѣлъ бѣжать, но не въ состояніи былъ этого сдѣлать: колѣни мои

окаменѣли и я какъ бы омертвѣлъ. Совершенно правильно эти юноши исповѣдуютъ единого Бога и едиnorodнаго сына его. Исидора, мать моей родственницы Феклы, и Неофита, моя мать, возвѣщая св. Троицу и почитая вѣчно живущаго Бога послѣ многихъ пытокъ были лишены здѣшней жизни Арматою, начальствовавшимъ въ Леонтияхъ передъ Тертуллою (гл. 33). Александръ отправился въ преторій и сообщилъ Тертулле о видѣнныхъ имъ знаменіяхъ. Сильно смутившись Тертулла отвѣтилъ такъ: пожалуй и тебя коснулось волшебство христіанъ, уйди отъ меня, васъ подкупили, и вы пропустили челоуѣка съ хлѣбомъ и водой. Александръ указываетъ на то, что печати цѣлы. Тогда Тертулла въ отчаяніи созываетъ вельможъ и говоритъ имъ, что ничего не могъ подѣлать съ волшебниками, присланными ему Валеріаномъ, какъ не могли справиться съ ними Діомедъ и Нигелліанъ. Онъ хочетъ отослать обратно юношей, и пусть Валеріанъ лишаетъ ихъ жизни, какъ знаетъ. Начальствующія въ городѣ лица не совѣтуютъ ему дѣлать это, чтобы не разсердился Лициній и съ нимъ Валеріанъ и не наказалъ весь городъ; поэтому лучше лишить ихъ жизни при помощи всевозможныхъ пытокъ (гл. 34). Тертулла принялъ этотъ совѣтъ и черезъ 10 дней велѣлъ привести юношей въ преторій, влача ихъ за волосы. Посмотрѣвъ на красивыя лица братьевъ, Тертулла сказалъ сидѣвшимъ съ нимъ вельможамъ: что можете вы сказать объ этихъ лицахъ? они не ѣли и не пили 10 дней. Александръ клянется безсмертными богами, головой императора и Тертулла, что двери не были отперты. Тертулла спрашиваетъ юношей: до какихъ поръ будете вы выносить пытки, прибѣгая къ волшебству; послушайте меня и принесите жертву богамъ, а то я вынужденъ буду предать ваши тѣла огню (гл. 35). Опять начинается то, что уже было испробовано. Братьямъ льютъ на голову и по всему тѣлу расплавленный свинецъ и горячую смолу (гл. 36). Такъ какъ юноши не сгораемы, Тертулла приказалъ палачамъ гнать ихъ вплоть до высокихъ пещеръ, а затѣмъ повернуть обратно чрезъ еврейскій кварталъ. Когда они проходили мимо еврейскихъ домовъ, прибѣжалъ исцѣленный юноша со всѣмъ своимъ семействомъ. Семейство это закричало: мы христіане и отрицаемъ моноелитскую вѣру іудеевъ. Услышавъ это, іудеи вышли изъ своихъ пещеръ и побили камнями родителей и братьевъ бывшаго бѣсноватаго.

Объ этомъ проишествіи донесли Тертуллу и привели къ нему іудеевъ, принявшихъ христіанство, которые все же уцѣлѣли (гл. 37). Судья приказалъ явиться тѣмъ 20 евреямъ, которые ополчились на семейство исцѣленнаго, и предоставилъ имъ расправиться со своими соплеменниками. Послѣдніе были выведены за городъ и побиты камнями на этотъ разъ до смерти (гл. 38). Еще разъ приводятъ юношей на судъ въ преторій. Тертуллъ спрашиваетъ ихъ: это вы, которыхъ я обливалъ расплавленнымъ свинцомъ и смолой? Да мы, безстыднѣйшій пещь, отвѣчаютъ братья. Ихъ подвергаютъ такой пыткѣ, что обнаруживаются ихъ внутренности и кости. Лежа на землѣ Алфій говоритъ: несчастнѣйшій Тертуллъ, мы заслужили вѣнецъ мученическій, мы три отрока уничтожили твою тирапію, ибо то, что ты не можешь измѣнить насъ, есть уничтоженіе, огонь твой намъ холоденъ (гл. 40). Мучениковъ опять отводятъ въ тюрьму и пытки повторяются (гл. 41). Въ тюрьму приходятъ Юстина и Фекла и приносятъ драгоценное полотно, чтобы перевязать раны мученикамъ. У Юстины видѣлъ только одинъ глазъ. Филадельфій наложеніемъ рукъ вернулъ ей второй глазъ. Увидѣвъ это чудо, Александръ изъявилъ желаніе креститься. Его призываетъ Тертуллъ и спрашиваетъ: развѣ живы эти несчастные, внутренности которыхъ вытекли на землю? Александръ отвѣчаетъ: живы и исцѣлены отъ ранъ своимъ Христомъ. Александръ отказывается служить Тертуллу и объявляетъ себя христіаниномъ (гл. 43). Услышавъ это, Тертуллъ зарычалъ, какъ левъ: горе мнѣ! что буду я дѣлать? Я предсказывалъ, что волшебство христіанъ вырветъ изъ моихъ рукъ моего совѣтника. Пытки продолжаются. Тертуллъ приказываетъ вырвать Алфію языкъ. Мученикъ отвѣчаетъ: безстыднѣйшій пещь, хоть ты отнимешь органъ разговора, Богъ услышитъ и молчащихъ. Воины открыли юношѣ ротъ, палачи вырвали ему языкъ, вытекла масса крови, и онъ въ мирѣ отдалъ Богу душу. Погибъ и Филадельфъ, поджариваемый на желѣзномъ листѣ, Квиринъ самъ бросился на жаровню. Такъ скончались они въ мѣстѣ, называемомъ Publicum (гл. 45). Тертуллъ распорядился связать ноги веревкой и бросить тѣла мучениковъ въ сухой колодезь въ мѣстѣ Стровиліи близъ дома, гдѣ жили Юстина и Фекла, находившіяся въ родствѣ между собой (гл. 45). Слуги ихъ нашли тѣла совершенно цѣлыми, лежавшими сверхъ

колодца и издававшими сильное благовоиіе (гл. 46). При этомъ исцѣлилась глухая служанка Теклы. Тѣла мучениковъ были положены въ маленькой келии въ чистомъ мѣстѣ, гдѣ находилась пещера со скрытымъ въ ней крестомъ (гл. 47)¹⁾.

Длинное повѣствованіе о Евстаѳіи, дошедшее до насъ въ двухъ редакціяхъ, романъ приключеній съ подробностями беллетристическаго и сказочнаго свойства²⁾. Евстаѳій въ царствованіе Траяна занималъ должность стратилата и до крещенія назывался Плакидой. Жена его Татіана получила при крещеніи имя Теописы (выходить, что Татьяна языческое имя), сыновья названы Агапіемъ и Теописомъ. Послѣ крещенія Господь сказалъ ему: „Ты получилъ залогъ безсмертія и имѣешь знакъ овцы моеи паствы. Тебѣ предстоитъ выдержать испытаніе вѣры. Изъ зависти тебя будетъ искушать діаволъ, но ты одержишь надъ нимъ славную побѣду, какъ нѣкогда Іовъ. Ты возвышенъ былъ богатствомъ, славой и счастливой жизнью. Если ты лишишься благосостоянія, ты сохранишь благочестіе, и я сдѣлаю тебя образцомъ терпѣнія. Утѣшеніемъ въ несчастіи тебѣ будетъ служить то, что послѣ того, какъ ты выпьешь горькую чашу бѣдствій, тебя вновь приметъ рука моя и тебѣ возвращено будетъ прежнее благоденствіе, а въ концѣ голова твоя украсится вѣнцомъ мученика“. Такимъ образомъ судьба Евстаѳія была предопредѣлена. Чума внезапно напала на домъ стратилата, умерли у него всѣ рабы, погибъ весь домашній скотъ, лошади, волы, мулы. Такъ лишилось семейство Евстаѳія своего богатства и, чтобы не являть печальнаго зрѣлища и не стать предметомъ слезъ для сосѣдей, для знакомыхъ, для всего города, они рѣшили бѣжать въ чужую страну. Ночью все семейство отплываетъ въ Египетъ и, какъ это бываетъ въ сказкахъ, они не догадались взять съ собой свои драгоценности. Нѣкоторые сосѣди, видя, что домъ Евстаѳія пустъ, похитили оставшіяся тамъ золото, серебро и цѣнныя одежды. Въ это время приадновали побѣду надъ персами и всѣ вмѣстѣ съ императоромъ были очень опечалены, что такое бѣдствіе постигло стратилата, и онъ не присутствуетъ на торжествѣ. Евстаѳій съ семействомъ доѣхалъ до какого-то порта или до

1) Acta Sanct. Maii II, p. XLVI--LXI.

2) Первая редакція Eustathii et sociorum acta antiqua въ Patr. Gr. t. 105 p. 375—418. Вторая редакція издана въ Analecta Bolland. t. II, p. 66—112.

какого-то берега по дорогѣ въ Египетъ; тутъ нашли они отплывающее судно и сѣли на него. Море было тихо и попутный вѣтеръ гналъ корабль, тѣмъ не менѣе море было для нихъ преисполнено бѣдствіями. Хозяинъ судна, родомъ варваръ, неизвѣстно умѣлъ ли бороться съ бурей, по отношенію же къ вихрямъ страстей и къ порывамъ плоти онъ былъ очень податливъ и большимъ любителемъ такихъ приключеній. Глядя со сладострастіемъ на Теописту, онъ замѣтилъ, что она красива, и былъ плѣненъ ея красотой. Когда закончилось ихъ плаваніе, варваръ наложилъ руку на женщину и заявилъ, что беретъ ее взаимнѣ платы за судно. Хотя они предлагали отдать ему все, что у нихъ имѣлось и что въ нѣсколько разъ превышало плату, онъ ничего не хотѣлъ слышать и со взоромъ, грозившимъ убійствомъ, привлекалъ ее къ себѣ еще сильнѣе. Евставій убѣждалъ съ дѣтьми. Дошелъ онъ до рѣки, переправиться черезъ которую было нелегко вслѣдствіе быстроты теченія и глубины. Евставій посадилъ одного мальчика къ себѣ на плечи и перенесъ его на другой берегъ. Вернувшись назадъ за вторымъ сыномъ, Евставій увидѣлъ, что его терзаетъ страшный левъ. Не успѣвъ оплакать несчастный отецъ гибель второго сына, какъ, вновь переправившись черезъ рѣку, онъ видитъ, что волкъ схватилъ его перваго сына, и онъ сталъ пицей дикаго звѣря. Какъ вынесъ онъ подобное зрѣлище? Какъ не умеръ? Возлагая надежду на Бога, Евставій всетаки пошелъ дальше, лишившись отечества, лишившись богатства, жены и сыновей, по истинѣ человекъ пѣлое море злочленій и бѣдствій. Провидѣніе однако позаботилось о дѣтяхъ. Левъ съ мальчикомъ въ зубахъ отправился въ пустыню, на него напали пастухи и вынули изъ его пасти мальчика неповрежденнымъ. Волкъ, встрѣтившись съ земледѣльцами, точно также выпустилъ изъ пасти младенца. Пастухи и земледѣльцы воспитали мальчиковъ. Шелъ дальше одинокій Евставій и остановился въ селеніи, именуемомъ Вадисось. По близости оттуда росли его сыновья. Тамъ прожилъ 15 лѣтъ бывшій стратигъ, обрабатывая землю, храня вмѣстѣ съ тѣмъ плоды деревни и получая за это мзду. Злочленія Евставія кончаются благополучно. Какъ Богъ сохранилъ мужу нетронутую Сарру, такъ и Теописту, наказавъ варвара смертью, спасъ онъ для ея мужа отъ незаконнаго соединенія съ посто-

роннимъ. Тотъ варварскій народъ, въ области котораго жила Теописта, нарушивъ мирный договоръ съ римлянами внезапно напалъ на ихъ землю. Обстоятельство это очень встревожило того, въ рукахъ котораго находился тогда римскій скиптръ. Онъ вспомнилъ о своемъ славномъ полководцѣ Евстаеи. Траянъ — ибо онъ тогда сидѣлъ на римскомъ престолѣ — велѣлъ тотчасъ же разыскать Евстаея. Искала вся страна и нашедшимъ его была обѣщана не малая награда. Участіе въ поискахъ приняли Акакій и Антиохъ, бывшіе помощниками Евстаея и хорошо его знавшіе. Они попали въ ту деревню, гдѣ жилъ Евстаей. Подойдя къ нему, они его не узнали; такъ измѣнилось его лицо отъ множества несчастій. Евстаей узналъ ихъ, но сдѣлалъ видъ, что не узнаетъ. Отрясши пыль отъ ногъ своихъ, Акакій и Антиохъ вступили въ разговоръ съ Евстаеємъ и спросили его, не видалъ ли онъ гдѣ-нибудь Плакиду съ женой и дѣтьми. Вопросъ этотъ заставилъ его расплакаться, и онъ въ свою очередь спросилъ, зачѣмъ разыскиваютъ они Плакиду? Тѣ отвѣтили, что это ихъ старый знакомый, котораго они не видѣли много лѣтъ. У Евстаея былъ на затылкѣ рубецъ отъ зажившей раны, и по этой примѣтѣ Акакій и Антиохъ узнаютъ своего бывшего начальника и приходятъ въ восторгъ. Когда они спросили о женѣ и дѣтяхъ, Евстаей опять такъ сильно расплакался, что потоки слезъ текли по его хитону. Они взяли его съ собой и по дорогѣ Плакида рассказываетъ, что онъ крестился и что зовутъ его Евстаеємъ. Путешествіе продолжалось 15 дней, послѣ чего Евстаея привели въ дворецъ, и императоръ и всѣ граждане необыкновенно обрадовались. Царь облобызалъ Евстаея и тотъ рассказалъ о всѣхъ своихъ злоключеніяхъ. Императоръ со своей стороны сообщаетъ ему о ходѣ военныхъ дѣйствій и вручаетъ ему поясъ стратига. По всей странѣ дѣлается наборъ и въ число рекрутовъ попадаютъ сыновья Евстаея, отличающіеся выдающеюся наружностью и исключительной силой. Римское войско подъ предводительствомъ Евстаея одерживаетъ побѣды, врывается въ варварскую страну и доходитъ до одной цвѣтущей деревни, гдѣ садъ сторожить за плату жена Евстаея. Одинъ изъ сыновей Евстаея рассказываетъ свою исторію, другой это слышитъ и такимъ образомъ братья узнаютъ другъ друга. Мать, услышавшая тоже этотъ рассказъ, по его началу признаетъ въ

юношахъ своихъ сыновей. Она проситъ у стратига позволенія вернуться вмѣстѣ съ ними на родину, и такимъ образомъ все семейство воссоединяется.

Когда съ тріумфомъ возвратился въ Римъ Евстаѳій, на престолѣ сидѣлъ Адрианъ, язычникъ и варваръ, сурово относившійся къ христіанамъ. Евстаѳій сказалъ ему: Царь, я христіанинъ и воздаю благодарность Христу, подавшему мнѣ побѣду и вернувшему утраченныхъ сыновей и жену. Царь очень разсердился и приговорилъ Евстаѳія съ семействомъ къ смертной казни. Рассказъ о пыткахъ и мученичествѣ занимаетъ всего три главы изъ 22, и, какъ видно, все вниманіе автора было сосредоточено на приключеніяхъ героя; исторія его совсѣмъ не интересовала, онъ не счелъ даже нужнымъ сообщить о какомъ варварскомъ народѣ идетъ рѣчь и такъ мало останавливается на подробностяхъ мученичества, что Теописка съ сыновьями остаются въ тѣни. Къ роману присоединены и сказочные мотивы, одинъ постоянно встрѣчающійся о дикихъ львахъ, не тронувшихъ Евстаѳія, когда онъ отданъ былъ имъ на растерзаніе, другой о символическомъ оленѣ. Плакида отправился на охоту за оленями. Отъ стада отдѣлился одинъ олень. Надъ головой его между рогами появился блестящій крестъ и изъ него послышался голосъ: Плакида, зачѣмъ ты гонишь меня? Я Исусъ Христосъ, разсудившій, что не хорошо скрывать такое большое количество добродѣтелей подъ глубокой тьмой идолопоклонства. Пораженный этимъ явленіемъ и голосомъ, Плакида упалъ съ коня. Нѣсколько оправившись, онъ спросилъ: кто ты, Господи? Въ отвѣтъ онъ услышалъ: Я Исусъ Христосъ, сотворившій вселенную изъ ничего, собственными руками образовавшій человека и т. д. Послѣ этого Плакида принялъ христіанство и превратился въ Евстаѳія¹⁾. Олень является въ видѣ покровительствующаго животнаго въ разныхъ сказаніяхъ. Оленуха вскормила Телефа, сына Геракла, Тристана Навтельскаго, ребенка изгнанной Женевьевы Брабантской. Готскій король Флавій охотился за оленями, одинъ изъ нихъ скрывается въ пещерѣ, гдѣ жилъ св. Жильль, по его молитвѣ не удается схватить оленя²⁾. Въ апокрифическихъ

1) Anal. Bolland. III, 69—70.

2) Г. Потанинъ. Восточные мотивы, стр. 625—633.

дѣянiяхъ ап. Филиппа имѣется отдѣльная глава о томъ, какъ въ пустынѣ увѣровали козленокъ и леопардъ. Въ тѣ дни, когда Спаситель распредѣлилъ между апостолами города и селенiя и каждый по указанному пути, Филиппъ отправился въ землю эллиновъ съ Варсоломеемъ и сестрою своею Маріамной, которая во время преломленiя хлѣба готовила хлѣбъ и соль. Въ пустынѣ Дракенской встрѣтился имъ большой леопардъ, который павъ къ ихъ ногамъ сказалъ имъ человѣческимъ голосомъ: „Кланяюсь вамъ, рабы великаго Бога и апостолы Единороднаго Сына Божiя, прикажите мнѣ говорить“. Филиппъ отвѣтилъ: именемъ Иисуса Христа, говори. Леопардъ сказалъ: въ прошлую ночь я проходилъ мимо стада козъ, находившихся противъ горы Дракены, матери змѣй, и схватилъ козленка; когда же я вошелъ въ лѣсъ и хотѣлъ съѣсть его, онъ заплакалъ, какъ ребенокъ, и сказалъ человѣческимъ голосомъ: перестань быть дикимъ и сдѣлайся кроткимъ, потому что по этой пустынѣ скоро пройдутъ апостолы, возвѣщая славу Единороднаго Сына Божiя“. Леопардъ пощадилъ козленка и просилъ ап. Филиппа взять его съ собою, чтобы онъ могъ окончательно разстаться со своею звѣриной природой. Филиппъ и Варсоломей говорятъ: Приди, Господи Иисусе Христе, и подай жизнь и дыханiе этимъ животнымъ, дабы они покинули свою звѣриную природу и не ѣли мяса, а въ нихъ оказалось бы человѣческое сердце и они слѣдовали за нами и славили человѣческимъ языкомъ имя Твое. Тогда леопардъ и козленокъ, поднявъ переднiя лапы, стали славить Бога¹⁾. Такимъ образомъ появляются животныя, превращенныя въ людей. Посвященныхъ богамъ животныхъ звала древность. Известно сказанiе о преступленiи, совершенномъ Агамемнономъ; онъ убилъ священную лань Артемиды, Софоклъ заставляетъ вспомнить объ этомъ его дочь Электру:

Отецъ мой — такъ сказали мнѣ гуляя
 Въ лѣсу богини — шумомъ ногъ своихъ
 Спугнулъ пятнистаго оленя; мѣткимъ
 Его онъ выстрѣломъ убилъ и слово
 На радостяхъ кичливое сказалъ.

1) Act. Philippī Apostol. p. 241—246 (Anal. Bolland. t. IX).

За это гнѣвомъ воспылала дѣва ;
 Ахейцевъ ждать заставила она,
 Пока отецъ въ возмездіе за звѣря,
 Свое дитя ей въ даръ не принесетъ.

(Перев. Ф. Зѣлинскаго, ст. 565—573).

Въ греческой быливѣ Дигенъ рассказываетъ: триста медвѣдей убили я, 62 львовъ, и удалось мнѣ попасть въ обереженнаго оленя, что съ крестомъ на рогахъ, со звѣдой на головѣ, съ Богородицей среди лопатокъ; этотъ грѣхъ попуталъ меня и я долженъ умереть¹⁾. Это тотъ самый олень, котораго видѣлъ Евстаѣій-Плакида.

Говорящія животныя самое обыкновенное явленіе въ басняхъ и сказкахъ, въ христіанскихъ легендахъ они отличаются сверхъ того религіознымъ настроеніемъ. Въ недавно найденномъ отрывкѣ актовъ Павла и Феклы рассказано слѣдующее: Освобожденный судьей ап. Павелъ отправился въ горы въ окрестностяхъ Кесаріи. Тутъ встрѣтился съ нимъ огромный левъ, и они раскланялись, какъ старые знакомые. Левъ сказалъ Павлу: привѣтъ тебѣ, Павелъ, служитель Божій и апостоль Господа Иисуса Христа, я имѣю къ тебѣ просьбу. Павелъ отвѣтилъ: говори, я выслушаю тебя. Левъ сказалъ: дай мнѣ войти въ христіанство. И Павелъ далъ ему войти въ христіанство²⁾.

Въ мученичествѣ Вадима мученичество отсутствуетъ; оно замѣнено убійствомъ. Это повѣствованіе о злодѣяніи отступника. По приказанію персидскаго царя Саворія архимандритъ Вадимъ съ 7 учениками былъ заключенъ въ тюрьму, гдѣ просидѣлъ четыре мѣсяца. Въ то время существовалъ Нирсанъ, начальникъ города Аріона въ области Бедгерма. Этого Нирсана, бывшаго христіаниномъ, царь принуждалъ поклоняться солнцу, но такъ какъ онъ не хотѣлъ уклониться отъ вѣры Христовой, онъ былъ въ оковахъ посаженъ въ тюрьму. Но затѣмъ, испугавшись предстоящихъ ему мученій, Нирсанъ отрекся отъ Христа. Царь очень обрадовался и велѣлъ привести Вадима въ дворцовый залъ чрезъ боковыя двери. Войдя туда, гдѣ находился связанный Нирсанъ,

1) Г. Дестунисъ. Розысканія о греческихъ быливахъ, стр. 30.

2) С. Holzhey. Die Thekla-Akten, p. 18—19. München 1905.

царь говоритъ двумъ начальникамъ: если Нирсанъ убьетъ Вадима, освободите его и отдайте ему имущество Вадима. На основаніи этихъ словъ Нирсанъ взялъ мечъ и пошелъ убивать Вадима. Однако онъ самъ испугался своего намѣренія и остановился словно окаменѣвъ. Вадимъ сказалъ ему: „До какихъ же предѣловъ дойдутъ твои злодѣянія? Ты не только отрекся отъ Бога, но даже стараешься умертвить его служителей. Горе тебѣ! Что сдѣлаешь ты въ тотъ послѣдній день? Куда убѣжишь ты отъ страшнаго суда, когда станешь предъ страшнымъ судилищемъ и долженъ будешь дать отвѣтъ предъ великимъ и вѣчнымъ Богомъ? Я же, о трижды несчастный, готовъ окончить жизньъ мученичествомъ, но желалъ бы умереть не отъ твоей руки“. Нирсанъ нанесъ Вадиму четыре удара мечомъ, но не убилъ его, потому что рука его дрожала. Въ концѣ концовъ Вадимъ палъ отъ руки Нирсана, который получилъ должное возмездіе и тоже погибъ отъ меча¹⁾.

ГЛАВА IX.

Идеаль и дѣйствительность.

Пути мучениковъ предугазаны въ Евангеліи. „И поведутъ васъ къ правителямъ (игемонамъ) и царямъ за Меня для свидѣтельства передъ ними и язычниками (Матѣ. X, 18)“. „И предъ правителями и царями поставятъ васъ за Меня, для свидѣтельства передъ ними (Марк. XIII, 9)“. „И будете ненавидимы всѣми за имя Мое, претерпѣвшій же до конца спасется (Матѣ. X, 22 = Маркъ XIII, 13)“. „И будутъ гнать васъ и поведутъ предъ царей и правителей за имя Мое (Лук. XXI, 12)“. Послѣдователямъ Христа, которые должны были желать гоненій, обѣщана награда: „всякій, кто оставитъ дома... получить во стократъ и насладится жизнью вѣчную (Матѣ. XIX, 29)“. Отсюда по необходимости вытекаютъ нѣкоторые выводы. Претерпѣть значило приобрѣсти блаженство. „Если злословятъ за имя Христово, то вы блаженны, ибо Духъ славы, Духъ Божій почиваетъ на васъ (I Петр. IV, 14)“. Обязанность жить благочестиво есть въ то же время обязанность терпѣть гоненія. „Всѣ, желающіе жить благочестиво во Христѣ Исусѣ, будутъ гонимы (II Тим. III, 12)“. „Спасеніе ваше, гово-

1) *Patrologia orientalis* II, 473—477.

рить апостоль Коринѣянамъ, совершается перенесеніемъ тѣхъ же страданій, какія и мы терпимъ (II Коринѣ. I, 6)⁴.

Мысли, находящіяся въ Евангеліи и апостольскихъ посланіяхъ, развивались отцами церкви въ двухъ направленіяхъ. Доказывали и спасительность и обязательность мученичества. Въ Пастырѣ Эрмы, произведеніи, написанномъ около 130—150 г., гдѣ слово *μάστιγος* не употребляется еще въ смыслѣ мученичества, говорится о пострадавшихъ во имя Христова. Въ 9-й аллегоріи авторъ поясняетъ, что камни съ 11-й горы, употребленные для построенія башни (т. е. общества вѣрующихъ), это тѣ, которые умерли за Сына Божія. На вопросъ, почему деревья, растущія на этой горѣ, даютъ разные плоды, одни болѣе красивые, другіе менѣе, пастыръ отвѣчаетъ: Всѣ, пострадавшіе за имя, въ славѣ у Бога и со всѣхъ нихъ сняты грѣхи, потому что они пострадали за имя Сына Божія, разнообразны же плоды ихъ по слѣдующей причинѣ. Тѣ, которые приведены были къ властямъ и подвергшись испытанію не отреклись, а пострадали съ готовностью, тѣ въ большей славѣ у Господа, и плодъ ихъ превосходитъ другіе плоды; тѣхъ же, кто трусили, сомнѣвались и обсуждали въ сердцѣ своемъ отречься или исповѣдовать, но все же пострадали, плоды ничтожныѣе. Пострадавшимъ Господь даровалъ жизнь, иначе грѣхи такъ подавили бы ихъ, что они оказались бы мертвыми у Бога¹). Тутъ начертанъ уже идеалъ мученика, отличающагося мужествомъ и готовностью пострадать.

Въ Строматахъ Климентъ Александрійскій (въ 200—208 г.) развиваетъ теорію мученичества. Онъ говоритъ, что изъ любви къ Богу послѣдователь Христа жертвуетъ своимъ тѣломъ. Завершеніемъ (*τελευσιον*) мы называемъ мученичество не потому, что человекъ дошелъ до конца своей жизни, какъ остальные (умирающіе обыкновенною смертью), а потому что онъ проявилъ совершенное дѣло любви. Древніе эллины прославляютъ смерть людей, умершихъ на войнѣ, не потому что они совѣтуютъ умирать насильственной смертью, а потому что безобязанно умирающій на войнѣ освобождается отъ смерти (т. е. отъ дурной смерти), лишившись насильственно тѣла, но не захворавъ душой и

1) W. Hellmanns. Wertschätzung des Martyriums, p. II. Breslau 1912. G. Hoennicke. Das Judentum im ersten und zweiten Jahrhundert, p. 334. Berlin 1908.

не изнѣжившись, отчего страдаютъ люди во время болѣзни; ибо они освобождаются, желая жить; вслѣдствіе этого они не чистую душу освобождаютъ, но уносящую съ собой, какъ бы свинцовыя желанія; бываютъ же и такіе, которые и на войнѣ умираютъ съ желаніями, ничѣмъ не отличаясь отъ ослабѣвающихъ въ болѣзни. Итакъ, если исповѣданіе Бога есть мученичество, всякая душа, чисто прожившая съ познаніемъ Бога, послушная заповѣдямъ, есть свидѣтель (мученикъ) жизнью и словомъ (свидѣтельствуется дѣлами и словомъ), что освобождается отъ тѣла, проливая, какъ бы кровь, вѣру во всю жизнь и также при кончинѣ. Господь говоритъ въ Евангеліи: кто оставилъ бы отца, мать или дѣтей и т. д., ради Евангелія и имени Моего¹⁾, тотъ блаженъ, проявляя не простое мученичество, а гностическое (основанное на богопознаніи), какъ живущій по евангельскимъ предписаніямъ. Приведемъ цитату изъ пятой книги о государствѣ Платона, Климентъ продолжаетъ:

Нѣкоторые еретики говорятъ, что богопознаніе есть истинное свидѣтельство, съ чѣмъ и мы согласны, но они называютъ самоубійцей того, кто смертью исповѣдалъ Бога, и приводятъ другіе подобныя софизмы трусости. Въ самыхъ основахъ своихъ они отъ насъ отличаются. Мы также порицаемъ ищущихъ смерти; есть нѣкоторые не наши, имѣющіе съ нами только общее имя, которые спѣшатъ предать себя ненависти къ Творцу, и несчастные приговариваютъ себя къ смерти. Про нихъ мы говоримъ, что они выводятъ себя изъ жизни безъ мученичества (*ἀμαρτύρωσ*), хотя и наказываются государственной властью; ибо они не сохраняютъ характера вѣрнаго мученичества, не познавъ истиннаго Бога, а предавъ себя пустой смерти, какъ индійскіе гимнософисты суетному огню²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Климентъ Александрійскій, ссылаясь на Евангеліе, доказываетъ, что основа всякой добродѣтели — презрѣніе къ смерти, вытекающее изъ любви къ Богу. Блаженны, говоритъ Господь, изгнанные за правду, ибо

1) Марк. X. 29. Нѣтъ никого, кто оставилъ бы . . . отца или мать или жену или дѣтей или землю, ради Меня или Евангелія, и не получилъ бы въ нѣвѣ во время сіе среди говеній во стократъ болѣе домовъ . . . а въ вѣкѣ грядущемъ жизни вѣчной.

2) Strom. IV, 4 (ed. Stählin II 254—256). Гелльмансъ, написавшій диссертацию о взглядахъ отцовъ церкви на мученичество, не замѣтилъ этого мѣста.

они будутъ наречены сынами Божиими¹⁾. Блаженны вы, когда возненавидятъ васъ люди и отлучатъ и пронесутъ имя ваше, какъ безчестное, за Сына Человѣческаго²⁾. Далѣе Климентъ примѣняетъ къ мученичеству слѣдующіе евангельскіе тексты. „Сказываю же вамъ, всякаго кто исповѣдаетъ Меня предъ Человѣками, и Сынъ Человѣскій исповѣдаетъ предъ Ангелами Божиими, а кто отвергнется Меня предъ Человѣками, тотъ отверженъ будетъ предъ Ангелами“³⁾. Ибо кто постыдится Меня и Моихъ словъ въ родѣ семъ прелюбодѣиномъ и грѣшномъ, того постыдится и Сынъ Человѣскій, когда придетъ въ славу Отца Своего со Своими Ангелами⁴⁾. „Итакъ, всякаго, кто исповѣдаетъ Меня предъ людьми, того исповѣдую и я предъ Отцомъ Моимъ Небеснымъ⁵⁾. „Когда же приведутъ васъ въ синагоги, къ начальствамъ и властямъ, не заботьтесь, какъ или что отвѣчать, или что говорить, ибо Святыи Духъ научитъ васъ въ тотъ часъ, что должно говорить“⁶⁾. Толкуя эти тексты, гностикъ Ираклеонъ объяснялъ, что исповѣданіе Христа происходитъ двояко, въ жизни, т. е. въ дѣлахъ, и на словахъ. Исповѣданіе на словахъ, говорилъ Ираклеонъ, происходитъ предъ властями и большинство неправильно считаетъ это исповѣданіе единственнымъ, потому что такое исповѣданіе (признаніе) могутъ сдѣлать и лицемеры. Исповѣданіе на словахъ не общее, а только частное исповѣданіе. Общее исповѣданіе выражается въ дѣлахъ, такъ что важнѣе всего добрая жизнь. Климентъ Александрійскій возражаетъ Ираклеону. Хотя бы прежней жизнью Человѣкъ себя ничѣмъ не проявилъ, если онъ въ судахъ совершилъ словесное исповѣданіе и подъ пытками вплоть до смерти не отрекается, онъ обнаруживаетъ свою вѣру. Такое душевное расположеніе, не пугающееся даже смерти, погашаетъ грѣхи; ибо въ концѣ жизни это внезапное покаяніе и истинное исповѣданіе Христа, засвидѣтельствованное словеснымъ признаніемъ. Если

1) Матѣ. V, 9—10. Блаженны протворцы, ибо они будутъ наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо ихъ есть Царство Небесное.

2) Лук. VI, 22.

3) Лук. XII, 8—9.

4) Марк. VIII, 38.

5) Матѣ. X, 32.

6) Лук. XII, 11—12.

Духъ Отца свидѣтельствуеть въ насъ, откуда могутъ появиться лицемѣры, которые, по выраженію Ираклеона, свидѣлствуютъ только на словахъ. Одни, по слову апостольскому, знаютъ Бога, а дѣлами отрекаются, будучи гнусны и неспособны ни къ какому доброму дѣлу¹⁾. Другіе же хотя только на словахъ произносили исповѣданіе, все же сдѣлали одно доброе дѣло въ концѣ своей жизни. Итакъ мученичество все равно, что очищеніе отъ грѣховъ со славою. Господь первый выпилъ чашу за людей противъ него злоумышлявшихъ и за очищеніе невѣрныхъ. Подражая Ему апостолы, какъ истинные гностики и совершенные мужи, пострадали за церкви, которыя учредили. Слѣдовательно, идущіе по слѣдамъ апостоловъ гностики должны быть безгрѣшными и чрезъ любовь къ Богу должны любить ближняго, дабы, если потребуютъ обстоятельства, они испили чашу не соблазняясь и претерпѣвали страданія ради церкви. Тѣ же, кто словомъ свидѣлствуютъ въ судѣ, окрыляемые ли надеждой или съ отпечаткомъ страха на лицѣ, лучше тѣхъ, кто только устами исповѣдуютъ спасеніе. Если же кто превзойдетъ любовь, это въ дѣйствительности блаженный и истинный мученикъ, въ совершенствѣ исповѣдавшій и всецѣло предавшій себя заповѣдямъ и Богу чрезъ Христа, котораго позналъ, полюбивъ ближняго.

Вслѣдъ за тѣмъ Климентъ Александрійскій разясняетъ слова Спасителя: Когда же будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой (Матѣ. X, 23). Христосъ не увѣщаетъ бѣжать отъ гоненій, какъ отъ зла, и не повелѣваетъ бѣгствомъ отклонять смерть людямъ ея боящимся. Онъ желаетъ, чтобы мы ни для кого не были виновниками или соучастниками зла и не становились пособниками людей, преслѣдующихъ и убивающихъ христіанъ.

Если убивающій челоѣка Божія грѣшитъ противъ Бога и приводящій самого себя въ судъ становится соучастникомъ убійцы, таковымъ дѣлается и тотъ, кто не скрывается отъ гоненія, но даетъ себя схватить по своей дерзости. Такой челоѣкъ становится относительно самого себя сотрудникомъ злобѣ гонителя; если же онъ будетъ разжигать гоненіе, то вполне станетъ виновникомъ злобы, вызывая звѣря; когда самъ дастъ

1) Твт. I, 16.

онъ поводъ къ сраженію, къ вреду, враждѣ или наказанію, онъ становится источникомъ гоненія. Поэтому намъ приказано не при-держиваться никакихъ мірскихъ благъ и отнимающему верхнюю одежду отдать и хитовъ не для того только, чтобы мы пребывали безстрастными, но чтобы мы, не соревнуя съ осуждаемыми, не свирѣпѣли противъ самихъ себя и чрезъ себя не возбуждали богохульства имени¹⁾. Въ другомъ мѣстѣ Климентъ Александрійскій примѣняетъ къ мученикамъ слѣдующій текстъ изъ книги премудрости Соломона: въ глазахъ неразумныхъ они казались умершими и исходъ ихъ считался погибелю и отшествіемъ отъ насъ уничтоженіемъ, но они пребываютъ въ мирѣ, ибо хотя они въ глазахъ людей наказываются, но надежда ихъ полна безсмертія (III, 2—4). Далѣе мудрость Божія, по мнѣнію Климента, учитъ, что славное мученичество — очищеніе (т. е. отъ грѣховъ). „И немного наказанные они будутъ много облагодѣтельствованы, потому что Богъ испыталъ ихъ (Прем. Солом. III, 5)“, т. е. онъ допустилъ ихъ испытаніе для испытанія и посрамленія испытующаго „и напелъ ихъ достойными Его (III, 5)“, т. е. называться сынами. „Онъ испыталъ ихъ, какъ золото въ горнилѣ, и принялъ ихъ, какъ жертву всесовершенную; во время воздаянія имъ они возсіяютъ какъ искры, бѣгущія по стеблю. Будутъ судить племена и владычествовать надъ народами, а надъ вами будетъ Господь царствовать во вѣки (III, 6—8)“²⁾.

Такъ началъ соиздаться идеаль мученика. Кто стремится къ евангельскому совершенству, долженъ жертвовать собой, своей жизнью. Онъ обязанъ исповѣдовать Бога передъ языческимъ міромъ и никоимъ образомъ не отречься отъ Христа, какимъ бы пыткамъ его не подвергали. Мученикъ осуществляетъ предписанія Евангелія. Страданіями своими онъ доказываетъ любовь къ Богу и ближнему. Но выпрашивать самому на пытку не слѣдуетъ. Это равносильно самоубійству. Пусть власть разыскиваетъ христіанъ, которыхъ она считаетъ преступниками; не надо помогать имъ въ зломъ дѣлѣ. Взглядъ Климента Александрійскаго раздѣляли авторы Смирнскаго посланія о Поликарпѣ. Сообщивъ, что вѣкій Фригіецъ Квинтъ добровольно пришелъ

1) Strom. IV, 9—10 (II 279—282).

2) Strom. IV, 16 (II, 294).

изъ Фригіи, но увидѣвъ дикихъ звѣрей испугался и отрекся отъ христіанства, оны прибавляютъ: поэтому, братья, мы не хвалимъ тѣхъ, кто сами на себя доносятъ, ибо не такъ учить Евангеліе. Совершенный христіанинъ обязанъ былъ претерпѣвать всевозможныя муки, когда его къ тому принуждали обстоятельства.

Въ срединѣ III-го вѣка, когда дѣйствовали ученѣйшіи и вліятельнѣйшіи учителя того времени Оригенъ, вопросъ о личномъ спасеніи мучениковъ и о ихъ необходимости для христіанства не подвергался сомнѣнію. Ипполитъ Римскій (умершій вскорѣ послѣ 237 г.) доказываетъ, что человѣку выгоднѣе отойти со славою въ мученичской кончинѣ, чѣмъ быть освобожденнымъ отъ страданій и остаться въ живыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ оказаться большимъ грѣшникомъ, мученикъ же покидаетъ этотъ міръ чистымъ съ вѣнцомъ небеснымъ. Поэтому привлекаемый къ суду ради имени Христа долженъ молить Бога, чтобы дано ему было отойти мученикомъ; ибо мученикъ не будетъ судимъ, а будетъ судить (*οὐδὲ κρίνεται ἀλλὰ κρίνει*), получивъ свой удѣлъ въ первомъ воскресеніи. Когда кто-нибудь изъ вѣрующихъ призывается къ мученичеству, всѣ этому удивляются, многіе приобрѣтаютъ вѣру и въ свою очередь становятся мучениками Божиими. Такъ и мы, увѣровавъ въ Бога, проявимъ себя достойными Его, чтобы и намъ, пріявъ вѣнецъ вѣтлѣнный, вмѣстѣ съ блаженными мучениками воспѣвать Бога¹⁾. Ипполитъ разрѣшаетъ и слѣдующій вопросъ: почему Богъ не всегда спасаетъ мучениковъ, хотя можетъ это сдѣлать? Развѣ Богъ не могъ погубить царя Антіоха и освободить семь юношей Маккавеевъ (о которыхъ повѣствуется во 2-й книгѣ Маккавейской)? Конечно могъ. Но если бы Онъ всѣхъ спасъ, кто сталъ бы тогда мученикомъ? Богъ допустилъ, что іудеи побили Стефана камнями. И какъ бы ты сдѣлался теперь мученикомъ, если бы не было тѣхъ мучениковъ? Развѣ Богъ не могъ спасти Сына своего? Конечно могъ. Но Онъ допустилъ Его страданія, чтобы мы ожили Его крестной смертью²⁾. Слѣдовательно, для блага рода человѣческаго по волѣ Божіей нужны страданія мучениковъ.

Въ такъ называемой Сирійской Дидакалии, время составле-

1) Hippol. (ed. Bonwetsch) I, 112, 116.

2) Ibid. I, 110—112.

нія которой не можетъ быть опредѣлено вполне точно и которая относится по всей вѣроятности ко второй половинѣ III вѣка, говорится (въ гл. 19) слѣдующее: Кто осужденъ за имя Господа Бога, тотъ долженъ считаться нами святымъ мученикомъ, ангеломъ Божиимъ и облеченнымъ Святымъ Духомъ Божиимъ. Если христіанинъ преслѣдуется за вѣру, претерпѣваетъ мученія и умерщвляется, то таковой есть человѣкъ Божій⁴. Въ слѣдующей (20-й) главѣ Дидакаліи указано на то, что мученикъ смертью своей очищается отъ грѣховъ: „Блаженны мученики и чисты отъ всѣхъ прегрѣшеній. Всякому, кто вѣруетъ и крестится, остаются его прежніе грѣхи. Послѣ крещенія онъ снова впадаетъ въ грѣхъ. Кто оставляетъ міръ въ мученичествѣ за имя Господа, тотъ блаженъ; именно братьямъ, оставляющимъ этотъ міръ въ мученичествѣ, покрываются ихъ грѣхи“. Для распространенія христіанства нуженъ примѣръ мучениковъ. „Если мы призваны къ мученичеству, говорится въ Дидакаліи, „мы должны исповѣдывать, если насъ спрашиваютъ, терпѣть, если мы страдаемъ, радоваться, если насъ будутъ притѣснять, не жаловаться, если будутъ преслѣдовать; ибо поступая такъ, мы не только самихъ себя спасаемъ отъ ада, но и новообращенныхъ и оглашенныхъ научаемъ дѣлать то же самое, и они будутъ спасены передъ Господомъ. Но если мы ослабѣваемъ въ вѣрѣ въ Господа и отвергаемъ Его по тѣлесной слабости, мы не только потеряемъ свою душу, но также губимъ вмѣстѣ съ нами и нашихъ братьевъ. Если они видятъ отрекающихся, то они могутъ подумать, что были научены ложному ученію, и если они этимъ соблазняются, то мы должны будемъ какъ за нихъ, такъ и за самихъ себя дать отчетъ Господу въ день суда. Господь добровольно предалъ Себя страданіямъ, чтобы искупить насъ, мы же, Его ученики, должны быть Его соперниками. Если Онъ ради насъ перенесъ и претерпѣлъ все, тѣмъ болѣе должны претерпѣть мы ради Него“⁴). Слѣдовательно мученикъ долженъ соответствовать идеалу, начертанному въ Евангеліи.

4) П. Прокошевъ. Дидакалія, стр. 127, 131—132, 140. Томскъ 1913. Въ своемъ изслѣдованіи проф. Прокошевъ доказываетъ, что Дидакалія относится къ первой, а не ко второй половинѣ III вѣка. По его словамъ „отдѣлъ о мученичествѣ, предполагающій покойное состояніе христіанской церкви, отсылаетъ къ правленію Александра Севера (222—234 г.).“ Что Дидакалія была написана, 292

Климентъ Александрійскій говорилъ о мученичествѣ между прочимъ въ своемъ обширномъ богословскомъ трактатѣ. Черезъ полвѣка послѣ него (въ 285 г.) Оригенъ посвятилъ этому вопросу специальное сочиненіе, которое смѣло можно назвать апофеозомъ мученика¹⁾. Человѣкъ, пострадавшій за вѣру, поставленъ на необыкновенную высоту и подвигъ его приобретаетъ вселенскій характеръ. Идеаль мученика нарисованъ вышуклыми яркими чертами. Мученичество вытекаетъ изъ обязанности жить по христіански, т. е. по Евангелію. Слѣдуетъ знать, говоритъ Оригенъ, что такъ называемые завѣты²⁾ Божіи мы привяли на основаніи договора, который заключили съ нимъ, принявъ на себя обязанность жить по христіански, и въ договорѣ нашемъ съ Богомъ заключена вся жизнь по Евангелію. Сказано: если кто хочетъ идти за Мною, отвергнись себя и возьми крестъ свой и

хотя и въ эпоху гоненій, во въ моментъ затишья, во время спокойное отъ преслѣдованій христіанъ, выводится изъ слѣдующихъ соображеній: 1) авторъ говоритъ не столько о самыхъ страданіяхъ мучениковъ, сколько объ обязанностяхъ къ нимъ христіанъ свободныхъ отъ преслѣдованія; 2) что онъ нигдѣ не выражаетъ ни жалобы, ни негодованія, противъ порядковъ языческаго судопроизводства, противъ ослѣпленныхъ языческихъ судей, осуждающихъ на смерть христіанъ, ни въ чемъ неповинныхъ и, быть можетъ, даже лучшихъ гражданъ, напротивъ отосится съ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ къ правовому порядку римскаго государства, и хотя запрещаетъ христіанамъ обращаться въ язычскіе суды, но не скрываетъ своего удивленія тщательности разслѣдованія преступленія и добросовѣстности приговора судебныхъ органовъ; 3) нигдѣ не говоритъ и о страданіяхъ, переживаемыхъ семьей осужденнаго на смерть, что было бы вполне естественно и даже неизбежно, если бы авторъ писалъ въ самый моментъ гоненія. Соображенія эти очевидно основаны на рассказахъ о мученикахъ; предполагаются всеобщія гоненія по всей римской имперіи и звѣрокіе суды. Въ дѣйствительности же такихъ всеобщихъ гоненій совсѣмъ не было, и преслѣдованія исходили отъ черевчуръ ревностныхъ администраторовъ, въ чемъ судопроизводство не было повинно. При томъ авторъ Дидакаліи указываетъ на основательное разслѣдованіе, производившееся по дѣламъ объ убійцахъ, а не по обвиненіямъ въ христіанствѣ. Третій доводъ проф. Прокошева не соответствуетъ духу времени. Если бы авторъ Дидакаліи считъ нужнымъ сказать что-нибудь о семействахъ мучениковъ, онъ скорѣ всего приписалъ бы имъ чувства радости по случаю полученія вѣтлѣннаго вѣнца близкимъ человѣкомъ. Только съ однимъ выводомъ проф. Прокошева можно согласиться: „изъ отдѣла о мученичествѣ съ полной очевидностію слѣдуетъ, что авторъ жилъ въ эпоху гоненій, когда отъ христіанина требовалась постоянная готовность публично засвидѣтельствовать свою вѣру и принять смерть за Божественное имя.“ Но это могло быть одинаково и въ первой и во второй половинѣ III вѣка. П. Прокошевъ. *Didascalia apostolorum*, стр. 185—188.

1) Origen. (ed. Koetschau) I, 3—47.

2) Галат. IV, 24. Это два завѣта.

слѣдуй за Мною, ибо кто хочетъ душу свою сберечь, тотъ потеряетъ ее, а кто потеряетъ душу свою ради Меня, тотъ спасетъ (σώσει)¹⁾ ее, (Мате. XVI, 24—25). И дальше говорится: какая польза человѣку, если онъ пріобрѣтетъ весь міръ, а душу свою повредитъ? или какой выкупъ (ἀντάλλαγμα) дать человѣку за душу свою? ибо пріидетъ Сынъ человѣческій во славу Отца Своего съ ангелами Своими и тогда воздастъ каждому по дѣламъ его (Мате. XVI, 26—27). Что нужно отречься отъ себя, взять крестъ свой и слѣдовать за Иисусомъ подтверждается евангелистами Лукой (IX, 23—25) и Маркомъ (VIII, 34—37). Мы должны отречься отъ себя и сказать: уже не я живу. Если мы, взявъ крестъ, послѣдуемъ за Христомъ, то обнаружится, что въ насъ живетъ Христосъ²⁾ (гл. 12). Поэтому, если мы желаемъ спасти свою душу, мы должны предварительно потерять ее въ мученичествѣ; тогда возродится она въ мученичествѣ; ибо если потеряемъ ее ради Христа, возложивъ ее на Него въ смерти ради Него, мы дадимъ ей истинное спасеніе (гл. 12). Обязательство жить по Евангелію выражалось въ дѣйствительной жизни времени Оригена въ необходимости сопротивляться римской власти, если она потребуетъ поклоненія языческимъ богамъ и клятвы геніемъ императора. Если, говоритъ Оригенъ, всякое лукавое слово мерзость передъ Господомъ, какою же мерзостью должно считать лукавое слово отреченія (отъ христіанской вѣры) и лукавое слово провозглашенія другого Бога и лукавое слово клятвы счастьемъ (геніемъ) людей. Нужно помнить слово Учителя: не клянись вовсе (Мате. V, 34). Если нельзя клясться небомъ и землей, то очевидно величайшій грѣхъ клясться геніемъ человѣка. Не надо забывать и слѣдующихъ словъ: за всякое праздное слово, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда (Мате. XII, 36). Какое же другое праздное слово здѣсь разумѣется, если не клятва отреченія (гл. 7)? Это наименьшее требованіе. Всякій послѣдователь Христа обязанъ не отречься отъ Него, признавать Его. Но въ чемъ же заключается полное исповѣданіе, спрашиваетъ Оригенъ и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такъ: если во время испытанія мы не дадимъ въ нашихъ серд-

1) Въ нашемъ текстѣ: εὐρήσει, обрѣтетъ.

2) Галат. II, 20 и уже не я живу, но живетъ во мнѣ Христосъ.

цахъ мѣста діаволу, желающему запятнать насъ отреченіемъ отъ истинной вѣры и склонить насъ противъ мученичества и совершенства, если мы не запятнаемъ себя словомъ чуждымъ исповѣданію, если перенесемъ со стороны враговъ брань, глумленіе, злословіе, жалость, когда они представляются, будто они жалѣютъ насъ, какъ заблуждающихся и глупцовъ, если насъ не захватитъ любовь къ дѣтямъ или къ матери, или къ тому, что считается на землѣ самымъ дорогимъ, къ имуществу, наконецъ желаніе жить, если мы отстранимъ все это и всецѣло отдадимся Богу и жизни съ Нимъ и у Него, какъ приобщившіеся Единородному Сыну Его и причастникамъ Его¹⁾, тогда мы можемъ сказать, что наполнили мѣру исповѣданія (гл. 11). Такимъ образомъ предварительная ступень, съ которой только и можно перейти къ мученичеству, заключаетъ въ себѣ полное отреченіе отъ всѣхъ личныхъ привязанностей, отъ мірскихъ удовольствій, даже отъ всякихъ человѣческихъ потребностей.

Оригенъ сознаетъ, что мученичество не доступно толпѣ, а только исключительнымъ личностямъ. За благочестіе борется (говоря словами ап. Петра) только „родъ избранный, царственное священство, народъ святой (I Петр. II, 9)“. Они доказываютъ, что рѣшили умереть за благочестіе, предпочитая умереть за благочестіе, чѣмъ жить въ нечестіи. Жалающіе принадлежать къ избранному роду должны слушаться Бога, когда злоумышляютъ противъ Него подъ предлогомъ многобожія въ дѣйствительности безбожники. Богъ говоритъ: да не будетъ у тебя другихъ боговъ, кромѣ Меня (Исх. XX, 3), имени другихъ боговъ не упоминайте въ сердцахъ вашихъ, да не слышится оно изъ устъ вашихъ (Исх. XXIII, 13), ибо „сердцемъ вѣруютъ къ праведности, а устами исповѣдуютъ ко спасенію (Рим. X, 10)“. Лучше устами чтить Христа, имѣющему сердце далеко отстоящимъ отъ Бога, чѣмъ сердцемъ чтить его, устами не исповѣдуя во спасеніе. Своеобразно передѣлывая евангельскія слова, Оригенъ хочетъ сказать, что недостаточно поклоняться Богу въ сердцѣ своемъ, надо еще публично заявлять о своемъ исповѣданіи христіанской вѣры. Это ведетъ ко спасенію. Аврааму, говоритъ Оригенъ,

1) Евр. III, 14, ибо мы сдѣлались причастниками Христу, если только начатую жнать твердо сохранимъ до конца.

было нѣкогда сказано: поиди изъ земли твоей (Быт. XII, 1), а намъ скоро будетъ сказано: уйдите со всей земли. Повиноваться такому приказанію прекрасно, чтобы поскорѣе открылись намъ небеса, гдѣ находится такъ называемое царство небесное (гл. 5). Повѣстно, что мучениками могутъ дѣлаться только избранные. По словамъ Оригена, мученичество предвозвѣщается Спасителемъ не въ рѣчахъ, обращенныхъ къ толпѣ, а въ рѣчахъ, обращенныхъ къ апостоламъ. Избравъ 12 апостоловъ, Христосъ вслѣдъ затѣмъ сказалъ имъ: будутъ отдавать васъ въ судилища и поведутъ васъ къ правителямъ и т. д. (вышеприведенныя нами слова Мате. X, 17). Внимать этимъ словамъ слѣдуетъ и намъ, и тѣмъ, кто ихъ услышатъ, будутъ братьями слышавшихъ эти слова апостоловъ и будутъ сопричтены къ апостоламъ. Слова эти слѣдующія: „не бойтесь убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убить, а бойтесь болѣе Того, кто можетъ и душу и тѣло погубить въ гееннѣ (Мате. X, 28)“. Затѣмъ Господь учитъ, что не безъ Провидѣнія вступаетъ кто-нибудь въ мученическую борьбу, ибо говоритъ: Не двѣ ли малыя птицы продаются за ассарій. И не одна изъ нихъ не упадетъ на землю безъ воли Отца¹ вашего (Мате. X, 29). Не рабамъ Іисуса, а друзьямъ Его (говорю же вамъ, друзьямъ моимъ) дается слѣдующая заповѣдь: не бойтесь убивающихъ тѣло, и потомъ не могущихъ ничего болѣе сдѣлать (Лук. XII, 4). Надо бояться Того, кто можетъ душу и тѣло погубить въ гееннѣ (гл. 84). Къ мученичеству предъявляются очень высокія требованія. Кто рѣшается на мученичество, долженъ покинуть дѣтей и поля и дома (гл. 14). Имѣющимъ вступить въ борьбу и призваннымъ стать мучениками готовится великое зрѣлище. Мученики могутъ сказать не менѣе, чѣмъ ап. Павелъ: мы сдѣлались зрѣлищемъ для міра, для ангеловъ и челоуѣковъ (I Коринт. IV, 9). И такъ весь міръ и всѣ ангелы правые и лѣвые и всѣ люди, и относящіяся къ части Божіей¹) и остальные услышатъ, какъ мы будемъ вести борьбу за христіанство, и ангелы на небесахъ будутъ радоваться намъ и „рѣвки будутъ рукоплескать и горы ликовать (Псал. 97, 8)“. Ничего нѣтъ желѣпаго въ томъ, чтобы примѣнить написанное

1) Второзак. XXXII, 9, ибо часть Господа — народъ его. Колос. I, 12, благодаря Бога, призвавшаго насъ къ участию въ наслѣдіи святыхъ.

Исаіей объ адѣ павшимъ съ высоты небеснаго мученичества, дабы мы пугались нечестія отреченія. По моему мнѣнію, говоритъ Оригенъ, отрекающемуся можно сказать слѣдующее: адъ преисподній пришелъ въ движеніе встрѣчая тебя, пробудилъ для тебя рефаймовъ (гигантовъ), всѣхъ вождей земли, подъялъ всѣхъ царей языческихъ съ престоловъ ихъ, всѣ они будутъ говорить Тебѣ (Ис. XIV, 9). Что же будутъ говорить побѣжденные силы побѣжденнымъ людямъ и плѣнныя діаволомъ плѣннымъ въ отреченіи? Конечно слѣдующее: и ты сдѣлался безсильнымъ, какъ мы, и ты сталъ подобенъ намъ! Если же кто часто блисталъ въ церквахъ, какъ десница, блистая своими добрыми дѣлами предъ людьми, и затѣмъ вступивъ въ великую борьбу потерялъ вѣнецъ столь высокаго престола, услышитъ: какъ упалъ ты съ неба, денница, сынъ зари, разбился о землю! (Ис. XIV, 12). И еще будетъ сказано ему, уподобившемуся діаволу чрезъ свое отреченіе: ты брошенъ въ горахъ, какъ мертвый отвратительный со многими убитыми мечами сошедшими въ адъ, и какъ одежда обогрѣнная кровью не будетъ чистой, такъ и ты не будешь чистымъ (Ис. XIV, 19—20). Дѣйствительно, какимъ образомъ можетъ очиститься отъ крови и отвратительнаго убійства запятнавшій себя грѣхомъ отреченія и пропитанный такимъ зломъ? (гл. 18).

Мученичество — величайшая жертва, приносимая Богу. Святой (т. е. членъ христіанской общины), говоритъ Оригенъ, будучи ревностнымъ и желая воздать Богу за всѣ полученныя отъ Него благодѣянія, что можетъ сдѣлать Господу за все отъ Него полученное? Онъ не находитъ ничего другого, равноцѣвнаго полученнымъ благодѣяніямъ, что могло бы быть воздано Богу человекомъ, кромѣ мученическаго конца. Ибо въ 115-мъ псалмѣ сказано: что воздамъ за всѣ благодѣянія Его ко мнѣ? На этотъ вопросъ имѣется отвѣтъ въ томъ же псалмѣ: чашу спасенія приму и имя Господне призову. Чаша спасенія это мученичество. Кромѣ того мы знаемъ, что будетъ сидѣть вмѣстѣ, царствовать вмѣстѣ и судить вмѣстѣ съ царемъ царствующихъ піюцій ту чашу, которую пилъ Исусъ, т. е. чашу спасенія. Принимающій ее призоветъ имя Господне, „всякій же, кто призоветъ имя Господне, спасется“ ¹⁾ (гл. 28).

1) Рим. X, 13.

Мученичество второе крещеніе. Прощенія грѣховъ нельзя получить безъ крещенія, но по евангельскимъ предписаніямъ нельзя креститься вновь водою и Духомъ для прощенія грѣховъ¹⁾, поэтому дано намъ крещеніе мученичества. Такъ называется оно, что ясно изъ слѣдующихъ словъ: можете ли пить чашу, которую Я пью и креститься крещеніемъ, которымъ Я крещусь (Марк. X, 38)? И въ другомъ мѣстѣ говорится: крещеніемъ долженъ Я креститься, и какъ Я томлюсь, пока сіе совершится (Лук. XII, 50). Какъ служащіе жертвеннику по закону Моисея думали давать отпущеніе грѣховъ кровью козловъ и воловъ, такъ и „души обезглавленныхъ за свидѣтельство Іисуса (Апок. XX, 4)“, не напрасно предстоя жертвеннику на небесахъ, служатъ молящимся отпущеніемъ грѣховъ. Мы знаемъ и слѣдующее: какъ первосвященникъ Іисусъ Христосъ принесъ себя въ жертву, такъ и священники, которыхъ онъ первосвященникъ, приносятъ себя въ жертву, ради которой они какъ въ своемъ мѣстѣ видимы у жертвенника; но изъ священниковъ одни незапятнанные и, принося незапятнанныя жертвы, служили божеству, другіе же оскверненные недостатками, которыхъ описалъ Моисей въ книгѣ Левитъ (XXI, 17—25), были изгнаны съ жертвенника. Кто же незапятанный священникъ, незапятнанное священство приносящій, какъ не овладѣвшій исповѣданіемъ и наполнившій всю мѣру, какую требуетъ мученичество (гл. 30)²⁾.

Обезглавленный ради Христа становится незапятнаннымъ служителемъ, потому что ему прощены всѣ грѣхи. Оригенъ разъясняетъ это въ толкованіяхъ на книгу Судей и на Евангеліе отъ Маттея. Мученики омываются въ своей крови. Только крещеніе кровью дѣлаетъ насъ чище, чѣмъ сдѣлало это крещеніе водою (*baptisma enim sanguinis solum est quod nos puriores reddat, quam aquae baptismus reddidit*). Очищеніе отъ грѣховъ, достигнутое крещеніемъ кровью, не можетъ уже быть утрачено. Въ крещеніи водою отпускаются грѣхи, крещеніе кровью исключаетъ

1) Дѣян. Апост. II, 38. Петръ же сказалъ имъ: покайтесь и да крестится каждый изъ васъ для прощенія грѣховъ.

2) Евр. IX, 13—14. Если кровь тельцовъ и козловъ и пепелъ теляцы чрезъ окропленіе освящаетъ оскверненныхъ, дабы чисто было тѣло, то кольми паче кровь Христова, который припасъ Себя непорочнаго Богу, очиститъ совѣсть нашу отъ мертвыхъ дѣлъ.

возможность грѣха. Если, говоритъ Оригенъ, Богъ даруетъ мнѣ омыться въ собственной крови и смертью за Христа получить второе крещеніе, я ушелъ бы изъ этого міра съ полной увѣренностью; квязь міра сего не нашелъ бы въ душѣ моей ничего грѣховнаго и не рѣшился бы обвинить въ какомъ-нибудь преступленіи душу, омытую въ своей крови, прославленную своей смертью. Отпущеніе грѣховъ, говоритъ Оригенъ, получаетъ и тотъ, кто переноситъ крещеніе мученичества; мученичество вполнѣ справедливо можно назвать крещеніемъ, то же, что мученику отпускаются грѣхи, ясно изъ слѣдующихъ словъ Спасителя: всякаго, кто исповѣдаетъ Меня предъ людьми, того исповѣдую и Я предъ Отцомъ Моимъ Небеснымъ (Матѣ. X, 32). Изъ этого мѣста слѣдуетъ, что всякаго мученика, каковы бы не были его грѣхи до мученичества, Спаситель исповѣдуетъ передъ Отцомъ, и это исповѣданіе служитъ залогомъ полного очищенія отъ всѣхъ грѣховъ¹⁾. Особенно ярко выражена заслуга мученика въ концѣ сочиненія о мученичествѣ. Сказанное объ Авелѣ, убитомъ челоуѣкоубійцей и беззаконнымъ Каиномъ, подходитъ ко всѣмъ, кровь которыхъ беззаконно проливалась; слова „голосъ крови брата твоего вопіеть ко Мнѣ отъ земли (Быт. IV, 10)“ могутъ быть сказаны о каждомъ изъ мучениковъ, голосъ крови которыхъ вопіеть къ Богу отъ земли. Какъ искуплены мы драгоцѣнною кровью Иисуса, принявшаго „имя выше всякаго имени (Филип. II, 9)“, такъ нѣкоторые искуплены будутъ драгоцѣнною кровью мучениковъ, которые возвышены будутъ выше, чѣмъ ставшіе праведниками, но не претерпѣвшіе мученичества. Есть основаніе называть мученическую смерть возвышеніемъ, такъ какъ это ясно изъ слѣдующихъ словъ: когда Я вознесенъ буду отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ (Іоан. XII, 32). Прославимъ и мы, возвысивъ своей смертью Бога (*ὁψώσαντες τῷ θεῷ τὴν δαμάτω τὸν θεόν*), такъ какъ мученикъ своею смертью прославитъ Бога, что мы узнали отъ Іоанна говорящаго: сказалъ же это, давая разумѣть, какою смертью Петръ прославитъ Бога (гл. 50)²⁾.

Высокому подвигу мученика соотвѣтствуетъ и награда. Петръ

1) W. Hellm а n l s. Wertschätzung des Martyriums, p. 16—17. Евангелская цитата Marc. 10, 32 по ошибкѣ вмѣсто Matth. 10, 32.

2) Іоан. XXI, 19.

сказалъ Христу: вотъ, мы оставили все и послѣдовали за Тобою, что же будетъ намъ? Спаситель отвѣтилъ: истинно говорю вамъ, что вы, послѣдовавшіе за Мною, въ пакибытіи, когда сядетъ Сынъ Человѣческій на престолѣ славы Своей, сядете и вы на двѣнадцати престолахъ, судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ; и всякій, кто оставитъ дома или братьевъ, или сестеръ, или отца, или мать, или жену, или дѣтей, или земли, ради имени Моего, получитъ во стократъ и наслѣдуетъ жизнь вѣчную (Матѣ. XIX, 27—29). Кромѣ этого воздаянія мученикамъ предназначена самая блаженная участь. Если вы вѣрите, говоритъ Оригенъ, что Павелъ восхищенъ былъ до третьяго неба и восхищенъ былъ въ рай и слышалъ неизреченныя слова, которыя человѣку нельзя пересказать¹⁾, то мученики послѣ своей смерти познаютъ еще большее и болѣе великое и познавъ это не сойдутъ вновь на землю. Кто подыавъ крестъ послѣдуетъ за Іисусомъ, „имѣя Его первосвященникомъ великимъ, прошедшимъ небеса (Евр. IV, 14)“, тотъ не отставая отъ него пройдетъ небеса и возвысится не только надъ землею и тайнами земли, но и надъ небомъ и тайнами неба; ибо въ Богѣ собраны еще болѣе великія видѣнія, которыя не въ состояніи вмѣстить никогда природа, находящаяся въ тѣлѣ, прежде чѣмъ она не освободится отъ всякаго тѣла. Я убѣжденъ, что тѣмъ, кто увидѣлъ солнце, луну, и хоръ свѣтилъ, а также ангеловъ святыхъ, которыми Богъ сотворилъ духовъ и пламенѣющій огонь (Евр. I, 7), Богъ готовитъ раскрыть еще больше, когда „вся тварь освобождена будетъ отъ рабства врага²⁾ въ свободу славы дѣтей Божіихъ“ (гл. 13). Въ толкованіи на книгу Судей Оригенъ говоритъ: души мучениковъ, пребывая подъ небеснымъ жертвенникомъ³⁾, говорятъ, денно и ночью вопіютъ: до какихъ поръ Ты, Господи, который справедливъ и правдивъ, не отомстишь за кровь нашу тѣмъ, кто обитаетъ землю? Ибо пребывая тамъ, они служатъ при божественныхъ жертвоприношеніяхъ. Блаженны тѣ, кто это заслужили. Блаженъ тотъ,

1) II Коринѣ. XII, 2. Знаю человѣка, который восхищенъ былъ до третьяго неба, что онъ восхищенъ былъ въ рай и слышалъ неизреченныя слова, которыя человѣку нельзя пересказать.

2) Рим. VIII, 21. Въ нашемъ текстѣ: отъ рабства тѣлѣнью.

3) Апок. VI, 9. Я увидѣлъ подъ жертвенникомъ души убитыхъ за слово Божіе.

кому поднимаясь на небо ангелы говорятъ пророческое слово: кто это поднимается отъ Восора (Ис. 63, 1), т. е. кто во плоти поднимается на небо? Блаженны души, слѣдующія такъ за Христомъ, и такъ какъ онѣ такъ слѣдуютъ, онѣ достигаютъ самаго жертвенника Божія, гдѣ находится самъ Господь Іисусъ Христосъ первосвященникъ¹⁾.

Дальше идти некуда въ возвеличеніи мучениковъ. Они не обыкновенные смертные. Они люди, стоящіе неизмѣримо выше толпы; и вслѣдствіе своей неизмѣримости перестаютъ быть людьми, какъ только приходитъ послѣдняя минута. Тогда наступаетъ совершенство, и человѣкъ, уже раньше отрекшійся отъ всего земного, отъ плотскихъ страстей и человѣческихъ желаній, поднимается на небо. Мученикъ одинъ изъ немногихъ избранныхъ, равноапостольный, ставшій безгрѣшнымъ, святымъ. Вмѣстѣ съ херувимами и серафимами стоитъ онъ у престола Всевышняго; ему дана власть не земная, онъ приметъ участіе въ судѣ надъ живыми и мертвыми. Такой славы не можетъ удостоиться всякій человѣкъ; для этого надо сдѣлаться избраннымъ сосудомъ Божиимъ.

Обращаясь къ дѣйствительности Оригенъ видитъ, что жизнь, которую онъ наблюдаетъ, совершенно не соотвѣтствуетъ построенному имъ идеалу. Онъ это прямо признаетъ и для того, чтобы найти нѣчто похожее на свое небесное зданіе, на сонмъ мучениковъ, служащихъ у заоблачнаго престола, надо уйти въ далекое прошлое или мечтать о будущемъ. Израилю дано было разводное письмо, и исчезли пророки, знаменія, явленіе Бога. При концѣ этого міра, говоритъ Оригенъ, съ нами можетъ случиться еще хуже, это ясно изъ словъ, сказанныхъ Спасителемъ: по причинѣ умноженія беззаконія, во многихъ охладѣетъ любовь, претерпѣвшій же до конца спасется (Матѣ. XXIV, 13—14). Имѣющій прійти (т. е. антихристъ) дастъ знаменія и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ (Матѣ. XXIV, 24). Это случится съ нами, такъ что Спаситель говоритъ о своемъ пришествіи, что въ столь многихъ церквахъ онъ можетъ быть не найдетъ вѣрнаго. „Но Сынъ Человѣческой пришедъ найдетъ ли вѣру на землѣ?“ (Лук. XVIII, 8). И дѣйствительно, если мы

1) Hellmanns, p. 47.

разсудимъ дѣло по правдѣ, а не по мнѣнію толпы (*ἀληθεία καὶ μὴ ὄχλος*), и разсудимъ дѣло по собственному свободному соображенію, а не по взгляду многихъ собравшихся, мы увидимъ, что теперь мы не вѣрны. Тогда были вѣрны, когда происходили настоящія мученичества, когда проводивъ на кладбищахъ мучениковъ шли мы въ синагоги и вся церковь не находилась въ скорби и оглашенные поучались на мученичествѣ и на смерти исповѣдовавшихъ правду до смерти, не страшась и не смущаясь, обращаясь къ Богу живому. Тогда знали мы и людей, видѣвшихъ знаменія поразительныя и чудесныя. Тогда было немного вѣрныхъ, но дѣйствительно вѣрныхъ, шедшихъ по узкому и тѣсному пути, ведущему въ жизнь (Матѣ. VII, 14). Теперь же, когда насъ стало много, а много избранныхъ не можетъ быть (много званыхъ, но мало избранныхъ, говоритъ Иисусъ), изъ толпы посвятившихъ себя благочестію чрезвычайно мало достигшихъ избранія Божія и блаженства¹⁾. Значитъ золотой вѣкъ христіанской общины отошелъ уже въ область преданія, и о немъ можно вспоминать только въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, не называя никакихъ именъ. Когда же это было, когда избранные мученики проливали кровь для спасенія рода человѣческаго? Для нѣкотораго искупленія народа (*ad expiandum pro parte aliqua populum*) проливалась кровь святыхъ и праведниковъ отъ крови праведнаго Авеля до крови пророка Захаріи, убитаго между храмомъ и жертвенникомъ²⁾. За христіанское благочестіе, говоритъ онъ, умирали по временамъ немногіе и даже чрезвычайно малое количество людей, такъ какъ Богъ не допускаетъ, чтобы истребленъ былъ весь христіанскій народъ. Богъ желаетъ, чтобы онъ существовалъ и земля наполнилась этимъ спасительнымъ и благочестивымъ ученіемъ³⁾.

Свое воззваніе къ мученичеству Оригенъ старается подкрѣпить примѣрами, достойными подражанія. Онъ не находитъ ихъ въ современной дѣйствительности и опять таки обращается къ дѣятелямъ давно прошедшихъ временъ. „Восхвалялъ я всѣхъ мертвыхъ, говоритъ Соломонъ, болѣе живыхъ, которые живутъ доселѣ (Еккл. IV, 2)“. Такими мертвыми, достойными просла-

1) Origen. III, 25—26.

2) Hellmanns, p. 20

3) Origen. I, 209.

вленія, были тѣ, которые по собственному желанію приняли смерть за благочестіе. Таковымъ былъ старецъ Елеазаръ, о которомъ повѣствуется во второй книгѣ Маккавейской. Онъ предпочелъ славную смерть опозоренной жизни и оставилъ молодежи добрый примѣръ охотно и доблестно принимать смерть за святые законы. Елеазаръ скончался, оставивъ въ смерти своей не только юношамъ, но и весьма многимъ изъ народа образецъ доблести и памятникъ добродѣтели (II Маккав. VI, 31). Далѣе примѣромъ могутъ служить семь братьевъ Маккавеевъ, которыхъ подвергалъ пыткамъ царь Антіохъ. Разказъ объ этихъ мученикахъ подробно передаетъ Оригенъ и указывая на мать семи мучениковъ, все переносившую въ надеждѣ на Бога, дѣлаетъ отсюда выводъ, что человѣческая слабость находитъ подкрѣпленіе, что всякій христіанинъ можетъ сказать вмѣстѣ съ псалмопѣвцемъ: Господь — сила моя и пѣснь (Псал. 117, 14) и вмѣстѣ съ апостоломъ: все могу въ укрѣпляющемъ меня Исусѣ Христѣ (Филип. IV, 13)¹⁾.

Трактатъ о мученичествѣ Оригенъ писалъ въ Кесаріи Палестинской, въ томъ самомъ городѣ, гдѣ впоследствии жилъ Евсевій, гдѣ напечатъ онъ „древнія“ сказанія, вошедшія частью въ его Исторію, частью въ утраченное сочиненіе. По словамъ Евсевія, Оригенъ отличался исключительнымъ образованіемъ и необыкновеннымъ трудолюбіемъ: онъ производилъ изслѣдованіе Свящ. Писанія съ такимъ тщаніемъ, что даже изучилъ еврейскій языкъ и приобрѣлъ себѣ извѣстныя у іудеевъ подлинныя еврейскія книги, написанныя еврейскими буквами, разыскивалъ и другіе переводы Свящ. Писанія, кромѣ перевода семидесяти, и дѣйстви-тельно ихъ напечатъ. Въ Кесаріи Палестинской Оригенъ написалъ толкованія на Исаію и Іезекиіля; изъ первыхъ дошло до насъ 30 томовъ, сообщаетъ Евсевій, а изъ вторыхъ 25 (Руфинъ перевелъ 30 книгъ). Разыскивая рукописи, Оригенъ долженъ былъ наткнуться и на тѣ сочиненія, которыми черезъ 70—80 лѣтъ послѣ этого пользовался Евсевій. Если бы мы признали вмѣстѣ съ авторитетными современными учеными, что въ 155 (или 165 г.) было написано Смирское письмо о подвигѣ Поликарпа и въ 170 г. отправлено было на Востокъ сообщеніе о лицахъ, пострадавшихъ въ Ливнѣ, мы должны были бы прийти

1) Ibid. I, 19—24.

къ выводу, что ихъ не могъ не знать Оригенъ. Предполагая, что ему извѣстны были рассказы, въ которыхъ прославляются мученики сообразно съ его взглядами, что онъ видѣлъ образы людей, осуществившихъ его идеалы, трудно объяснить, почему онъ все-таки не считъ возможнымъ указать на нихъ. По его мнѣнію не служили примѣромъ ни Поликарпъ, пролившій кровь по Евангелію за грѣхи ближняго, ни Бландина, которую прославилъ Господь, которая претерпѣвала пытки несказанныя, которая распятая на крестѣ наглядно доказывала всѣмъ вѣрующимъ, что всякій пострадавшій за славу Христову имѣетъ вѣчное общеніе съ Богомъ живымъ. Читалъ ли Оригенъ посланія церковей Лионской и Смирнской? Я старался доказать, что онъ не могъ ихъ читать; они были написаны послѣ того, какъ распространились его взгляды на мученичество. Но онъ долженъ былъ имѣть другія свѣдѣнія. Преподаватель христіанскихъ школъ, каковымъ состоялъ Оригенъ, былъ конечно знакомъ съ дѣятельностью епископа Поликарпа, одного изъ немногихъ церковныхъ писателей того времени. А все же онъ не считъ нужнымъ указывать своимъ ученикамъ и своимъ слушателямъ, которыхъ онъ горячо призывалъ къ мученичеству, на обликъ старца, поклевывшаго дни свои на кострѣ. Дѣйствительность такъ блѣдна сравнительно со сценами воображаемыми, самая благородная фигура такъ ничтожна предъ идеаломъ, что молчаніе Оригена вполне понятно.

Между тѣмъ описанія даже древнѣйшихъ мучениковъ (не говоря о другихъ еще болѣе фантастическихъ) вполне гармонируютъ съ настроеніемъ Оригена, съ его апофеозомъ мученичества. Оригенъ говоритъ: мученикъ долженъ переносить отъ враговъ поношенія, издѣвательства, насмѣшки, брань. Попробуйте насколько усилить это требованіе, и вы получите фразу изъ посланія Галльскихъ церковей: они терпѣли всякія поношенія и мученія; мужественно переносили окрики, побои, грабежи, бросаніе камнями; и все, что озвѣрѣвшій народъ любитъ дѣлать съ врагами и непріятелями.

Скорбь за скорбью и надежда за надеждой, пишетъ Оригенъ, кто не будетъ охотно принимать скорбь за скорбью, чтобы вскорѣ послѣ того получить надежду за надеждой, думая вмѣстѣ съ ап. Павломъ, что нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ

въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ (Рим. VIII, 18). А про лѳонскихъ мучениковъ говорится: многое считая ничтожнымъ, они спѣшили къ Христу, въ дѣйствительности показывая, что нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ.

Совпаденіе идеальныхъ требованій Оригена съ разсказами о мученикахъ не случайно и невольно спрашиваетъ себя, соответствуютъ ли эти повѣствованія реальной дѣйствительности или мечтѣ о мученичествѣ? Возвеличеніе человѣка, пострадавшаго за вѣру, вплоть до крайнихъ предѣловъ, до святости стало психологической потребностью христіанской общины. Повсемѣстно распространилось убѣжденіе, что мученикъ попадаетъ въ царство небесное немедленно послѣ своей кончины, что онъ является посредникомъ между человѣчествомъ и Богомъ и предстателемъ у престола Божія. Убѣжденіе вылилось въ опредѣленныя формы послѣ торжества христіанства, когда возникло и было записано громадное большинство мученичествъ. Мартиріемъ стали называть и разсказъ о мученикѣ и церковь въ память мученика. Ему молятся, и совершенно очевидно, что необходимо выдѣлить изъ круга обыкновенныхъ смертныхъ того, кто проливалъ свою кровь и кто приобрѣлъ права заступника. Онъ долженъ неизмѣримо возвышаться надъ уровнемъ грѣшнаго человѣчества и своей безгрѣшностью и своей чудодѣйственной силой. Въ земной жизни мученика происходятъ чудеса, его не трогаетъ огонь и не пожираютъ дикіе звѣри, пытки не уничтожаютъ его тѣла (въ болѣе позднихъ мартиріяхъ самъ мученикъ творить чудеса). Послѣ мученической кончины святой становится источникомъ чудесъ; на его могилѣ происходятъ исцѣленія, и самъ онъ является среди тѣхъ, ради которыхъ пострадалъ.

Для психологіи общества и для происхожденія вѣрованій находимъ мы обильный матеріалъ въ разсказахъ о мученикахъ. Но что даютъ они для фактической исторіи? По нимъ пишется исторія гоненій. Если же мы временно устранимъ повѣствованіе о мученичествахъ, желая провѣрить ихъ по другимъ источникамъ, окажется, что объ эпохѣ гоненій мы знаемъ очень мало. То немногое, что намъ достовѣрно извѣстно, большей частью протворѣчитъ описаніямъ, которыя мы находимъ въ спеціальной литературѣ, называемой мартиріями. Изъ источниковъ языче-

скихъ дошла до насъ только переписка Пливія Младшаго съ Траяномъ. Какъ извѣстно, этотъ императоръ находилъ общее преслѣдованіе христіанъ не нужнымъ и приказалъ ихъ не разыскивать, а наказывать только тѣхъ, на кого поступятъ доносы¹⁾. Въ разсказахъ о мученикахъ мы находимъ другое. При Траянѣ происходило много гоненій, говорится въ мученичествѣ Зосима. По словамъ составителей мученичествъ всякіе императоры, начиная съ середины 1-го вѣка, разсылали указы по всей имперіи, по всѣмъ городамъ и селамъ, требуя, чтобы являлись христіане и приносили жертвы языческимъ богамъ. Такъ поступали Клавдій (въ мученичествѣ Цесарія *κατὰ πάσης τῆς οἰκουμένης διάταξιν ἐξέδωκε*), и Пробъ (въ мученичествѣ Трофима *ἐξῆλθε καθ' ὅλης τῆς οἰκουμένης νόμος*). При Домиціанѣ, проповѣтавшемъ во время апостоловъ, всѣ архонты разослали повсемѣстно соотвѣтствовавшія грамоты и ловили христіанъ (мученичествѣ Антипы). Подобное же распоряженіе сдѣлалъ Максентій (мученичествѣ Екатерины). При Діоклеціанѣ происходило гоненіе по всей вселенной (мученичествѣ Пелагіи), онъ разсылалъ по всему міру указы противъ христіанъ (мученичествѣ Прокпія *ἰδούμα ἐκτίθεται κατὰ πάσης τῆς οἰκουμένης κατὰ τοῦ γένους τῶν χριστιανῶν*). Тоже самое дѣлали Лициній (мученичествѣ Θεодора Стратилата *γραμμὰτα κατὰ πᾶσαν τὴν ὑποτέλη Ῥωμαίους ἐφοίτα*), Максиміанъ (мученичествѣ Аванасія *διατάγματα κατέπεμψε κατὰ πᾶσαν πόλιν καὶ χώραν*) и Максиміанъ вмѣстѣ съ Максиминомъ (мученичествѣ Θεодора Тирона *εἰς πᾶσαν τὴν ὑπ' αὐτῶν βασιλείαν*). Одно царствованіе ничѣмъ не отличается отъ другого, и если вѣрить повѣствованіямъ о мученикахъ Клавдій, Домиціанъ, Траянъ, Децій, Коммодъ, Діоклеціанъ, Валеріанъ, Максиміанъ, всѣ они были одинаковыми тираннами и злодѣями, всѣ, а не только Децій и Валеріанъ держались „политики истребленія христіанъ“. Тѣмъ не менѣе до сихъ поръ пишутъ исторію на основаніи такого паткаго матеріала и въ разсказахъ о мученикахъ находятъ эдикты римскихъ императоровъ²⁾.

1) Иногда, выражалось сомнѣніе въ подлинности переписки Пливія съ Траяномъ. Этотъ вопросъ недавно пересмотрѣлъ Лянкъ и рѣшилъ его въ пользу подлинности, находя, что труднѣе объяснить интерполяціи въ этихъ письмахъ, чѣмъ признать ихъ подлинными. K. Linck. De antiquissimis veterum quae ad Jesum Nazarenum spectant testimoniis, p. 60 (Religionsgeschichtliche Versuche. Bd. XIV. Giessen 1913).

2) Rev. P. Healy. The Valerian persecution, p. 130. London 1905. —

Мученики въ громадномъ большинствѣ ^(не существовавшие) разсказовъ дѣйствуютъ въ легендарной обстановкѣ. Встрѣчаются ^{чужаки и митохондрия} проконсулы провинцій Европы, Пирискъ (мучениръ Евфимій), Сабинъ (мучениръ Гликерій). Не было четвертаго года царствованія Деція (мучениръ Христофора), и этотъ императоръ никогда не посѣщалъ Ефеса (мучениръ Нестора). Наконецъ хронологія мученичества опредѣляется иногда словами „въ то время“ (мученири Варлаама и Автонины). А тотъ фактъ, что въ мучениряхъ упоминаются императоры и города, дѣйствительно существовавшіе, не доказываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ историческими памятниками. Среди французскихъ средневѣковыхъ произведеній, называемыхъ Чудесами Богоматери и написанныхъ въ драматической формѣ, есть чудо, въ которомъ выведены императоръ Траянъ и св. Игнатій, дѣйствительно жившій при Траянѣ. Римскій императоръ говоритъ фразы, позаимствованныя изъ такъ называемыхъ протоколовъ.

Es tu en ce pais venuz
 Pour attraire la gent païenne
 A tenir ta loy crestienne?
 Je te monstreray ta folie.

И далѣе:

Sacrefie à nos diex,
 Et de noz prestres en touz lieux
 Le maître et le prince seras,
 Et avecques moy regneras
 Toute ta viè.

Игнатій отвѣчаетъ фразой, ставшей шаблонной въ греческихъ мучениряхъ: дѣлай, что хочешь (*fay de moy ce que tu voudras*)¹⁾.

Тѣ свѣдѣнія, которыя сообщаютъ намъ христіанскіе писатели, противорѣчатъ повѣствованіямъ о мученикахъ. Въ сочиненіи о падшихъ Кипріанъ Кароагенскій разсказываетъ о нѣкоторыхъ событіяхъ, происходившихъ въ дѣйствительности. Скрываться

J. Gregg. The Decian persecution, p. 84. London 1897. Католическій священникъ Nealy говоритъ въ предисловіи, что политика полнаго истребленія христіанъ (the policy of complete extermination) не вполне была приведена въ исполненіе Деціемъ вслѣдствіе кратковременности его царствованія, но той же политики держался и Валеріанъ.

1) G. Paris et U. Robert. Miracles de Nostre Dame, t. IV, p. 76, 80.

во время гоненія, уклоняться отъ суда и пытки, онъ считаетъ исполнѣ дозволеннымъ. „Попасть въ руки язычниковъ, говоритъ Кипріанъ, и тамъ исповѣдать Господа — это первое побѣдное отличіе; осторожно скрыться, чтобы чрезъ то сохранить себя для Господа — это вторая ступень къ славѣ. Тамъ исповѣданіе всенародное; здѣсь тайное. Тотъ побѣждаетъ судью мірскаго, а этотъ, довольствуясь своимъ судьбою-Богомъ, сохраняетъ совѣсть свою чистою въ непорочности сердца. Тотъ за приближеніемъ своего часа найдетъ уже созрѣвшимъ, а этому, быть можетъ, только отсрочено; оставивши наслѣдственное достояніе, онъ скрылся для того, что не желалъ отречься, и онъ конечно исповѣдалъ бы Христа, если бы былъ схваченъ. Потому-то Господь и заповѣдалъ скрываться и убѣгать во время гоненія; такъ онъ училъ и такъ Самъ поступалъ. Вѣнецъ даруется по Божіему удостоенію и его нельзя получить, пока не наступитъ часъ для принятія его“. Однако паства еп. Кипріана оказалась не на высотѣ призванія и ему пришлось написать слѣдующія горькія слова: „Не слѣдуетъ, возлюбленнѣйшіе братья, скрывать истины, не слѣдуетъ умалчивать о поводѣ и причинѣ нашего пораженія. Многихъ обманула слѣпая любовь къ наслѣдственному ихъ достоянію; не были готовы и не могли отступить тѣ, которыхъ связывали ихъ богатства. Это для остающихся были узы, это были цѣпи, которыя задержали ихъ доблесть, подазили вѣру, побѣдили умъ, оковали душу и привязанные къ земному содѣлались добычей и пищей змія, пожирающаго землю по Божьему приговору“. Кипріанъ въ сильныхъ выраженіяхъ уличаетъ своихъ современниковъ: „Всѣ заботились о приумноженіи наслѣдственнаго своего достоянія и забывъ о томъ, какъ поступали вѣрующіе при апостолахъ и какъ всегда поступать должны, съ ненасытнымъ желаніемъ устремились къ увеличенію своего имущества. Не замѣтно стало въ священникахъ искренняго благочестія, въ служителяхъ — чистой вѣры, въ дѣлахъ — милосердія, въ нравахъ — благочинія. Заключаютъ супружескіе союзы съ невѣрными; члены Христовы предлагаютъ язычникамъ. Съ гордою надменностью презираютъ предстоятелей церкви, ядовитыми устами клеветуютъ другъ на друга, упорною ненавистью производятъ взаимные раздоры. Весьма многіе епископы, которые должны увѣщевать другихъ и быть для нихъ примѣромъ, переставъ забо-

308

тяться о божественномъ, стали заботиться о мірскомъ. Оставивши кафедру, покинувши народъ, они скитаются по чужимъ областямъ, стараясь не пропустить торговыхъ дней для корыстныхъ прибылей и, когда братья въ церкви голодаютъ, они, увлекаемые любостыжаніемъ, коварно завладѣваютъ братскими доходами и, давая займы, увеличиваютъ свои барыши. При первыхъ словахъ угрожающаго врага большое число братьевъ продало свою вѣру и, не бывъ опрокинуто бурю гоненія, само себя низвергло добровольнымъ паденіемъ¹⁾. Изъ словъ Кипріяна не слѣдуетъ дѣлать обобщающаго вывода, они относятся только къ Африкѣ и только къ его времени. Тѣмъ не менѣе та частная картина, которую онъ намъ рисуетъ, совсѣмъ не похожа на общую картину, которую можно вывести изъ повѣствованій о многочисленныхъ мученикахъ.

Даже реальное существованіе множества мучениковъ ни чѣмъ не можетъ быть доказано. Они составляютъ предметъ вѣры, а не знанія. Свѣдѣнія о мученикахъ мы почерпаемъ почти исключительно изъ рассказовъ о ихъ подвигахъ. Въ своей церковной исторіи Евсевій (не считая ліонскихъ и палестинскихъ мучениковъ) упоминаетъ о 55 мученикахъ. Это какъ разъ такія лица, о которыхъ нѣтъ мартиріевъ. Ничего не извѣстно намъ, кромѣ указанія Евсевія, объ аеинскихъ епископахъ Публии и Кодратъ, о Плутархѣ, Серенѣ, Ираклидѣ, Иронѣ, Ираидѣ, Василидѣ, Потаміанѣ, пострадавшихъ въ царствованіе Коммода, о воинахъ Аммоніи, Зенонѣ, Птоломеѣ, Ингенісѣ, Теофилѣ, преданныхъ смертной казни въ Александріи. Изъ всѣхъ мучениковъ, о которыхъ говоритъ Евсевій, одинъ только Поликарпъ извѣстенъ намъ по другимъ источникамъ и объ одномъ только Аполлоніи сохранились мартиріи на латинскомъ и армянскомъ языкахъ. Самое существованіе того или иного мученика удостовѣряется повѣствованіемъ о совершенномъ имъ подвигѣ. Когда болландистамъ нужно отстоять во чтобы то ни стало реальное существованіе святого, они прибѣгаютъ къ традиціи. Разбирая легенды о Георгіи Побѣдоносцѣ, о Дельгѣ говоритъ, что древнѣйшій дошедшій до насъ рассказъ наполненъ велѣпостями. Тѣмъ не

1) Творенія Кипріяна Карфагенскаго (2 изд), ч. II, стр. 149—152. Киевъ 1891. Ср. J. Ernst. Der Begriff vom Martyrium bei Cyprian (Historisches Jahrbuch Bd. 34, p. 328—353).

менѣе онъ приводитъ доводы въ пользу историчности св. Георгія. „Если бы, пишетъ Дельга¹⁾, мы почерпали свѣдѣнія о св. Георгіи только изъ разсказовъ агіографовъ, великій мученикъ греческой церкви долженъ былъ бы перестать быть для насъ историческимъ лицомъ. Но для того, чтобы установить его существованіе съ большой вѣроятностью, можно привести въ доказательство традиціонный культъ, восходящій къ той эпохѣ, когда вообще не достаточно было обыкновенной легенды, чтобы соорудить святилище. Хотя документы не позволяютъ намъ дойти до основанія храма въ Лиддѣ, онъ такъ быстро сдѣлался знаменитымъ, что по всей вѣроятности онъ былъ воздвигнутъ на могилѣ мѣстнаго мученика, акты котораго никогда не были написаны или быстро были позабыты“. Вотъ цѣлый рядъ самыхъ произвольныхъ предположеній. Древнѣйшее указаніе на почитаніе св. Георгія въ Лиддѣ (Діосполѣ), это сообщеніе паломника VII вѣка Θεодосія: „отъ Эммауса 12 миль до Діосполя, гдѣ претерпѣлъ мученичество св. Георгій; тамъ покоится тѣло его и совершается много чудесъ“. „Безъ текстовъ, свидѣтельствующихъ о древности культа св. Меркурія, говоритъ о Дельга, мы не имѣли бы объ этомъ мученикѣ никакихъ историческихъ данныхъ“. Древнѣйшее свѣдѣніе о почитаніи св. Меркурія въ Кесаріи Каппадокійской сообщаетъ тотъ же паломникъ Θεодосій. Можно ли утверждать, что въ эту эпоху недостаточно было легенды для созданія церкви? Реальное существованіе св. Мокія и св. Акакія доказывается тѣмъ, что въ Константинополѣ были построены древніе храмы ихъ имени²⁾. Высказано было предположеніе, что Варлаамъ, пострадавшій въ Антиохіи, лицо легендарное. По однимъ разсказамъ его казнили въ Кесаріи Каппадокійской, по другимъ въ Антиохіи, въ Едессѣ же въ 411 г. построили церковь въ память св. Варлаама, считая, что тамъ лежитъ его тѣло. Антиохійскій мученикъ Варлаамъ, грузинскій святой того же имени, извѣстный герой романа (о Варлаамѣ и Іоасафатѣ) одно и то же лицо. О Дельга доказываетъ, что грузинскій святой личность историческая и между антиохійскимъ мученикомъ и героемъ романа нѣтъ ничего общаго, кромѣ имени. Но въ концѣ концовъ онъ долженъ

1) H. Delhaye. Les légendes grecques des saints militaires, p. 55, 70, 47, 100, 91.

2) Analect. Bolland. XXXI, 227.

опираться въ своихъ выводахъ на документы далеко не историческіе, на проповѣди Іоанна Златоуста 5-го вѣка и проповѣди Севера 6-го вѣка. „Мы не станемъ доказывать, говорить о Дельгэ, что мартирій Варлаама историческій документъ. Въ немъ нѣтъ никакихъ признаковъ очевидца или лица хорошо освѣдомленнаго. Авторъ знаетъ, что св. Варлаамъ пострадалъ въ Антиохіи, но ему неизвѣстны имена судьи и императора. Судебный допросъ онъ замѣняетъ длиннымъ діалогомъ между мученикомъ и преслѣдователемъ, совершенно не соответствующимъ подлиннымъ актамъ и изобилующимъ общими мѣстами“. Мученичество подходитъ всего больше къ проповѣди Севера и традиція восходитъ по крайней мѣрѣ къ 6-му вѣку¹⁾. Ученые, которые считаютъ Варлаама личностью легендарной, найдутъ въ разсужденіи о Дельгэ больше доводовъ въ свою пользу, чѣмъ противъ себя.

Ипполитъ Римскій, для котораго близокъ конецъ міра, рисуетъ фантастическую картину современности, въ которой апокалипсическія черты смѣшиваются съ нѣсколькими реальными штрихами. Толкуя въ сочиненіи объ Антихристѣ видѣніе Навуходоносора, именно истукана, состоявшаго изъ разныхъ металловъ (Даніил. II, 31—33), онъ объясняетъ, что смѣна царствовавшихъ народовъ произошла (авилоняне, персы, греки), что наступило послѣднее человѣческое царство римлянъ (послѣ котораго явится царство антихриста); они символизируются желѣзными голеними въ истуканѣ Навуходоносора и сопоставляются съ четвертымъ звѣремъ, страшнымъ и ужаснымъ видѣніемъ Давіила (тѣ же звѣри въ Апокалипсисѣ гл. 13). У этого звѣря большіе желѣзные зубы, онъ пожираетъ и сокрушаетъ, остатки же попираетъ ногами (Даніил. VII, 7). „Вотъ теперь царитъ желѣзо, говоритъ Ипполитъ, все сокрушаетъ и раздробляетъ. Насъ надвѣющихъ на Сына Божія гонятъ невѣрные и злые люди. Церкви это суда, которыя треплетъ буря, но которыя не могутъ погибнуть, имѣя кормчимъ Христа²⁾. Для избавленія отъ земныхъ бѣдъ можно надѣяться только на второе пришествіе Спасителя. Антихристъ убьетъ обоихъ мучениковъ и предтечъ Христа, предвѣщающихъ славное пришествіе

1) Anal. Boll. XXII, 129—138.

2) De Antichr. (ed. Achelis) p. 19, 21, 39.

Его съ небесъ, какъ говоритъ Онъ чрезъ пророка: и дамъ двумъ свидѣтелямъ (мученикамъ) Моимъ, и они будутъ пророчествовать 1260 дней, будучи облечены во вретнице (Апок. XI, 3). И Даниилу Онъ сказалъ: И утвердить завѣтъ для многихъ одна седмица, а въ половинѣ седмины прекратится жертва и приношеніе (Даніил. IX, 27). Этимъ показано что недѣля раздѣлена на двѣ части, оба свидѣтеля (Энохъ и Илія) будутъ проповѣдовать $3\frac{1}{2}$ года, а другіе $3\frac{1}{2}$ года антихристъ будетъ преслѣдовать святыхъ и опустошать міръ, дабы исполнилось предсказаніе: съ установленія мерзости запустѣнія пройдетъ 1290 дней, блаженъ, кто ожидаетъ Христа и достигаетъ 1335 дней (Даніил. XII, 11). Тогда наступитъ время тяжкое, какого не было съ сотворенія міра (Даніил. XII, 1), будутъ посылаться люди въ разныя мѣста по всѣмъ городамъ и селеніямъ, чтобы убивать вѣрныхъ, и іудеи будутъ радоваться ихъ гибели и язычники будутъ ликовать, святые же побѣгутъ отъ преслѣдованія съ запада на востокъ, а другіе съ востока на югъ, нѣкоторые будутъ скрываться въ горахъ и пещерахъ, повсюду будетъ преслѣдовать ихъ мерзость, уничтожать ихъ на морѣ и на сушѣ, всячески истребляя и „никому нельзя будетъ ни покупать, ни продавать, кромѣ того, кто имѣетъ это начертаніе или имя звѣря (Апок. XIII, 17)“. Ибо всѣхъ вѣрныхъ прогонять тогда изъ всѣхъ мѣстъ, ихъ вырвутъ изъ ихъ домовъ и выгонять изъ ихъ городовъ, ихъ повлекутъ въ тюрьмы и будутъ мучать всякими мученіями и изгонять со всего міра. Слѣдуетъ предвидѣть имѣющія тогда быть скорбь и бѣдствія святыхъ — ибо по частично съ нами случившемуся мы должны представлять себѣ будущее — во всемъ мірѣ наступитъ великая буря и смятеніе, всѣхъ вѣрныхъ будутъ повсюду убивать и въ каждомъ городѣ и селеніи рѣзать, кровь праведниковъ будетъ проливаться, будутъ жечь живыхъ людей, будутъ отдавать ихъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ, дѣтей будутъ умерщвлять на улицахъ, и трупы ихъ, брошенные безъ погребенія, будутъ поѣдать собаки, дѣвицы будутъ открыто растлѣвать и надъ женщинами гнусно ругаться, могилы святыхъ будутъ разрывать, остатки ихъ выбрасывать и совершать богохульства. Смятеніе будетъ тогда въ городахъ, потому что святыхъ будутъ гнать оттуда; смятеніе будетъ на дорогахъ и въ пустыняхъ, такъ какъ всѣ захотятъ тамъ скрываться; смятеніе будетъ на морѣ, ибо всѣ

будуть пытаться спастись водою; смятеніе будетъ на островахъ, гдѣ всѣхъ будутъ разыскивать. И станетъ тогда земля для святыхъ бесплодной, всѣ города необитаемыми, море недоступнымъ для плаванія и весь міръ опустѣлымъ. Тогда раздадутся стоны младенцевъ, вопли отцовъ и матерей, стenanія женщинъ и дѣвицъ, рыданія братьевъ и родственниковъ. Кто кого будетъ тогда оплакивать? Не братъ брата, ибо самъ онъ ждетъ смерти; не мать дочь, ибо и она имѣетъ передъ глазами смерть; не сына отецъ, который и самъ опасается, какъ бы его не убили. Діаволь получилъ на короткое время власть привести землю въ смятеніе, какъ написано: Богъ далъ ему власть искупать живущихъ на землѣ (Апок. XIII, 5. III, 10), но въ гораздо большее смятеніе приведетъ міръ Сынъ Божій, которому „дана всякая власть на небѣ и на землѣ“ (Матѣ. XXVIII, 18) въ отомщеніе святыхъ, когда Онъ придетъ во славу Отца Своего съ ангелами своими, „когда Онъ придетъ прославиться во святыхъ Своихъ и явится дивнымъ во всѣхъ вѣровавшихъ“ (II Фессал. I, 10), призывающихъ Его „оскорбляющимъ насъ воздать скорбью, намъ же оскорбляемымъ дать успокоеніе“ (II Фессал. I, 6)¹).

По собственному признанію автора здѣсь преувеличены тѣ факты, которые въ дѣйствительности имѣли мѣсто въ началѣ III вѣка. Очень любопытно, что сгущенными красками Ипполита воспользовались составители мартиріевъ. Можно было бы привести мѣста буквально совпадающія. Преувеличенія принимаютъ такіе размѣры, что идутъ совершенно въ разрѣзъ съ исторической правдой. Никогда не рѣзали христіанъ сразу во всѣхъ городахъ и селеніяхъ, какъ это чудится воображенію Ипполита²). Но такое повсемѣстное міровое гоненіе описывается во многихъ повѣствованіяхъ о мученикахъ. Если бы хоть разъ произошло такое вселенское гоненіе, оно было бы отмѣчено языческими историками (Діономъ Кассіемъ напр.), и церковь христіанская не могла бы развиваться и спокойно расширять свою іерархію, разрабатывать свои правила и бороться съ еретиками.

Страшныя сцены описалъ и Евсевій Кесарійскій, когда гоне-

1) Hippol. (ed. Bonwetsch), I, 314—322. Ср. K. Neumann. Hippolytus von Rom, p. 33—43.

2) Ср. Bonwetsch. Studien zu den Kommentar. Hippolyts p. 72 (Texte und Untersuchungen, Bd. XVI).

нія навсегда прекратились и когда онъ о нихъ вспоминалъ въ старческомъ возрастѣ. Мы знаемъ, говоритъ Евсеvій, мучениковъ, просiавшихъ въ Палестинѣ, знаемъ и подвизавшихся въ Тирѣ финикiйскомъ. Видя ихъ, кто не изумился бы безчисленному количеству бичей и твердости по истивѣ поразительныхъ поборниковъ богопочтенiя, слѣдовавшей сейчасъ же за бичеванiемъ борьбѣ съ пожирающими людей звѣрями, вападенiямъ пантеръ, всякихъ медвѣдей, кабановъ, быковъ разъяренныхъ огнемъ и желѣзомъ и удивительной выдержкѣ, проявленной этими героями по отношенiю къ звѣрямъ. Мы сами присутствовали при томъ, когда въ мученикахъ открывала себя божественная сила Спасителя нашего Иисуса Христа, о которомъ они свидѣтельствовали. Звѣри не трогали ни одного изъ этихъ священныхъ борцовъ, хотя они стояли обнаженные, махали руками и возбуждали ихъ противъ себя (ибо имъ приказано было это дѣлать), если же иногда и устремлялись на нихъ, тотчасъ же возвращались назадъ, какъ бы удерживаемые божественною силою. Это долго продолжалось и зрителямъ казалось не малымъ чудомъ, тѣмъ болѣе, что, когда первый звѣрь ничего не дѣлалъ, выпускали второго и третьяго на одного и того же мученика. Надо было удивляться неослабному мужеству святыхъ и непоколебимой твердости, оживлявшей юныя сердца ихъ. Ты увидѣлъ бы юношу, которому не было еще 20 лѣтъ, стоявшаго безъ оковъ и распростершаго крестообразно руки. Онъ усердно молился Богу и не уклонился въ сторону отъ того мѣста, гдѣ находился, въ то время какъ медвѣди и пантеры, дыша яростiю и смертью, почти касались его тѣла, но божественная и неизреченная сила закрывала имъ пасть, и они тотчасъ уходили назадъ. Разъяренный быкъ поднималъ на рога, терзалъ и оставлялъ полумертвыми язычниковъ, его раздражавшихъ, а къ священнымъ мученикамъ не въ состоянiи былъ даже приблизиться“. Еще большими преувеличенiями отличается рассказъ о христiанахъ, пострадавшихъ въ Египтѣ, о которыхъ Евсеvій знаетъ только по наслышкѣ. Тамъ тысяча людей, мужья вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, презрѣвъ кратковременную жизнь, за ученiе Спасителя нашего претерпѣли различныя роды смерти. Одни послѣ строганiя, колесованiя, тяжкаго бичеванiя, послѣ безчисленныхъ другихъ пытокъ, о которыхъ страшно слышать, предавались огню,

другіе поглощались моремъ. Были мученики, которыхъ распинали, или какъ обыкновенно распинаютъ злодѣевъ; или еще хуже пригвождали ихъ головою внизъ и оставляли въ живыхъ, пока па своихъ висѣлицахъ они не погибали отъ голода“. Въ Эивайдѣ, по словамъ Евсевія, происходило нѣчто чудовищное. „Самымъ безчеловѣчнымъ пыткамъ подвергали христіанъ не нѣсколько дней, а въ теченіе цѣлыхъ годовъ. Въ одинъ день убивали иногда больше 10 человѣкъ, иногда за 20, иногда до 60, а иногда и до 100 мужей съ женами и младенцами“¹⁾. Невольно спрашиваешь себя, сколько же было христіанъ въ Эивайдѣ, если такое избіеніе могло продолжаться годами? Очевидно, что христіанское населеніе въ этой части Африки держалось совсѣмъ другихъ правилъ, чѣмъ паства Кипріана Карфагенскаго. Тысячи людей добровольно подставляли голову палачамъ. И этому должны мы вѣрить и тому, что христіане спасались бѣгствомъ, скрывались въ пещерахъ, и города и селенія пустѣли.

Фантастическія описанія такъ легко выливались изъ подъ пера современниковъ и очевидцевъ, и не удивительно, что легенда, передаваясь отъ одного къ другому, росла, ширилась, принимала чудовищные размѣры. Сравненіе ясно указываетъ, къ какому роду литературы принадлежатъ повѣствованія о мученикахъ. Положите мартиріи рядомъ съ историками, съ Іосифомъ Флавіемъ, Діономъ Кассіемъ, Зосимомъ; вы не найдете въ нихъ ничего общаго ни въ содержаніи, ни въ отдѣльныхъ фразахъ. Возьмите апокрифы, сказки, романы, вы сейчасъ же увидите одинаковые источники и сходныя выраженія.

Однимъ изъ источниковъ, вдохновлявшихъ авторовъ мученичества, служили библейскія сказанія. Царь Антиохъ и Навуходоносоръ представляли хорошіе модели, съ нихъ писали портреты римскихъ императоровъ Діоклеціана, Деція, Валеріана. „У кого находили книгу завѣта и кто держался закона, того по повелѣнію царя Антиоха предавали смерти. По данному повелѣнію они убивали женъ, обрѣзавшихъ дѣтей своихъ, а младенцевъ вѣшали за шеи, дома ихъ расхищали и совершавшихъ надъ ними обрѣзаніе убивали. Но многіе въ Израилѣ остались твердыми и предпочли умереть и умирали“ (I Маккав. I 57—68). Вотъ ветхозавѣтное гоненіе, очень похожее на рассказъ Евсевія.

1) Н. Е. VIII, 7—9 (ed. Schwartz II, 752—756).

Образцомъ служило также слѣдующее сказаніе о Навуходоносорѣ. „Царь Навуходоносоръ сдѣлалъ золотой истуканъ, поставилъ его въ области Вавилонской и послалъ собрать сатраповъ, намѣстниковъ, воеводъ, верховныхъ судей, казнохранителей, законовѣдцевъ и всѣхъ областныхъ правителей, чтобы они пришли на торжественное открытіе истукана, который поставилъ царь Навуходоносоръ. И собрались сатрапы, намѣстники, военачальники и стали предъ истуканомъ, который воздвигъ Навуходоносоръ. Тогда глашатай громко воскликнулъ: объявляется вамъ, народы, племена и языки, падите и поклонитесь золотому истукану, который поставилъ царь Навуходоносоръ, а кто не падетъ и не поклонится, тотчасъ брошенъ будетъ въ печь, раскаленную огнемъ (Даніил. III, 1—6). Разсказъ этотъ можно было прочесть цѣликомъ въ толкованіяхъ Ипполита Римскаго на книгу Даніила¹⁾, и ссылаясь на него Оригенъ писалъ въ своемъ воззваніи къ мученичеству: „Не только въ древности поставилъ золотое изображеніе Навуходоносоръ и не тогда только грозилъ Ананій, Азарія и Мисаилу бросить ихъ въ печь огненную, если они ему не поклонятся, но и теперь Навуходоносоръ говоритъ намъ тоже самое“²⁾. Навуходоносоръ оставалось прозвищемъ злодѣя до послѣднихъ дней Византіи, и историкъ Дука, описывая осаду Константинополя въ 1453 г., называетъ турецкаго султана тиранномъ и Навуходоносоромъ³⁾. Объ императорскихъ повелѣніяхъ, похожихъ на Навуходоносорово, говорится во многихъ мартиріяхъ, требованіе всѣмъ христіанамъ явиться въ храмъ и поклониться идоламъ часто повторяется. Въ разсказѣ о мученицѣ Екатерицѣ сказано, что нечестивый императоръ Максентій приказалъ глашатаю кричать, чтобы всѣ собирались въ храмъ идоловъ.

Когда читаешь греческую беллетристику, невольно приходятъ на память повѣствованія о мученикахъ. Въ романѣ Элюдора описаны страданія невинной Хариклеи, обвиненной въ стравленіи кормилицы Арсаки. Судьи приговорили ее къ сожженію живой (*πυρί κατακαυθήναι*). Тотчасъ же схватили ее палачи и повели за городъ, глашатай все время провозглашалъ

1) Hippol. I, 70.

2) Origen. I, 28.

3) Ducae historia (ed. Bonn.) p. 252, 262, 263, 269.

(*κλήρονος ἐκβοώντος*), что ее ведутъ на костеръ за отравленіе, и большая толпа горожанъ сопровождала ихъ. Когда палачи разложили очень большой костеръ и зажгли свѣтлое пламя, они хотѣли повлечь туда Хариклею, но она попросила дать ей минуту (*μικρόν ἐνδοθήναι αὐτῇ*), обѣщая добровольно войти на костеръ. Поднявъ руки къ небу, она сказала: Солнце, земля и демоны, на землѣ и подъ землей наблюдающіе за людьми нечестивыми и имъ отомщающіе, вы свидѣтели того, что я чиста во вводимыхъ на меня обвиненіяхъ, примите благосклонно меня, идущую добровольно на смерть, а нечестивой Арсакъ отомстите какъ можно скорѣе. Она вошла на костеръ въ самую средину. Долго стояла она нетронутой, такъ какъ пламя скорѣе обтекало (*περιρρέοντος*) ее, чѣмъ подходило къ ней, и нисколько ей не вредило; въ какую бы сторону ни направлялась Хариклея, пламя предъ ней отступало и только освѣщало ея красоту. „Палачи подкладывали бревна (*ξύλα ἐπιφορτίζοντες*) и тростникъ и всячески раздували пламя. Народъ все больше и больше волновался и, усматривая божію помощь, кричалъ: эта женщина чиста, она невиновна. Сама Хариклея была убѣждена, что ей покровительствоваали боги“¹⁾. Вспомнимъ древнѣйшій мартирій Поликарпа. Когда пришли его схватить, онъ просилъ дать ему помолиться, и затѣмъ, когда уже приступили къ казни, палачи подожгли костеръ только послѣ того, какъ выслушали его молитву. Добровольно входитъ Поликарпъ на костеръ и — что самое важное — пламя, его не касаясь, кругомъ обложило (*κύκλω περιετείχισεν*).

Интересныя совпаденія находимъ мы и въ романѣ Харитона. Херея подвергалъ истязаніямъ слуганокъ, чтобы выпытать изъ нихъ правду; подъ пыткой рабъ Поликарпа разсказалъ, гдѣ онъ. Подвѣвъ глаза къ небу (*ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανόν*) и протянувъ руки, Херея сказалъ. Поднявъ глаза къ небу (*ἀναβλέψας εἰς τὸν οὐρανόν*), Поликарпъ сказалъ. Толпа говоритъ Херею: бодрись и говори²⁾. Поликарпъ слышалъ голосъ: крѣпись и мужайся.

Въ древнѣйшемъ мартиріи мученикъ Поликарпъ называется блаженнымъ. Названіе это было извѣстно эллинамъ въ глубокой древности. Одиссей говоритъ, что умершій Ахиллесъ самый бла-

1) *Scriptores erotici (ed. Didot), p. 363—364.*

2) *Script. erotic. (ed. Didot) p. 419, 442, 444.*

женный изъ всѣхъ людей прежде бывшихъ, теперь же онъ властвуетъ надъ мертвыми и не долженъ огорчаться своей смертью¹⁾. Платонъ, Еврипидъ и другіе прилагаютъ эпитетъ „блаженный“ къ людямъ, умершимъ за достойное дѣло. Въ одномъ Еврипидовскомъ фрагментѣ говорится: блаженъ, кто обладая разумомъ почитаетъ бога и приноситъ ему великую пользу²⁾.

А вотъ какъ хоронили Гектора:

Бѣлыя кости героя собрали и братья и други,

Прахъ драгоценный собравши, въ ковчегъ золотой положили (Иліада, XXIV, 793)³⁾. Въ посланіи Смирнской церкви сказано: мы потомъ собрали его кости, драгоценнѣе дорогихъ камней, и положили ихъ, гдѣ подобало⁴⁾. Между Иліадою и мартиріями можно найти и другія точки соприкосновенія. По приказанію Зевса Аполлонъ выноситъ изъ битвы тѣло Сарпедона; чудеснымъ образомъ находятъ тѣла мучениковъ, напр. семи дѣвицъ

Рекъ громовержецъ, и не былъ отцу Аполлонъ непокоренъ;

Быстро съ Идейскихъ вершинъ низлетѣлъ на ратное поле.

Тамъ изъ подъ стрѣлъ Сарпедона, подобнаго богу, похитилъ;

Вдаль перенёсши къ потоку, водою омылъ свѣтлоструйной,

Миромъ его умастилъ, одѣялъ одеждой безсмертной.

(Иліада XVI, 676—680)⁵⁾.

1) Од. XI, 482 *ὁ δὲ τις ἀνὴρ προπάρουθε μακάτερος*. Выраженіе это въ переводѣ Жуковского исчезло: Ты же

Между людьми и минувшихъ временъ и грядущихъ былъ счастьемъ

Первый: живого тебя мы какъ Бога бессмертнаго чтили;

Здѣсь же надъ мертвыми царствуя, столь же великъ ты, какъ въ жизни Нѣкогда былъ; но ропщи же на смерть, Ахиллесъ богоправный.

2) G. Dirichlet. De veterum macarismis, p. 39—41, 53, 61 (Religionsgesch. Versuche, Bd. 14). Giessen 1914.

3) *αὐτὰρ ἔπειτα*

*δοτέα λευκὰ λέγοντο κασιγνητοὶ θ' ἑταροὶ τε
μυρόμενοι.*

καὶ τὰ γε χρυσείην ἐς λάρνακα θήσαν ἔλόντες.

4) Ep. Smyrn. p. 9, 18. *ἡμεῖς ὕστερον ἀνελόμενοι τὰ τιμιώτερα λίθων πολυτελέων δαστὰ αὐτοῦ ἀπεθέμεθα ὕπον καὶ ἀκόλουθον ἦν.*

Cp. Acta Christophori λαβὼν τὸ τοῦ ὄχλου σῶμα καὶ ἐν ὄθουλοις καὶ μὴ ελλήσας προσεκόμισεν τῇ πόλει αὐτοῦ (Anal Boll, I, 147). Acta Nerei, cap. 25 *τίμα λείψανα Καισάριος ἐν λάρνακι καινῇ σμυρνήσους ἐπὶ γῆν κατέθετο.*

5) *ὡς ἔφατ', οὐδ' ἄρα πατρὸς ἀνηκούσθησεν Ἀπόλλων.*

βῆ δὲ κατ' Ἰδαίων ὄρεων ἐς φύλοπιν ἀλὴν.

αὐτίκα δ' ἐκ βελέων Σαρπηδόνα διον αἰείρας.

πολλὸν ὀπισθε φέρων, λούσεν ποταμοῖο ῥοῆσιν

χρῖσεν τ' ἀμβροσίῃ, περὶ δ' ἀμβροτα εἶματα ἔσεν.

Когда тѣла семи дѣвъ бросили въ озеро, одна изъ нихъ, именно Текуса явилась Θεодоту и сказала ему: не давай тѣламъ нашимъ сдѣлаться пищею рыбъ. Θεодотъ отправился на поиски, ему явились два мужа въ свѣтлыхъ одеждахъ и сказали: держай, Θεодотъ, мы посланы Христомъ помогать тебѣ. Поднялся сильный вѣтеръ, вода отхлынула на берега, дно оказалось сухимъ, Θεодотъ съ товарищами подняли тѣла лежавшихъ тамъ мученицъ и похоронили ихъ. На слѣдующій день всѣ въ городѣ говорили о похищеніи тѣлъ¹⁾.

Повѣствованія о мученикахъ Евсевій называетъ отдѣльными рассказами (*μερική διηγήσεις*), которые онъ старался объединить въ общую исторію. Происхождение этой литературной формы найдемъ мы въ эллинской древности. Филологъ конца 2-го вѣка до Р. Х. Асклепιάδης Мирлейскій, какъ на это указалъ Рейценштейнъ, дѣлитъ правдивыя историческія сочиненія на три категоріи; первая изъ нихъ касается личности боговъ, героевъ и знаменитыхъ мужей²⁾. Но въ то же время можно найти сходство между сказаніями о мученикахъ и древнегреческой трагедіей. Въ эллинской драмѣ дѣйствіе развивается въ видѣ діалога и изрѣдка главное дѣйствующее лицо произноситъ монологъ. Въ мартиріи интересъ сосредоточивается на разговорѣ между судьей и мученикомъ. Такой діалогъ не рѣдко повторяется по нѣсколько разъ. Монологу соответствуетъ молитва. Когда герой греческой драмы остается на сценѣ одинъ, онъ обращается съ молитвой къ богамъ. Вотъ напр. монологъ Аянта.

Къ тебѣ, о Зевсъ — такъ долгъ вѣдѣть — я съ первой
Молитвой обращусь, простой и скромной:
Пусть о моей кончинѣ вѣсть лихую
Узнаетъ Тевкръ; пусть первый онъ меня
Съ меча подниметъ средь горячей крови.
Не дай, чтобъ врагъ меня, увидѣвъ раньше,
Добычей бросилъ воронамъ и псамъ.
Вотъ вся моя къ тебѣ молитва, Зевсъ³⁾.

1) Acta Sanct. Maii IV, 149.

2) R. Reitzenstein. Hellenistische Wundererzählungen, p. 90.

3) Софокль (перев. О. Эшлинскяго, изд. Сабашникова), т. I, стр. 95—96.

Проф. Эшлинскій въ своемъ переводѣ употребляетъ иногда выраженія,

Электра произноситъ два монолога. Въ первомъ она говоритъ (стр. 110—120):

О чертогъ Персефоны, Аидова сѣнь,
 О подземный Гермесъ и проклятiя духъ,
 О святiя Эрнiи, дщери боговъ!
 Вы, что видите жертвы безбожныхъ убiйствъ,
 Вы, что видите ложа растлѣнныя во тьмѣ,
 Помогите, явитесь, отомстите врагамъ,
 За страдальца отца нечестивую казнь!

Во второмъ она молится такъ (ст. 1375—1382):

Услышь мольбу ихъ, Аполлонъ властитель,
 Услышь и мой молитвенный призывъ!
 Тебѣ не разъ усердною рукою
 Даровъ посильныхъ долю я несла,
 Тебя и нынѣ съ почестiю посильной •
 Прошу, молю и заклинаю я,
 О Аполлонъ Ликейскiй! Въ дѣлѣ нашемъ
 Яви намъ помощь милостiю своею!
 Пусть знаютъ люди, какова награда
 Нечестiю (*της δυσσεβειας*) отъ праведныхъ боговъ!¹⁾

Еврипидъ постоянно помѣщаетъ молитву въ концѣ акта. Монологи встрѣчаются не только въ драмѣ, по силосъ и рядомъ въ греческомъ романѣ²⁾.

Связь между драмой и повѣствованiемъ о мученичествѣ не должна насъ поражать. Новѣйшiй изслѣдователь находитъ на-

которыя могутъ ввести въ заблужденiе читателя, не имѣющаго возможности справиться съ греческимъ текстомъ. Электра говоритъ сестрѣ:

Милая ужели увидишь ты,
 Какой вѣнецъ нетлѣнный
 Себѣ и мнѣ ты подвигомъ своимъ
 Добудешь?

Вѣнецъ нетлѣнный выраженiе постоянно повторяющееся у отцовъ церкви и въ мартирiяхъ, однако ни существительнаго „вѣнецъ“ ни прилагательнаго „нетлѣнный“ у Софокла нѣтъ. Подлинная Электра даже о подвигѣ не говоритъ, а просто спрашиваетъ сестру (ст. 969—970): развѣ ты не видишь, какую славу (*εὐχλειαν*) ты доставишь себѣ и мнѣ, если послушаешься меня (*πεισθήσῃς μοι*)?

1) Тамъ же, стр. 336, 396.

2) F. Leo. Der Monolog im Drama, p. 12—13, 29, III (Abh. d. Gesellsch. d. Wissensch. zu Göttingen. N. F. Bd. X. 1908).